

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 11, №3 2025

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190-2025-11-3

Выпуск 11, № 3, 2025

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Викуллова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартровский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Лагута Нина Владимировна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190-2025-11-3

Volume 11, Issue 3, 2025

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina V. Laguta PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Datong University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Анисимов Владислав Евгеньевич**Московский государственный институт международных отношений (университет)****Министерства иностранных дел Российской Федерации****г. Москва, Российская Федерация**

anisimov.vladislav.95@mail.ru

Иерархия взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем (на материале французского кинодискурса)

Аннотация

Статья ставит целью выявление этапов взаимодействия зрителя с единицами французского кинодискурса и установление иерархии данных единиц с позиции их взаимодействия со зрителем кинофильма. Материалом исследования послужили современные французские кинофильмы периода 2000–2024 гг. и их кинозаголовки, синопсисы, слоганы, постеры и трейлеры, а также единицы полидискурсивного характера – субвидеа «шортс», кинорецензии, обзоры кинофильмов, интервью актёров и создателей кинофильма, комментарии интернет-пользователей, фан-сообщества и фанфики, произведения художественной литературы и видеоигры по мотивам рассмотренных кинофильмов. Материал был отобран методом сплошной выборки и обработан с применением методов семантического анализа, контент- и дискурс-анализа, общетеоретического метода обобщения. В результате проведённого исследования выявлены три этапа взаимодействия зрителя с единицами кинодискурса: предпросмотровый, просмотровый и послепросмотровый. Установлена линейная иерархия взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем в рамках каждого из выделенных этапов. Рекламными элементами первого уровня предпросмотрового этапа являются трейлер, постер и шортс; второго этапа – кинозаголовки и слоган кинофильма; третьего – синопсис кинофильма и, в случае если зритель ещё не перешёл к просмотру кинофильма, обзор, кинорецензия, отзывы интернет-пользователей, интервью актёров и создателей кинофильма. Единицей кинодискурса просмотрового этапа является кинофильм. Единицами кинодискурса первого уровня на послепросмотровом этапе становятся кинорецензия, обзор кинофильма и комментарии интернет-пользователей; второго уровня – фан-сообщества и фанфики, художественная литература и видеоигры по мотивам кинофильма.

Ключевые слова: кинодискурс, кинотекст, этапы взаимодействия со зрителем, иерархия единиц кинодискурса

© Анисимов В. Е. 2025

Для цитирования: Анисимов В. Е. Иерархия взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем (на материале французского кинодискурса) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 5–20. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-5>

Vladislav E. Anisimov**MGIMO University****Moscow, Russian Federation**

anisimov.vladislav.95@mail.ru

Hierarchy of film discourse units with the viewer interaction (Based on French film discourse)

Abstract

The article aims to identify the stages of viewer's interaction with the units of the French film discourse and establish the hierarchy of these units from the point of view of their interaction with the film viewer. Continuous

sampling was used to select the material of modern French films from the period 2000–2024 and their titles, synopses, slogans, posters and trailers, as well as polydiscursive units – shorts, film press and video reviews, interviews of actors and filmmakers, comments from Internet users, fan communities and fan fiction, works of fiction and video games based on the films reviewed. The material was processed using semantic analysis, content and discourse analysis and the method of generalization. The study identified three stages of interaction between the viewer and the units of the film discourse: preview, view and post-view and established a linear hierarchy of film discourse units with the viewer interaction at each stage. The first-level advertising elements of the preview stage are the trailer, poster and shorts; at the second stage these are the film title and slogan; the synopsis and, if the viewer has not yet watched the film, press and video reviews, Internet users' reactions, interviews with film actors and creators appear at the third stage. Film is the film discourse unit of the view stage. Film press and video reviews and Internet users' reactions occupy the first level of the post-view stage, fan communities and fan fiction, fiction and video games based on the movie represent its second level.

Keywords: film discourse, film text, interaction with the viewer stages, film discourse units hierarchy

© Anisimov V. E. 2025

For citation: Anisimov, V. E. (2025). Ierarkhiya vzaimodeystviya edinit kinodiskursa so zritelem (na materiale frantsuzskogo kinodiskursa) [Hierarchy of film discourse units with the viewer interaction (Based on French film discourse)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 5–20. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-5>

1. Введение [Introduction]

Кинодискурс становится объектом многих лингвистических работ последних десятилетий, результаты которых в основном сосредоточены на изучении и описании сущности рассматриваемого явления как объекта языкознания и семиотики [Анисимов, 2020a; Духовная, 2014; Нелюбина, 2013; Зарецкая, 2012; Зайченко, 2011; Иванова, 2001], особенностях перевода и локализации кинофильмов и их отдельных структурных компонентов [Anisimov, Anisimova, 2024; Krasina, Mostar, 2020; Калегина, 2019; Pungă, Badea, 2018; Колодина, Пашкова, 2016; Горшкова, 2014, 2024; Григорьева, Соснина, 2009], транслируемых в кинодискурсе образах и ценностях [Ломова, 2022; Жигалина, 2018; Кубрак, 2018].

В сфере семиотики дискурс – одна из моделирующих систем, когнитивная структура, стремящаяся к автономии [Красина, 2004, с. 7]. Мы считаем правомерным рассмотреть дискурс и, в частности, кинодискурс как самостоятельное семиотическое пространство. Внутри семиотического пространства кинодискурса возможно выделение ряда семиотических подпространств, к числу которых относятся семиотическое подпространство кинофильма, многосерийного кинофильма, локализованного и исходного кинотекста. В рамках анализа семиотического пространства кинодискурса важным является определение взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем, в связи с тем, что основными акторами кинодискурса являются создатели кинофильма, так называемый коллективный автор [Слышкин, Ефремова, 2004] и его зритель, коммуникация между которыми происходит посредством кинофильма и его структурных элементов. Обращение к термину «взаимодействие» обусловлено непрямым характером коммуникации между адресантом (коллективным автором) и адресатом (зрителем), последний из которых самостоятельно осмысляет и трактует кинофильм, воздействуя на единицы кинодискурса путём формирования некоторых из них (написание кинокритик, создание обзоров на кинофильм и комментариев в интернет-пространстве и др.).

Целью данной статьи является описание взаимодействия единиц кинодискурса и зрителя на каждом из этапов знакомства адресата с кинофильмом, определение

очередности данного взаимодействия и установление иерархии единиц кинодискурса с позиции их взаимодействия со зрителем.

В фокусе данного исследования находится зритель кинофильма и его непосредственное взаимодействие с единицами кинодискурса. На сегодняшний день зритель предстаёт активным участником коммуникации, который осмысляет кинофильм и приписывает ему определённые значения [Кубрак, 2012]. Выделение этапов взаимодействия зрителя с кинодискурсом основано на изучении зрителя как субъекта, основной задачей которого является просмотр кинопроизведения, т. е. на основании всех действий зрителя от знакомства и выбора кинофильма к просмотру до его последующего осмысления и обращения к продукции, созданной по мотивам кинофильма. Следовательно, основное внимание уделяется этапам знакомства зрителя как потребителя кинопродукции с самим кинофильмом и единицами кинодискурса, непосредственно связанным с кинофильмом как «основной формой реализации и объектом кинодискурса» [Зарецкая, 2010]. Подобная трактовка оставляет за рамками нашего исследования вопрос о первичности кинофильма по отношению к другим элементам культуры, например, литературным произведениям, экранизацией которых может служить определённое кинопроизведение.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что взаимодействие зрителя и кинодискурса происходит в несколько этапов, каждый из которых характеризуется определёнными отношениями между адресатом и конкретными единицами кинодискурса, которые, в свою очередь, находятся в структуре линейной иерархии с позиции взаимодействия со зрителем.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили современные французские кинофильмы периода 2000–2024 гг. и их кинозаголовки, синопсисы, слоганы, постеры и трейлеры. В качестве дополнительного материала были привлечены так называемые полидискурсивные единицы [Анисимов, 2024 б] – субвидеа «шортс», кинокритики, обзоры кинофильмов в СМИ и новых медиа – , комментарии пользователей в сети Интернет, а также материалы фан-сообществ и фанфиков, произведения художественной литературы и видеоигры, созданные по мотивам отобранных для анализа кинофильмов.

Ряд используемых нами элементов кинодискурса требует пояснения. Под синопсисом понимается краткий текст информационного содержания, в сжатой форме описывающий завязку сюжета произведения [Анисимов, 2020 б]. Слоган кинофильма – броский текст рекламной направленности, в большинстве случаев соответствующий жанру кинопроизведения. Кинопостер рассматривается как коммуникативная поликодовая единица информационно-рекламного содержания, обладающая иконической (изобразительной) и графической (текстовой) составляющими [Анисимов, 2024 а]. Трейлером считается малоформатный текст полимодального формата, характеризующийся «специфической структурой представления содержания и особой стилистикой в целях воздействия на оценочную и интерпретационную деятельность реципиента информации» [Вохрышева, 2022, с. 38]. Субвидеа «шортс» трактуется нами как коммуникативная прагматическая интердискурсивная полимодальная субвидеа демонстрационно-рекламного содержания, принадлежащая семиотическому пространству интернет-дискурса и кинодискурса и ориентированная на представление потенциальному зрителю фрагмента кинофильма с целью его постпрокатного представления [Анисимов, Анисимова, 2024]. Все перечисленные элементы относятся к классу малоформатных текстов кинодискурса, выполняющих задачу привлечения к просмотру кинофильма максимального числа зрителей.

Под новыми медиа подразумеваются «высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту» [Носовец, 2016, с. 45]. Фан-сообщества в контексте рассмотрения кинодискурса правомерно определить как группы поклонников определённого кинофильма, в т. ч. многосерийного, и/или выдающихся актеров или режиссеров, за творчеством которых они активно наблюдают. Фанфик является написанным фанатами того или иного кинофильма художественным произведением, выступающим в качестве предыстории, пародии, альтернативной версией событий оригинальной кинокартины, а также так называемым «кроссовером» – «переплетением нескольких произведений» [Денисова, 2012].

Объём проанализированного материала составил 300 кинофильмов, а также, соответственно, кинозаголовков, синопсисов, слоганов, постеров и трейлеров к ним; 200 субвидеом «шорты», 120 кинокритик, 100 обзоров кинофильмов и 500 комментариев пользователей в сети Интернет, 14 фан-сообществ, 30 фанфиков, 5 произведений художественной литературы и 18 видеоигр. Все материалы были отобраны методом сплошной выборки (для кинофильмов) и направленной выборки (поиск по критерию связанности с французской кинопродукцией) для иных единиц (кинокритики, видеоигры и прочих).

Кинофильмы были исследованы с применением методов лингвокультурного, семантического анализа, контент- и дискурс-анализа, а также общетеоретического метода обобщения для выделения, изучения и описания этапов взаимодействия зрителя с единицами кинодискурса и установления иерархии взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем на каждом из выделенных этапов.

В ходе исследования, во-первых, были выявлены и подробно описаны основные этапы взаимодействия зрителя с единицами кинодискурса, совпадающие с этапами взаимодействия зрителя с самим кинофильмом как основной формой реализации кинодискурса. Для каждого из этапов при помощи методов контент- и дискурс-анализа установлены основные единицы кинодискурса, функционирующие на конкретном этапе и обеспечивающие взаимодействие со зрителем. Например, на просмотрном этапе взаимодействие между зрителем и единицами кинотекста происходит посредством полнотекстового кинодискурса – кинофильма.

Далее была установлена линейная иерархия взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем с опорой на критерии очередности знакомства зрителя с конкретной единицей кинодискурса и зависимости или автономности конкретной единицы кинодискурса от содержания кинофильма.

3. Этапы взаимодействия зрителя с единицами кинодискурса

[Stages of the viewer's interaction with the units of the film discourse]

Этапы взаимодействия зрителя с единицами кинотекста можно сравнить со знакомством зрителя с кинофильмом как произведением киноискусства. Нами выделены три основных этапа, в ходе которых происходит взаимодействие зрителя с единицами кинодискурса: 1) предпросмотровый, 2) просмотровый и 3) послепросмотровый. Каждый из них представляет собой также знакомство зрителя с самим кинофильмом, от выбора и просмотра определённого кинопроизведения до рефлексии о заложенных в нём идеях и обращения к продукции, выпущенной по мотивам кинофильма и с опорой на его сюжет. При выделении этих этапов и функционирующих в них единиц кинодискурса мы руководствуемся порядком взаимодействия зрителя с теми кинофильмами, которые должны выйти в прокат или уже находятся в прокате в кинотеатрах, т. е. очередностью обращения зрителя к тем или иным элементам пространства кинофильма. Отметим, что при рассмотрении «общения» зрителя с кинофильмом, прокат которо-

го окончен, выделенные нами этапы будут сохраняться, но взаимодействие зрителя и кинодискурса в данном случае может происходить посредством других единиц.

Предпросмотровый этап характеризуется взаимодействием зрителя с малоформатными текстами кинодискурса, к которым относятся кинозаголовки, синопсис, слоган, постер и трейлер кинофильма. В соответствии с основной задачей данных единиц – привлечение к просмотру как можно большего числа представителей целевой аудитории – они выступают в качестве рекламных элементов кинодискурса, представляющих кинофильм зрителю¹. Подчеркнём, что на предпросмотровом этапе зритель является потенциальным, а принятие окончательного решения в пользу просмотра того или иного кинофильма он принимает на протяжении всего данного этапа. В свою очередь, в задачу создателей упомянутых единиц входит побуждение к просмотру конкретного кинофильма как можно большего числа зрителей как из представителей целевой аудитории кинофильма, так и из случайных зрителей, которые ещё не определились с выбором кинофильма.

Предпросмотровый этап взаимодействия потенциального зрителя с кинофильмом может не совпадать с выходом кинофильма в прокат: кинофильм может уже находиться в прокате некоторое время до того как потенциальный зритель обратит на него своё внимание. В этой связи к единицам кинодискурса предпросмотрового этапа планомерно отнести также и кинокритику, обзор на кинофильм, комментарии и оценку интернет-пользователей на различных специализированных интернет-платформах, посвящённых кинематографу, интервью с актёрами и создателями кинофильма, а также субвидеу «шортс» (подробнее о субвиде и её типах см. [Анисимов, Анисимова, 2024]). Данные единицы не являются собственно единицами кинодискурса. В настоящем исследовании предлагается выделять их как «полидискурсивные единицы», то есть такие единицы, которые принадлежат двум и более дискурсам, при этом имеют форму репрезентации текста дискурса, в семиотическом пространстве которого они функционируют, и прецедентное содержание другого дискурса. Кинокритика и обзор кинофильма в прессе или сделанный представителями так называемых новых медиа, в первую очередь блогеров, являются полидискурсивными единицами, которые функционируют в кинодискурсе, но имеют прецедентное содержание кинодискурса. Комментарии интернет-пользователей и субвидеа «шортс» обладают прецедентным содержанием кинодискурса, функционируя в интернет-дискурсе. Все упомянутые феномены можно считать единицами предпросмотрового этапа только при условии, что потенциальный зритель ещё не знаком с самим кинофильмом. Подчеркнём, что кинокритика, обзор кинофильма и комментарии интернет-пользователей будут являться одновременно единицами предпросмотрового этапа для потенциального зрителя, выбирающего кинофильм к просмотру, и послепросмотровыми единицами кинодискурса для их авторов, которые уже ознакомились с содержанием конкретного кинофильма.

На просмотром этапе происходит знакомство зрителя с самим кинофильмом. Основным элементом кинодискурса, функционирующим на данном этапе, становится сам кинофильм. Основной задачей просмотром этапа взаимодействия является просмотр кинофильма зрителем. Кроме того, просмотр кинофильма может побудить зрителя к ознакомлению с различными материалами, создаваемыми в семиотическом подпространстве конкретного кинофильма с опорой на произведение и функционирующие уже на послепросмотровом этапе (субвидеа «шортс», кинокритика, обзор на кинофильм и др.). Под семиотическим подпространством кинофильма мы понимаем все элементы кинодискурса, прямо или косвенно связанные с определённым

¹ О разных типах продающих и продвигающих текстов в разных условиях см. [Основы маркетинговой лингвистики, 2023].

кинофильмом. Семиотическое подпространство кинофильма, вместе с рядом других подпространств, таких как подпространство многосерийного фильма и малоформатных текстов кинодискурса, входит в единое семиотическое пространство кинодискурса [Анисимов, 2024 б].

П о с л е п р о с м о т р о в ы й э т а п взаимодействия единиц кинодискурса и зрителя отличается осмыслением последним заложенных в кинофильме идей и ценностей, формированием собственного мнения зрителя относительно данных идей и ценностей, а также знакомство с различными материалами, прямо или косвенно относящимися к просмотренному кинофильму. Послепросмотровый этап взаимодействия единиц кинодискурса и зрителя может быть отнесён к постсобытийному кинодискурсу, в котором «не только отражаются мнения об увиденном, но и продолжают формироваться представления о нём [просмотре кинофильма]» [Кубрак, 2019, с. 601]. Единицами семиотического подпространства кинофильма, функционирующими на послепросмотровом этапе, являются фан-сообщества, созданные по мотивам конкретного кинофильма, кинокритики и обзоры на кинофильмы (пресса, новые медиа), комментарии интернет-пользователей на специализированных ресурсах, посвящённых кинематографу, а также литература и видеоигры, созданные по мотивам кинофильма. Все перечисленные элементы являются полидискурсивными единицами, принадлежащие как к кинодискурсу, так и к другим типам дискурса (интернет- и медиадискурсам, дискурсу сетевой литературы, дискурсу видеоигр).

Примером фан-сообщества, сформировавшегося вокруг французского кинофильма, могут служить фан-сообщества кинофильмов про Астерикса и Обеликса, вышедших в период с 1999 по 2023 гг., *Wiki Astérix*² и *Le village Astérix*³, последнее из которых насчитывает свыше 2000 пользователей. Рассматриваемая серия кинофильмов также послужила для создания ряда видеоигр⁴ по мотивам сюжета кинопроизведений. В отличие от предпросмотрового этапа, отнести кинокритику, обзоры и комментарии интернет-пользователей к послепросмотровому этапу можно только в том случае, если зритель уже ознакомился с самим кинофильмом, посмотрев его в кинотеатре. Говоря о литературе или видеоиграх, мы подразумеваем художественные произведения и продукты игровой индустрии, специально созданные по теме конкретного кинофильма и вышедшие в свет уже после его выхода в прокат. В свою очередь, на пересечении фан-сообщества и литературы представляется возможным также выделить феномен фанфика как одного из объектов сетевой литературы. Следует подчеркнуть, что в семиотическое пространство французского кинодискурса нами включаются как фанфики, основанные на сюжете или персонажах французских кинофильмов на французском и других языках, так и фанфики, написанные на французском языке по мотивам иностранных кинофильмов, которые выходили в прокат во Франции на французском языке. Достаточно популярным французским кинофильмом, пользующимся популярностью у создателей фанфиков, является *Le Visiteur de Futur* (2022): на сегодняшний день на наиболее популярном интернет-сайте fanfiction.net создано более 15 произведений, посвящённых данному кинофильму⁵. Отметим, что у французских авторов большей популярностью пользуются не французские, а американские кинофильмы, что отражает феномен «глобальной культуры» [Коннова, 2017], по которым создаются большинство фанфиков.

Создание произведений сетевой литературы, видеоигр и художественных произведений на основе кинофильмов подтверждает вывод о возможности кинотекста (и,

² https://asterix.fandom.com/fr/wiki/Ast%C3%A9rix_et_Ob%C3%A9lix:_L%27Empire_du_Milieu

³ <https://www.villageasterix.com/>

⁴ https://www.senscritique.com/liste/les_meilleurs_jeux_videos_d_asterix_obelix/3682926

⁵ <https://www.fanfiction.net/tv/Le-visiteur-du-futur/>

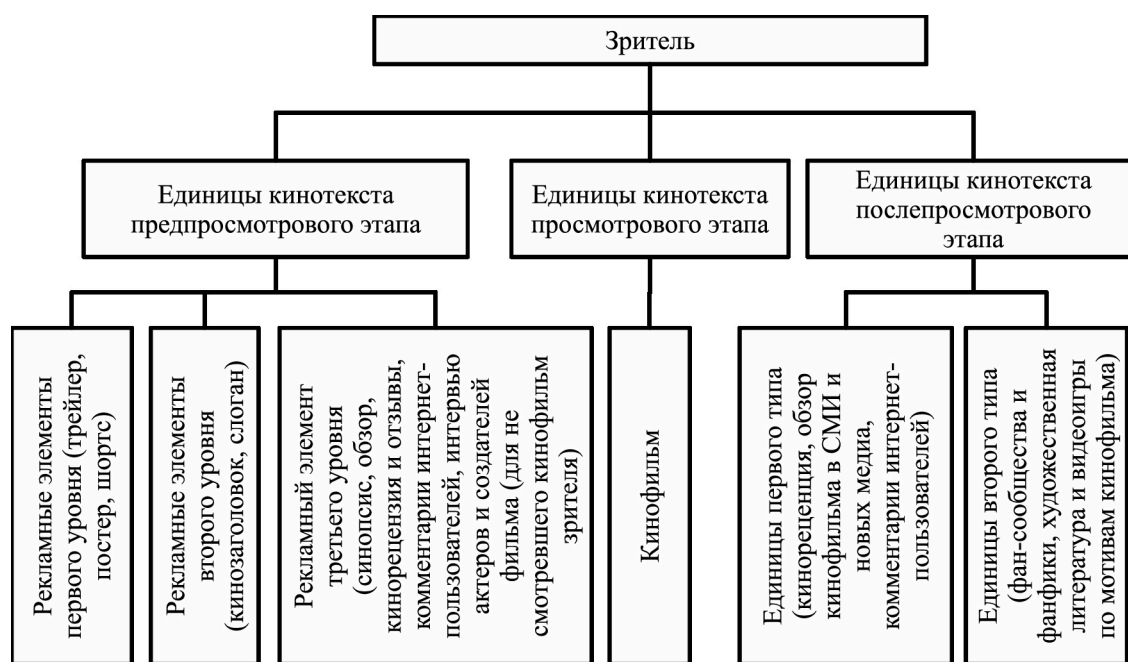
следовательно, самого кинодискурса) расширять «свои интердискурсивные связи, становясь источником заимствования для текстов массовой культуры, функционирующих в разных дискурсах» [Сургай, 2008, с. 5].

Подчеркнём, что зритель может вступать во взаимодействие не со всеми из приведённых выше полидискурсивных единиц, а возможность подобного взаимодействия напрямую связана с соответствием кинофильма ожиданиям того или иного зрителя и его желанием продолжать знакомиться с единицами кинодискурса, связанными с семиотическим пространством конкретного кинофильма.

4. Особенности линейной иерархии взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем [Linear hierarchy of the film discourse units interaction with the viewer]

С опорой на выделенные этапы взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем (предпросмотровый, просмотровый, послепросмотровый), в данном исследовании предлагается выстроить иерархию единиц кинодискурса с позиции их взаимодействия со зрителем. Основными критериями для установления иерархии в данном случае будет выступать очерёдность знакомства зрителя с той или иной единицей кинодискурса и зависимость или автономность конкретной единицы кинодискурса от содержания кинофильма.

Полученные результаты анализа взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем в обобщённом виде показаны на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Иерархия взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем
[Figure 1. Hierarchy of film discourse units interaction with the viewer]

Рассмотрим подробно иерархию взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем. Единицы кинотекста предпросмотрового этапа направлены на наиболее раннее взаимодействие с потенциальным зрителем кинофильма. С позиции определения иерархии единиц кинодискурса предпросмотрового этапа представляется возможным разделить их на три уровня, выделяемых в свою очередь на основании двух критериев: 1) очерёдности знакомства потенциального зрителя с конкретной единицей кинодискурса и 2) возможности присутствия монокодовых единиц кинодискурса в составе поликодовых и полимодальных.

К п е р в о м у у р о в н ю иерархии отнесём мультимодальные и поликодовые единицы кинодискурса – трейлер, субвидеому «шортс» и постер кинофильма. Данные единицы занимают более высокое иерархическое положение ввиду первоочерёдного знакомства с ними потенциального зрителя и возможности включения в себя двух других единиц – кинозаголовок и слогана кинофильма. В современных реалиях медиапространства потенциальный зритель в первую очередь обращается к трейлеру и постеру кинофильма при выборе того или иного кинопроизведения к просмотру. Подобное обращение продиктовано, с одной стороны, широким присутствием данных единиц кинодискурса в ходе рекламной кампании кинофильма как в интернет-ресурсах, так и «оффлайн», например, на билбордах или в различных общественных местах – торговых центрах, автобусных остановках, вагонах метро и др. Субвидеому «шортс» функционирует только в интернет-пространстве, преимущественно в социальных сетях. Однако именно данная полидискурсивная единица, принадлежащая интернет- и кинодискурсу, может стать первым элементом семиотического подпространства конкретного кинофильма, с которым знакомится потенциальный зритель в социальных сетях и на основании которой он может принять решение о его просмотре или обращении к другим единицам кинодискурса предпросмотрового этапа для формирования более полного представления о сюжете кинофильма. В отличие от трейлера кинофильма, шортс представляет собой только одну сцену из кинофильма, что, с одной стороны, может являться недостатком ввиду более ограниченного объёма предоставляемой потенциальному зрителю информации о сюжете и персонажах произведения. Однако, с другой стороны, именно конкретная сцена может побудить потенциального зрителя принять решение о просмотре того или иного кинофильма. С точки зрения включения в себя иных единиц кинодискурса, трейлер, постер и шортс включают в себя кинозаголовки, который входит в состав всех официальных трейлеров и постеров кинофильма (100% проанализированного нами эмпирического материала). Как показал анализ нашей картотеки, кинозаголовки также входят в состав большинства шортс (57%), однако является менее частотным элементом по сравнению с постером и трейлером кинофильма (99%).

Кинозаголовок и слоган кинофильма являются рекламными элементами в т о р о г о у р о в н я предпросмотрового этапа. Несмотря на основную роль кинозаголовка в поликодовой структуре кинофильма [Александрова и др., 2019], в восприятии и востребованности [Калегина, 2019] кинофильма у зрителя и побуждения к его просмотру [Pungă, Badea, 2018 с. 57], название кинофильма является элементом иерархии второго уровня, поскольку в процессе рекламы кинофильма не функционирует как самостоятельная единица кинодискурса. Слоган, напротив, входит в состав ограниченного числа постеров (35%) и трейлеров (30%) французских кинофильмов, что может быть связано с его метафорической природой, а также с его графическим форматом⁶, который может сложнее восприниматься современным зрителем, отдающим предпочтение иконическим изображениям и отсутствию слогана как такового у большинства кинофильмов. На современном этапе развития общества, характеризующемся внедрением большого количества поликодовой и мультимедийной информации, знакомство потенциального зрителя с кинозаголовком осуществляется в процессе ознакомления им с трейлером или постером конкретного кинофильма.

Рекламными элементами т р е т ь е г о у р о в н я на предпросмотровом этапе взаимодействия единиц кинодискурса и потенциального зрителя являются синопсис кинофильма, а также полидискурсивные единицы, принадлежащие кинодискурсу и другим типам дискурсов: кинокритика, обзор, комментарии интернет-пользователей на специализированных ресурсах, посвящённых кинематографу, и интервью актёров, ре-

⁶ О типографике и её прагматическом значении в разные времена см. в [Чернявская, 2022, 2023 а, б].

жиссера и других создателей кинофильма. В современном медиапространстве потенциальный зритель знакомится с синопсисом кинофильма уже после просмотра его трейлера, постера, кинозаголовка и (при наличии) слогана. В большинстве случаев синопсис кинофильма не включает в себя другие единицы кинодискурса, функционирующие на предпросмотровом этапе. Исключением является упоминание в синопсисе названия кинофильма для акцентирования внимания зрителя, а также случаи, когда слоган кинофильма выполняет роль эхо-фразы в его синопсисе. Выявленные случаи носят интертекстуальный характер и не являются частотными для французского кинодискурса (5% кинофильмов нашей картотеки). В свою очередь, полидискурсивные единицы (обзор, кинорецензия, комментарии интернет-пользователей) могут быть отнесены к взаимодействующим со зрителем единицам кинодискурса только в случае, если сам зритель является потенциальным, т. е. ещё не перешёл к просмотру кинофильма. Перечисленные единицы являются элементами третьего уровня иерархии, поскольку, как и в случае с синопсисом кинофильма, потенциальный зритель знакомится с ними уже после обращения своего внимания на конкретный кинофильм. В большинстве случаев желание потенциального зрителя ознакомиться с рецензией на кинофильм, обзором и отзывами уже посмотревших его зрителей может быть вызвано необходимостью убедиться в «качестве» кинофильма для окончательного выбора того или иного произведения к просмотру. Таким образом, элементы третьего уровня иерархии предпросмотрового уровня являются вспомогательными «рекламными» элементами кинофильма, к которым потенциальный зритель обращается в случае необходимости получения дополнительной информации о конкретном кинофильме.

Проиллюстрируем иерархию предпросмотрового уровня взаимодействия единиц кинодискурса и зрителя на примере французского кинофильма *Les profs*⁷ (в российской локализации – «Безумные преподы», 2013). Первый уровень иерархии представлен трейлером и постером кинофильма, а также рядом шортс, иллюстрирующих различные сцены из кинофильма. Трейлер кинофильма включает в себя элементы второго уровня иерархии предпросмотрового этапа – кинозаголовок и слоган кинофильма *Aux pires élèves – les pires profs* («Худшим ученикам – худших учителей»). Поскольку кинофильм повествует о подростках-выпускниках школы, целевой аудиторией кинофильма являются зрители в возрасте от 15 до 25 лет, являющиеся учениками школ или студентами. Именно на представителей целевой аудитории кинофильма направлены оба мультимедальных малоформатных рекламных текста кинодискурса – трейлер и шортс, – акцент сделан на комедийный жанр кинопроизведения и демонстрацию нелепых ситуаций, в которые попадают ученики и преподаватели, а также на характеристику самих преподавателей. В качестве яркого примера шортс по данному кинофильму уместно привести сцену с первым уроком учителя английского языка, Глэдис⁸. В состав данного шортс также входит кинозаголовок, предстающий перед зрителями в немного изменённом виде (*Les profs* 1). Возможность видоизменения заголовка появилась у авторов субвидеомы ввиду её значительно более позднего создания относительно выхода как первой, так и второй части данного многосерийного кинофильма, в связи с чем видоизменённый заголовок также расширяет свою информационную функцию, сообщая потенциальному зрителю о многосерийности кинофильма.

Синопсис кинофильма⁹, в свою очередь, передаёт потенциальному зрителю основную информацию о сюжете кинофильма и кратко описывает сложившуюся проблему, вокруг которой построен сюжет кинофильма: только 12% учеников лицея Жуля Ферри

⁷ https://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=210211.html

⁸ https://www.youtube.com/shorts/z_s6Vmi-joY

⁹ https://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=210211.html

удовлетворительно сдают выпускной экзамен, в связи с чем инспектор по улучшению качества образования решает нанять худших преподавателей, надеясь изменить ситуацию.

Отметим, что в данном случае синопсис и слоган кинофильма вступают в интертекстуальное взаимодействие, при котором слоган фигурирует в тексте синопсиса кинофильма, являясь его эхо-фразой. Подобное взаимодействие, как было упомянуто выше, не является частотным для малоформатных текстов французского кинодискурса.

Кинофильм *Les profs* привлёк к себе внимание интернет-пользователей: на специализированном французском интернет-портале о кино Allociné.fr зрителями было оставлено 1628 комментариев, большинство из которых (421) дали среднюю оценку кинофильму. Кинофильму также были посвящены обзоры на каналах видеохостинга YouTube, например *CultureÉdu #1 : Le film « Les PROFS 1 » – Les pires profs de France!*¹⁰ на канале *Éducast*, а также рецензии в ряде газет, специализированных французских и зарубежных журналов и радиоканалов, таких как *Le Parisien*¹¹, *Hollywood Reporter*¹², *Télérama*¹³, *France Info*¹⁴. Непосредственно после появления кинофильма в прокате вышли интервью с актёрами, исполнившими главные роли¹⁵.

Кинофильм является единицей взаимодействия кинодискурса и зрителя на просмотрном этапе. Знакомство зрителя с самим кинофильмом начинается уже после его ознакомления с основными рекламными элементами кинодискурса, функционирующими на предпросмотровом этапе. Между зрителем и кинофильмом осуществляется художественная коммуникация, где оба субъекта занимают равнозначные позиции: «произведение киноискусства содержит знаки, которые можно расшифровать, зритель, пытаясь актуализировать в себе идеального зрителя, хочет эти знаки интерпретировать» [Позднякова, Резникова, 2013]. В процессе взаимодействия кинофильма со зрителем важным является то, каким образом тот или иной кинофильм воздействует на зрителя. Для достижения полноценного воздействия кинофильма на зрителя необходимы актуальность тематики, популярность задействованных в нём актеров, оценка зрителями предыдущих работ авторов кинофильма, а также ситуация просмотра, установки и ожидания зрителей [Кубрак, Латынов, 2019]. Следует учитывать и уровень восприятия кинофильма, который считается «активным творческим процессом воссоздания зрителем идей, образов, видения мира и отношения к нему художника» [Петренко, 1997, с. 195] и обладает особой спецификой, связанной с соучастием зрителя в общении с кинопроизведением, сопереживанием и самоидентификацией с его героями [Леонтьев, 2008].

Заключительным элементом иерархии являются единицы кинотекста, функционирующие на послепросмотровом этапе взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем. Подобные полидискурсивные единицы представляется возможным разделить на два основных типа: ориентированные на описание кинофильма и созданные на его основе. К первым мы относим кинорецензию, обзор в традиционных СМИ и так называемых «новых медиа», комментарии посмотревших кинофильм зрителей в сети Интернет на специализированных ресурсах, посвящённых кинематографу. Данные полидискурсивные единицы создаются с непосредственной опорой на сюжет кинофильма, в их задачу входит краткое описание сюжета, характеристика персонажей и трансляция осмысления авторами идей, заложенных в кинофильме. Подчеркнём, что данные единицы составляются авторами (критиками, журналистами, блогерами, интернет-пользо-

¹⁰ https://www.youtube.com/watch?v=4_pUaXJruho

¹¹ <https://www.leparisien.fr/culture-loisirs/cinema/les-profs-au-piquet-17-04-2013-2733787.php>

¹² <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-reviews/serial-teachers-film-review-559958/>

¹³ <https://www.telerama.fr/cinema/films/les-profs,438493.php>

¹⁴ https://www.francetvinfo.fr/culture/cinema/pour-ou-contre-les-profs-avec-kev-adams-christian-clavier_302413.html

¹⁵ <https://www.allocine.fr/videos/fichefilm-210211/toutes/>

вателями), которые уже ознакомились с содержанием кинофильма. К послепросмотровому этапу перечисленные единицы можно отнести только в том случае, если к ним обращается зритель, уже посмотревший кинофильм.

К единицам второго типа правомерно отнести фан-сообщества и фанфики как любительские художественные произведения, художественную литературу, созданную с опорой на сюжет и/или героев кинофильма, и видеоигры, основанные на героях или месте действия событий кинофильма. Единицы послепросмотрового этапа второго типа создаются на основе прецедентных феноменов кинофильма, в основном его персонажей и места действия (иногда – сюжета). Единицы первого типа послепросмотрового этапа находятся на более высоком уровне иерархии по сравнению с единицами второго типа, поскольку они непосредственно отнесены к конкретному кинофильму и созданы с опорой на его сюжет. В свою очередь, единицы второго типа могут использовать его персонажей или прецедентную ситуацию кинофильма как основу для нового продукта без непосредственной связи с сюжетом кинофильма. Подчеркнём, что все единицы послепросмотрового этапа являются полидискурсивными единицами, которые обладают прецедентным содержанием кинодискурса, но функционируют в иных типах дискурса. Так, полидискурсивными единицами послепросмотрового этапа первого типа в случае с кинофильмом *Les profs* оказываются уже упомянутые кинокритики в газетах, специализированных журналах и на радиоканалах, а также обзоры на кинофильм, появившиеся на видеохостинге YouTube. Полидискурсивной единицей второго типа, вышедшей по мотивам кинофильма, является фанфик *L'élève le Plus Dangereux de France* («Самый опасный ученик Франции») автора *UCantSeeMe*, опубликованный на специализированном франкоязычном интернет-ресурсе *Fanfiction.fr*. Главным героем произведения стал один из центральных персонажей кинофильма Булар (Boulard), уже окончивший школу и поступивший в Оксфорд.

5. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ позволил выявить этапы взаимодействия зрителя с единицами кинодискурса и установить иерархию взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем. С опорой на рассмотрение зрителя кинофильма как активного субъекта коммуникации, нацеленного на просмотр кинофильма, было выделено три основных этапа взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем: предпросмотровый, просмотровый и послепросмотровый. На предпросмотровом этапе с потенциальным зрителем взаимодействуют рекламные элементы кинодискурса – кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма и субвидео «шортс». К элементам предпросмотрового этапа взаимодействия единиц кинотекста и зрителя можно также отнести различного рода рецензии, обзоры на кинофильм, комментарии интернет-пользователей на специализированных ресурсах и интервью актеров и создателей кинофильма при условии, что потенциальный зритель знакомится с ними до просмотра самого кинофильма.

Просмотровый этап характеризуется взаимодействием зрителя с самим кинофильмом. Единицами послепросмотрового этапа становятся кинокритики, обзоры, комментарии интернет-пользователей, интервью актёров и создателей кинофильма в случае, если зритель уже ознакомился с самим кинофильмом, а также созданные по мотивам кинофильма фан-сообщества, фанфики как элементы сетевой литературы, художественная литература и видеоигры.

Иерархия единиц кинодискурса, взаимодействующих со зрителем, носит линейный характер и заключается в выделении трёх уровней единиц на предпросмотровом этапе, одного уровня – на просмотровом и двух уровней иерархии – на послепросмотровом этапе. Разделение единиц кинодискурса, функционирующих на предпросмотровом этапе, обусловлено критериями очередности знакомства потенциального зрителя с

конкретной единицей кинодискурса и возможностью включения в себя одной единицей кинодискурса нескольких других. На основе данных критериев к первому уровню иерархии единиц предпросмотрового этапа были отнесены трейлер, кинопостер и субвида «шортс»; ко второму уровню – кинозаголовок и слоган кинофильма; к третьему – синопсис кинофильма, обзор, кинокритика и отзывы, комментарии интернет-пользователей, интервью актёров и создателей фильма. В свою очередь, иерархия единиц кинодискурса, взаимодействующих со зрителем на послепросмотровом этапе, была установлена на основании взаимосвязи с сюжетом кинофильма. В качестве единиц кинодискурса первого уровня, функционирующих на послепросмотровом этапе, были обозначены кинокритика, обзор кинофильма в СМИ и новых медиа, комментарии интернет-пользователей. К единицам второго уровня были отнесены фан-сообщества и фанфики, художественная литература и видеоигры по мотивам кинофильма.

Полученные результаты могут оказаться полезными в дальнейшем изучении взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем и особенностей восприятия данных единиц зрителем на различных этапах. Применение полученных результатов в учебной деятельности возможно в рамках курсов по дискурс-анализу, киноведению, особенностям перевода кинофильмов и их структурных элементов.

Библиографический список

- Александрова и др., 2019 – Александрова О. И., Красина Е. А., Рыбинок Е. С. Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // Филологические науки. 2019. № 5. С. 22–33. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-19.022>
- Анисимов, Анисимова, 2024 – Анисимов В. Е. Анисимова Е. Д. Шортс, рилс и клип как субвида интернет-, кино- и медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 7. С. 2386–2398. <https://doi.org/10.30853/phil20240340>
- Анисимов, 2024 а – Анисимов В. Е. Структурно-прагматические особенности постера кинофильма (на материале французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 1. С. 184–192. <https://doi.org/10.30853/phil20240027>
- Анисимов, 2024 б – Анисимов В. Е. Внешняя иерархия французского кинодискурса // Дискурс профессиональной коммуникации. 2024. Т. 6, № 4. С. 34–64. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-4-34-64>
- Анисимов, 2020 а – Анисимов В. Е. Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 357–367. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367>
- Анисимов, 2020 б – Анисимов В. Е. Кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма как функционально-прагматические единицы кинотекста (на материале современного французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 1. С. 240–245. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.48>
- Вохрышева, 2022 – Вохрышева Е. В. Структурно-семантические характеристики англоязычного трейлера как малоформатного кинотекста // Актуальные проблемы педагогики и психологии (Самара). 2022. № 1 (3). С. 36–43. <https://doi.org/10.55000/APPiP.2022.79.24.006>
- Горшкова, 2014 – Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образасмысла // Вестник Пермского нац. исслед. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. Вып. 10. С. 26–37.
- Горшкова, 2024 – Горшкова В. Е. Визуализация среды обитания при тифлокомментировании (на примере кинофильмов «Холоп» и «Последний богатырь») // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2024. Вып. 3(55). С. 122–133.
- Григорьева, Соснина, 2009 – Григорьева Г. Е., Соснина Е. О. Специфика перевода кинотекста // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2009. № 7. С. 32–38.

- Духовная, 2014 – Духовная Т. В. О подходах к изучению кинодискурса // Евразийский союз ученых. Сер. : Филологические науки. 2014. № 8 (7). С. 19–21.
- Зайченко, 2011 – Зайченко С. С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (11). С. 82–86.
- Зарецкая, 2012 – Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Челябинск : Абрис, 2012. 192 с.
- Денисова, 2012 – Денисова А. И. Фанфикшн, как субкультура и феномен массовой литературы // Аналитика культурологии. 2012. № 3 (24). С. 141–143.
- Жигалина, 2018 – Жигалина Е. А. Метафора как имплицитное средство оценки семейных ценностей в кинодискурсе // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов X Междунар. конф., Саратов, 21–22 февраля 2018 года. Саратов : Изд-во Саратовский источник, 2018. С. 170–173.
- Иванова, 2001 – Иванова Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Волгоград, 2001. 16 с.
- Калегина, 2019 – Калегина Т. Е. Особенности перевода названий фильмов Голливуда с английского на немецкий и русский языки // Казанский лингвистический журнал. 2019. № 3 (2). С. 30–57.
- Колодина, Пашкова, 2016 – Колодина Е. А., Пашкова И. В. Специфика передачи образа-смысла при переводе названий кинофильмов (на материале английского и корейского языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 188–195. <https://doi.org/10.17223/18137083/55/20>
- Коннова, 2017 – Коннова С. И. Влияние глобализации на кинематограф // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 2 (15). С. 26–27.
- Кубрак, 2018 – Кубрак Т. А. Современный российский кинодискурс: транслируемые образы и ценности // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. / под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна : Гос. соц.-гум. ун-т, 2018. С. 205–209.
- Кубрак, 2012 – Кубрак Т. А. Специфика психологического воздействия кинодискурса // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2012. С. 202–222.
- Ломова, 2022 – Ломова О. Е. Ценности немецкой лингвокультуры через призму кинодискурса // Балтийский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11, № 1 (38). С. 33–37. https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_01_08
- Нелюбина, 2013 – Нелюбина Ю. А. Кинодискурс как объект лингвистического изучения // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3. С. 71–73.
- Носовец, 2016 – Носовец С. Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–47.
- Основы маркетинговой лингвистики, 2023 – Основы маркетинговой лингвистики / под общ. ред. Л. Г. Викуловой. М. : Языки Народов Мира, 2023. 217 с.
- Сургай, 2008 – Сургай Ю. В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Тверской гос. ун-т, Тверь, 2008. 18 с.
- Чернявская, 2023 а – Чернявская В. Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2023. Вып. 2 (36). С. 50–73. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73>
- Чернявская, 2023 б – Чернявская В. Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 5. С. 89–100. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>
- Anisimov, Anisimova, 2024 – Anisimov V. E., Anisimova E. D. Localization of the French linguoculture concepts in the English-language film discourse through the intertextuality // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 2. С. 499–519.
- Chernyavskaya V. E. Typographic landscape in urban space: A sociolinguistic approach // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 4. С. 71–84. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-5>

- Krasina, Mactar, 2020 – Krasina E. A., Mactar A. On Film Titles: Translation or Retitling? // Российский социально-гуманитарный журнал. 2020. № 2. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1014>
- Pungă, Badea, 2018 – Pungă L., Badea G. “Lost in translation”. On some English movie titles and posters and their French and Romanian equivalents // SKASE Journal of Translation and Interpretation. 2018. Vol. 11, Iss. 1. P. 55–68.

References

- Alexandrova, O. I., Krasina, E. A., & Rybinok, E. S. (2019). Pretsedentnye fenomeny kinoteksta: nazvanie khudozhestvennogo fil'ma v aspekte perevoda [Precedent phenomena of a film text: Feature film title in the terms of translation]. *Filologicheskie nauki [Scientific Essays of Higher Education]*, 5, 22–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.5-19.022>
- Anisimov, V. E., & Anisimova, E. D. (2024). Shorts, rils i klip kak subvidema internet-, kino- i mediadiskursa [Shorts, reels and clip as a subvidema of Internet, film and media discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 7 (17), 2386–2398. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20240340>
- Anisimov, V. E. (2024 a). Strukturno-pragmaticheskie osobennosti postera kinofil'ma (na materiale francuzskogo kinodiskursa) [Structural and pragmatic features of the film poster (based on the material of the French film discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 17 (1), 184–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20240027>
- Anisimov, V. E. (2024 b). Vneshnyaya ierarhiya frantsuzskogo kinodiskursa [The external hierarchy of French film discourse]. *Diskurs professional'noy kommunikatsii [Professional Discourse & Communication]*, 6 (4), 34–64 (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-4-34-64>
- Anisimov, V. E. (2020 a). Intertekstual'nost' maloformatnykh tekstov frantsuzskogo kinodiskursa [Intertextuality of the small texts of the french film discourse]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (2), 357–367. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367>
- Anisimov, V. E. (2020 b). Kinozagolovok, sinopsis i slogan kinofil'ma kak funktsional'no-pragmaticheskie edinitsy kinoteksta (na materiale sovremennogo francuzskogo kinodiskursa) [Title, Synopsis and Slogan as Functional and Pragmatic Elements of Film Text (by the Material of the Modern French Film Discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 13 (1), 240–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.48>
- Vokhrisheva, E. V. (2022). Strukturno-semanticheskie harakteristiki angloyazychnogo trejlera kak maloformatnogo kinoteksta [Structural and semantic characteristics of the English trailer as a small format cinematic text]. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii (Samara) [Actual Problems of Pedagogy and Psychology]*, 1 (3), 36–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.55000/APPiP.2022.79.24.006>
- Gorshkova, V. E. (2014). Nazvanie fil'ma kak edinitsa perevoda i sostavlyayushchaya obraza-smysla [Film title as a unit of translation and a unit of image-sense]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]*, 10, 26–36. (In Russ.).
- Gorshkova, V. E. (2024). Vizualizatsiya sredy obitaniya pri tiflokommentirovanii (na primere kinofil'mov «Kholop» i «Posledniy bogatyr») [Visualization of habitat in audio description (Considering the films «The Slave» and «The Last Bogatyr»)]. *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie» [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 3 (55), 122–133.
- Grigorieva, G. E., Sosnina, E. O. (2009). Spetsifika perevoda kinoteksta [Specificity of the translation of the film text]. *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [Issues of Romano-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages]*, 7, 32–38. (In Russ.).
- Dukhovnaya, T. V. (2014). O podkhodakh k izucheniyu kinodiskursa [On approaches to the study of film discourse]. *Eurasian Union of Scientists. Series: Philology*, 8 (7), 19–21. (In Russ.).
- Zaichenko, S. S. (2012). Nekotorye osobennosti kinodiskursa kak znakovoy sistemy [Some features of film discourse as a sign system]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 4 (11), 82–86. (In Russ.).

- Zaretskaya, A. N. (2012). *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse* [Features of the implementation of the subtext in film discourse]. Chelyabinsk : Abris Press. (In Russ.).
- Denisova, A. I. (2012). Fanfikshn, kak subkul'tura i fenomen massovoy literatury [Fanfiction as a subculture and phenomenon of mass literature]. *Analitika i kul'turologii* [Cultural Science Analytics], 3 (24), 141–143. (In Russ.).
- Zhigalina, E. A. (2018). Metafora kak implitsitnoe sredstvo otsenki semeynykh tsennostey v kinodiskurse [Metaphor as an implicit means of assessing family values in film discourse]. *Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Foreign languages in the context of intercultural communication]: Proc. of the X International Conference, Saratov, February 21–22 (pp. 170–173). Saratov : Saratovskiy istochnik Press. (In Russ.).
- Ivanova, E. B. (2001). Intertekstual'nye svyazi v khudozhestvennykh fil'makh [Intertextuality in feature films]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd. (In Russ.).
- Kalegina, T. E. (2019). Osobennosti perevoda nazvaniy fil'mov Gollivuda s angliyskogo na nemetskiy i russkiy yazyki [Features of the translation of the Hollywood movies titles from English into German and Russian]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Kazan Linguistic Journal], 3, 30–57. (In Russ.).
- Kolodina, E. A., Paskova, I. V. (2016). Spetsifika peredachi obraza-smysla pri perevode nazvaniy kinofil'mov [The specificity of the image-sense in translating film titles (Based on the English and Korean languages)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2, 188–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/55/20>
- Konnova, S. I. (2017). Vliyanie globalizatsii na kinematograf [The impact of globalization on cinema]. *Rossiyskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy* [Russian Science and Education Today: Problems and Prospects], 2 (15), 26–27. (In Russ.).
- Kubrak, T. A. (2018). Sovremennyy rossiyskiy kinodiskurs: transliroemye obrazy i tsennosti [Contemporary Russian cinema discourse: Transmitted images and values]. In R. V. Ershov (Ed.), *Tsifrovoye obshchestvo kak kul'turno-istoricheskiy kontekst razvitiya cheloveka* [Digital society as a cultural and historical context of human development]: A collection of scientific papers (pp. 205–209). Kolomna : State University of Social Sciences and Humanities Press. (In Russ.).
- Kubrak, T. A. (2012). Spetsifika psikhologicheskogo vozdeystviya kinodiskursa [Specificity of the psychological impact of the film discourse]. In A. L. Zhuravlev, N. D. Pavlova (Eds), *Psikhologicheskoe vozdeistvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeistviya* [Psychological impact: Mechanisms, strategies, counter impact possibilities] (pp. 202–222). Moscow : Psychology Institute Press. (In Russ.).
- Lomova, O. E. (2022). Tsennosti nemetskoy lingvokul'tury cherez prizmu kinodiskursa [The values of German linguoculture through the prism of film discourse]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 11-1 (38), 33–37. (In Russ.). https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_01_08
- Nelyubina, Yu. A. (2013). Kinodiskurs kak ob"ekt lingvisticheskogo izucheniya [Film discourse as an object of linguistic study]. *Chelyabinskiy gumanitariy* [Chelyabinsk Humanitarian], 3, 71–73. (In Russ.).
- Nosovets, S. G. (2016). Novye media: k opredeleniyu ponyatiya [New Media: Defining the notion]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 4, 39–48.
- Vikulova, L. G. (Ed.). (2023). *Osnovy marketingovoy lingvistiki* [Basics of the Language of Marketing]. Moscow : Yazyki Narodov Mira Press.
- Surgay, Yu. V. (2008). Interdiskursivnost' kinoteksta v krosskul'turnom aspekte [Interdiscursivity of film text in cross-cultural aspect]. Author's abstract of the PhD in Philological sci. diss. Surgut State Pedagogical University. Tver. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2023 a). Tipografika kak sotsial'nyy indeks: sovetskiy landschaft v sovremennom rossiyskom diskurse [Typography as social index: Soviet landscape in the modern Russian discourse]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki* [ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics], 2 (36), 50–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73>
- Chernyavskaya, V. E. (2023 b). Tipograficheskiy landschaft i pragmatika tipograficheskoy variativnosti [Typographic landscape: Pragmatics of typographic variation]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta*.

- Ser. 2. Yazykoznanie. [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 22 (5), 89–100. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>
- Anisimov, V. E., Anisimova, E. D. (2024). Localization of the French linguoculture concepts in the English-language film discourse through the intertextuality. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]*, 15 (2), 499–519.
- Chernyavskaya, V. E. (2022). Typographic landscape in urban space: A sociolinguistic approach. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent [Slovo.ru: Baltic accent]*, 13 (4), 71–84. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-5>
- Krasina, E., Moctar, A. (2020). On Film Titles: Translation or Retitling? *Rossiyskiy sotsial'no-gumanitarnyy zhurnal [Social and Humanitarian Journal]*, 2. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1014>
- Pungă, L., Badea, G. (2018). “Lost in translation”. On some English movie titles and posters and their French and Romanian equivalents. *SKASE Journal of Translation and Interpretation*, 11 (1), 55–68.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2025; принята к публикации 01.08.2025.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 29.07.2025; accepted for publication 01.08.2025.

Бойко Елена Сергеевна
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
boikoes@susu.ru

Путеводитель: когнитивно-дискурсивные особенности жанра

Аннотация

Целью статьи является теоретический обзор работ, посвящённых проблематике путеводителя как одного из жанров туристического дискурса для выработки когнитивно-дискурсивной дефиниции данного жанра. В современных общественно-культурных условиях именно путеводитель выступает действенным инструментом конструирования и трансляции привлекательного для туриста образа города, региона, страны, что обуславливает необходимость лингвомаркетологического изучения путеводителя. Критический анализ трудов на материале разных языков позволил рассмотреть имеющиеся дефиниции ключевых понятий, функциональные характеристики указанных феноменов и их классификации. В ходе анализа выявлены неточности формулировок, смещение акцентов в зависимости от исследовательской точки зрения. Одной из причин разночтений следует назвать гибридный характер как туристического дискурса в целом, так и путеводителя в частности, который проявляется в сочетании рекламного, маркетингового, художественного и собственно лингвистического типов интеракции создателей справочных изданий и целевой аудитории. В итоге предложены собственные дефиниции обоих феноменов, которые могут служить отправной точкой для лингвомаркетологического анализа данного типа коммуникации и его жанрового пространства, что даст возможность создать корректный образ дестинации, повысить её экономическую привлекательность.

Ключевые слова: туристический дискурс, путеводитель, жанр, лингвомаркетология, имагология

© Бойко Е. С. 2025

Для цитирования: Бойко Е. С. Путеводитель: когнитивно-дискурсивные особенности жанра // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 21–30. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-21>

Elena S. Boiko
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
boikoes@susu.ru

Guidebook: Cognitive and discursive genre peculiarities

Abstract

The article aims to perform a theoretical review of works discussing the issues of a guidebook as a genre of tourist discourse and to offer a cognitive-discursive definition of this genre. In modern social and cultural conditions, a guidebook functions as an effective tool for constructing and transmitting the image of a city, region, country providing a compelling argument for its scrupulous linguamarketing study. Critical analysis of the previous works based on different languages enabled to consider the existing definitions of the key notions, functional patterns of the phenomena and their classifications. The analysis revealed a number of researcher-dependent inaccuracies in definitions as well as focus shifts. One of the reasons was found in the hybrid nature of tourist discourse as a whole and a guidebook in particular that is seen in a combination of advertising, marketing, artistic and linguistic types of interaction between the authors of the tourist reference books and the target audience. As a result, an alternative definition was offered for both phenomena that are supposed to

become a starting point for a linguamarketing study of this type of communication and its genre space to further create the right image of the destination and increase its economic attractiveness.

Keywords: tourist discourse, guidebook, genre, language marketing, imagology

© Boiko E. S. 2025

For citation: Boiko, E. S. (2025). Putevoditel': kognitivno-diskursivnye osobennosti zhanra [Guidebook: Cognitive and discursive genre peculiarities]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 21–30. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-21>

1. Введение [Introduction]

В современных общественно-культурных условиях и обстоятельствах путеводитель выступает не только источником получения знаний о прошлом и настоящем той или иной страны, но и инструментом конструирования и трансляции образа народа, этноса, национального сообщества. То, какие сведения о наиболее привлекательных для туристов местах включены в путеводитель, тесно связано с привлекательностью этих достопримечательностей в инокультурном сознании. Посещая места, информация о которых была получена из путеводителей, туристы не только способствуют экономическому росту определённого региона, но и подтверждают или опровергают имидж конкретной территории, созданный в путеводителе как жанре туристического дискурса. Теоретические изыскания в данной сфере весьма востребованы, поскольку они могут стать основой для выработки рекомендаций составителям изданий подобного рода как лингвомаркетологического продукта.

Ц е л ь ю настоящего исследования является обзор теоретических работ по заявленной проблематике для выработки когнитивно-дискурсивной дефиниции путеводителя. В дальнейшем данное определение станет основой для описания функционально-стилистических и лингвокультурологических средств моделирования образа Китая в русскоязычных и китайскоязычных путеводителях по стране. Цель предложенного анализа созвучна геополитическому вектору деятельности нашей страны, когда Россия всё чаще обращает свой взгляд на Восток, при этом особенно активно в последнее время развиваются отношения РФ и КНР. В пост-пандемийное время возобновился туристический обмен между нашими странами, что инспирирует необходимость когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического описания путеводителя как жанра.

2. Туристический дискурс: определение, функции, жанры [Tourist discourse: Definition, functions, genres]

Выше было отмечено, что путеводитель функционирует в рамках туристического дискурса, который представляет собой гибридный тип дискурса, совмещающий в себе признаки рекламного, маркетингового, художественного и собственно лингвистического типа интеракции. Н. В. Филатова отмечает, что признаки гибридизации туристического дискурса проявляются на двух уровнях: на макроуровне, когда текст, созданный в рамках анализируемого типа взаимодействия, является частью более широкого дискурсивного пространства, и на микроуровне, когда разноуровневые языковые единицы транслируют признаки конкретного типа дискурса, входящего в состав туристического [Филатова, 2012]. Другие авторы не согласны с данной точкой зрения и считают туристический дискурс не гибридным образованием, а разновидностью делового институ-

ционального дискурса, который обладает «такими атрибутивными признаками, как официальность, статусность, нормативность, этикетность, деловая тональность» [Тарнаева, Дацюк, 2013]. Внутри туристического дискурса выделяют профессиональный, академический и публичный типы интеракции, различающиеся лексическим составом текстов и реализуемыми коммуникативными стратегиями [Там же].

Туристический дискурс представлен широким спектром жанров в зависимости от формы его бытования: рекламная продукция туристических агентств (проспекты и брошюры), дневники путешественников (как в печатном виде, так и в сети интернет), энциклопедические статьи о туристических направлениях и маршрутах, или дестинациях, внутри страны и за рубежом, экскурсии, диалоги акторов туристического дискурса (при бронировании номера в отеле, при планировании поездки в турагентстве и т. д.), интернет-сайты туристических агентств, путеводители и многое другое.

В аспекте лингвистического описания туристического дискурса важным является выработка терминологического аппарата, который бы удовлетворял требованиям полипарадигмальности – вектора развития современного гуманитарного знания. Одним из проявлений полипарадигмального и междисциплинарного характера научных исследований является заимствование терминов из других исследовательских областей и (или) других языков. Ярким примером такого заимствования может служить использование термина «дестинация», который наиболее востребован в маркетинге и менеджменте [Кириянова, 2010; Морозов, Войт, 2013; Pearce, 2014 и др.]. В лингвистике данный термин широко используется в силу его универсального характера для обозначения разного рода феноменов: туристско-рекреационных кластеров, территориально-производственных кластеров, столичных городов с большим количеством достопримечательностей и т. д. Лингвомаркетологический и аксиологический потенциал термина «дестинация» позволяет ему функционировать в разных статусах: слово, концепт или константа [Зорин, 2012].

Ю. В. Слезко указывает, что любой жанр туристического дискурса представлен в виде текста определённого формата, которые условно делятся на три группы: информативные (журналы, газеты, веб-сайты, путеводитель); малоформатные тексты (брошюра, инструкция, реклама, объявление, меню, расписание движения транспорта, билеты); иконические (дорожные знаки, географические карты, схемы метро, план здания) [Слезко, 2013]. Вероятно, такое деление текстов жанрового пространства туристического дискурса представляется не вполне корректным, так как в основу такой классификации положены разные принципы.

В любом случае туристический дискурс в целом и жанры в частности выполняют определённые функции: информативную (знакомство целевой аудитории с наиболее привлекательными локациями), развлекательную (предоставление возможности оторваться от рутины и получить наслаждение от посещения новых или давно знакомых мест), аттрактивную (повышение привлекательности туристических мест), регулирующую (навигация туристов до и во время поездки) и аккумулятивную (накопление знаний о внешнем мире).

Анализ существующих определений туристического дискурса, его жанровой репрезентации и функциональных характеристик приводит нас к собственной дефиниции изучаемого феномена: туристический дискурс – это аксиологический лингвокультурный когнитивно-дискурсивный лингвомаркетологический феномен, сочетающий в себе элементы массовой и межличностной коммуникации, репрезентированный широким спектром жанров и жанровых форм, направленный на создание образа того или иного туристического направления / маршрута и страны, в которой находятся наиболее привлекательные достопримечательности.

3. Путеводитель как гибридный жанр туристического дискурса [Guidebook as a genre of tourist discourse]

С наибольшей силой все перечисленные выше характеристики и конститутивные части туристического дискурса проявляются в таком жанре как путеводитель. Чэнь Лэй выделяет следующие функции путеводителя: 1) формирование позитивного отношения адресанта к описываемым достопримечательностям; 2) когнитивно-эмоциональное воздействие на читателя при выборе дестинации для посещения, во время посещения культурно-исторического места, рефлексия полученного опыта и эмоций после посещения; 3) выполнение роли культурного посредника между туристом и той страной, в которую он направляется; 4) установление с читателем (потенциальным туристом) отношений друга и советчика [Чэнь, 2018, с. 27].

Е. С. Кара-Мурза представляет лапидарный, но точно соответствующий жанру путеводителя список из всего двух функций: информативная (просветительская) и рекламная [Кара-Мурза, 2012]. Такой акцент на маркетинговой составляющей рассматриваемого жанра приводит Е. С. Кара-Мурзу к необходимости введения нового термина для обозначения путеводителя – полижанр, так как, по мнению исследователя, он (путеводитель) «слагается из нескольких «полужанров» – словесных, в т. ч. словарных, изобразительных, в т. ч. картографических», а «путеводители, прообраз которых возник ещё в античности, а современная форма – в первой трети XIX в., с самого начала строились по полижанровой модели» [Кара-Мурза, 2012, с. 39]. Как показывают наши собственные наблюдения за жанровым пространством различных типов дискурса, термин «полижанр» не нашёл широкого применения при анализе текстов различной интенции, созданных и транслируемых для достижения определённых целей адресанта. Полагаем более корректным для обозначения анализируемого феномена использование термина «гибридизация», что даёт возможность элиминировать терминологическую лакуну в отношении как понимания жанра в целом, так и жанра путеводителя в частности.

Среди причин гибридизации жанров учёные называют: стремление журналистов к реализации своего творческого потенциала [Малышева, Гриднев, 2015], поиск оптимальных коммуникативных средств для обслуживания креативного экстралингвистического пространства [Сунь, 2022], диалогизацию и полифонию современного языковой и культурной реальности [Чернявская, Горшкова, 2025]. Несмотря на активное употребление атрибутива *гибридный* в отношении современных жанров и жанровых форм, необходимо сказать, что о гибридности писали ещё [Виноградов, 1930 : Бахтин, 1975]. Под гибридизацией жанров понимается заимствование одним жанром у другого названия, фреймо-слотовой структуры, вербальных или визуальных элементов в преломлении языковой игры [Нестерова, 2022]. Феномен жанровой гибридности связан с иерархической организацией жанра, когда гипержанр, объединяющий в себе несколько жанров, реализуется в собственно речевых жанрах, а те в свою очередь представлены в виде субжанров как одноактных высказываниях [Роднова, 2023]. В широком смысле под гибридизацией понимается смешение разнородных в формальном и концептуальном отношении сущностей, что приводит к появлению новых языковых и дискурсивных смыслов [Языковое творчество, 2011].

Поскольку существует понятие гибридного жанра, то вполне логично предположить, что процессы гибридизации экстраполируются на дискурс в целом. Действительно, в дискурсологии в последнее время активно разрабатывается концепция гибридного дискурса, объединяющего «в себе признаки и свойства дискурса различных социальных институтов» и представляющего «собой качественно новое образование, отличное от породивших его разновидностей дискурса» [Мурашова, 2022, с. 60]. Выделяются следующие типы гибридного дискурса: поликодовый (возникает в результате смешения

разных знаковых систем), монокодовый (возникает в результате смешения однородных знаковых систем), полиязыковой (возникает в результате смешения разных языков), моноязыковой (возникает в пределах одного языка) [Хотног, 2019]. Наиболее точным в теоретико-методологическом отношении мы считаем определение гибридного дискурса как типа интеракции, представляющего «собой сочетание дискурс-основ, которое не является механической суммой составляющих, а дает начало качественно новому формату дискурса» [Солопова, Наумова, 2018, с. 20]. Именно в рамках туристического дискурса как гибридного формата коммуникации функционирует жанр путеводителя.

Л. Е. Бахвалова указывает на две главные функции путеводителей – информационную и воздействующую, используя последнюю в качестве синонима рекламной функции [Бахвалова, 2012]. Полагаем возможным дополнить список ещё одной важной функцией – создание образа страны, в которой находится та или иная локация, так как «способность путеводителя нести имиджевое сообщение заложена в нём генетически, обусловлена функциональными особенностями» [Бахвалова, 2012, с. 343]. Экспансия функциональных характеристик путеводителя стала возможным благодаря расширению политических, экономических и культурных связей между странами, увеличению туристического потока из одного государства в другое, более свободного доступа к информации о другой нации. В таких экстрадискурсивных обстоятельствах путешественник и (или) турист уже не довольствуется путеводителем как справочным изданием, а всё чаще обращает внимание на «эмоциональные оценки, личностные интонации, преувеличения, беллетризованные тексты» [Рущинская, 2008, с. 37].

По мнению О. Е. Афанасьева, путеводитель отражает «наряду с объектами материальной культуры, и общественное сознание того или иного периода, что находит своё содержание в оценках, характере описания, господствующих взглядах на отдельные явления, процессы, события» [Афанасьев, 2022, с. 7]. Такая характеристика когнитивно-дискурсивных особенностей путеводителя созвучна лингвистической задаче изучения образов и имиджей, которая «включает анализ сенсорных, ассоциативных, эмоциональных и концептуальных компонентов, которые в совокупности создают целостное восприятие объекта или человека» [Ван, 2024, с. 6]. Следовательно, путеводитель может рассматриваться как объект междисциплинарных исследований, так как он обладает полифункциональной природой, существует в различных формах, сочетает в себе признаки различных типов дискурса.

Рассмотрим несколько классификаций путеводителей. Н. В. Коржикова подразделяет все путеводители по Якутску на несколько групп: а) по статусу: официальные или неофициальные; б) по актуальности: обновляемые или необновляемые; в) по тематике: путеводители по городу в целом, по культурно-массовым мероприятиям, ресторанам, отдельному маршруту [Коржикова, 2018, с. 110].

Более подробная классификация путеводителей предложена О. Е. Афанасьевым [Афанасьев, 2022]. Помимо деления по статусу и актуальности предложено деление 1) по месту нахождения покупателя/пользователя путеводителя: а) для туриста, который посещает дестинацию в первый раз, б) для туриста, который посещает регион повторно, и хочет обладать более расширенной информацией о нём, в) для местного жителя; 2) по способу передвижения туриста по маршруту в зависимости от выбранного вида транспорта: а) для пешеходных прогулок, б) для велосипедистов, в) для автотуристов, г) для круизного путешествия, д) для путешествующих автостопом.

По форме представления информации различают: печатные путеводители, электронные путеводители, онлайн (web)-путеводители, аудиопутеводители и видеопутеводители [Афанасьев, 2022]. Печатные путеводители, в свою очередь, представлены наглядными (с большим количеством фотографий), информационными (с полезной для

пребывания в том или ином месте информацией – телефоны и адреса отелей, ресторанов и т. д.), для отдыха (содержат заранее составленные маршруты), для бэкаперов (бэкпекаров) (содержат собственные впечатления путешественников и туристов), для «диванных» путешественников (будут полезны тем, кто только планирует своё путешествие), для самостоятельных путешественников (отличаются оригинальными маршрутами, предназначены для тех, кто не любит ходить традиционными маршрутами) [Там же].

Полагаем, что тематика путеводителей может быть расширена за счёт соответствующих типов изданий по отдельно взятой стране. Так, например, лингвисты изучают средства репрезентации лингвокультурных реалий в туристических путеводителях по Франции [Тайави, 2016], обращаются к описанию типологических и функционально-стилистических характеристик путеводителей по Великобритании и США [Протченко, 2006], анализируют и систематизируют языковые средства и тактические приемы построения образа туристических дестинаций в русскоязычных путеводителях по Китаю [Чэнь, 2017]. Все перечисленные исследования выполнены в русле имагологического направления лингвистики, когда изучается образ «другого» на фоне культурно-аксиологических «своих» установок.

Необходимо отметить, что инструментом формирования образа той или иной страны может выступать не только путеводитель как жанр туристического дискурса, но и тексты-описания достопримечательностей, а также интернет-отзывы туристов [Инь, 2022]. Вероятно, именно интернет-отзывы туристов являются наиболее гендерно маркированным жанром туристического дискурса [Головина, Тулупова, 2020]. Такие отзывы представляют репрезентацию авторами туристического дискурса своих личных предпочтений активизирует познавательную деятельность коммуникантов и находит отражение в появлении новых номинаций [Липириди, 2019].

Изучение дефиниций, функциональных характеристик, классификаций путеводителей даёт возможность предложить собственное определение изучаемого феномена. Итак, путеводитель – это гибридный жанр туристического дискурса, который является справочной, научно-познавательной и даже развлекательной литературой, существует в различных формах бытования (печатная, электронная, аудиовизуальная), обладает когнитивно-дискурсивными, лингвоаксиологическими, культурологическими, имагологическими характеристиками, которые могут варьировать в зависимости от интенции его создателя, гендерной и национальной принадлежности составителя, формы бытования путеводителя.

4. Заключение [Conclusion]

Проведённый обзор показал, что необходимость теоретического изучения путеводителя не вызывает сомнения: насколько размыты сегодня границы туристического дискурса, настолько неоднозначным является понимание изучаемого жанра как представителями различных научных направлений, так и лингвистами. Востребованность чёткой дефиниции путеводителя как жанра туристического дискурса, определение его функциональных характеристик, описание видов и подвидов ощущается с наибольшей силой, когда изучаются рекомендации для путешественников, репрезентирующие страну, отличающуюся в цивилизационном плане, находящуюся на противоположном векторе дихотомии «Восток – Запад», использующую типологически другой язык. Сказанное будет верным о Китае как о стране, которую связывает с Россией долгая и проверенная годами дружба, но которая по-прежнему остаётся «терра инкогнита» для подавляющего большинства россиян. Именно от корректно выстроенной лингвомаркетологической работы составителей путеводителей по Китаю на китайском и русском языках зависит то, какой образ этой страны будет сформирован в сознании туристов.

Изучение функционально-стилистических, линвокультурологических и аксиологических средств создания образа Китая в русскоязычных и китайскоязычных путеводителях мы относим к возможным перспективам настоящего исследования.

Библиографический список

- Афанасьев, 2022 – Афанасьев О. Е. Туристский путеводитель: понятие, значение, классификация и потребительские характеристики // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16, № 2. С. 5–23. <http://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-2-5-23>
- Бахвалова, 2012 – Бахвалова Е. С. Путеводитель как инструмент формирования имиджа города (на примере путеводителей по городу Ярославлю) // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 4. С. 342–345.
- Бахтин, 1975 – Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
- Ван, 2024 – Ван Ц. Образ гор как туристических объектов: Кавказ и Алтай // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10. № 4. С. 5–16.
- Виноградов, 1930 – Виноградов В. В. О художественной прозе. М.–Л. : ГИЗ, 1930. 186 с.
- Головина, Тулупова, 2020 – Головина Е. В., Тулупова Е. Н. Функционирование лексико-стилистических средств в интернет-отзыве туриста. М. : Интернаука, 2020. 78 с.
- Зорин, 2012 – Зорин А. И. Концептуальное дидактическое проектирование туристских дестинаций. М. : Советский спорт, 2012. 80 с.
- Инь, 2022 – Инь Ц. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2022. Т. 19, № 4. С. 72–78.
- Кара-Мурза, 2012 – Кара-Мурза Е. С. Полиинтенциональность медиатекста (на материале путеводителя как досугового издания) // Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб. : Санкт-Петербургский гос. университет, 2012. С. 33–40.
- Кириянова, 2010 – Кириянова Л. Г. Маркетинг дестинаций как современный подход к управлению туристским регионом // Известия Томского политех. ун-та. 2010. Т. 316, № 6. С. 35–41.
- Липириди, 2019 – Липириди С. Х. Неологизмы в туристическом дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2019. № 3 (24). С. 90–93.
- Малышева, Гриднев, 2015 – Малышева Е. Г., Гриднев Н. А. Специфика гибридных жанров в журналистике (на материале публицистических текстов омского журналиста С.Н. Шкаева) // Коммуникативные исследования. 2015. № 4. С. 111–122.
- Морозов, Войт, 2013 – Морозов М. А., Войт М. Н. Теоретико-экономическое содержание понятия «туристская дестинация» // Вестник Российского нового ун-та. 2013. № 2. С. 188–195.
- Мурашова, 2022 – Мурашова Е. П. Мнемонический потенциал гибридного дискурса (на материале англоязычных политических медиатекстов) // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 59–69.
- Нестерова, 2022 – Нестерова Т. В. Гибридные жанры в игровой интернет-коммуникации (поздравительный дискурс) // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 43–57. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-43-57>
- Протченко, 2006 – Протченко А. В. Структурно-композиционные и линвокультурные характеристики англоязычного путеводителя // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве-2. Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2006. С. 39–48.
- Роднова, 2023 – Роднова М. А. Интеллект-шоу как гибридный жанр дискурса массмедиа // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2023. Вып. 4 (228). С. 110–118. <https://doi.org/10.23951/1609-624x-2023-4-110-118>
- Рущинская, 2008 – Рущинская И. И. Региональный путеводитель в России: формирование жанра (на примере путеводителей по Поволжью) // Вестник Московского ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 25–39.

- Слезко, 2013 – Слезко Ю. В. Феноменологическое пространство туристического дискурса // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2013. № 15. С. 155–162.
- Солопова, Наумова, 2018 – Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15–21.
- Сунь, 2022 – Сунь Б. Гибридизация жанров корпоративного дискурса: на материале презентационных текстов о компании // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Гуманитарные науки. 2022. № 9. С. 176–178. <http://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.09.33>
- Тайави, 2016 – Тайави Я. М. Особенности французской туристической терминологии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 169–172.
- Тарнаева, Дацюк, 2013 – Тарнаева Л. П., Дацюк В. В. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 3. С. 229–235.
- Филатова, 2012 – Филатова Н. В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2012. № 3. С. 41–46.
- Хотног, 2019 – Хотног А. В. Природа гибридного дискурса (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 8. С. 190–194. <http://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.37>
- Чернявская, Горшкова, 2025 – Чернявская В. Е., Горшкова Н. Э. Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 1. С. 74–89. <http://doi.org/110.5922/2225-5346-2025-1-5>
- Чэнь, 2017 – Чэнь Л. Образы животных в текстах путеводителей по Китаю // Культура и цивилизация. 2017. Т. 5, № 7. С. 553–560.
- Чэнь, 2018 – Чэнь Л. Полирегистровость текста путеводителя (на примере путеводителей по Китаю для русских туристов) // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 22–28. <http://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-14022>
- Языковое творчество, 2011 – Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 404 с.
- Pearce, 2014. – Pearce D. G. Toward an Integrative Conceptual Framework of Destinations // Journal of Travel Research. 2014. Vol. 53 (2). P. 141–153.

References

- Afanasiev, O. E. (2022). Turistskiy putevoditel': ponyatie, znachenie, klassifikatsiya i potrebitel'skie kharakteristiki [A tourist guide: The concept, meaning, classification and consumer characteristics]. *Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad]*, 16 (2), 5–23. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-2-5-23>
- Bakhvalova, E. S. (2012). Putevoditel' kak instrument formirovaniya imidzha goroda (na primere putevoditeley po gorodu Yaroslavyu) [Guidebook as an instrument of forming the city image (On the example of guidebooks to Yaroslavl)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 1 (4), 342–345. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Questions of literature and esthetics. Research of different years]*. Moscow : Khudozhestvennaya literatura Press. (In Russ.).
- Wang, J. (2024). Obraz gor kak turisticheskikh ob"ektov: Kavkaz i Altay [Image of mountains as tourist objects: Caucasus and Altai]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (4), 5–16. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1930). *O khudozhestvennoy proze [About fiction]*. Moscow – Leningrad : GIZ Press. (In Russ.).
- Golovina, E. V., Tulupova, E. N. (2020). *Funktsionirovanie leksiko-stilisticheskikh sredstv v internet-otzyve turista [Functioning of lexical and stylistic means in an online tourist review]*. Moscow : Internauka Press. (In Russ.).

- Zorin, A. I. (2012). *Kontseptual'noye didakticheskoye proyektirovaniye turistskikh destinatsiy* [Conceptual didactic design of tourist destinations]. Moscow : Sovetskiy sport Press. (In Russ.).
- Yi, Z. (2022). Otzyv turista kak novyy rechevoy zhanr turisticheskogo internet-diskursa [Review of a tourist as a new speech genre of tourist internet discourse]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"], 19 (4), 72–78. (In Russ.).
- Kara-Murza, E. S. (2012). Poliintentsional'nost' mediateksta (na materiale putevoditelya kak dosugovogo izdaniya) [Polyintentionality of media text (Based on a guidebook as a leisure publication). *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema* [Media text as a poly-intentional system] (pp. 33–40). St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Kir'yanova, L. G. (2010). Marketing destinatsiy kak sovremennyy podkhod k upravleniyu turistiskim regionom [Destination marketing as a modern approach to managing a tourist region]. *Izvestiya Tomskogo politekh. un-ta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 316 (6), 35–41. (In Russ.).
- Lipiridi, S. Ch. (2019). Neologizmy v turisticheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) [Neologism in tourist discourse (Based on the English language). *Vestnik Omskogo gos. ped. un-ta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research], 3 (24), 90–93. (In Russ.).
- Malysheva, E. G., Gridnev, N. A. (2015). Spetsifika gibridnykh zhanrov v zhurnalistike (na materiale publitsisticheskikh tekstov omskogo zhurnalista S.N. Shkayeva) [Specificity of hybrid genres in journalism (Based on publicistic texts of Omsk journalist S. N. Shkaev)]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies], 4, 111–122. (In Russ.).
- Morozov, M. A., Voyt, M. N. (2013). Teoretiko-ekonomicheskoye soderzhaniye ponyatiya «turistskaya destinatsiya» [Theoretical and economic content of the concept of "tourist destination"]. *Vestnik Rossiyskogo novogo un-ta* [Vestnik of the Russian New University], 2, 188–195. (In Russ.).
- Murashova, E. P. (2022). Mnemonicheskiy potentsial gibridnogo diskursa (na materiale angloyazychnykh politicheskikh mediatekstov) [Mnemonic potential of hybrid discourse (based on English-language political media texts)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 4 (94), 59–69. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2022). Gibridnyye zhanry v igrovoy internet-kommunikatsii (pozdravitel'nyy diskurs) [Hybrid genres in gaming Internet communication (Congratulatory discourse)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 17, 1 (33), 43–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-43-57>
- Protchenko, A. V. (2006). Strukturno-kompozitsionnye i lingvokul'turnye kharakteristiki angloyazychnogo putevoditelya [Structural-compositional and linguacultural characteristics of the English-language guideboo]. *Klassicheskoe lingvisticheskoe obrazovanie v sovremennom mul'tikul'turnom prostranstve-2* [Classical linguistic education in a modern multicultural space-2] (pp. 39–48). Pyatigorsk : Pyatigorsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Rodnova, M. A. (2023). Intel'ektshou kak gibridnyy zhanr diskursa massmedia [Quiz show as a hybrid genre of mass media discourse]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 4 (228), 110–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624x-2023-4-110-118>
- Rutsinskaya, I. I. (2008). Regional'nyy putevoditel' v Rossii: formirovaniye zhanra (na primere putevoditeley po Povolzh'yu) [Provincial guidebooks in Russia: the formation of the genre (on the example of the Volga region). *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2, 25–39. (In Russ.).
- Slezko, Yu. V. (2013). Fenomenologicheskoye prostranstvo turisticheskogo diskursa [Phenomenological space of tourism discourse]. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University], 15, 155–162. (In Russ.).
- Solopova O. A., Naumova K. A. (2018). Gibridnyye formaty diskursa: problemy klassifikatsii [Hybrid discourse formats: Classification issues]. *Filologicheskiiy klass* [Philological Class], 4 (54), 15–21. (In Russ.).
- Sun, B. (2022). Gibridizatsiya zhanrov korporativnogo diskursa: na materiale prezentatsionnykh tekstov o kompanii [Hybridization of corporate discourse genres: Based on the material of presentation texts about the company]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya:*

- Gumanitarnyye nauki [Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice. Humanities]*, 9, 176–178. (In Russ.).
- Tayawi, Ya. (2016). Osobennosti frantsuzskoy turisticheckoy terminologii [Features of the French tourism terminology]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnyye nauki [Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice. Humanities]*, 5, 169–172. (In Russ.).
- Tarnaeva, L. P., Datsyuk, V. V. (2013). Turisticheskii diskurs: lingvopragmaticheskie kharakteristiki [Tourist discourse: Linguopragmatic aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistsika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 3, 229–235. (In Russ.).
- Filatova, N. V. (2012). Turisticheskii diskurs v ryadu smezhnykh diskursov: gibrizatsiya ili polifoniya? [Tourism discourse among adjoining discourses: Hybridization or polyphony?]. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]*, 3, 41–46. (In Russ.).
- Khotnog, A. V. (2019). Priroda gibridnogo diskursa (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Hybrid discourse nature (By the material of the French language)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and Practice]*, 12 (8), 190–194. (In Russ.). <http://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.37>
- Chernyavskaya, V.Ye., Gorshkova, N. E. (2025). Gibrizatsiya zhanra v persuazivnoy kommunikatsii [Hybrid genre in persuasive communication]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent [Slovo.ru: Baltic Accent]*, 16 (1), 74–89. (In Russ.). <http://doi.org/110.5922/2225-5346-2025-1-5>
- Chen, L. (2017). Obrazy zhivotnykh v tekstakh putevoditeley po Kitayu [Images of animals in the texts of guidebooks on China]. *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]*, 5 (7), 553–560. (In Russ.).
- Chen, L. (2018). Poliregistrovost' teksta putevoditelya (na primere putevoditeley po Kitayu dlya russkikh turistov) [Polyregisterity of the guidebook: On the example of travel guidebooks on China for Russian tourists]. *Mir russkogo slova [World of the Russian Word]*, 4, 22–28. (In Russ.). <http://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-14022>
- Yazykovoye tvorchestvo (2011). *Yazykovoye tvorchestvo v dinamike semioticheskikh vzaimodeystviy [Language creativity in the dynamics of semiotic interactions]*. Moscow: IPK MGLU «RemA» Press. (In Russ.).
- Pearce, D. G. (2014) Toward an integrative conceptual framework of destinations. *Journal of Travel Research*, 53 (2), 141–153.

Дыбовский Александр Сергеевич
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
dybovskii.as@dvfu.ru

Универсальные и специфические черты фразеологии японского языка

Аннотация

В этой статье, основываясь на исследованиях по японской и русской фразеологии, а также на материалах по истории японского языка и особенностях японской графики, мы ставим перед собой цель выявить универсальные и уникальные черты японской фразеологии, а также причины её уникальности. С помощью сопоставительного, функционально-семантического, этимологического и диахронического анализа было проанализировано несколько сотен исконно японских и около 500 протокитайских фразеологических композитов, отобранных из японских сетевых словарей и речевых корпусов. К материалу были применены три классификации: В. В. Виноградова, А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, а также С. А. Быковой. В результате выявлено, что ядро японской фразеологии представлено единицами, логично уместящимися в классификации русских фразеологизмов. В то же время был обнаружен большой массив двух-, трёх-, четырёх- или пятикомпонентных протокитайских фразеологизмов. Другой уникальной чертой являются так называемые подставленные иероглифы (*атэдзи*) и иероглифические фразеологизмы. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что сложность и многообразие японской фразеологии в первую очередь обусловлена многовековым сосуществованием в японском языке двух фразеологических систем – исконно японской и протокитайской. Их симбиоз в рамках единой языковой системы породил гибридные формы различной степени сложности. В последние столетия заимствования из европейских языков, в частности английского, стали активно вовлекаться в образование фразеологизмов, добавляя динамики и разнообразия в современную японскую фразеологию.

Ключевые слова: японская фразеология, классификация фразеологизмов, исконно японские фразеологизмы, протокитайские фразеологизмы, *атэдзи* и иероглифические фразеологизмы, симбиоз фразеологических подсистем

© Дыбовский А. С. 2025

Для цитирования: Дыбовский А. С. Универсальные и специфические черты фразеологии японского языка 2025. Вып. 11, № 3. С. 31–50. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-31>

Alexander S. Dybovsky
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation
dybovskii.as@dvfu.ru

Universal and specific features of Japanese phraseology

Abstract

Based on scholarly research in both Japanese and Russian phraseological systems incorporating linguistic data from the history of the Japanese language and the patterns of its writing systems, this paper aims to identify both universal and unique features of Japanese phraseology focusing on the origin of this uniqueness. Comparative, functional-semantic, etymological and diachronic methods were used to analyze several hundred authentic Japanese and around 500 Sino-Japanese phraseological units selected from Japanese web dictionaries and speech

corpora. The material was processed using three classifications of V. V. Vinogradov, A. N. Baranov & D. O. Dobrovolskiy and S. A. Bykova. The results show that the nucleus of Japanese phraseology is represented by the units that logically fit into the existing classifications for the Russian phraseology. At the same time, a sizable layer of two-, three-, four- and five-character phraseological units was found. Another specific feature was the use of *ateji* and kanji-based idiomatic expressions. The findings suggest that the complexity and diversity of Japanese phraseology are primarily shaped by the centuries-long coexistence and interaction of two core subsystems: the native (Yamato) phraseological tradition and the Sino-Japanese (*kanbun*-derived) system. Their mutual influence within a unified linguistic framework has given rise to numerous hybrid formations exhibiting various levels of semantic and structural integration. In recent centuries, loanwords from European languages, particularly English, have become increasingly involved to build idiomatic patterns contributing to the dynamic, multi-layer nature of modern Japanese phraseology.

Keywords: Japanese phraseology, classification of phraseological units, authentic Japanese phraseological units, Sino-Japanese phraseological units, *ateji* and kanji-based idiomatic expressions, phraseological subsystems symbiosis

© Dybovsky A. S. 2025

For citation: Dybovsky, A. S. (2025). Universal'nye i spetsificheskie cherty frazeologii yaponskogo yazyka [Universal and specific features of Japanese phraseology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 31–50. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-31>

1. Введение [Introduction]

Этот краткий очерк является продолжением многолетней исследовательской работы [Фролова, 1979; Быкова, 1985; Дыбовский, 2024 а, б; Дыбовский, 2025 а, б, в; Дыбовский, Щепетунина, 2025]. В настоящем исследовании фразеология понимается как уникальная часть системы языка, связанная с лексикой и грамматикой, и порождаемая «уникальными правилами» [Баранов, Добровольский, 2014, с. 43]. Фразеология – это не только органическая часть лексической и грамматической систем языка, но и важный фрагмент «языковой культуры» этноязыкового коллектива, связанный с особенностями этноязыковой картины мира и, соответственно, с менталитетом народа (ср. [Баранов, Добровольский, 2014, с. 38], со ссылкой на [Телия, 1996]).

По всей вероятности, фразеология естественных языков относится к языковым универсалиям и существует во всех языках. Данная статья ставит целью описание общих контуров и специфических черт фразеологии японского языка. В работе использовались сопоставительный, функционально-семантический, этимологический, диахронический анализ. Источниками языкового материала послужили отечественные и зарубежные публикации, YouTube-видеоролики, сетевые словари: Jardic, БКРС, Weblio. Использовались также Сбалансированный корпус современной японской письменной речи [BCCWJ] и генеративный ИИ ChatGPT. Было проанализировано несколько сотен исконно японских, а также около 500 протокитайских фразеологических композитов (далее – ПФК)¹.

Мы будем исходить из того, что важнейшими свойствами фразеологизмов, или фразеологических единиц, (далее – ФЕ) являются идиоматичность и устойчивость [Баранов, Добровольский, 2014, с. 44–64]. Вслед за А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским будем считать, что базовыми признаками идиоматичности ФЕ являются: 1) переинтерпретация исконного значения компонентов ФЕ, то есть наличие семантиче-

¹Протокитайскими фразеологическими композитами (протокитайскими фразеологизмами) мы будем называть фразеологизмы, заимствованные японцами из китайского языка в разные эпохи, а также фразеологизмы, созданные (и создаваемые) в Японии по китайским моделям.

ских сдвигов в значении хотя бы одного из компонентов ФЕ; 2) непрозрачность значения (правил его порождения, а также семантики компонентов ФЕ или грамматической формы ФЕ), соответственно невозможность выявления значения ФЕ по стандартным правилам взаимодействия лексики и грамматики; 3) усложнение способа указания на денотат ФЕ в результате метафоризации исходного выражения или его переносного употребления; «выражение является идиоматичным, если в нём обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация» [Баранов, Добровольский, 2014, с. 44–45]. Средствами идиоматизации языкового выражения чаще всего являются «метонимический сдвиг или метафорическое переосмысление» исходного выражения [Там же, с. 44]. Важнейшими объектами фразеологии являются так называемые «идиомы» [Там же, с. 45]. Идиомы, как правило, уникальны по структурной организации и семантической сложности. Обладая целостностью значения и высокой устойчивостью, они входят в системные отношения со словарным составом языка. В следующих двух разделах этой статьи мы займёмся выяснением универсальных и специфических черт японской фразеологии.

2. Универсальные черты японской фразеологии [Universal features of Japanese phraseology]

Для выяснения сходства фразеологии японского языка с фразеологией, например, русского языка, обратимся к японской фразеологии с позиций фразеологических концепций [Виноградов, 2001, с. 27–33 ; Баранов, Добровольский, 2014]. Как известно, по степени идиоматичности В. В. Виноградов подразделяет ФЕ русского языка на 3 класса: 1) фразеологические сращения или идиомы; 2) фразеологические единства; 3) фразеологические сочетания. Данный подход применим и к описанию ФЕ японского языка. Как и русские фразеологизмы, ФЕ японского языка подразделяются на три класса по степени (уровню) идиоматичности.

1. Фразеологические сращения или «идиомы» – это наиболее целостные и сложные единицы японской фразеологии, обладающие высоким уровнем идиоматичности и устойчивости. Приведём примеры.

度肝を抜く *догимо о нуку* – букв. 'вышибить (вынуть) печень'; переносно: 'ошеломить', 'поразить до глубины души', 'выбить из колеи'; 'привести в сильнейшее замешательство или потрясение – от удивления, страха, шока'. Слово 度肝 (どぎも) – усиленная форма слова *печень* (肝), традиционно ассоциирующееся с мужеством и внутренней стойкостью.

虫の居所が悪い *муси но идокоро га варуй* – букв. 'местоположение насекомого плохое'; переносно: 'не в духе', 'в плохом настроении'. Этот фразеологизм часто используется для описания раздражённого, сварливого человека, который по незначительному поводу способен выйти из себя. Слово 虫 (むし) символически связано с чувствами и душевным состоянием человека. В народных верованиях японцев мизантропическое поведение человека интуитивно связывалось с «неправильно сидящим внутри телесным духом».

鬚太を張る *бинта о хару* – букв. 'залепить по виску'; простореч. 'дать пощёчину', 'влепить оплеуху'. Это просторечное выражение используется в повседневной речи с грубоватым или ироничным оттенком. Изначально восходит к термину театра *кабуки* 鬚太 (びんた) – 'густые накладные волосы на висках актёров'. Отсюда второе, более архаичное значение: 'выставить скулы', 'принять вызывающий, агрессивный вид'.

胡坐をかく *агура о каку* – букв. 'сидеть по-турецки'; переносно: 'расслабиться', 'почивать на лаврах'; 'вести себя самодовольно'. Изначально выражение обозначает традиционную позу сидения со скрещёнными ногами (по-турецки), характерную для муж-

чин в Японии. В переносном значении выражение употребляется в значении вести себя самодовольно, бездействовать, уверенно опираться на уже достигнутое, не прилагая новых усилий. Нередко несёт негативный или критический оттенок, указывая на излишнюю самоуверенность или пассивность описываемой личности. В современном японском языке выражение часто используется, когда кто-то отвлекается от дела, ленится, имитируя деловую активность.

油を売る *абура о уру* – букв. 'продавать масло'; переносно: 'бездельничать', 'тянуть время', 'праздно болтать'; 'заниматься пустой болтовнёй, отвлекаясь от работы', 'терять время впустую'. Фразеологизм возник в эпоху Эдо, когда торговцы косметическим маслом (особенно – для причёсок и макияжа) были известны тем, что вели долгие разговоры с покупательницами, «продавая» не только масло, но и внимание. Описываемая ФЕ приобрела иронично-пренебрежительный оттенок.

猫をかぶる *нэко о кабуру* – букв. 'надеть кошку'; переносно: 'прикидываться тише воды, ниже травы', 'строить из себя пай-мальчика / девочку'. Фразеологизм означает, что человек прикидывается кротким и безобидным, скрывая свой настоящий характер. Обычно используется по отношению к людям, которые в новых обстоятельствах сначала ведут себя «идеально», но затем показывают истинное лицо.

虫がつく *муси га цуку* – букв. 'приклеивается насекомое'; переносно: 'пристаёт ухажёр'; 'появляется навязчивый поклонник'. Устойчивое выражение из разговорной речи, означающее, что к девушке или женщине начинает проявлять интерес мужчина, обычно нежелательно или навязчиво. Слово 虫 (むし), часто ассоциирующееся с «червячками» в животе, внутренними ощущениями, в данном случае символизирует навязчивое существо, «приставшее» к человеку. Для ФЕ характерны иронично-негативные коннотации, нередко с оттенком заботливого беспокойства.

水に流す *мидзу ни нагасу* – букв. 'спустить с водой'; переносно: 'забыть, выкинуть из памяти', 'распрощаться с прошлым'. Идиома отражает философию примирения и прощения, имплицитно стремясь человека отпустить прошлое, забыть обиду или ссору, чтобы начать отношения с чистого листа. Вода в японской культуре в соответствии с буддийскими и индуистскими традициями часто связана с очищением и обновлением.

腹をくくる *хара о куккуру* – букв. 'перевязать живот'; переносно: 'решиться, собраться духом', 'принять твёрдое решение'. Идиома имеет древние корни, отражает решимость и готовность индивидуума стойко встретить трудности. В историческом контексте отсылает к образу самурая, готовящегося к смерти (например, при помощи *харакири*); в современном языке означает готовность действовать решительно и безоголочно, несмотря на страх или сомнения.

Говоря о японских идиомах, необходимо отметить, что в них встречается немало китаизмов, органично использовавшихся японцами на протяжении многих столетий. Как и в русском языке, некоторые лексемы архаичны и практически не употребляются вне соответствующих ФЕ, например: 鬢太 *бинта* – арх. 'густые накладки на висках актёров', 胡坐 *агура* – 'поза человека со скрещёнными по-турецки ногами', 度肝 *догимо* – 'самая печень'. Таким образом, и в системе исконно японских фразеологизмов обнаруживается некоторое количество китаизмов.

2. Фразеологические единства – это ФЕ с более прозрачной семантической структурой, меньшим уровнем структурного единства, чем идиомы. Для них характерны средний уровень идиоматичности, метафоризация значения исходного выражения и / или его метонимические сдвиги, например: 鼻が高い *хана га такай* – букв. 'нос высокий' → 'заносчивый, высокомерный'; 耳が痛い *мими га итай* букв. 'уши болят' → 'невыносимо слушать'; 口が堅い *кути га катый* – букв. 'рот твёрдый' → '(некто) способен держать язык за зубами', '(некто) не болтлив'. Приведём ещё несколько примеров.

手を抜く *тэ о нуку* – букв. 'вынуть руку'; переносно: 'халтурить', 'делать что-то, спустя рукава'. Выражение указывает на выполнение каких-то действий небрежно, без должного старания и тщательности. Часто используется в профессиональном, учебном и бытовом контекстах.

首を突っ込む *куби о цуккому* – букв. 'засунуть шею'; переносно: 'вмешиваться', 'совать нос', 'лезть не в своё дело'. ФЕ описывает ситуацию, когда некто навязчиво вмешивается в чужие дела.

足を引っ張る *аси о хиппару* – букв. 'тянуть ногу'; переносно: 'ставить палки в колёса', 'мешать', 'тормозить'. ФЕ обозначает ситуацию, когда кто-то мешает прогрессу другого, сознательно или неосознанно тормозит дело, тянет назад. Часто используется в деловых или спортивных контекстах.

腰が低い *коси га хикуй* – букв. 'поясница низкая'; переносно: 'скромный', 'почтительный', 'без заносчивости'. Выражение характеризует человека как скромного и вежливого в общении. Буквальный образ связан с традиционной японской вежливой осанкой – склонённым корпусом и низким поклоном. Ср. антоним – 腰が高い *коси га такай* 'высокомерный'.

肩を持つ *ката о моцу* – букв. 'держат плечо'; переносно: 'встать на чью-то сторону', 'поддерживать кого-то'. Фразеологизм означает, что некто принимает сторону другого лица в споре, конфликте или дискуссии. ФЕ воспроизводит образ стоящих плечом к плечу единомышленников. Используется как в бытовых, так и деловых ситуациях.

Как видим, фразеологические единства японского языка представляют собой большой массив разговорных метафоричных выражений, в которых широко используются названия частей тела человека.

3. **Фразеологические сочетания.** В ФЕ этого типа сдвиги значения обычно наблюдаются только у одного из компонентов; характерен ещё более низкий уровень идиоматичности и структурно-семантического единства, возможна вариативность компонентов ФЕ, например: 喜びを浮かべる *ёрокиби о укабэру* 'проявлять радость'; 涙を浮かべる *намида о укабэру* 'наполниться слезами (о глазах)'; 微笑み (微笑) を浮かべる *хохоэми (бисё:) о укабэру* 'показать лёгкую улыбку'; 意見を立てる *икэн о татэру* 'высказать мнение'; 計画 (案) を立てる *кэйкаку (ан) о татэру* 'представить план (проект)'; タバコ (シガレット) を吸う *табако (сигарэтто) о суу* 'курить табак (сигарету)'.

Итак, трёхступенчатая классификация ФЕ В. В. Виноградова, будучи универсальной с точки зрения логики, вполне пригодна для описания основного ядра исконно японских фразеологизмов современного японского языка (ср. применение системы В. В. Виноградова для описания фразеологии китайского языка [Ветров 2007, с. 62]).

Теперь попробуем применить для описания японских ФЕ систему, разработанную А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Она была выработана преимущественно на материале европейских языков. Авторы выделяют семь основных классов фразеологизмов русского языка [Баранов, Добровольский, 2014, с. 67–96]. Попробуем для каждого вида ФЕ найти аналоги в японском языке.

1. Идиомы. Идиомы в вышеназванной работе – более широкая категория, чем идиомы В. В. Виноградова. Кроме фразеологических сращений и, по крайней мере, части фразеологических единств здесь обнаруживается большое разнообразие ФЕ высокой степени идиоматичности и экспрессивности. Идиомы японского языка – это семантически непрозрачные речевые формулы, представляющие собой компактные и яркие речевые сентенции, закрепившиеся в японском этноязыковом коллективе в качестве характеристик ряда специфических ситуаций; идиомы-комментарии, экспрессивно поясняющие суть чьих-то действий; идиомы-перформативы, призванные детерминиро-

вать поведение собеседника; наконец, терминологические идиомы, в которых идиоматические сдвиги значения происходят при образовании (создании) терминов.

1. Идиоматические речевые формулы представляют собой экспрессивные ФЕ, предназначенные для компактного и образного описания некоторых типовых ситуаций, например: 猫も杓子も букв. 'и кошка, и суповой черпак' → 'все подряд'; 'кто угодно'; ピンからキリまで *пин кара кири мадэ* – букв. 'от булавки до (христианского) креста'; переносно: 'от лучшего до худшего', 'всё подряд – и хорошее, и плохое'. Приведём другие примеры ФЕ этого типа.

泣きっ面に蜂 *накиццура ни хати* – букв. 'пчела на плачущее лицо'; переносно: 'пришла беда – отворяй ворота'. Идиома используется для описания ситуаций, когда несчастья сыплются одно за другим.

だらしない *дараси га най* – букв. 'нет опрятности' → 'неряшливый', 'разболтанный', 'слабовольный', 'неорганизованный'. Обычно используется для характеристики человека с негативной стороны – как в отношении внешнего вида (неопрятный, неухоженный), так и поведения (безответственный, слабый, расхлябанный).

一筋縄で行かない *хитосудзи-нава дэ иканай* – букв. 'не пойдёт одной верёвкой'; переносно: 'не так-то просто справиться', 'дело не из лёгких', 'не поддаётся обычным методам'. ФЕ используется для указания на сложную задачу, с которой невозможно справиться обычными средствами.

猫の額 *нэко но хитай* – букв. 'кошачий лоб'; переносно: 'очень маленькое пространство', 'ограниченное место'. Обычно используется для описания маленького участка земли, узкой квартиры, тесного сада и т. п.

雲をつかむよう *кумо о цукаму ё:* – букв. 'словно ловить облака'; переносно: 'неуловимо', 'расплывчато', 'без конкретики'.

2. Идиомы-комментарии обычно используются для яркого и наглядного пояснения сути поведения людей. Совершаемые кем-то действия характеризуются метафорически при помощи экспрессивных речевых клише, выработанных практикой общения японского этноязыкового коллектива. Приведём примеры.

馬の耳に念仏 *ума но мими ни нэмбуцу* – букв. 'буддийская молитва в уши лошади'; переносно: 'как об стенку горох', 'всё впустую', 'не доходит до сознания'. ФЕ характерна для ситуаций, когда нечто важное, разумное и поучительное обращено к тому, кто не способен это понять или просто не желает слушать.

二階から目薬 *никай кара мэгусури* – букв. 'капать глазные капли со второго этажа'; переносно: 'неэффективно', 'непрактично', 'через пень-колоду'. Фразеологизм означает попытку достичь чего-либо нелепым, неэффективным способом.

猫に小判 *нэко ни кобан* – букв. 'золотая монета кошке'; переносно: 'метать бисер перед свиньёй'. Фразеологизм означает передачу чего-то ценного тому, кто не может это оценить. Образ строится на бесполезности дарения кошке ценного предмета.

焼け石に水 *якэ-иси ни мидзу* – букв. 'вода на раскалённый камень'; переносно: 'капля в море', 'бесполезно, бессмысленно', 'не даёт результата'. ФЕ указывает на недостаточное или бессмысленное усилие, попытку решить проблему явно неэффективным способом.

3. Идиомы-перформативы призваны детерминировать действия собеседника, оказать влияние на его поведение. Приведём примеры.

お大事に *одайdzi ни* – букв. 'Пусть будет это важно для вас'; переносно: 'Берегите себя', 'Поправляйтесь', 'Желаю скорейшего выздоровления'. Это краткая и «тёплая» формула, часто используется в повседневной речи и письмах как выражение заботы.

ご自愛なさいますように *годзиай насаймасу ё:ни* – букв. 'Да возлюбите себя'; переносно: 'Берегите себя', 'Желаю вам здоровья'. Эта вежливая формула, часто исполь-

зуется в конце письма в официальной и частной переписке как проявление заботы о собеседнике.

何卒よろしく願ひいたします *Нани то дзо ёросику онэгаи итасимасу* – 'Всё-цело прошу вашего благосклонного отношения'; 'Настоятельно прошу, буду весьма признателен'. Стандартная вежливая формула в деловой переписке, официальной риторике, используемая для выражения просьбы и благодарности за будущую поддержку.

ご無理なさらないでください *Гомури насаранай дэ кудасай* – 'Пожалуйста, не переутомляйтесь'; 'Не перенапрягайтесь', 'Не переусердствуйте'. Мягкое предупреждение или заботливый совет собеседнику не переутомляться и избегать чрезмерных усилий.

お体にお気をつけて *Окарада ни оки о цукэтэ* – букв. 'Обратите внимание на ваше тело' → 'Желаю вам здоровья', 'Берегите себя'. Формула вежливой заботы, часто используется в устной и письменной речи, в момент расставания перед длительной разлукой. ФЕ имплицитно выражает эмпатичное, уважительное пожелание здоровья.

4. И д и о м ы - т е р м и н ы – это такие ФЕ, в которых идиоматические сдвиги значения имеют место при создании терминологии. Приведём примеры.

根回し *нэмаваси* – букв. 'обкапывание корней'; в переносном значении 'неформальная предварительная договорённость' или 'подготовка почвы' перед официальным решением вопроса. Широко используется в политике и бизнесе.

一枚岩 *итимай-ива* – букв. 'единая каменная плита'; в переносном значении 'монолит', 'единый фронт', часто в контексте партийной политики или групповой солидарности.

鶴の一声 *цуру но хитокозэ* – букв. 'один крик журавля'; в переносном значении 'решающее слово авторитетной фигуры'. Представляет собой политико-административную идиому.

浮世絵 *укиё-э* – букв. 'картинки брэнного мира'. Это термин для обозначения гравюр эпохи Эдо, отображающих повседневную жизнь, развлечения, жизнь куртизанок и актёров. Название отражает буддийскую идею брэнности существования.

花道 *ханамити* – букв. 'дорога цветов'. Подиум в театре кабуки. Изначально – путь актёра к славе.

枕詞 *макуракотоба* – букв. 'подушка-слово'. Термин из поэзии *вака*, обозначающий слово, предваряющее ключевое место стиха и создающее поэтический ритм и аллюзии.

手取り *тэдори* – букв. 'то, что попадает в руки'; переносно: 'чистая зарплата после вычета налогов'. Используется как экономический термин.

青天井 *аотэндзё* – букв. 'синий потолок'; переносно: 'неограниченный рост цен, зарплат, акций'. Это биржевой термин, означающий отсутствие верхнего предела.

Некоторые политические и экономические термины создаются в результате метонимического использования географических названий. Приведём примеры.

霞が関 *Касуми-га-сэки* – букв. 'Туманная застава'; переносно: 'японская бюрократия', 'государственный аппарат'. Метонимически используется название района в Токио, где сосредоточены основные министерства и ведомства.

永田町 *Нагата-мэ:* – букв. 'Район рисовых полей'; переносно: 'японский парламент и правящая элита'. Термин используется как обозначение законодательной власти и политического истеблишмента, т. к. в районе Нагата находится парламент и офисы политических партий.

兜町 *Кабуто-мэ:* – букв. 'Шлем-город'; переносно: 'Токийская фондовая биржа / финансовый сектор'. Название района, где находится Токийская фондовая биржа, метонимически используется для обозначения финансового мира Японии.

桜田門 *Сакурада-мон* – букв. 'Ворота Сакурада'; переносно: 'Токийская префектуральная полиция', т. к. в районе Сакурадамон расположена штаб-квартира Токийской префектуральной полиции.

Идиом-терминов немало среди историзмов. Приведём примеры.

攘夷 *дзё:и* – букв. 'изгнание варваров'. Термин связан с выражением феодальной ксенофобии. Использовался как культурно-политический архетип противостояния «внешнему давлению».

腹切り *харакири* (切腹 *сэнпуку*) – букв. 'вспарывание живота'; переносно: ритуальное самоубийство самурая, совершаемое во имя сохранения чести или в знак раскаяния.

幕府 *бакуфу* – букв. 'штаб, полевой лагерь'; переносно: 'военное правительство сёгунов' (1192–1867) как централизованная форма власти в феодальной Японии.

Идиомы-термины с метафорической внутренней формой встречаются в названиях растений, например: 朝顔 *асагао* – букв. 'утреннее лицо'; бот. 'вьюнок, ипомея'; 紫陽花 *адзисай* – букв. 'фиолетового солнца цветы'; бот. 'гортензия'.

Как видим, идиомы-термины – это большой и разнообразный пласт лексической системы японского языка. Метафорическая образность обнаруживается в сложных исконно японских и протокитайских лексемах.

II. Коллокации. Эта категория ФЕ в рассматриваемой концепции, в общем, совпадает с фразеологическими сочетаниями В. В. Виноградова. У А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского для этой категории ФЕ введены понятия «база», то есть компонент ФЕ, используемый в прямом значении, и «коллокатор», то есть компонент ФЕ, в семантике которого происходят семантические сдвиги, например: 喜びを浮かべる *ёрокиби о укабэру* 'проявлять радость' (喜び – база; 浮かべる – коллокатор); 意見を立てる *икэн о татэру* 'высказать мнение' (意見 – база; 立てる – коллокатор).

III. Пословицы. Строго говоря, пословицы, принципиально отличаются от лексических ресурсов языка, в систему которых входит и основное ядро ФЕ, однако и японские пословицы становятся объектом фразеологии [Фролова, 1979, с. 78–85], поскольку в них обнаруживаются сложные трансформации значений, в том числе и признаки идиоматизации. Кроме того, с ФЕ пословицы сближают устойчивость употребления и воспроизведения в готовом виде в коммуникации, наличие прямых и переносных значений, а также связь с эмоциональностью и экспрессивностью речи. Непрозрачность значений японских пословиц часто связана с архаичностью их лексики и грамматики. Сложность метафоризации значений японских пословиц может быть различной – от единиц, близких к идиомам, до семантически прозрачных, например:

背に腹はかえられぬ *Сэ ни хара ва каэрарэну* – букв. 'Спину животом не заменишь' → 'Обстоятельства сильнее нас'; 'Плечью обуха не перешибёшь!';

石の上にも三年 *Иси но уэ ни мо саннэн* – букв. 'И на камне три года' → 'Терпение и труд всё перетрут';

青は藍より出て藍より青し *Ао ва ай ёри идэтэ, ай ёри аоси* – букв. 'Синий цвет происходит из индиго, но становится более синим, чем сам индиго' → 'Ученик превосходит своего учителя' / 'Последователи могут превзойти своих наставников';

満は損を招き謙は益を受く *Ман ва сон о манэки, кэн ва эки о уку* – букв. 'Высокомерие влечёт убыток, скромность приносит выгоду' → 'Гордыня до добра не доведёт, а скромность вознаграждается';

魚心あれば水心 *Сакана-гокоро арэба мидзу-гокоро* – букв. 'Если у рыбы есть сердце, то и у воды найдётся' → 'Как аукнется, так и откликнется', 'Добро за добро';

井の中の蛙、大海を知らず *И но нака но кавадзу тайкай о сирадзу* – букв. 'Лягушка на дне колодца не знает океана' → 'Ограниченный человек не знает широты мира'; 'Человек с узким кругозором не представляет, каков настоящий мир';

蛙の子は蛙 букв. 'Дети лягушки – лягушки' → 'Яблоко от яблони недалеко падает'.

В любом случае переносное значение всего выражения может далеко уходить от буквального лексического значения структурных компонентов пословицы.

IV. Грамматические фразеологизмы. Единицы, аналогичные грамматическим фразеологизмам в концепции А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, в отечественном японоведении принято называть устойчивыми грамматическими конструкциями (далее – УГК). Описывая УГК современного японского языка, Д. А. Карпека пишет: «...при своей формальной членимости на составные элементы, УГК в то же время составляют нечто целое, обладающее единым значением»; при этом «элементы УГК ... теряют своё исходное лексическое значение», и «...одним из признаков УГК является их грамматикализация, связанная с десемантизацией компонентов»; «ещё одной ключевой характеристикой УГК является стабильность (невозможность выпадения её составных частей)» [Карпека, 2018, с. 13].

Таким образом, УГК обладают свойствами структурной устойчивости, целостности значения и формальной членимости на компоненты; в процессе их грамматикализации, лексемы, входящие в состав УГК, семантически опустошаются и подчиняются грамматической функции УГК (как правило, это выражение различных модальных значений). Д. А. Карпека приводит более 200 УГК современного японского языка [Карпека, 2018, с. 13–189]. Рассмотрим примеры.

あの話は真実かも知れない *Ано ханаси ва синдзицу камо сирэннай* – 'Эта история может быть правдой' [Карпека, 2018, с. 43].

そんなに急がなくてもいい。間に合いつこないから *Сонна ни исоганакутэ мо ий. Ма ни аикконай кара* – 'Можно особенно не спешить, всё равно никак не успеем' [Карпека, 2018, с. 56].

УГК первого примера *かも知れない* (в составе которой вопросительная частица КА, рематическая частица МО и отрицательная форма потенциалиса от глагола СИ-РУ 'знать') представляет собой синтаксическую единицу, являющуюся частью именного сказуемого, опорным словом которого является существительное *真実* 'реальность', 'правда', в котором УГК имплицитно проблематичную модальность: говорящий не уверен в реальности сообщаемого. Во втором примере УГК (состоящее из соединительной формы глаголов и прилагательных на -ТЭ, рематической частицы МО и прилагательного ИЙ 'хороший' в предикативно-заклучительной форме) является частью составного глагольного сказуемого, опорным словом которого является глагол ИСОГУ 'спешить', представленный в отрицательной форме ИСОГАНАЙ 'не спешу, не спешишь, не спешит'. УГК передаёт значение необязательности совершения действия.

Как видим, и в японском языке присутствуют единицы, аналогичные грамматическим фразеологизмам А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, однако о них целесообразно говорить в описании японской грамматики, что и делается в отечественной японистике, начиная с [Головнин, 1959; Головнин, 1963]. И, если в первых работах по японской фразеологии японских авторов среди ФЕ японского языка обнаруживаются не только единицы с УГК типа *熱くてたまらない* *ацукутэ тамаранай* – 'невыносимо жарко', 'так жарко, что невозможно терпеть', но и гоноративные конструкции типа *お話しになる* *оханаси ни нару* – 'Изволит говорить', форма почтительной речи от глагола ханасу 'говорить' [Сиранси, 1950, с. 26, с. 15]², то в новейших исследовательских работах объектом исследования становится основное ядро исконно японских фразеологизмов [Исида, 2015].

V. Фразеологизмы-конструкции. В современном японском языке имеется некоторое количество рамочных конструкций, в которых создаются уникальные значения, и

² Даже в более продвинутой в теоретическом плане версии этого текста Д. Сиранси примеры с УГК ...*てたまらない* в списке ФЕ японского языка сохранились [Сиранси, 1961, с. 232]. В появившейся через пару десятилетий фундаментальной работе по японской фразеологии Миядзи Ютака УГК отсутствуют, из рассмотрения также сознательно исключаются крылатые слова, пословицы и поговорки, а также сложносоставные лексемы, в обилии представленные в работах Д. Сиранси [Миядзи, 1982].

составные элементы (этих конструкций) функционируют не в полном соответствии со своей стандартной реализацией. Приведём примеры двух фразеологических конструкций:

(1) МЭТТАНИ...НАЙ: こんな機会に滅多にあるものではない [BCCWJ] *Конна кикай ва мэтта ни ару моно дэ ва най* – 'Такая возможность возникает крайне редко'; 'Шанс, как этот, выпадает нечасто'.

(2) КАНАРАДЗУ СИМО ... НАЙ: 地元住民は一般的には、開発に対して必ずしも強い反対はしていなかった [BCCWJ] *Дзимото дзю:мин ва иппантэки ни ва, кайха-цу ни тайситэ канарадзу симо цуёй хантай ва ситэ инакатта* – 'Местные жители в общем не проявляли явного сопротивления проекту развития'.

В первом примере наречная форма прилагательного 滅多に *мэтта ни* 'крайне редко, почти никогда' требует отрицательной формы глагола, которая компенсируется этой конструкцией: общий смысл фразы остаётся утвердительным, нечто всё же происходит, хотя и редко, например: それから滅多に会わなかった [BCCWJ] *Сорэ кара ва мэтта ни аванакатта* – 'С тех самых пор встречались крайне редко'.

Во втором примере взаимодействие смыслов финальной отрицательной формы сказуемого и наречного выражения 必ずしも (必ず *канарадзу* 'непременно'; しも – усилительно-выделительная частица, пришедшая из бунго) даёт значение необязательности происходящего, например: 人生は必ずしも公平じゃありません [BCCWJ] *Дзин-сэй ва канарадзу симо ко:хэй дзя аримасэн* – 'Жизнь не всегда бывает справедливой'; 波は必ずしも一定ではない [BCCWJ] *Нами ва канарадзу симо иттэй дэ ва най* – 'Волны вовсе не обязательно одинаковы'.

К конструктивным фразеологизмам, вероятно, следует отнести и частотные клише деловой коммуникации с конструкцией N のほど (N – имя существительное, の – показатель атрибутивной связи, а ほど – существительное со значением 'мера, граница, степень'), например: ご協力のほどよろしくお願いします *Гокё:рёку но ходо ёросику онэгаи симас* – букв. 'Прошу (оказать предельно возможную) степень (вашего) любезного сотрудничества'; переносно: 'Надеюсь на ваше всестороннее содействие' → формула вежливой просьбы, часто используемая в официальной речи. Это устойчивое выражение японского делового языка характерно для высокого стиля публичной риторики. Оно часто используется в официально-деловых устных публичных выступлениях и деловой переписке, например: なにとぞご指導、ご鞭撻のほどお願い申し上げます *Нани-то дзо госидо:, гобэнтацу но ходо онэгаи итасимас* – 'Как бы то ни было, надеюсь на вашу всестороннюю помощь и поддержку'.

Фразеологизмы-конструкции японского языка требуют более глубокого изучения.

VI. Ситуативные клише. К ситуативным клише в концепции А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского относятся выражения, связанные с ритуалами повседневного общения, то есть слова приветствия, прощания, благодарности, извинения. Такие выражения предназначены для смягчения взаимодействия людей в различных ситуациях общения. По их количеству и функциональной специализации японский язык существенно превосходит русский в соответствии с относительно большей степенью ритуальности речи, обусловленной длительным и основательным влиянием конфуцианской этики на японское общество [Дыбовский, 2024 а]. Приведём примеры.

お疲れ様 *Оцукарэ-сама* – букв. 'Ваша почтенная усталость'; переносно: 'Спасибо за вашу работу', 'Вы хорошо поработали, спасибо за труд'. Это выражение японского речевого этикета используется как формула благодарности за выполненную работу. Часто применяется после завершения какого-либо мероприятия или в конце рабочего дня – в адрес коллег, подчинённых, партнёров. Используется как в устной речи, так и в переписке.

恐れ入ります *Осорэ иримас* – букв. 'Вношу почтительный страх'; переносно: 'Прошу прощения', 'Благодарю вас', 'Извините за беспокойство'. Вежливая формула

японского речевого этикета, выражающая уважение, извинение или благодарность. Используется в деловой и официальной речи при обращении с просьбой, замечанием или извинением, особенно когда собеседнику причиняют неудобство.

失礼いたしました *Сицурэй итасимасита* – букв. 'Я проявил невежливость'; переносно: 'Извините за грубость', 'Простите за неудобство', 'Прошу прощения'. Вежливая формула извинения, употребляется в официальной и деловой речи при признании своей вины, неуместного действия или нарушения этикета.

ご無沙汰いたしました *Гобусата итасимасита* – букв. 'Я проявил длительное молчание'; переносно: 'Извините, что долго не писал и не выходил на связь'. Вежливая формула извинения, используемая при возобновлении общения после долгого перерыва. Часто встречается в письмах, телефонных разговорах и при личной встрече, особенно в официальной и полуофициальной обстановке.

ご迷惑をかけました *Гомэйваку о какэмасита* – букв. 'Причинил вам беспокойство'; переносно: 'Извините за причинённые неудобства', 'Прошу прощения за беспокойство'. Это одна из расхожих форм вежливого извинения.

よろしく願います *Ёросику онэгаи итасимас* – букв. 'Смирренно прошу вашего расположения'; переносно: 'Прошу вашего содействия', 'Надеюсь на вашу поддержку', 'Буду признателен за сотрудничество'. Одна из самых употребительных формул японской вежливости. Используется в начале взаимодействия, в письмах, деловых переговорах, при просьбах или при выражении надежды на дальнейшие хорошие отношения. Отражает уважительное и сдержанное отношение к собеседнику.

行ってまいります *Иттэ мауримас* – букв. 'Я пойду и (смирренно) вернусь'; переносно: 'До встречи', 'Я пошёл / поехал'. Формула используется при уходе из офиса или иного места, куда человек планирует вернуться, эксплицирует уважительное отношение к оставшимся. Это скромно-почтительная альтернатива обычному выражению из домашнего обихода 行ってきます *Иттэ кимас* – букв. 'Я пойду и вернусь'.

お世話になっております *Осэва ни наттэ оримасу* – букв. '(Я) становлюсь объектом (вашей) заботы'; переносно: 'Благодарю за поддержку', 'Признателен за ваше внимание / участие'. Устойчивая формула японского устного делового общения, переписки и телефонных разговоров. Часто используется в начале общения с деловыми партнёрами, клиентами и коллегами как знак благодарности за предыдущее или текущее сотрудничество.

申し訳ございません *Мо:сивакэ годзаймасэн* – букв. 'Нет слов, чтобы оправдаться'; переносно: 'Приношу глубочайшие извинения', 'Простите меня', 'Мне нечем себя оправдать'. Это одна из самых сильных формул извинения в японском языке. Используется при серьёзной вине или при официальном извинении, подчёркивает высокую степень раскаяния и уважения к собеседнику.

お待ちどうぞ *Омати до:сама* – букв. 'Ваше почтенное ожидание'; переносно: 'Спасибо за ожидание', 'Извините, что заставил(а) ждать'. Часто используется в повседневной устной речи, например, когда кто-то не приходит вовремя на встречу.

Итак, идиоматичные выражения, связанные с ритуалами повседневного обихода и используемые в качестве речевых формул приветствия, прощания, благодарности, извинения, имеют широкое распространение в японском языке. Среди распространённых клише письменной речи уникальное место занимают так называемые сезонные приветствия, не характерные для русского языка.

VII. Крылатые слова. Как и в других культурах с высокоразвитой литературной традицией в японском языке существует большое обилие и разнообразие крылатых слов, пришедших из японской классической и современной литературы, китайской поэзии и философии, буддийских сутр, современной японской поп-культу-

ры, а также западных заимствований, связанных с обыденной жизнью, наукой и культурой. Приведём примеры.

1. Исконно японские крылатые слова

春はあけぼの *Хару ва акэбоно* – 'Весна – это рассвет' ← Из «Записок у изголовья» (『枕草子』) Сэй Сёнагон (966–1017?). Это знаменитый литературный зачин, задающий эстетику японской сезонной поэзии. В нём выражается восхищение ясным весенним утром.

名こそ惜しけれ *На косо осикэрэ* – 'Только имя жалко терять' ← Из «Повести о доме Тайра» (『平家物語』, появился не позднее начала 14 в.). Подчёркивается значение доброй славы и чести.

この世は露とおもへど… *Коно ё ва цую то оmozдо...* – 'Жизнь – как роса, и всё же...' ← Из хайку Кобаяси Исса (1763–1828). Традиционный буддийский мотив бренности бытия (無常).

生きねば *Икинэба* – 'Надо жить' ← Из фильма Хаяо Миядзаки «Ветер крепчает» (『風立ちぬ』, 2013). Простая и лаконичная фраза, выражающая волю к жизни, несмотря на страдания и утраты.

女は泣いて強くなる *Онна ва найтэ цуёку нару* – 'Женщина, плача, становится сильнее' (Хигути Итиё 樋口一葉, 1872–1896).

やさしさって、やわらかい強さなんだよね *Ясасиса ттэ, яваракай цуёса нан да ё нэ* – 'Да ведь доброта – это мягкая сила' (Ёсимото Банана 吉本 ばなな, 1964–).

Строго говоря, крылатые слова, подобно пословицам, стоят вне пределов фразеологии, хотя и они могут обладать метафоричностью и различными видами непрозрачности значения.

2. Протокитайские крылатые слова, например: 温故知新 *он-ко-тисин* – букв. 'Обращаясь к прошлому, постигаешь новое' (Конфуций); 画竜点睛 *га-рё:-тэнсэй* – букв. 'нарисованному дракону дописываю глаз'; обр. 'последний штрих, последний взмах кисти' в том числе связанные с буддизмом: 諸行無常 *сёгё:-мудзё* – букв. 'всё преходяще / всё изменчиво' → ключевое понятие дзэнбуддизма, означающее непостоянство всех вещей и явлений; 一期一会 *итиго-итиэ* – букв. 'одна встреча – один раз' → выражение из искусства чайной церемонии (茶道), означающее, что каждая встреча уникальна и никогда не повторится.

3. Крылатые слова, пришедшие из европейских языков, например: 知識は力なり 'Знание – сила' (лат. *Scientia potentia est*); 時は金なり 'Время – деньги' (англ. *Time is money*); ハネムーン *ханэму:н* 'медовый месяц' (англ. *honeymoon*); 時間をつぶす *дзикан о цубусу* 'убивать время' (англ. *to kill time*); ダモクレスの剣 *Дамокурэсу но цуруги* (лат. *gladius Damocles* → англ. *sword of Damocles*); 運命の歯車 *уммэй но хагурума* 'Зубчатое колесо судьбы' (калька с европейских философских и романтических образов: *wheels of fate / gear of destiny*) и другие. Последние примеры, корнями уходящие в античность, присутствуют во многих языках. Более фундаментальной для японского языка является оппозиция исконно японских и протокитайских крылатых слов, относящихся к типологически различным слоям лексики, но органично сосуществующих в системе японского языка.

Как было показано, в японском языке нашлись аналогии для всех видов фразеологизмов, описанных в книге А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (2014), хотя границы фразеологии японского языка обычно понимаются более узко [Миядзи, 1982; Быкова, 1985; Исида 2015]. Даже при описанном предельно широком подходе к японской фразеологии обнаруживается ряд ФЕ, не характерных для европейских языков, которые остались вне нашего внимания. К ним мы и обратимся далее.

3. Уникальные черты японской фразеологии [Specific features of Japanese phraseology]

Большая сложность японской фразеологии по сравнению, например, с русской обнаруживается при сопоставлении классификации ФЕ в работах В. В. Виноградова [Виноградов, 2001, с. 27–33] и С. А. Быковой [Быкова, 1985, с. 15–29]. Три класса ФЕ В. В. Виноградова, дополняются у С. А. Быковой ещё тремя видами ФЕ, отражающими специфику японского языка [Быкова, 1985, с. 15–29]. В результате получается шесть специфических классов ФЕ:

1) фразеологические слияния: 人面獣心 *дзиммэн-дзю:син* – букв. 'человеческое лицо – звериное сердце'; обр. 'человек снаружи, зверь внутри' → о лицемерном, безжалостном человеке; 八方美人 *хатто: бидзин* – букв. 'на восемь сторон – красавица'; обр. 'лстец, угодник' → о неискреннем или слишком услужливом человеке, стремящемся сохранить хорошее лицо перед всеми;

2) фразеологические сращения: 人気のない *хитокэ но най* – букв. 'без признаков человеческого присутствия'; обр. 'безлюдный, покинутый' → употребляется для описания мест, где ощущается полное отсутствие человеческой жизни; だらしない *дараси га най* – букв. 'нет порядка / нет собранности'; обр. 'неряшливый, расхлябанный, несобранный' → говорится о человеке, лишённом опрятности, самодисциплины или чувства ответственности; 汗みどろになる *асэ-мидоро ни нару* – букв. 'стать полностью потным'; обр. 'обливаться потом' → описывает состояние человека, покрытого потом от тяжёлой физической работы, жары или нервного напряжения;

3) фразеологические комплексы: ぴかぴか光る *пикапика хикару* – букв. 'сиять пика-пика'; обр. 'блестеть, сверкать' → описывает яркий, чистый блеск чего-либо; げっそり痩せる *гэссори ясэру* – букв. 'исхудать гэссори'; обр. 'сильно похудеть' → описывает резкое и болезненное похудение, сопровождающееся утратой сил и энергии;

4) фразеологические единства: 肝を潰す *кимо о цубусу* – букв. 'раздавить печень'; обр. 'сильно испугаться, оцепенеть от ужаса' → выражает внезапный, парализующий страх или шок, когда человек настолько испуган; 念を押す *нэн о осу* – букв. 'нажать на мысль'; обр. 'настоятельно напоминать, удостоверяться, подчёркивать' → означает повторное уточнение или подтверждение с целью избежания недоразумений;

5) фразеологические объединения: 気がする *ки га суру* – букв. 'душа делается'; обр. 'кажется, чувствуется' → выражает субъективное предчувствие, интуитивное восприятие чего-либо; 音がする *ото га суру* – букв. 'звук делается'; обр. 'слышится (раздаётся) звук (чего-то)' → ФЕ используется при описании возникающих звуков или шума; 雨漏りがする *амамори га суру* – букв. 'делается протекание дождевой воды'; обр. 'протекает крыша' → используется при описании ситуации, когда дождевая вода просачивается через крышу или потолок; может употребляться метафорически для обозначения мелких, но существенных неисправностей в системе или организации;

6) фразеологические сочетания: 罪を犯す *цуми о окасу* – букв. 'совершить проступок'; обр. 'нарушать закон', 'грешить' → обозначает совершение преступления или морального нарушения; 涙を浮かべる *намида о укабэру* – букв. 'дать слезам появиться'; обр. 'на глазах выступают слёзы', 'прослезиться' → описывает состояние, когда у человека в глазах появляются слёзы от эмоций – грусти, радости или волнения; 意見を立てる *икин о татэру* – букв. 'воздвигать мнение'; обр. 'высказывать своё мнение', 'формулировать собственную точку зрения по какому-либо вопросу'.

В этой классификации³ второй, четвёртый и шестой классы ФЕ повторяют классификацию В. В. Виноградова, а в первый, третий и пятый помещаются ФЕ, выходящие за пределы классификации В. В. Виноградова. Примечательно то, что на первом месте у С. А. Быковой стоят «фразеологические слияния», в нашей терминологии – протокитайские фразеологические композиты (ПФК, в японской лингвистике – 熟語). С. А. Быкова приводит примеры только четырёхкомпонентных (четырёхсимвольных) ПФК. Однако для современного японского языка актуальны по крайней мере четыре разряда ПФК: двух-, трёх-, четырёх- и пятикомпонентные (далее – П2ФК, П3ФК, П4ФК, П5ФК).

П2ФК представляют собой наиболее массивный и почти неисследованный класс ФЕ японского языка, например:

杞憂 *кию:* – 'напрасные опасения, беспочвенные страхи' 杞 *ки* – 'Царство Ци' (здесь аллюзия на древнюю китайскую легенду о человеке, которому казалось, что на него вот-вот обрушится небо), 憂 *ю:* – 'тревога, беспокойство'. Грамматически 杞 определение, 憂 – определяемое; отметим непродуктивность 杞 *ки*; ср. *баклуши, бирюльки, зги* русского языка.

放胆 *хо:тан* – 'смелость, решительность'; 放 *хо:* – 'отпускать, освобождать', 胆 *тан* – 'печень'; букв. 'отпустить печень', то есть 'дать волю своей храбрости'. Известно, что древние китайцы считали печень вместилищем храбрости. Грамматически 放 обозначает действие, 胆 – объект действия (прямое дополнение); подробнее см. [Дыбовский, Щепетунина, 2025].

П3ФК в японском языке много меньше, чем П2ФК. Они исчисляются, вероятно, несколькими сотнями ФЕ. Они представлены генетически гомогенными (состоят исключительно из протокитайских корней, например: 唐変木 *то:хэмбоку* – 'чудак, странный человек, упрямец'; букв. 'странное дерево из эпохи Тан'; 雪月花 *сэцугэцука* – 'снег, луна, цветы' → 'сезонная красота природы') и генетически негомогенными типами единиц. Для последних характерен симбиоз исконно японских и протокитайских основ и/или корней, например: 大御所 *о:госё* – 'почётный деятель', 'влиятельная личность' (大 *о:* – 'большой, важный', 御所 *госё* – 'императорский дворец'); 修羅場 *сюраба* – 'место битвы', 'кровавая сцена хаоса и борьбы'; 修羅 *сюра* – 'Асура' (в буддийской и индуистской мифологии – духи войны, вечно сражающиеся существа). Генетически негомогенные П3ФК системно смыкаются с трёхсимвольными исконно японскими сложными словами типа 日和見 *хиёrimi* 'выжидательное поведение'; 色眼鏡 *иромэганэ* – 'предвзятый взгляд', 'субъективное восприятие'; букв. 'цветные очки' (ср. рус. розовые очки); подробнее см. [Дыбовский, 2024 б].

П4ФК исторически представляют собой максимы китайской мудрости и житейского опыта. С точки зрения структуры (внутреннего синтаксиса) для них характерны симметрия, параллелизм конструкций, гармония структуры и смысла; в них нередко наблюдается игра с синонимами и антонимами, числительными, различными типами иероглифов. Многие из них неразрывно связаны с историей и культурой Китая, например: 大器晩成 *дайки-бансэй* – букв. 'Большой сосуд долго делается' (обр. в знач. 'Большой талант созревает нескоро' (Лаоцзы); 虎視眈眈 *коси-тантан* – букв. 'Тигр смотрит жадным взором'; обр. 'Наблюдать с угрожающим взором подобно тигру, выбирающему момент для атаки'; 羞花閉月 *сю:ка-хэйгэцу* – букв. 'Смущаются цветы и прячется луна' (о невероятной красоте женщины); подробнее см. [Гуревич, 2011 ; Дыбовский, 2025 а, 2025 в ; Kugatsu].

Пятикомпонентные протокитайские фразеологические композиты (П5ФК) генетически связаны с китайской поэзией (漢詩 *канси* 'китайские стихи'), фрагменты кото-

³ В иллюстрациях классов ФЕ 1–6 были использованы примеры С. А. Быковой. Мы здесь не касаемся спорности критериев выделения указанных классов. На наш взгляд, выражения типа 肝を潰す, 念を押す и 気がする следует отнести к идиомам.

рой и в наши дни нередко используются в учебниках для школьников по изучению камбуна. Многие поэтические строки имеют переносное значение, например, фраза из стихотворения Юй Лянши, «Весенняя луна над горами» (春山夜月, Китай эпохи Тан, 7–10 вв.) 弄花香滿衣 *ро:ка-ко:манъи* – букв. 'Перебираю цветы, и одежда наполняется их запахом' приобрела следующее значение: 'Если находишься среди добрых людей, то и сам становишься лучше. Старайся окружать себя достойными людьми, пребывай в благотворном общении' [Kotonoha Web ; Kugatsu ; Дыбовский, 2025 б, с. 74–75].

Таким образом, важной чертой японской фразеологии является наличие большого массива двух-, трёх-, четырёх- или пятикомпонентных ПФК, имеющих большое значение для письменного японского языка и японского языкового сознания. ПФК тесно связаны с историей и культурой Китая, а также с китайской иероглифической графикой [Дыбовский, 2024 в].

4. Идеография «подставленных» иероглифов и иероглифические ФЕ [Ideographic representation of “substituted” kanji and kanji-based phraseological expressions]

Культура так называемых подставленных иероглифов (当て字 *атэдзи*) пришла в Японию из Китая, где иероглифы традиционно использовались для фонетической записи заимствованных слов, иноязычных имён собственных и географических названий. Иероглифы обычно выбирались по принципу фонетического сходства с фиксируемым словом, иногда учитывались и семантические аспекты. В Японии *атэдзи* стали первым средством записи японских текстов. Несколько столетий проб и ошибок грамотных людей (речь идёт о китайской грамоте) в области использования китайской графики для записи японских текстов (стихов, дневниковой литературы, а затем и художественных текстов) привели к появлению японских слоговых азбук, и, в конце концов, современной японской системы письма, интегрирующей китайские иероглифы и японские слоговые азбуки. Возникнув около полутора тысячелетий назад, культура «подставленных» иероглифов (*атэдзи*) существует и в наши дни. Строго говоря, современная техника *атэдзи* подразделяется на три вида: 1) использование иероглифов как «фонетической транскрипции», фиксирующей при помощи звуковой оболочки иероглифов звучание иностранных слов; 2) нестандартное (нередко произвольное и оригинальное) использование иероглифов для передачи различных нюансов смысла, например, для графической фиксации исконно японских или заимствованных слов обычно вне связи с их фонетическим обликом; 3) произвольные замены малоупотребимых (сложных для письма) иероглифов более простыми и употребимыми [Дыбовский, 2024 в, с. 129]. Рассмотрим подробнее первые два вида.

В эпоху Мэйдзи большое распространение имел первый вид *атэдзи*. Он активно использовался в процессе освоения японцами культуры Запада. Некоторые лексемы этого класса имеют отношение к П2ФК, например: 亜米利加合衆国 *Амэрика-гассю:ко-ку* → 米国 *бэйкоку* – 'Соединённые Штаты Америки, США, Америка'; 阿蘭陀 Оранда – Голландия (*португ. Olanda; иначе 和蘭 Оранда*) → 蘭学 *рангаку* – ист. 'голландские штудии' (изучение западных наук по голландским источникам в период Эдо). Эти примеры показывают, почему в японском общественно-политическом дискурсе США называются «Рисовой страной» (米国), а историзм *голландоведение* (蘭学) становится *наукой о хризантемах* (蘭 *ран* – 'хризантема'; 学 'наука', 'изучение'). Дело в том, что фонетически использованные иероглифы не перестают быть идеографическими знаками. Например, слово Россия первоначально записывалось в средствах массовой коммуникации Японии как 魯西亜 *Росиа* → 魯国 *Рококу* – 'Россия'. Однако, поскольку первый иероглиф (魯) мог иметь значение 'глупый' (魯鈍 *народонна* – 'глупый, тупой,

бестолковый'), после ноты протеста посланника Российской империи проблемный иероглиф 魯 был заменён газетными издательствами на 露 *ро* – 'роса', 'капелька': 露西亜 *Росиа* → 露国 *Рококу* – 'Россия' (букв. 'Страна росы') [Аракава, 2017, с. 48].

Ко второй разновидности *атэдзи* относятся всевозможные случаи нестандартного смыслового использования иероглифов для записи исконно японских и заимствованных слов. При этом создаётся дополнительный смысловой ряд, иллюстрирующий или даже интерпретирующий и модифицирующий значение соответствующей лексемы при помощи значений иероглифических знаков, например:

- たび 'носки' → 足袋 *таби* ('нога' + 'мешок');
- おっと 'муж' → 良人 *отто* / рё:дзин ('добрый' + 'человек');
- おかみ 'хозяйка' → 女将 *оками* / дзёсё: ('женщина' + 'адмирал');
- タバコ 'табак' → 煙草 *энсо*: ('дым' + 'трава');
- ビール 'пиво' → 麦酒 *бакусю* ('пшеница' + 'саке');
- ウオッカ 'водка' → 火酒 *касё* ('огонь' + 'саке').

В первых двух примерах представлены морфологически неделимые слова японского языка. Для их фиксации на письме используются пары иероглифов, не связанные с фонетическим обликом обозначаемых на письме слов, но представляющие содержание последних в значении иероглифов. Первый пример (足袋) даёт наиболее простую и наглядную интерпретацию значения исконно японского слова. Во втором примере (良人) иероглифическую графику можно прочесть по *онному* (протокитайскому) чтению (рё:дзин), однако при этом мы получим значение 'хороший человек', что не совпадает со значением исконного слова. В третьем примере (女将) исконное японское слово морфологически членимо: *о-ками* (*о* – префикс вежливости), однако структурные части не соотносятся со значением иероглифов по отдельности. В примерах 4–6 комбинациями подобранных по смыслу пар иероглифов производится графическая интерпретация и визуализация значений соответствующих западных заимствований.

Как видим, при помощи *атэдзи* создаются устойчивые сочетания иероглифов, сигнификатами которых являются значения исконно японских, а также заимствованных из индоевропейских языков слов. Сочетания иероглифов, таким образом, приобретают целостное неделимое значение, соответствующее значению исконного японского слова, а возникшие сочетания иероглифов являют собой своеобразную попытку представления «внутренней формы» [Потебня 1989, с. 160] фиксируемых ими исконно японских слов. Внутренняя форма некоторых устойчивых сочетаний иероглифов, возникших как *атэдзи*, может быть не проста семантически, и соответствующие устойчивые сочетания иероглифов, вероятно, могут быть названы **г р а ф и ч е с к и м и и д и о м а м и**, например:

- えび 'креветка' → 海老 *эби* ('море' + 'старый');
- すし 'суши' → 寿司 *суси* ('долголетие' + 'начальник', 'управлять');
- くらげ 'медуза' → 海月 *курагэ* ('море' + 'луна');
- つらら 'сосулька' → 氷柱 *цурара* ('лёд' + 'столб', 'колонна');
- さんま 'сайра' (лат. *cololabis saira*) → 秋刀魚 *самма* ('осень' + 'меч' + 'рыба');
- みかど 'император' → 御門 *микадо* ('почтенный' + 'ворота');
- コーヒー 'кофе' → 珈琲 *ко:хи*: (этимол. кит. 珈 *jiā* – 'украшение для волос' + 琲 *fèi* – 'жемчужные бусы').

Таким образом, в результате закрепления в письменном японском языке творческого (игрового или фонетического) использования иероглифической графики создаются устойчивые сочетания иероглифов (熟字 *дзюкудзи* 'иероглифические фразеологизмы'), которые становятся графическими маркерами соответствующих исконно японских и заимствованных слов. При этом случаются семантические сдвиги,

некоторые из которых близки к процессам идиоматизации лексики. Сочетание двух иероглифов даёт графическую интерпретацию целостного значения слова. Во всех примерах значения иероглифов дополняют значение фиксируемых ими японских слов, визуализируют значение исконно японских или заимствованных лексем средствами иероглифической графики. При этом в устойчивых сочетаниях иероглифов нередко фиксируются идеи, связанные с народной этимологией. Например, известно, что название японского блюда из сырой рыбы суши (寿司 *суши*) происходит из слова уксус (酢 *су* 'уксус'), который обычно добавляли в рис для суши. Современная же его графическая форма ('долголетие' + 'начальник', 'управлять'), вероятно, появилась тогда, когда эта пища из сырой рыбы стала праздничным деликатесом.

5. Заключение [Conclusion]

В этом кратком очерке мы показали, что японская фразеология обладает как универсальными, так и уникальными чертами. Последние связаны в первую очередь с длительным культурным взаимодействием Японии и Китая. В современном японском языке сосуществуют два больших и относительно независимых класса фразеологизмов. Это исконно японские и протокитайские фразеологизмы. Исконно японские ФЕ – это такие фразеологизмы, в основе которых лежат исконно японская грамматика и лексика слоя *ваго*, обычно понятная на слух вне иероглифической графики и составляющая основу устной коммуникации японцев. Протокитайские фразеологизмы неразрывно связаны с китайской иероглифической графикой, грамматикой *вэньяня*, а также с китайской этикой, эстетикой, историей, всем миром китайской духовной культуры. В то же время ПФК являются неотъемлемой частью современной языковой культуры Японии, важным элементом культурного кода японского народа. Использование ПФК в различных стилях и жанрах письменной речи повышает её литературность, экспрессивность, наглядность и образность. В японском языке на протяжении многих столетий развивались и взаимодействовали две типологически различные фразеологические подсистемы – исконно японская и протокитайская. Их симбиоз в рамках единой языковой системы породил немало разнообразных гибридных форм ФЕ различной степени сложности.

Уникальной для японского языка является также идиоматизация протокитайской лексики, связанная с практикой «подставленных» иероглифов – *атэдзи*. В результате применения оригинальной иероглифической записи для графической фиксации некоторых исконно японских и заимствованных лексем возникли устойчивые сочетания иероглифов, представляющие собой идеографическую интерпретацию исходных исконно японских или заимствованных лексем. Изначально за этим языковым явлением, по всей вероятности, стояло стремление грамотного населения Японии к протокитайской элегантности языка. Китаизмы были стилистически выше, чем исконно японская лексика, поэтому у создателей письменной речи проявлялось стремление ввести исконно японскую лексику в систему иероглифической графики. В этом можно также увидеть языковое творчество японского народа, многие столетия жившего в мире пришедшей из Китая иероглифической языковой культуры. В последние примерно полтора столетия ситуация в области японской фразеологии осложняется большим массивом западных заимствований. Лексика из европейских языков, особенно английского, стала активно вовлекаться в процессы фразеологизации японского языка, ещё больше повышая многообразие и сложность японской фразеологии.

Библиографический список

- Баранов, Добровольский, 2014 – Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. Краткий курс : учеб. пособие. М. : Флинта, 2014. 308 с.
- Быкова, 1985 – Быкова С. А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М. : Изд-во МГУ, 1985. 64 с.
- Ветров, 2007 – Ветров П. П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М. : Восточная книга, 2007. 368 с.
- Виноградов, 2001 – Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 720 с.
- Головнин, 1959 – Головнин И. В. Лексико-синтаксическое выражение возможности-невозможности в современном японском языке (к вопросу о типах словосочетания глагола с модальными словами) // Японский лингвистический сборник. М. : Изд-во восточной литературы, 1959. С. 144–166.
- Головнин, 1963 – Головнин И. В. Лексико-синтаксический способ выражения долженствования в современном японском языке // Японский язык : сб. ст. М. : Восточная литература, 1963. С. 60–93.
- Гуревич, 2011 – Гуревич Т. М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М. : Моногатари, 2011. 144 с.
- Дыбовский, 2025 а – Дыбовский А. С. Грамматика четырёхсимвольных протокитайских фразеологических композитов современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 87–107.
- Дыбовский, 2025 б – Дыбовский А. С. Протокитайские фразеологические композиты современного японского языка (постановка проблемы) // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 69–86.
- Дыбовский, 2025 в – Дыбовский А. С. Функционально-семантические классы четырёхсимвольных протокитайских фразеологизмов современного японского языка (ёдзидзюкуго: деление по частям речи) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 2. С. 63–77.
- Дыбовский, 2024 а – Дыбовский А. С. Ритуал и игра. О некоторых особенностях речевой коммуникации в русском и японском этноязыковых коллективах (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. Т. 7, № 5–6. С. 103–126. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2024-7-5-6-103-126>
- Дыбовский, 2024 б – Дыбовский А. С. Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 71–102.
- Дыбовский, 2024 в – Дыбовский А. С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. № 3. С. 123–136.
- Дыбовский, Щепетунина, 2025 – Дыбовский А. С., Щепетунина М. В. Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. Т. 3, № 1. С. 81–118.
- Карпека, 2018 – Карпека Д. А. Грамматика японского языка: в 3 т. Т. 3. СПб. : Восточный экспресс, 2018. 505 с.
- Потебня, 1989 – Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. С. 17–200.
- Телия, 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Фролова, 1979 – Фролова О. П. Фразеология современного японского языка. Новосибирск : НГУ, 1979. 87 с.
- Аракава, 2017 – 荒川清秀 [書評] 孫建軍著『近代日本語の起源——幕末明治初期につくられた新漢語——』日本語の研究 第13巻 第1号 2017. 1. 1 [Аракава Киёхидэ. Рецензия на: Сунь Цзяньцзюнь. «Происхождение современного японского языка – Новые кандзи, созданные в конце сёгуната и начале периода Мэйдзи» // Исследования по японскому языку. 2017. Т. 13, № 1. С. 43–49.].

- Исида, 2015 – 石田プリシラ 言語学から見た日本語と英語の慣用句 開拓社 東京 [Исида Прицила. Японские и английские идиомы с точки зрения лингвистики. Токио : Кайтакуся, 2015. 215 с.].
- BCCWJ – 現代日本語書き言葉均衡コーパス [Сбалансированный корпус современной японской письменной речи]. URL : <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения : 25.07.2025).
- Kotonoha Web – KOTONOHA ウェブ言葉に関する雑学・便利帳 [Kotonoha : Веб-энциклопедия о словах и полезные заметки]. URL : <https://kotonohaweb.net/5kanjijyukugo/2/> (дата обращения : 28.08.2024).
- Kugatsu – 9月校長ブログ / 「弄花香滿衣」 [Сентябрьский блог директора: «Перебираю цветы, и одежда наполняется их запахом»]. URL : <https://nittai-ebara.jp/7915.html> (дата обращения : 11.08.2024). (In Japanese.).
- Миядзи, 1982 – 宮地裕 慣用句の意味と用法 明治書院 東京 [Миядзи Ютака. Значение и употребление идиом. Токио : Мэйдзи сёин, 1982. 315 с.].
- Сираиси, 1950 – 白石大二 日本語のイデオム 三省堂出版〈国語双書〉 東京 [Сираиси Дайдзи. Идиомы японского языка. Токио : Сансэйдо, серия «Кокугососё», 1950. 131 с.].
- Сираиси, 1961 – 白石大二 日本語の発想 東京堂 東京 [Сираиси Дайдзи. Специфика мышления в японском языке. Токио : Токёдо, 1961. 239 с.].

References

- Baranov, A. N., & Dobrovolsky, D. O. (2014). *Osnovy frazeologii. Kratkiy kurs [Foundations of phraseology: A brief course]*. Moscow : Flinta Press. (In Russ.).
- Bykova, S. A. (1985). *Ustoychivye slovosochetaniya v sovremennom yaponskom yazyke [Set expressions in modern Japanese]*. Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).
- Vetrov, P. P. (2007). *Frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka: Sintaksis i stilistika [Phraseology of modern Chinese: Syntax and stylistics]*. Moscow : Vostochnaya Kniga Press. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language: Grammatical theory of word. 4th edn]*. Moscow : Russkiy Yazyk Press. (In Russ.).
- Golovnin, I. V. (1959). Leksiko-sintaksicheskoe vyrazhenie vozmozhnosti-nevozmozhnosti v sovremennom yaponskom yazyke (k voprosu o tipakh slovosochetaniya glagola s modal'nymi slovami) [Lexico-syntactic expression of possibility and impossibility in modern Japanese (On the types of verb phrases with modal words)]. *Yaponskiy lingvisticheskiy sbornik [Japanese linguistic collection]* (pp. 144–166). Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Golovnin, I. V. (1963). Leksiko-sintaksicheskii sposob vyrazheniya dolzhestvovaniya v sovremennom yaponskom yazyke [Lexico-syntactic means of expressing obligation in modern Japanese]. *Yaponskiy yazyk [The Japanese Language: Collection of Articles]: Research papers* (pp. 60–93). Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Gurevich, T. M. (2011). *Yaponsko-russkiy uchebnyy slovar' edzidyukugo [Japanese-Russian Learner's Dictionary of Yojijukugo]*. Moscow : Monogatari Press. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2025 a). Grammatika chetyrekhsmvol'nykh protokitayskikh frazeologicheskikh kompozitov sovremennogo yaponskogo yazyka [The grammar of four-character proto-Chinese phraseological composites in modern Japanese]. *Dal'nevostochnyy filologicheskii zhurnal [Far Eastern Philological Journal]*, 3 (2), 87–107. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2025 b). Protokitayskie frazeologicheskie kompozity sovremennogo yaponskogo yazyka (postanovka problemy) [Proto-Chinese phraseological compounds in modern Japanese (Problem statement)]. *Dal'nevostochnyy filologicheskii zhurnal [Far Eastern Philological Journal]*, 3 (2), 69–86. (In Russ.).
- Dybovskiy, A. S. (2025 v). Funktsional'no-semanticheskie klassy chetyrekhsmvol'nykh protokitayskikh frazeologizmov sovremennogo yaponskogo yazyka (edzidyukugo: delenie po chastyam rechi) [Functional-semantic classes of four-character Proto-Chinese phraseological units in contemporary Japanese (Yojijukugo: Parts-of-speech division)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (2), 63–77. (In Russ.).

- Dybovsky, A. S. (2024 a). Ritual i igra. O nekotorykh osobennostyakh rechevoy kommunikatsii v russkom i yaponskom etnoyazykovykh kollektivakh (novaya redaktsiya) [Ritual and play: On certain features of verbal communication in Russian and Japanese ethnolinguistic communities (Revised edition)]. *Pedagogika: istoriya, perspektivy* [Pedagogy: History, Perspectives], 7 (5–6), 103–126. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2024-7-5-6-103-126> (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2024 b). Trekhsimvol'nye frazeologizmy sovremennogo yaponskogo yazyka [Three-character idioms in contemporary Japanese]. *Dal'nevostochnyy filologicheskiy zhurnal* [Far Eastern Philological Journal], 2 (4), 71–102. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2024 v). Yazykovoe planirovanie v Yaponii s serediny XIX do nachala XXI veka [Language planning in Japan from the mid-19th to the early 21st century]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Izvestia of the Oriental Institute], 3, 123–136. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S., & Shchepetunina, M. V. (2025). Dvukhsimvol'nye frazeologizmy sovremennogo yaponskogo yazyka [Two-character phraseological compounds in Modern Japanese]. *Dal'nevostochnyy filologicheskiy zhurnal* [Far Eastern Philological Journal], 3 (1), 81–118. (In Russ.).
- Karpeka, D. A. (2018). *Grammatika yaponskogo yazyka* [Grammar of the Japanese Language]. In 3 volumes. Vol. 3. St Petersburg : Vostochny Express Press. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (1989). *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. In A. A. Potebnya, Slovo i mif [Word and myth] (pp. 17–200). Moscow : Pravda Press. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow : Yazyki russkoi kul'tury Press. (In Russ.).
- Frolova, O. P. (1979). *Frazeologiya sovremennogo yaponskogo yazyka* [Phraseology of Modern Japanese]. Novosibirsk : NSU Press. (In Russ. and Japanese).
- Arakawa, K. (2017). Son Ken-gun-cho “kindai nihongo no kigen — bakumatsu Meiji shoki ni tsukura reta shin kango —” [Book Review: Sun Jianjun. The origins of modern Japanese language: New kanji created at the end of the Tokugawa Shogunate and early Meiji period]. *Nihongo no kenkyū dai* [Studies in Japanese Language], 13 (1), 43–49. (In Japanese).
- Ishida, P. A. (2015). Gengogaku kara mita Nihongo to Eigo no Kan'yōku [Japanese and English Idioms from a Linguistic Perspective]. Tokyo: Kaitakusha. (In Japanese).
- Gendai Nihongo Kakikotoba Kinkō Kōpasu [Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese]. (n. d.). Retrieved July 25, 2025 from <<https://chunagon.ninjal.ac.jp/>>. (In Japanese).
- Kotonoha Web. (n. d.). *U~ebu kotoba ni kansuru zatsugaku benri-chō* [Web knowledge and convenience book on words]. Retrieved August 28, 2024 from <<https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2/>>. (In Japanese).
- Kugatsu Kōchō Blog. 9-gatsu kōchō burogu / Rōka kōman'i [September Principal's Blog: “Handling Flowers, Clothes Filled with Fragrance”]. Retrieved August 11, 2024 from <<https://nittai-ebara.jp/7915.html>>. (In Japanese).
- Miyaji, Y. (1982). *Kan'yōku no Imi to Yōhō* [The Meaning and Usage of Idioms]. Tokyo: Meiji Shoin Press. (In Japanese).
- Shiraishi, D. (1950). *Nihongo no Idiomu* [Japanese Idioms]. Tokyo: Sanseido Press, Kokugo Sōsho series. (In Japanese).
- Shiraishi, D. (1961). *Nihongo no Hassō* [The Conceptual Structure of the Japanese Language]. Tokyo: Tokyodo Press. (In Japanese).

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 27.08.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 27.08.2025.

Жиркова Евгения Егоровна
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
г. Якутск, Российская Федерация
jenyasyr@mail.ru

Образная (ономатопэтическая) лексика звуко-мимического происхождения: сравнительный анализ

Аннотация

В статье в сравнительном плане рассматриваются образные (ономатопэтические) слова звуко-мимического происхождения якутского и японского языков. Целью статьи является определение особенностей связи семантики и фонетического строя якутских образных слов и японских ономатопэтиков на примере группы слов звуко-мимического происхождения. С опорой на положение Л. Н. Харитоновой о звуко-мимическом происхождении некоторых образных слов якутского языка и на положение об артикуляционном символизме японских ономатопэтических слов С. В. Чиронова предпринята попытка дополнить список образных слов звуко-мимического происхождения, имеющихся в фондах обоих языков. Для исследования использованы анализ словарных дефиниций, метод лингвистического описания и сравнительно-сопоставительный метод. В результате обнаруженные в обоих языках образные (ономатопэтические) слова звуко-мимического происхождения по референтному признаку и семантике разделены на тематические подгруппы: «лицо», «рот» («улыбка»), «губы» – в якутском языке и «выражение лица», «улыбка», «речь», «есть / кушать», «язык» – в японском языке. Установлено, что «звуко-мимичность» проявляется через инициальные носовые сонанты *м*, *нь* в якутском языке и *н* в японском языке. При этом гласные в якутских образных словах звуко-мимического происхождения могут определять форму изображаемого, а в японских ономатопэтических словах они определяют динамичность действия.

Ключевые слова: образное слово, ономатопэтическое слово, якутский язык, японский язык, звуко-мимический волизм

© Жиркова Е. Е. 2025

Для цитирования: Жиркова Е. Е. Образная (ономатопэтическая) лексика звуко-мимического происхождения: сравнительный анализ 2025. Вып. 11, № 3. С. 51–61. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-51>

Eugenia E. Zhirkova
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
jenyasyr@mail.ru

Figurative (onomatopoeic) vocabulary of sound-mimic origin: Comparative analysis

Abstract

The article compares figurative (onomatopoeic) words of sound-mimic origin in Yakut and Japanese. The study aims to determine the relationship patterns between semantics and phonetic structure of Yakut figurative words and Japanese onomatopoeics using the example of a group of words of sound-mimic origin. Based on L. N. Kharitonov's idea about the sound-mimic origin of some figurative words in the Yakut language and on S. V. Chironov's idea about articulatory symbolism of Japanese onomatopoeic words, this paper attempts to supplement the list of figurative words of sound-mimic origin from Yakut and Japanese funds. The study uses dictionary definition analysis, linguistic description and comparative-contrastive method to process the material.

As a result, the identified figurative (onomatopoeic) words of sound-mimic origin in both languages were divided into thematic subgroups according to their referential features and semantics: “face”, “mouth” (“smile”), “lips” in Yakut and “facial expression”, “smile”, “speech”, “eat”, “tongue” in Japanese. It was found that “sound-mimicry” is manifested by the initial nasal consonants *м, нь* in Yakut and *н* in Japanese. Meanwhile, vowels in Yakut figurative words of sound-mimic origin can determine the form of the depicted object while in Japanese onomatopoeic words they determine the dynamism of the action.

Keywords: figurative word, onomatopoeic word, Yakut language, Japanese language, sound symbolism

© Zhirkova E. E. 2025

For citation: Zhirkova, E. E. (2025). Obraznaya (onomatopoeticheskaya) leksika zvuko-mimicheskogo proiskhozhdeniya: sravnitel'nyy analiz [Figurative (onomatopoeic) vocabulary of sound-mimic origin: comparative analysis]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 51–61. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-51>

1. Введение [Introduction]

Общеизвестно, что многие образные слова якутского языка генетически восходят к звукоподражательным [Харитонов, 1954, с. 203 ; Шагдаров, 1962, с. 131]. При этом возникновение образных значений от звукоподражательных происходит путём «замещения одних представлений другими по их связи (подстановка, метафоризация)» [Харитонов, 1954, с. 203]. В качестве примера можно привести значение слова *чол*, который изначально имитирует «звук чмокания, втягивания губами, а также моментального погружения чего-нибудь в воду или в полужидкую, мягкую среду» [Харитонов, 1954, с. 202]. Переход значения в сторону образности происходит, когда слово *чол* используется со служебным глаголом *гын* 'делать': *чол гын* 'моментально нырнуть, юркнуть во что-то'; или со словом *курдук* 'как': *чол курдук* 'аккуратненький, удобный, ловкий, сметливый'.

Л. Н. Харитонов к отдельной группе относит образные слова с корнями звуко-мимического происхождения. Отличие от образных слов со звукоподражательным происхождением заключается в том, что данная группа слов не имеет прямой связи с непосредственным подражанием звуку, а скорее с положением губ при произнесении определённых звуков. К примеру, звук *мээ* вызывает представление о напряжённо растянутых губах, а образный глагол *мэрбэй* означает «напряжённо поджимать и растягивать губы, опуская их углы книзу, строить плаксивую гримасу» [Харитонов, 1954, с. 219].

Образная лексика якутского языка вызывает интерес у лингвистов не одно десятилетие. На сегодняшний день можно сказать, что данной теме посвящено достаточно работ. Среди них фундаментальными считаются труды о полной фонетико-семантической характеристике образных слов и образных глагольных основ [Харитонов, 1954 ; Харитонов и др., 1982], об образных прилагательных в сравнении с бурятским и киргизским языками [Егинова, 2014], о фоносемантике образной лексики [Афанасьев, 1992]. Образные глаголы стали предметом исследования в сравнительном аспекте в ряде статей [Шамаева, Слепцова, 2020 а, 2020 б]. Особенности функциональности образных глаголов в эпических текстах якутского и других тюрко-монгольских языков рассмотрены в [Герасимова, 2020 а, 2020 б, 2022], семантические стороны образной лексики описаны в [Жиркова, 2017, 2020 а, 2020 б].

Однако с точки зрения связи семантики со звуком и перехода значения внутри слова, на наш взгляд, работ недостаточно. Имеется работа по фоносемантике якутских образных слов, в которой выявлена сильная связь звучания и содержания образных слов и произведено их деление на модели и «встраиваемые» в них идеофонемы [Афана-

сьев, 1992]. Отмечено, что условием развития значения в звукоподражательных корнях является ассоциация представлений [Шагдаров, 1962, с. 131]. В изобразительной системе языка выделена относительно устойчивая фонетически мотивированная связь между фонемами слова и признаком, полагаемым в основу именования [Сундуева, 2019, с. 4]. Материал японского языка, а именно оноματοпоэтическая лексика, также попал в поле исследования фоносемантики образной лексики [Сыромятникова, 2011].

К якутским образным словам звуко-мимического происхождения как явление наиболее близок так называемый артикуляционный символизм японских оноματοпоэтиков. Понятие артикуляционного символизма определяется как «механизм, когда используются аналогии с формой и движением органов речи ... таким образом формируется описание не только действий и состояний органов речи, но также и человеческой мимики. ... ономаты со слогом *гэ* приближенно повторяют напряжение мышц гортани при рвоте (*гэб*, *гэроб*), отрыжке (*гэбу*), *гу* и *го* - при глотке (ядра <*губи*>, <*гудэ*>, <*гоку*>) и т. п.» [Чиронов, 2004, с. 152]. На связь звука и части тела, производящей этот звук, указывал ещё В. Скаличка на материале венгерских звукоподражательных выражений: «Для слов, доминирующими компонентами которых являются звуки и движения, самыми важными являются те части тела, которые связаны с какими-нибудь акустическими и двигательными представлениями. Конкретно речь идёт 1) о рте, 2) о руках, 3) о ногах. С ними звук и движение связываются наиболее часто. Речь идёт в данном случае о звуках при разговоре или еде (разговор, крик, заикание, хохот, причмокивание и т. п.), при движении рук (нажатие, резание), при ходьбе (топтанье, хромота и т. п.)» [Скаличка, 1967, с. 292].

Анализ литературных источников показал, что интерес к исследованию связи содержательной и фонетической составляющих образной (оноματοпоэтической) лексики якутского, японского и других языков не ослабевает. Опираясь на эти схожие положения, справедливо отмеченные при исследовании звуко-, образноподражательных слов разных языков, мы предприняли попытку определить особенности связи семантики и фонетического строя якутских образных слов и японских оноματοпоэтиков на примере группы слов звуко-мимического происхождения, что является целью настоящего исследования.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В работе применены методы анализа словарных дефиниций, описательный метод лингвистического материала и сравнительно-сопоставительный метод.

Л. А. Афанасьев в своей работе для декодировки значения образных слов выделяет 2 элемента: признаковая и референтная части определения. Признаковая часть определения подразумевает размер и характер формы, референтная – то, к чему относится слово (напр., к какой-либо части тела) [Афанасьев, 1992, с. 8]. Соответственно, для настоящего исследования были подобраны единицы образной (оноματοпоэтической) лексики, референтом в которых выступают лицо и части лица, участвующие в мимике. Основой послужили 18 единиц, выделенных Л. Н. Харитоновым в разделе о корнях звуко-мимического происхождения у образных глаголов [Харитонов, 1954, с. 219–220]. Исследователь отметил, что рассматриваемая группа сравнительно небольшая, при этом указав, что список неполный. Поэтому, по аналогии со списком Л. Н. Харитонova, мы самостоятельно дополнили его из фонда образной лексики якутского языка. Всего дополнительно обнаружено 19 единиц образной лексики с корнями звуко-мимического происхождения. При отборе единиц из фонда оноματοпоэтической лексики японского языка мы также опирались на положение об артикуляционном символиз-

ме, отмеченное в работе [Чиронов, 2004, с. 152, 184], и выделили 21 единицу. Отобранные единицы образной (ономатопозитической) лексики звуко-мимического происхождения по референтному признаку и семантике были разделены на тематические подгруппы (улыбка, губы, рот и т. п.) внутри каждого языка.

Для анализа выбранных единиц мы обратились к звуковому оформлению основ образных слов якутского языка и двусложных основ ономатопозитических слов японского языка, а также к их артикуляционно-символическим функциям. Значения исследуемых слов были взяты из толкового словаря якутского языка [БТСЯЯ, 2004–2018], толкового японско-русского словаря ономатопозитических слов [Румак, Зотова, 2012], и словаря ономатопозитиков японского языка [Masahiro, 2007]. Дефиниции из последнего словаря переведены автором настоящей статьи.

2.2. Единицы образной лексики звуко-мимического происхождения в якутском языке [Figurative vocabulary of sound-mimic origin in Yakut]

«Лицо». В данную группу вошли единицы, характеризующие различные формы лица. Круглую форму лица описывают основы *мылт-* / *мыл-* / *мыт-*, *мэлг-* / *мэлт-* / *мэл-*. Как идеофонема, *м* в начале слова «придаёт форме гладкое, небольшое, объёмное проявление» [Афанасьев, 1993, с. 13, 10], при этом *ы* в основе придаёт значение 'маленький', *э* – 'широкий'. Это обуславливается открытостью-закрытостью гласных, т. е. в зависимости от высокого-низкого подъёма спинки языка при произнесении гласных.

Ы – закрытая гласная; при её произнесении расстояние между губами маленькое.

Э – открытая гласная; при её произнесении губы слегка оттягиваются назад, рот открыт. Например, *мытый* 'иметь маленькое круглое лицо с пухленькими щёчками' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 392] и *мэлтэй* 'быть, казаться круглым, широким (обычно о лице, полной луне)' [Там же, с. 403].

Удлинённую форму лица передают основы *морб-* / *мордь-*, опухшее, обрюзгшее лицо – *марб-* / *мардь-*. Так, *марбай* означает 'широко и книзу оттягивать углы губ, имея широкое и обрюзгшее лицо' [Харитонов, 1954, с. 292], морбой имеет значение 'быть, казаться узким, удлинённым, с торчащими вперед губами (о лице)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 292]. В этих основах отличаются только гласные *а-о*, но именно характер произнесения этих гласных определяет их дифференцирующее значение. При произнесении *а* рот раскрывается и относительно оттягиваются щёки, тем самым делая лицо шире. Кроме того, вариант образного слова с *а* в каждом слоге (*а-а-*) «изображает предельно большой объём, размер данной формы» [Афанасьев, 1993, с. 10]. При произнесении *о* губы собираются в трубочку и придают лицу удлинённый вид. Вариант *о-о-* указывает на «ограниченную форму» [Там же].

«Рот». В эту группу были включены образные слова, характеризующие форму и положение рта. Представление об открытом рте выражают корни *дьалл-* / *дьалт-*: *дьаллай* 'широко раскрыть, разинуть (пасть, рот); иметь широкий рот' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 300], *дьалтай* 'широко раскрываться, раздуваться (обычно о рте, ноздрях человека)' [Там же, с. 301]. Похожее значение имеет образный глагол *аллай* 'глупо, вяло разевать рот' [БТСЯЯ, Т. 1, 2004, с. 427]. В данных основах, на наш взгляд, смыслообразующим элементом является звуко сочетание *-ал-*. При произнесении этих звуков как будто широко открывается и закрывается рот. *Дь* в начальной позиции (*дьалтай*, *дьаллай*) дополнительно придаёт значение «кривости, мягкости, иногда углубления или торчания» [Афанасьев, 1993, с. 13] (в нашем случае – углубления). В вариациях с другой открытой гласной *Э* – *дьэлтэй* ('широко раскрываться, выворачиваясь по краям (о ране, о глазах)' [Харитонов, 1954, с. 289]) и *дьэллэй* ('широко и нескладно раскрыться, образовав неров-

ное отверстие; быть непомерно и нескладно широким' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 524]) – так же сохраняется представление об открытой (переносно округлой) форме, но уже в более широком смысле.

Представление о беззубом рте выражено основами *амнь-/ням-/нямнь-*. Эти основы восходят к неизменяемым звукоподражательным корням *ам* – «подражание хватанию ртом» [Харитонов, 1954, с. 260] и *ням* – «чавкающий звук при хватании ртом» [Там же, с. 262]. *Нь* в конце придаёт больше мягкости, как будто при закрывании рот западает внутрь из-за отсутствия зубов. Примеры: *амньый* 'иметь втянутые, как бы опавшие губы (обычно о беззубых стариках)' [БТСЯЯ, Т. 1, 2004, с. 451], *нямай* «открывать слюнявый беззубый рот» [Харитонов, 1954, с. 294] и *нямньый* 'выделяться обвислой кожей на впалых щеках и вытянувшемся подбородке (о старом беззубом человеке)' [БТСЯЯ, Т. 7, 2010, с. 91]).

Сюда же отнесём действия, совершённые ртом: например, говорить – *ньымыгы-раа* 'быстро и невнятно говорить сквозь зубы, почти не разжимая губ' [БТСЯЯ, Т. 7, 2010, с. 177]. Основа *ньым-* созвучна с *ным-*, например, в слове *нымий* 'смыкать, плотно сжимать губы' [Там же, с. 108]. При произнесении *ным* губы растянуты, чуть обнажая зубы, затем плотно сжимаются, что даёт представление о речи сквозь зубы. Ещё одним действием, совершаемым ртом, относящимся к данной группе, можно считать дыхание – *бусхай* 'надувать щёки, дымить табаком, надувая щёки' [Харитонов, 1954, с. 220]. Звукосочетание *бус* напоминает звук выпускающегося воздуха, почти свистящего. Этот эффект достигается взрывной согласной *б* в начале и щелевой *с* в конце слова.

«Губы». Данная группа слов включает в себя образные глаголы, представляющие различные формы, размеры, положения губ. К примеру, образное представление о растянутых губах передаётся через основы *мэрб-/мэр-*. Эти основы восходят к звукоиспусканию *мээ*, которое «вызывает представление о напряжённо растянутых губах» [Харитонов, 1954, с. 219]. Отсюда значения глаголов *мэрбэй* 'напряжённо растягивать губы, опуская углы книзу (собираясь заплакать)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 416] и *мэрэй* 'иметь широкое плоское лицо с широко растянутым ртом' [Харитонов, 1954, с. 293].

Округлую форму губ передают звукосочетания *-ом-/об-*, которые встретились в следующих глаголах: *омой* 'иметь слегка приоткрытый маленький рот с округлёнными губами (обычно о ребёнке)' [Харитонов, 1954, с. 295], *обунгаа* 'соблазнительно двигать маленькими пухлыми губами' [БТСЯЯ, Т. 7, 2010, с. 196]. К ним же отнесём *ньомой* 'иметь округлённо сложенные тонкие губы; иметь маленький округлённый рот' [Харитонов, 1954, с. 295]. При произнесении *-ом-* губы собираются в трубочку, как будто хотят поцеловать, при произнесении *-об-* – за счёт взрывного *б* добавляется дополнительный объём в губах. Здесь также отметим глагол *ньомной* 'иметь округлённые и втянутые внутрь тонкие губы' [Харитонов, 1954, с. 295]. Втянутость губ достигается за счёт *нь* после *ньом*, по аналогии с *нямньый* и *амньый* (см. выше).

В эту группу вошли и единицы, характеризующие улыбку, с основой *мыр-/мыч-*. При произнесении звукосочетания *мы* губы максимально растягиваются, напоминая улыбку. Например, *мырбай* 'широко расплыться в улыбке, растянуть губы в улыбке (о человеке с круглым лицом)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 389], *мычаарый* 'приятно улыбаться, усмехаться, расплываться в улыбке (о спокойном человеке)' [Там же, с. 392], *мычалый* 'искренне улыбаться, светиться улыбкой' [Там же, с. 392–393]. По этому же принципу сюда можно включить и *ыртай* 'приподнимать уголки губ, растягивая их и слегка обнажая зубы; беспечно, легкомысленно улыбаться' [БТСЯЯ, Т. 14, 2017, с. 487]. Однако Л. Н. Харитонов считает, что *ыртай* «образовано от корня *ыр* – подражание ворчанию, спокойному рычанию зверя, при котором рот (пасть) закрыт, а зубы обнажаются приподнятием губ (собственно верхней губы)» [Харитонов, 1954, с. 219].

Таким образом, якутские образные слова с корнями звуко-мимического происхождения в основном изображают форму лица, положение рта и губ, а также улыбку. Преобладают носовые сонанты *м, нь*, гласные *а, о, э, ы*. В якутском языке наблюдается картинность образных слов, т. е. статическое изображение посредством образных слов (форма, положение и т. д.).

2.3. Единицы онomatопoэтической лексики звуко-мимического происхождения в японском языке [Onomatopoeic vocabulary of sound-mimic origin in the Japanese language]

В японском языке онomatопoэтических единиц с звуко-мимическим происхождением обнаружено немного. Следует отметить, что в японских онomatопoэтиках очень тонкая грань между звуко- и образоподражанием. В большинстве своём они являются многозначными онomatопoэтическими словами, выражающими одновременно и состояние, и подражание звуку. Поиск онomatопoэтиков звуко-мимического происхождения показал, что среди них немало сугубо звукоподражательных единиц: *goku / koku* 'звук глотки (движение гортани)', *shiku* 'тихий плач, всхлипывание (подражание шмыганию носом)' и т. д. Для данной статьи мы отобрали лишь те онomatопoэтические слова, которые непосредственно имеют отношение к мимике и дают представление о ней. В основном эти единицы связаны с движениями, совершаемыми ртом и/или языком: например, улыбаться, есть, говорить, за исключением одной группы, описывающей выражение лица.

«Выражение лица». Японских онomatопoэтических слов звуко-мимического происхождения, описывающих форму лица, нами не обнаружено. Похожее значение и принцип образования находим в единице, описывающей выражение лица: *pu(tto)* 'недовольное выражение лица' [Румак, Зотова, 2012, с. 384]. В данном случае артикуляционный символизм проявляется в том, что *pu(tto)* имеет ещё одно звукоподражательное значение – «звук выплёскивания через сжатые губы содержимого рта» [Там же], т. е. *pu*¹ напоминает выдох через сжатые губы. С. В. Чиронов, рассматривая *pu* как односложное ядро в составе онomatопoэтического слова, выделяет следующие значения: 'надутое', 'просачивание', 'пухлое', 'гнев' [Чиронов, 2004, с. 199–200]. Похожее значение находим также в слове *pusupusu* 'надуть щёки, молчать с недовольным видом; недовольно ворчать, роптать' [Masahiro, 2007, p. 395]. Здесь так же основа *pusu* имитирует звук выпускаемого воздуха, поэтому создаётся образ надутых щёк.

«Улыбка». В эту группу были включены онomatопoэтики со слогом *ni*, изображающие различные виды улыбок. Звуко-мимичность этих слов заключается в произнесении *ni*, при артикуляции которого воспроизводится положение губных мышц при улыбке. Например: *nikoniko* 'тихий спокойный радостный смех, улыбка при приятных ощущениях' [Румак, Зотова, 2012, с. 295], *nitani* 'улыбка на лице, беззвучный смех от неприятной радости' [Там же, с. 296], *ni(tto)* 'удовлетворённая улыбка уголком рта' [Там же, с. 297], *niyaniya* 'беззвучный смех, улыбка при существовании какого-либо умысла, неприятной радости, при виде смешного либо от смущения' [Там же, с. 297] и т. д. Характер улыбки определяется остальными звуками в составе слова. К примеру, разница в оттенках значения *nita* и *niya* объясняется йотированным гласным *ya*, который используется для изображения более широкой улыбки [Чиронов, 2004, с. 129]. Вышеуказанные слова могут иметь несколько вариантов, образованных путём удвоения согласного в середине слова (геминации) или с помощью суффикса *-ri*: например, основа *niko* может иметь варианты *nikori* 'радостно улыбнуться' [Masahiro, 2007, p. 312] и *nikkori* 'улыбка

¹ В действительности это одна буква, т. к. японский алфавит силлабический. Однако в статье мы будем обозначать его как слог.

во весь рот' [Румак, Зотова, 2012, с. 295]. Здесь *-ri* передаёт значение однократности действия, удвоение в середине слова в *nikkori* «удлиняет», «замедляет» действие. Подробнее о влиянии структурных элементов на содержательную сторону оноματοпоэтических слов см. [Жиркова, 2020 б].

«Речь». Данная группа представлена оноματοпоэтическими словами, характеризующими речь в соответствии с движением мимики и органов речи. Основа *busu* в слове *busubusu* 'тихое бормотание при недовольстве, неудовлетворённости, подобное тлеющему огню' образована по тому же принципу артикуляционного символизма, как и вышеупомянутый *rusu*, который кроме значения 'недовольного выражения лица', имеет значение 'недовольно ворчать, роптать', т. е. также определяет характер речи. Схожесть значений этих основ можно объяснить тем, что *pu* и *bi* являются оглушением и озвончением при прочтении одной и той же буквы – *fu* (из ряда на *ha*).

Представление о бормотании, невнятной речи передано словами *tinuyatinya* 'бормотать, говорить невнятно' [Румак, Зотова, 2012, с. 455], *tonuyatonya* 'тихо бормотать про себя так, чтобы практически не было слышно' [Masahiro, 2007, p. 490]. По мнению С. В. Чиронова, инициальный *t* в плане артикуляционного символизма изображает невнятную речь [Чиронов, 2004, с. 120], символическое значение инициальных слогов *to* и *ti* – 'невнятность' [Там же, с. 137], а континуальных, т. е. вторых, слогов *nya* – 'продавливаемое мягкое' [Там же, с. 138]. При произнесении основ *tinuya* и *tonuya* мы слышим только назальные согласные, поэтому создаётся представление о том, как будто говорят «под нос».

Совершенно тихую речь изображает оноματοпоэтическое слово *mosomoso* 'почти беззвучное произнесение' [Румак, Зотова, 2012, с. 463-464]. Здесь слог *so* выражает значение 'неслышная речь' [Чиронов, 2004, с. 138]. Действительно, *so* по произношению напоминает шёпот. Сюда же отнесём слова *hiso* 'звук тихого, не слышного никому, кроме собеседника, разговора; сама такая беседа' [Румак, Зотова, 2012, с. 351], *boso* 'говорить / рассказывать приглушённым голосом / полущёпотом' [Там же, с. 429].

Представление о заплетающемся языке передаётся в слове *rero* 'неясное произнесение звуков заплетающимся языком' [Румак, Зотова, 2012, с. 475], обычно говорится о пьяных или о нарушении речи вследствие болезни, или же про речь детей, ещё не умеющих хорошо говорить. Здесь следует отметить, что произношение японского *r* отличается от русского тем, что намного мягче, и акустически часто соотносимо с *l* [Рыбин, 2012, с. 157]. При произнесении *rero* активно двигается сам язык. Вместе с мягким *r* чередование в слогах *e* и *o* создаёт имитацию невнятной речи, отсюда и идёт ассоциация с речью пьяного человека.

«Есть / кушать». Артикуляционный символизм в слове *musyatumushya* 'есть быстро, грубо; неприличный звук поедания пищи набитым ртом; само такое поедание' [Румак, Зотова, 2012, с. 452] проявляется в сочетании назального *m* и фрикативного *sh*, которые создают ассоциацию жевания чего-то мягкого.

Кроме этого, в эту группу вошли в основном слова, которые имеют сразу два значения: 'жевать / есть' и 'говорить'. Процесс жевания и речи примерно похожи, поэтому с точки зрения артикуляционного символизма могут быть одинаковыми. Рассмотрим примеры: *togotogo* 'есть, двигая подбородком; двигать подбородком, не издавая звука; говорить приглушённо, почти не двигая ртом' [Румак, Зотова, 2012, с. 486], *togutogu* 'говорить, почти не открывая рта; прожёвывать полный рот еды' [Там же, с. 461], *tigutigu* 'жевать, не открывая рта; чуть шевелить губами' [Masahiro, 2007, p. 472] и вышеупомянутый *tinuyatinya* 'бормотать, говорить невнятно; жевать, медленно двигая ртом' [Румак, Зотова, 2012, с. 455]. *M*, как мы упоминали выше, ассоциируется с речью, *g* (в паре с *k*) воспроизводит гортанное движение, отсюда и представление о речи либо еде.

Здесь также интересно проследить за чередованием *о-и* в основах *togo-* / *mogu-* / *tigu-* и изменением оттенков значения в зависимости от звукового состава, в частности гласных. Так, чем больше *о* в составе слова, тем динамичнее действие, рот открыт, *и* замедляет действия, рот почти полностью закрыт.

«Язык». В плане изображения состояния органов речи, *p/b* отвечают за движения губ, *r* – языка, в сочетании они дают онomatопозитические слова со значением 'движение языка'. Так, основы *pero/bero*, *peron/beron* описывают различные движения языком: *peropero* 'многократные движения языка внутрь и наружу; колебательные движения предмета, подобного языку; облизывание языком' [Румак, Зотова, 2012, с. 415] – *berobero* 'облизывание далеко высунутым языком' [Там же, с. 414], *peronperon* 'легко облизать несколько раз языком' [Masahiro, 2007, p. 429] – *beronberon* 'сильно облизать несколько раз языком' [Там же]. Озвончение в первой паре снижает динамичность движения, во второй – усиливает действие. Сюда же можно отнести слова *perapera*, *berabera* 'беглое, без запинок, говорение на иностранном языке и т. п.' [Румак, Зотова, 2012, с. 412]. Несмотря на то, что, на первый взгляд, эти слова можно отнести к словам, характеризующим речь, говорение, мы считаем, что изначальное значение заключалось в быстром движении языка внутри рта, что потом дало ассоциацию с хорошей, уверенной речью на иностранном языке.

Таким образом, японские онomatопозитические слова с корнями звуко-мимического происхождения в основном изображают выражение лица, улыбку, речь, процесс еды и движения языком. Преобладают согласные *p/h*, *m*, *n*, *g/k*, *r*; гласные – *i*, *u*, *e*, *o* (задействованы все гласные японского алфавита кроме *a*). Японские онomatопозитические единицы исследуемой группы характеризуются динамичностью изображаемых образов (напр., выражение лица, но не форма; характеристика речи, движение языка и т. д.).

3. Заключение [Conclusion]

В ходе исследования установлено, что звуко-мимическое происхождение некоторых единиц образной / онomatопозитической лексики якутского и японского языков является общей для обоих языков. В якутском языке они выделены в отдельную группу. Исследователи японского языка используют для этого явления понятие «артикуляционный символизм».

Сравнительный анализ якутских и японских образных (онomatопозитических) слов звуко-мимического происхождения показал, что наиболее ярко звуко-мимичность проявляется через инициальные носовые *м*, *нь* в якутском и *н* в японском языке. Что касается гласных, то их функции немного различаются: в якутском языке гласные могут определять форму описываемого образа (*марб-* 'широкое лицо', *морб-* 'узкое, длинное лицо'), в японском – динамичность действия (*togo* 'есть, двигая подбородком', *tigu* 'чуть шевелить губами').

Для образных слов звуко-мимического происхождения, как и для всей образной лексики якутского языка, характерна «картинность» – статичное изображение форм, положения. Первые исследователи образных слов за эту способность называли их «картинными словами». В японских онomatопозитических словах звуко-мимического происхождения преобладают слова, создающие представления о движении, делается акцент на действии или движении органа речи. Отсюда проистекает и разница групп: в якутском языке исследуемые слова по семантике разделены на группы «лицо», «рот», «улыбка», в японском языке это группы «выражение лица», «улыбка», «есть / кушать», «речь» и «язык». Только одна группа – «улыбка» – совпадает в обоих языках.

Библиографический список

- Афанасьев, 1992 – Афанасьев Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.06 ; Якутский ин-т яз., литературы и истории. Якутск, 1992. 21 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск : Наука, 2004–2018.
- Герасимова, 2020 а – Герасимова Л. Н. Функциональная особенность якутских и бурятских изобразительных глаголов в эпическом тексте // Вестник СВФУ. Сер. : Эпосоведение. 2020. № 4 (20). С. 137–145. <https://doi.org/10.25587/e0513-4605-2563-u>
- Герасимова, 2020 б – Герасимова Л. Н. Функциональные особенности образных глаголов якутского и шорского языков (на материале эпического текста) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 631–633. <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-631-633>
- Герасимова, 2022 – Герасимова Л. Н. Особенности употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 2 (36). С. 9–21.
- Егинова, 2014 – Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка. Новосибирск : Наука, 2014. 231 с.
- Жиркова, 2017 – Жиркова Е. Е. Особенности образных глаголов, выражающих походку человека, в якутском языке (с привлечением материала японского языка) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 118–124.
- Жиркова, 2020 а – Жиркова Е. Е. Семантические особенности образной лексики олонхо «Нюсер Бёгё» (в сравнении с ониматопами японского языка) // Вестник СВФУ. Сер. : Эпосоведение. 2020. № 2 (18). С. 160–168. <https://doi.org/10.25587/g9152-5906-4720-n>
- Жиркова, 2020 б – Жиркова Е. Е. Структурные особенности образной и ониматопозитической лексики якутского и японского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 51–60. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_51_60
- Румак, Зотова, 2012 – Толковый японско-русский словарь ониматопозитических слов / сост. Н. Г. Румак, О. П. Зотова. М. : МОНОГАТАРИ, 2012. 496 с.
- Рыбин, 2012 – Рыбин В. В. Фонетика японского языка. СПб. : Гиперион, 2012. 343 с.
- Скаличка, 1967 – Скаличка В. Исследования венгерских звукоподражательных выражений / пер. Г. Я. Романовой // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисловие Н. А. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967. С. 277–317.
- Сундуева, 2019 – Сундуева Е. В. Звуки и образы : фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [г/м] в монгольских языках. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
- Сыромятникова, 2011 – Сыромятникова Е. Е. Фоносемантика образных слов якутского и японского языков // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. Вып. 2. Якутск : Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2011. С. 32–35.
- Харитонов, 1954 – Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 312 с.
- Харитонов и др., 1982 – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / ред. кол. : Л. Н. Харитонов, Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова и др. М. : Наука, 1982. 496 с.
- Чиронов, 2004 – Чиронов С. В. Ониматопозитические слова в современном японском языке (проблемы функционирования) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2004. 221 с.
- Шагдаров, 1962 – Шагдаров Л. Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1962. 149 с.
- Шамаева, Слепцова, 2020 а – Шамаева А. Е., Слепцова О. Д. Образные глаголы, характеризующие лицо человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольских языков // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 478–481. <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-478-481>

Шамаева, Слепцова, 2020 б – Шамаева А. Е., Слепцова О. Д. Образные глаголы, характеризующие фигуру человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольского языка // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 553–555. <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-553-555>

Masahiro, 2007 – Masahiro O. Nihongo onomatope jiten [Словарь ономатопеэтиков японского языка]. Tokyo : Shogakukan, 2007. 701 p. (На японском яз.)

References

- Afanasev, L. A. (1992). *Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo yazyka* [Phonosemantics of figurative words of the Yakut language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Yakutsk : Yakut Institute of Languages, Literature and History. (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. (Ed.). (2004–2018). *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Yakut language]. In 15 volumes. Novosibirsk : Nauka Press.
- Gerasimova, L. N. (2020 a). Funktsional'naya osobennost' yakutskikh i buryatskikh izobrazitel'nykh glagolov v epicheskom tekste [Functional feature of Yakut and Buryat image-forming verbs in epic text]. *Vestnik SVFU. Ser. : Eposovedenie* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Epic studies], 4 (20), 137–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/e0513-4605-2563-u>
- Gerasimova, L. N. (2020 b). Funktsional'nye osobennosti obraznykh glagolov yakutskogo i shorskogo yazykov (na materiale epicheskogo teksta) [Functional features of image-forming verbs of the Yakut and Shor (Based on the epic text)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 6 (85), 631–633. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-631-633>
- Gerasimova, L. N. (2022). Osobennosti upotrebleniya izobrazitel'nykh glagolov v yakutskom i altayskom eposakh [Features of the image-forming verbs in the Yakut and Altai epics]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2 (36), 9–21. (In Russ.).
- Eginova, S. D. (2014). *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka* [Figurative adjectives of the Yakut language]. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Zhirkova, E. E. (2017). Osobennosti obraznykh glagolov, vyrazhayushchikh pokhodku cheloveka, v yakutskom yazyke (s privlecheniem materiala yaponskogo yazyka) [Features of figurative verbs expressing the human gait in the Yakut language (Using materials of the Japanese language)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Humanitarian Herald], 3 (20), 118–124. (In Russ.).
- Zhirkova, E. E. (2020 a). Semanticheskie osobennosti obraznoy leksiki olonkho «Njuser Bjogjo» (v sravnenii s onomatopami yaponskogo yazyka) [Semantic features of the figurative vocabulary in the Nyuser Bogyo olonkho (In comparison with Japanese onomatopes)]. *Vestnik SVFU. Ser. : Eposovedenie* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Epic studies], 2 (18), 160–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/g9152-5906-4720-n>
- Zhirkova, E. E. (2020 b). Strukturnye osobennosti obraznoy i onomatopoyeticheskoy leksiki yakutskogo i yaponskogo yazykov [Structural features of figurative and onomatopoeic vocabulary of the Yakut and Japanese languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4), 51–60. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_51_60
- Rumak, N. G., Zotova, O. P. (Eds). (2012). *Tolkovyy yaponsko-russkiy slovar' onomatopoeticheskikh slov* [Explanatory Japanese-Russian dictionary of onomatopoeic words]. Moscow : MONOGATARI Press. (In Russ.).
- Rybin, V. V. (2012). *Fonetika yaponskogo yazyka* [Phonetics of the Japanese language]. St Petersburg : Giperion Press. (In Russ.).
- Skalichka, V. (1967). Issledovaniya vengerskikh zvukopodrazhatel'nykh vyrazheniy [Research on Hungarian onomatopoeic expressions]. In N. A. Kondrashov (Ed.), *Prazhskiy lingvisticheskiy krugozor* [Prague Linguistic Circle]: A collection of articles (pp. 277–317). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Sundueva, E. V. (2019). *Zvuki i obrazy: fonosemanticheskoe issledovanie leksem s kornevymi soglasnymi [r/m] v mongol'skih yazykakh* [Sounds and images: A phonosemantic study of [r/m]

- root consonants in Mongolian languages*]. Ulan-Ude : Buryat Scientific Center SB RAS Press. (In Russ.).
- Syromyatnikova, E. E. (2011). Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo i yaponskogo yazykov [Phonosemantics of figurative words of Yakut and Japanese languages]. In *Gumanitarnye nauki v Yakutii: issledovaniya molodykh uchenykh* [Humanities in Yakutia: Research by young scientists] (Vol. 2, pp. 32–35). Yakutsk : IHIPNR SB RAS Press. (In Russ.).
- Kharitonov, L. N. (1954). *Tipy glagol'noy osnovy v yakutskom yazyke* [Types of verb stems in the Yakut language]. Moscow, Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).
- Kharitonov, L. N., Korkina, E. I., & Ubryatova, E. I. (Eds). (1982). *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Chironov, S. V. (2004). *Onomatopoyeticheskie slova v sovremennom yaponskom yazyke (problemy funktsionirovaniya)* [Onomatopoeic words in modern Japanese (Functioning problems)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Shagdarov, L. Sh. (1962). *Izobrazitel'nye slova v sovremennom buryatskom yazyke* [Figurative words in the modern Buryat language]. Ulan-Ude : Buryat Press. (In Russ.).
- Shamaeva, A. E., Sleptsova, O. D. (2020 a). Obraznye glagoly, kharakterizuyushchie litso cheloveka, v yakutskom yazyke v sopostavlenii s ikh parallelyami iz mongol'skikh yazykov [Yakut figurative verbs describing a person's face compared to Mongolian parallels]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 6 (85), 478–481. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-478-481>
- Shamaeva, A. E., Sleptsova, O. D. (2020 b). Obraznye glagoly, kharakterizuyushchie figuru cheloveka, v yakutskom yazyke v sopostavlenii s ikh parallelyami iz mongol'skogo yazyka [Yakut figurative verbs describing human's figure compared to Mongolian parallels]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 6 (85), 553–555. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-553-555>
- Masahiro, O. (2007). *Nihongo onomatope jiten* [Japanese Dictionary of onomatopoeias]. Tokyo : Shogakukan Press. (In Japanese).

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 30.07.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 30.07.2025.

Зубарева Екатерина Олеговна, Габдушева Алена Фанисовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
fialka21-85@mail.ru

Вторичная языковая личность мигранта в контексте деструктивной интерференции

Аннотация

Интерференция при овладении языком титульной нации принимающей страны может негативно влиять на адаптацию мигранта в новом сообществе. Именно поэтому изучение данного явления представляет особый интерес, а результаты подобных исследований могут быть использованы для разработки эффективных стратегий и методических материалов по предотвращению проявлений языковой интерференции. Цель статьи – рассмотреть проявления деструктивной интерференции на грамматическом и лексико-семантическом уровнях в англоязычной речи одного мигранта-носителя русского языка. Материалом исследования является видео-интервью с Алексеем Пажитновым для журнала «Science World Magazine» (74 мин.). Для идентификации случаев интерференции использовались сопоставительный, дефиниционный и контекстуальный методы анализа. В результате, во-первых, обнаружены систематические проявления грамматической интерференции, преимущественно связанные с употреблением глаголов и существительных в формах, выражающих грамматические категории. Именно эти случаи интерференции представляют собой наиболее значительное препятствие для осуществления успешной коммуникации, поскольку приводят к утере важных смысловых элементов в высказывании. Во-вторых, выявлены случаи интерференции на лексико-семантическом уровне, источниками которых являются различия в наборе значений слов в русском и английском языках, схожесть форм слов, имеющих разное значение, а также дословный перевод некоторых устоявшихся выражений русского языка на английский. Среди лингвокультурных различий следует отметить характерное для русского языка стремление к не свойственным английскому языку категоричности и ассертивности высказываний.

Ключевые слова: языковая интерференция, грамматическая интерференция, лексико-семантическая интерференция, лингвокультурная интерференция, языковая личность, вторичная языковая личность, билингвизм

© Зубарева Е. О., Габдушева А. Ф. 2025

Для цитирования: Зубарева Е. О., Габдушева А. Ф. Вторичная языковая личность мигранта в контексте деструктивной интерференции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 62–76. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-62>

Ekaterina O. Zubareva, Alyona F. Gabdusheva
Perm State University
Perm, Russian Federation
fialka21-85@mail.ru

The secondary linguistic personality of a migrant in the context of destructive interference

Abstract

Interference in mastering the language of the titular nation of the host country can negatively affect the adaptation of a migrant to a new community. That is why the study of this phenomenon is of particular interest,

and the results of such studies can be used to develop effective strategies and methodological materials to prevent manifestations of language interference. This article aims to consider manifestations of destructive interference at the grammatical and lexical-semantic levels in the English speech of one migrant who is the native speaker of Russian. Video interview with Alexey Pajitnov for Science World Magazine (74 min.) was chosen as the material for this study. Comparative, definition and contextual analyses were used to identify and classify the cases of interference. As a result, firstly, systematic manifestations of grammatical interference were found mainly related to the use of verbs and nouns in forms expressing grammatical categories. These particular instances of interference represent the most significant obstacle to successful communication since they lead to the loss of important semantic elements of the utterance. Secondly, instances of lexical-semantic interference whose sources are differences in the set of meanings of words in Russian and English along with the similarity of forms of words having different meanings were identified, as well as word-per-word translation of some well-known set expressions from Russian into English. Among linguocultural differences, we found the use of categorical and assertive utterances typical for communication in Russian but not typical for communication in English.

Keywords: language interference, grammatical interference, lexico-semantic interference, linguocultural interference, linguistic personality, secondary linguistic personality, bilingualism

© Zubareva E. O., Gabdusheva A. F. 2025

For citation: Zubareva, E. O., Gabdusheva, A. F. (2025). Vtorichnaya yazykovaya lichnost' migranta v kontekste destruktivnoy interferentsii [The secondary linguistic personality of a migrant in the context of destructive interference]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 62–76. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-62>

1. Введение [Introduction]

В мире активно развиваются международные отношения, устанавливаются новые международные контакты. Миграция, социальная мобильность, туризм приобретают массовый характер, в связи с чем изучение иностранных языков становится всё более актуальным. Особую важность в контексте миграционной лингвистики [Зубарева, 2024 ; Шустова, 2024 ; Арекеева, Шустова, 2023] представляет собой освоение мигрантами языка титульной нации принимающей страны, поскольку от этого напрямую зависит успешность процесса их адаптации и интеграции в обществе.

Интерференция на лексическом и грамматическом уровнях на примере русского мигранта, проживающего в США, относится к малоизученным аспектам. Цель статьи – рассмотреть проявления деструктивной интерференции на грамматическом и лексико-семантическом уровнях в англоязычной речи одного такого мигранта.

Рассмотрим ключевые понятия, необходимые для построения теоретической базы исследования. К таковым прежде всего отнесём языковую личность, которая может интерпретироваться как «тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980, с. 3]. Иными словами, это «личность, которая существует в языковом пространстве, пользуется вербальными знаками и представляет собой совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений» [Караулов, 2004, с. 245].

Объектом нашего исследования выступает вторичная языковая личность, рассматриваемая как «структурный слепок с первичной языковой личности» [Богин, 1998, с. 3]. Образование вторичной языковой личности складывается не только из овладения навыком верного употребления слов и грамматических конструкций иностранного языка, но и из знаний реалий и норм другой культуры, способности изменять паттерны речевого поведения в соответствии с требованиями изучаемого языка. Формиро-

вание вторичной языковой личности можно представить как постепенное овладение всеми тремя уровнями. Сначала индивид как языковая личность осваивает вербально-семантический уровень и приобретает способность воспринимать смысл слов и их соединений. Затем формируется понимание концепции текста, восприятие обобщённых понятий, крупных концептов, идей, происходит овладение тезаурусным уровнем. На мотивационном же уровне языковая личность получает способность понимать замысел отправителя текста, определять причины и цели осуществления высказывания [Момотова, 2011].

В зарубежной лингвистике также исследуется вопрос вторичной языковой личности. В зарубежных исследованиях распространён термин «secondary language identity», под которыми понимается «любой аспект идентичности человека, связанный с тем, как он знает и использует иностранный язык» [Benson et al., 2013, p. 18].

Другим важным понятием является *интерференция*, которая представляет собой «нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг, 1972, с. 4]. С данной точки зрения интерференция рассматривается как негативное явление в процессе коммуникации. Между тем по знаку влияния на коммуникацию (положительный или отрицательный) следует выделять конструктивную интерференцию (т. е. способствующую полноценной коммуникации) и деструктивную интерференцию (т. е. затрудняющую коммуникацию) [Алимов, 2005, с. 160]. Разумеется, интерференция может проявляться на разных уровнях языка. Нас в первую очередь интересует лексическая и грамматическая виды интерференции.

Лексическая интерференция может создавать коммуникативные помехи, в частности при контакте разноструктурных русского и английского языков, поскольку в данных языках большинство слов являются многозначными. Обусловленная полисемией интерференция возникает в случае, когда набор семем многозначного слова не совпадает с набором семем его эквивалента в другом языке. Лексикон английского языка является менее синтетическим, чем русский [Кубрякова, 1966, с. 98–99].

Лексическая интерференция может быть обусловлена и принадлежностью к разным типам культуры: английская культура является индивидуальной, рациональной, маскулинной, русская – коллективной, эмоциональной и феминной [Hofstede, 2010]. Такая культурная специфика выражается, например, в минимальном использовании эмоциональной лексики в английском языке по сравнению с русским языком, так как в английской культуре считается неэтичным показывать своё эмоциональное состояние другим, позиционируя себя сильной личностью.

Ещё одним видом интерференции, способным стать серьёзной помехой для успешной коммуникации, является *грамматическая интерференция*. Чем больше разница между грамматическими системами языков, тем выше вероятность проявления интерференции. Если рассматривать русский и английский языки, то их системы имеют значительные строевые отличия. Английский язык относится к преимущественно аналитическим, в нём образование форм слова и формирование структуры предложения происходит при помощи вспомогательных строевых единиц. Русский же относится к языкам синтетического типа, в которых грамматическая характеристика слова выражается через аффиксы и флексии.

2. Анализ деструктивной интерференции [Destructive interference analysis]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В зависимости от аспектов изучения языковой личности выделяют несколько подходов, например, лингвокультурологический и собственно лингвистический. В рамках проводимого исследования, учитывая материал, используются оба подхода.

Лингвистический подход строится на отношении личности к языку и учитывает 1) уровень языковой компетенции, на основе которого выделяют языковые личности с низким, средним и высоким уровнями; 2) соотносённость речи с нормами языка, различая стандартные, т. е. отражающие усреднённую литературно обработанную норму языка, и нестандартные, объединяющие различные отклонения от нормы, языковые личности [Лутовинова, 2017]. Для лингвокультурологического подхода характерно восприятие языковой личности как носителя определённого культурного кода, находящего своё отражение в языке. Согласно этому подходу каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью, а потому особое внимание уделяется способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей [Маслова, 2001, с. 23].

М а т е р и а л о м для исследования послужило интервью 2014 года с Алексеем Пажитновым, разработчиком всемирно известной игры «Тетрис», для журнала «Science World Magazine» (популярный в США образовательный журнал, в том числе для детей, функционирующий с 1957 года по настоящее время). Объём интервью составляет 6275 слов [<https://rutube.ru/video/32004f2a007e4bda3cb2c77460322015/>]. На момент интервью информант проживал в США 23 года и имел высокий уровень владения английским языком. В силу своей профессиональной деятельности (работа в Microsoft, а затем в собственной компании) и широкой известности в США, информант имеет постоянную практику общения с образованными носителями английского языка.

На первом этапе был выполнен транскрипт видео материала. Далее с помощью слухового анализа при визуальном контроле по транскрипту были зафиксировали все случаи деструктивной интерференции на грамматическом и лексическом уровнях. Примеры грамматической интерференции были сгруппированы по блокам: нарушение порядка слов, неправильное использование видо-временных глагольных форм, опущение сказуемого и т. д. Для идентификации и группировки лексических ошибок использовались англоязычные словари, с помощью которых проверялись значения слов и их соответствие интенции автора, которая определялась по широкому контексту исследуемых высказываний. В статье представлены наиболее яркие примеры грамматических и лексических несоответствий.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

По результатам анализа выявлено 85 примеров грамматической интерференции, которые были распределены по следующим подгруппам: ошибки в числе существительного (9,9%), ошибки в образовании существительных и прилагательных (5,1%), ошибки в употреблении возвратных местоимений (1,7%), ошибки в предлогах (2,7%), ошибки в артиклях (14,3%), ошибки в видо-временных формах глагола (19,3%), ошибки в категории залога (4,5%), ошибки согласования времён (9,1%), нарушения порядка слов (7,4%). Рассмотрим интерференцию на грамматическом уровне в речи Алексея Пажитнова на примерах в соответствии с вышеуказанными подгруппами.

В речи информанта присутствуют многочисленные ошибки, связанные с категорией числа существительных. Многие слова употребляются в форме единственного числа, когда контекст и форма глагола указывают на необходимость использования формы существительного во множественном числе, например, *mathematician like to give the Greek names for their objects; I feel that Tetris stay in a row with the other game like Pacman, Quber and the other game; there are seven different shape* и др. Эти ошибки являются результатом интерференции, поскольку способы образования множественного числа существительных в двух языках принципиально отличаются. В русском языке это изменение или присоединения флексии, выраженной гласным (участвуют несколько глас-

ных), со сдвигом ударения или без такового, а в английском, за исключением супплетивных форм, это присоединения аффикса, выраженного свистящим переднеязычным глухим или звонким согласным /s, z/ в том числе в сочетании с предыдущим гласным /i/.

В речи Алексея присутствуют ошибки в аффиксах существительных и прилагательных. К примеру, в предложении *Well, Hungary, **Bulgary**, Poland at the same time* Алексей искажает название Болгарии (англ. *Bulgaria*), уподобляя его названию Венгрии (англ. *Hungary*) путём замены суффикса *-ia* на суффикс *-ary*. Следует отметить, что неправильное использование суффикса приводит и к ошибочному ударению, но фонетическая интерференция в данной статье не рассматривается.

Похожие ошибки наблюдаются и в других высказываниях: *he knew every bit of it and solid **academical** kind of people come for him to consult about some questions; I think that my glory or **famous** is very exaggerated*. В них допущены ошибки в формах прилагательного *academic* и существительного *fame*, к которым Алексей добавляет английские суффиксы прилагательных *-al* и *-ous* соответственно. Если в первом случае в результате искажения получается неверная форма слова, то во втором случае меняется часть речи, что является грубой ошибкой. Все вышеупомянутые суффиксы являются продуктивными, а потому встречаются в английской речи довольно часто. В связи с этим, можно предположить, что Алексей, не имея чёткого представления о правилах словообразования в английском, путает суффиксы, хотя интуитивно понимает их значение на основе своего опыта восприятия речи носителей.

Интерференция в данном случае проявляется в том, что, хотя русский и английский языки имеют схожий способ деривации слов путём присоединения морфем, наборы этих морфем и нюансы их употребления различаются. Как следствие, в речи билингва, опирающегося только на общие представления о типичных для образования определённых частей речи морфемах, могут встречаться подобные ошибки.

Другим примером грамматической интерференции является неверное использование возвратного местоимения *myself* в предложении *So, the first publisher made it, not **myself***. Здесь ошибка также объясняется влиянием родного языка, поскольку содержание, передаваемое в русском языке возвратным местоимением, не всегда будет выражаться возвратными местоимениями в английском. По всей видимости, Алексей опирался на вариант этого высказывания на русском языке: *Первый издатель сделал это, а не я сам*; или не знал о других способах передачи значения самостоятельности совершения действия. По своей структуре приведённое английское предложение является сложносочинённым, и второе простое предложение в своей полной форме должно звучать как *It was not me*, где местоимение *I* является агенсом, а не пациенсом и поэтому употребляется в форме объектного падежа *me*. При переводе этого предложения на русский *Это был не я*, местоимение *я* будет являться пациенсом. В связи с этим несовпадением и возникает интерференция. Возможно, Алексей интуитивно понимает невозможность использования местоимения *I*, но не может верно подобрать замену из-за пробелов в знаниях, а потому принимает решение употребить возвратное *myself*.

Влияние различий между исследуемыми языками сказывается и на употреблении предлогов в речи информанта на английском языке. Так, в интервью довольно часто встречаются предложения с ошибками подобного рода, например, *I want to create some kind of very standard version which could be played by professionals and amateurs, and everybody to compete to each other* и др. Неверный выбор предлогов можно объяснить тем, что и в русском, и в английском языках предлоги играют важную роль при выражении такого вида синтаксической связи, как управление, в глагольных сочетаниях, однако между этими языками присутствуют существенные отличия при выборе или отсутствии-присутствии предлога с глаголами, имеющими одинаковые значения в обоих языках, например,

влиять на кого-то / что-то – *to influence smb. / smth.*; отвечать на вопрос – *to answer a question* [Collins Dictionary]. Вероятно, что именно это несовпадение провоцирует подобные проявления интерференции в речи Алексея, заставляя его выбирать предлоги, подходящие в его родном языке, но ошибочные для эквивалента в английском.

В материале наблюдается отсутствие или ошибочное использование артиклей, к примеру, *I graduate the Moscow Institute of Aviation as **applied mathematician**; It's really **hard task** to do it; Well, you never know anything about **future*** (пропущено, соответственно, два неопределённых и один определённый артикль). Здесь причиной интерференции является отсутствие в русском языке такого единого способа выражения определённости-неопределённости объекта, как артикли; в английском языке это *a / an* и *the*, наличие-отсутствие которых и выбор между ними – весьма непростая задача даже для носителя русского языка, изучающего английский профессионально. В связи с этим, можно предположить, что Алексей не до конца понимает роль артиклей в предложении.

В его речи встречаются ошибки, связанные с образованием глагольных форм, выражающих длительность. К примеру, в предложениях *We **exploring** it as well; You **doing** good*. В обоих случаях отсутствует вспомогательный глагол *to be*, необходимый для образования глагольной формы Present Continuous. Эти искажения являются следствием различия в способе образования глагольных форм в русском и английском языке, а также в способе выражения законченности / завершённости действия. Так, в русском языке завершённость-незавершённость отражается категорией совершенного-несовершенного вида глагола, которая может передаваться при помощи приставки или добавления соответствующих аффиксов. В английском же незавершённость действия, его длительность, выражается формами времён длительной группы (Progressive / Continuous Tenses), образование которых происходит при помощи добавления вспомогательного глагола *to be* и окончания / суффикса *-ing*. В обоих языках передача характеристики законченности-незаконченности действия включает в себя изменение морфемы. Возможно, Алексей опирается на это сходство, а потому верно добавляет суффикс *-ing*, но забывает о необходимости подстановки аналитического компонента *to be*, поскольку в его родном языке аналитизм ограничен.

Кроме того, Алексей, как и многие носители русского языка, часто допускает ошибки, связанные с отсутствием глагола-связки в составном именном сказуемом в настоящем времени. Например, в интервью встречаются такие предложения, как *The problem with this stuff is, basically, if the pieces on top and the pieces on the bottom, you have kind of counter-intuitive interface; Welltris very popular for a short time in Japan for arcade machine*. В английском же в данном типе предложений и подлежащее, и сказуемое необходимы, даже при условии отсутствия семантического субъекта используется формальное подлежащее. В связи с этим различием между языками такие проявления интерференции, как опущение одного из главных членов предложения, становятся неизбежными, что и иллюстрирует данный пример из интервью.

Ещё одним элементом грамматической системы, в которой наблюдаются искажения, является категория залога. Так в речи информанта присутствуют такие случаи неверно выбранного залога, как *The floppy disk **didn't read**, they have different formats; Those are all different shape which could **make out** of five square*. В обоих предложениях подобные ошибки искажают смысл высказывания. В первом случае речь идёт о дискете, носителе информации, содержание которого может быть прочитано компьютером, а из контекста можно сделать вывод, что главной мыслью предложения является невозможность прочитать данный носитель при помощи компьютера из-за разницы в форматах. Однако при переводе сказанного Алексеем получается, что дискета не могла прочитать что-либо. Поэтому неверным будет не только использование активного залога, но и опу-

шение модального значения неспособности компьютера. Более подходящими и корректными вариантами выражения данного смысла будут *The floppy couldn't be read by the computer*, где меняется залог и добавляется модальный глагол *can (could)*, передающий это значение невозможности; и *The computer didn't read the floppy disk*, где субъектом действия становится компьютер.

Интерференция проявляется в том, что для передачи данной мысли в предложении на русском языке нет необходимости в использовании модальных слов для выражения способности-неспособности. Это связано с тем, что в английском языке, по сравнению с русским, спектр грамматических средств выражения модальности гораздо шире, как и частотность использования этих средств [Блерица, 2011]. Одна из важнейших функций модальных глаголов в английском языке – это снижение прямолинейности высказывания, минимизация давления на слушающего [Ерзинкян, 2019]. Для русского же, наоборот, характерно употребление предложений с большей степенью категоричности и ассертивности [Козлова, 2019], поэтому интерференция в данном случае связана не только с разницей на грамматическом уровне языка, но и с культурологическими различиями английской и русской ментальности.

Во втором случае неверное употребление залога также приводит к изменению смысла. Основная мысль данного предложения заключается в том, что все игровые элементы разных форм составлены из пяти квадратов, однако при смене залога на активный сочетание *made out of* – быть сделанным из, становится фразовым глаголом *to make out*¹, обладающим совершенно другим набором значений. По конструкции предложения *Those are all different shape which could make out of five square* можно составить предложение на русском, на которое, по всей видимости, опирался Алексей при формулировании его английского эквивалента. Предположительно, оно могло звучать как Все эти разнообразные формы можно составить из пяти квадратов. Получившееся русское предложение является безличным, где нет подлежащего, что может вызывать трудность при переводе его на английский, поскольку для второго языка необходимо наличие двух главных членов предложения. Вероятно, что информант или не смог определиться с выбором залога в английском предложении, а потому смешал их формы, или потерпел неудачу в попытке образовать форму пассивного залога ввиду недостатка знаний о правилах неродного языка. Интерференция в данном примере может быть связана с разницей в способах образования форм пассивного залога в исследуемых языках. В русском языке существует два способа: при помощи добавления постфикса *-ся* и с помощью добавления глагола *быть* к страдательному причастию на *-н / -т*. В английском же данные формы образуются только при помощи глагола *to be* и Participle II основного глагола. Несовпадение способов образования в этих языках может приводить к трудностям и ошибкам при освоении и использовании данной глагольной формы, в чём и заключается проявление деструктивной интерференции.

Также в речи исследуемой личности часто встречается неверное согласование временных форм глаголов, поскольку в русском языке нет строгих правил временной согласованности глагольных форм, какие существуют в английском языке. Например, в предложениях *I didn't like how it works; And when Henk came and talked to the agency, kind of everybody loves him as a publisher because he was a publisher of PC version in Japan; He was of Hungarian origin and he lived in London and has his company there, in Britain*. Разберём данный тип ошибок на примере предложения из интервью *I didn't like how it works*. Смысл приведённого высказывания в том, что Алексею не нравилось как

¹ to complete (something, such as a printed form) by supplying required information; 2. to find or grasp the meaning of; 3. to form an opinion or idea about; 4. to represent as being; 5. to see and identify with difficulty or effort [Merriam-Webster Dictionary].

работала одна из механик игры, то есть речь идёт о прошлом, поэтому и главное, и придаточное сказуемые должны стоять в форме прошедшего времени: *I didn't like how it worked*. Однако в русском языке такая согласованность не является обязательной, а потому для выражения этой мысли верным будет как вариант *Мне не нравилось как это работает*, так и вариант *Мне не нравилось как это работало*. В подобных случаях неверного выбора временных форм глаголов и заключается проявление грамматической интерференции в подобных случаях неверного выбора временных форм глаголов. Алексей не учитывает необходимость согласования сказуемых главного и придаточного предложений в английском языке, руководствуясь способами построения сложноподчинённых предложений в родном языке.

Помимо этого в интервью присутствуют искажения, связанные с порядком слов в предложении. К примеру, *Is it you playing or it's demo mode?; And all of a sudden I see on the screen my pieces, which I could kind of move left and right*. В вопросительном предложении ошибка заключается в том, что первую часть вопроса Алексей строит верно *Is it you playing, a вторую or it's demo mode?* формулирует как повествовательное предложение. Это связано с тем, что, несмотря на общую для порядка слов в исследуемых языках функцию различения актуальных членов предложения, темы и ремы, в английском языке порядок слов также служит для разграничения повествовательного и вопросительного типов предложения, чего нет в русском языке. Кроме того, в английском языке, в отличие от русского, порядок слов является фиксированным. Во втором предложении информант нарушает этот порядок, ставя прямое дополнение *my pieces* после предложного *on the screen*. Интерференция в описанных примерах объясняется разницей в системах языков и функциями, которые в них выполняет порядок слов. Будучи носителем русского языка, Алексей переносит возможность достаточно свободной расстановки слов в предложении, не учитывая правил английского синтаксиса.

Влияние родного языка в речи Алексея Пажитнова можно проследить и в употреблении отдельных выражений. Например, в предложении *So, we have so-called Tetris Zone, some site, which provide the **more-less** standard Tetris game*, он искажает устойчивое английское словосочетание *more or less*, уподобляя его русскому эквиваленту *более-менее*. В русском языке данное выражение может употребляться как с союзом *или*: *более или менее*, так и без него: *более-менее*. В английском же языке подобное опущение союза будет ошибкой. В данном случае в результате интерференции Алексей неверно употребляет устойчивое английское словосочетание, опираясь на его аналог в родном языке.

В интервью есть неточное употребление союзов, вносящее неясность в смысл высказывания, например, в *So I put all the pieces and put how many times this piece appears, **for** nobody blame me that I never give the sticks*, которое можно перевести как *Так что я разложил все фигуры и указал, сколько раз появляется определённая фигура, чтобы никто не обвинял меня в том, что я никогда не даю «палочки»*. Здесь для передачи значения цели в придаточном предложении Алексей использует слово *for*², не учитывая того, что данная единица может быть как предлогом, так и союзом, и что в зависимости от того, в качестве какой части речи это слово выступает в предложении, будет меняться и его значение. Так, если *for* является предлогом, то он действительно может переводиться как *для* или *чтобы* и выражать значение цели, предназначения (*We use this knife for cutting meat* – *Мы используем этот нож для разделки мяса*). Однако, если *for* является союзом, то он имеет значение причины и переводится как *потому что* (*He was upset, for he failed his exam* – *Он*

²(preposition): 1. used as a function word to indicate purpose; 2. used as a function word to indicate an intended goal; 3. used as a function word to indicate the object or recipient of a perception, desire, or activity; 4. as being or constituting. (conjunction): 1. for the reason that [Merriam-Webster Dictionary].

расстроен, потому что не сдал экзамен). В примере из речи информанта более естественно будет употребить *so that* вместо *for*, поскольку это исключило бы возможность двусмысленного понимания предложения. Это предложение вне контекста можно было бы перевести как *Так что я разложил все фигуры и указал, сколько раз появляется определённая фигура, потому что никто не обвинял меня в том, что я никогда не даю «палочки»*, что искажает смысл, который закладывался в высказывание изначально. В данном случае интерференция вызвана тем, что для английского языка характерна омонимия частей речи, когда отдельно взятое слово зачастую нельзя охарактеризовать в плане принадлежности к части речи вне контекста, чего не наблюдается в русском языке. Это связано с разницей в типах языков: русский язык относится к синтетическому типу и обладает развитой системой аффиксов, что позволяет противопоставлять части речи по их морфологическим характеристикам, в то время как английский является аналитическим языком, и система аффиксов в нём развита гораздо слабее, а потому противопоставление частей речи базируется в большей степени на синтаксических показателях.

На лексическом уровне зафиксировано 30 примеров интерференции. Лексическая интерференция была сгруппирована следующим образом: ошибки в устойчивых словосочетаниях (6,1%), ошибки в употреблении близких по форме, но различающихся по значению лексем (11,3%), ошибки при выборе соответствующей контексту и интенции лексемы (8,2%), ошибки при выборе соответствующей регистру общения лексики (0,4%). Приведём примеры на каждую подгруппу.

Итак, наиболее отчётливо видны отклонения в устойчивых английских словосочетаниях, употребляя которые, А. Пажитнов заменяет один из элементов такого сочетания похожим по значению словом. Например, ошибка в употреблении устойчивого словосочетания наблюдается в предложении *So that was the moment of professional honor, if you wish*, где Алексей, желая использовать сочетание *if you will*, заменяет слово *will* на *wish*. В наборе семем лексемы *will*³ действительно есть семема *хотеть* или *желать*, которая также входит в набор семем *wish*⁴, но в таком случае *will* будет иметь форму *willing*⁵ или входить в состав обозначенного словосочетания. Идиоматическая фраза *if you will* часто переводится на русский язык как *если угодно, если хотите* или *так сказать*, и показывает, что определённое выражение является одним из способов сказать что-то, но предполагает, что не все выбрали бы это выражение, чтобы передать свою мысль. Вместо *will* в данном сочетании при сохранении значения может использоваться *like*, но не *wish*, несмотря на то, что *will* в этом сочетании может переводиться как *хотеть*. Возможно, именно эта семема и создаёт путаницу, в результате чего А. Пажитнов употребляет *wish*, основным значением которого и является выражение желания чего-либо. Другими словами, *wish* и *will* делят между собой семему русского слова *хотеть*, поэтому Алексей воспринимает их как синонимы, не беря во внимание дополнительный оттенок значения, которым обладает выражение *if you will*. Он излишне опирается на русский аналог данной фразы *если хотите*, что и становится причиной интерференции.

Другим примером ошибки в устойчивых сочетаниях является предложение *Yeah, so about the line, it was the other story*, где Алексей путает похожие по написанию и значе-

³1. used to talk about what someone or something is willing or able to do; 2. used to ask someone to do something or to politely offer something to someone; 3. used to talk about something that often happens, especially something annoying; 4. the mental power to control your thoughts and actions or to succeed in doing something difficult; what someone wants; a legal document that gives instructions about what should happen to your money and possessions after you die [American Heritage Dictionary of the English Language].

⁴1. to want a situation that is different from the one that exists; 2. to want to do something; 3. to say that you hope someone will be lucky/successful; 4. used to say that you would like something to be true although you know it is not true; 5. what you want to do or what you want to happen; 6. something that you say secretly to yourself about what you want to have or happen [Cambridge Dictionary].

⁵1. to be happy to do something, if you need to; 2. wanting to do something [Там же].

нию слова *other* и *another*. Фраза *it's another story* имеет русский аналог *это уже другая история* и употребляется в том же значении, а именно обозначает что-либо, связанное со сказанным ранее, но отличающееся от него. Также данное сочетание часто используется как переход от одной темы к другой, связанной с предыдущей, или для упоминания чего-либо, о чём говорящий не собирается рассказывать в подробностях [Cambridge Dictionary]. В данном случае причиной интерференции является несовпадение оттенков значений в русском и английском языках. Оба слова *another* и *other* могут переводиться на русский как 'другой', однако имеют различия в употреблении. Так, *another*, помимо значения 'другой' обозначает 'ещё один предмет в дополнение к тому, о котором шла речь ранее', а *other* с артиклем *the* используется для обозначения чего-то определённого, о чём уже упоминалось ранее⁶. Удобнее всего объяснить разницу между этими двумя лексическими единицами представляется на примерах ситуаций их употребления. Предположим, консультант предлагает покупателю на выбор два пиджака, зелёный и синий. Покупатель примеряет сначала зелёный, но он ему не нравится, тогда, чтобы попросить синий пиджак он должен сказать *Let's try the other one*, поскольку речь идёт о двух конкретных предметах. Представим другую ситуацию, покупатель примеряет зелёный пиджак, но на нём оторваны пуговицы. Консультант замечает это и, чтобы предложить принести другой, без брака, ему следует сказать *I'll get you another one*, то есть ещё один пиджак этой же модели из тех, которые не упоминались в разговоре ранее.

Так, при использовании фразы *it's another story* обсуждаемые темы как бы представляются разными историями, которых может быть неограниченное количество, именно поэтому в ней употребляется слово *another*. По всей видимости, Алексей не до конца понимает разницу между *another* и *other* или не знает правил их употребления, а потому употребляет их в своей речи как взаимозаменяемые. Это проявляется и в предложении *Well, from another hand programmers are very happy to work with me, где неправильно использует фразу on the other hand*. У этого устойчивого английского словосочетания, используемого в речи для освещения ещё одного аспекта какой-либо темы, тоже есть эквивалент в русском языке – выражение *с другой стороны*. Если дословно перевести вариант информанта *from another hand*, получается *с другой руки*, что представляет собой смешение русского сочетания с его английским аналогом.

Также в речи выбранной публичной личности встречается неверное употребление отдельных слов. Например, в предложении *He immediately get everything about operating system, he knew every bit of it and solid, academical kind of people come for him to consult about some questions and whatever* Алексей не совсем верно употребляет слово *solid*⁷. Одним из его значений действительно является значение признака весомости, надёжности, соответствия какому-либо высокому стандарту. Эта семема соответствует одному из значений похожего русского слова *солидный*, которое также может использоваться для описания чего-либо надёжного, прочного и основательного [Даль, 2004]. Тем не менее, в английском языке *solid*, как правило, употребляется только по отношению к неодушевлённым предметам, а не к статусу или личности людей, как это происходит в русском языке с похожим словом *солидный*. Неполное соответствие значений этих двух лексических единиц и объясняет проявление интерференции в данном предложении, поскольку Алексей полностью переносит набор семем слова из родного языка на слово из иностранного, руководствуясь их схожестью.

⁶ Another: 1. one more person or thing or an extra amount; 2. a different person or thing. Other: 1. as well as the thing or person already mentioned; 2. used at the end of a list to show that there are more things, without being exact about what they are; 3. (the other) the second of two things or people, or the thing or person that is left in a group or set of things [Там же].

⁷ 1. hard or firm, keeping a clear shape; 2. certain or safe; of a good standard; giving confidence or support; 3. completely hard or firm all through an object, or without any spaces or holes; 4. a solid metal or colour is pure and does not have anything else mixed together with it [Cambridge Dictionary].

Близкие по форме, но различающиеся по значению, лексические единицы вызывают интерференцию и в предложении *So, we need to calibrate the computer processor; we need to set up the very **correct** speed and I didn't need it to do it on my computer in my first version, but we did very **correct** work on PC as well*. В обоих случаях А. Пажитнов ошибочно использует слово *correct* вместо похожего *corrective*, неверно предваряя словом *very*. В английском языке прилагательное *correct*⁸ означает верный, соответствующий фактам, а *corrective*⁹ описывает что-то, что совершается с целью улучшения или исправления. Последнее соответствует значению русского слова *корректирующий*, однако оба приведённых английских слова по своей форме очень на него похожи. В русском языке слова с корнем *коррект-* чаще употребляются в значении исправления чего-либо, например, *корректурa*, *корректор*, *корректировать*, несмотря на существование слова *корректный*, которое по значению близко английскому *correct* [Ушаков, 2008]. Возможно, именно поэтому Алексей и не различает *correct* и *corrective* в данном предложении, опираясь на основное значение слов с похожим корнем в родном языке.

Помимо этого, лексико-семантическая интерференция проявляется и в предложении *So I use this excuse to amuse myself with my favourite games and I wrote several games there*. Он использует глагол *to write* для передачи смысла создания игры, опираясь на довольно распространённое в русском языке сочетание *написать игру*. В нём игра понимается как программа, для создания которой необходимо написать код, то есть в русском *написать игру* в большинстве случаев будет означать создание кода программного обеспечения игры. В английском же языке, в отличие от русского, есть отдельное слово со значением написания кода – глагол *to code*¹⁰. В данном случае правильнее будет использовать именно его, поскольку глагол *to write*¹¹, как правило, не используется с существительным *game* в значении создания игрового кода. Несмотря на то, что в набор семем *to write* входит значение внесения данных в память компьютера, это слово не подходит для выражения мысли информанта в полной мере. Кроме того, одним из наиболее употребляемых значений *to write* является создание какого-либо литературного произведения, в том числе и написание сценария для фильма, театральной постановки или видеоигры. В связи с этим сочетание *to write a game* будет иметь значение создания сюжета игры, её смыслового наполнения, что искажает изначально закладываемый Алексеем смысл. В данном фрагменте влияние русского языка становится препятствием для точного понимания мысли, закладываемой в высказывание.

Также в интервью присутствует фрагмент, на основе которого можно предположить, что Алексей испытывает трудности с выявлением обценной лексики и ситуаций, когда её использование может быть уместно: *But the general population don't give a shit about me*. Словосочетание *don't give a shit*¹² является очень широко употребляемым, но вульгарным сленговым выражением, при помощи которого говорящий обозначает своё безразличие к чему-либо. Использование подобных лексических единиц неприемлемо в таком акте коммуникации, как интервью уважаемому СМИ, тем не менее, Алексей употребляет его. Скорее всего, это связано с лингвокультурным различием, состоящим в том, что в русском языке аналогом данного выражения является выражение *ни черта*,

⁸1. conforming to an approved or conventional standard; 2. conforming to or agreeing with fact, logic, or known truth; 3. conforming to a set figure; 4. conforming to the strict requirements of a specific ideology or set of beliefs or values [Merriam-Webster Dictionary].

⁹1. intended to improve a situation; 2. used to refer to something that is intended to cure a medical condition [Cambridge Dictionary].

¹⁰1. to put in or into the form or symbols of a code; 2. to specify the genetic code; 3. to create or edit computer code [Merriam-Webster Dictionary].

¹¹1. to form (characters, symbols, etc.) on a surface with an instrument (such as a pen); 2. to spell in writing; 3. to cover, fill, or fill in by writing; 4. to be the author of: to produce a written work, to compose in musical form; 5. to form or produce written letters, words, or sentences; 6. to draw up, draft [Там же].

¹²to care the least bit [American Heritage Dictionary].

степень вульгарности которого гораздо ниже, чем у английского аналога. В данном случае лексико-семантическая интерференция заключается в том, что Алексей, вероятнее всего, не идентифицирует данное выражение как относящееся к сниженной лексике, а воспринимает его, в соответствии с русским аналогом, как нечто, обладающее сильной эмоциональной окраской. Вследствие этого, он употребляет его для придания своему высказыванию уверенности и эмоциональности, но не учитывает, что ситуация для этого неподходящая.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование, проведённое на материале видео-интервью на английском языке с русским мигрантом Алексеем Пажитновым для журнала «Science World Magazine», позволило выявить 115 примеров деструктивной интерференции: 85 – грамматической и 30 – лексической, что составило 74% и 26% соответственно. Подгруппы грамматической группы ошибок в процентном соотношении от общего количества всех ошибок распределились следующим образом (по убыванию частотности): ошибки в видо-временных формах глагола (19,3%), ошибки в артиклях (14,3%), ошибки в употреблении близких по форме, но различающихся по значению лексем (11,3%), ошибки в числе существительного (9,9%), ошибки согласования времён (9,1%), ошибки при выборе соответствующей контексту и интенции лексемы (8,2%), нарушения порядка слов (7,4%), ошибки в устойчивых словосочетаниях (6,1%), ошибки в образовании существительных и прилагательных (5,1%), ошибки в категории залога (4,5%), ошибки в предлогах (2,7%), ошибки в употреблении возвратных местоимений (1,7%), ошибки при выборе соответствующей регистру общения лексики (0,4%).

Анализ демонстрирует, что примеров грамматической интерференции больше почти в 3 раза, чем примеров лексической интерференции. Этот факт и приведённая выше статистика показывает, что интерференцию, связанную с разницей в грамматическом строе двух языков достаточно сложно преодолеть даже мигранту, проживающему в США долгое время и постоянно общающемуся с большим количеством образованных носителей английского языка. Наиболее типичной ошибкой, вызванной интерференцией, является неправильное образование видо-временных конструкций. Любопытно и неожиданно, на наш взгляд, что ошибочное употребление предлогов и союзов занимает второе место среди примеров грамматической интерференции. Грамматическая интерференция, преимущественно связанная с неправильным употреблением глаголов и существительных в формах, выражающих грамматические категории, представляет собой наиболее значительное препятствие для осуществления успешной коммуникации, поскольку данные искажения приводят к утере таких важных смысловых элементов. Также встречаются ошибки, связанные с деривацией слов, что тоже может осложнять достижение коммуникационной цели.

Подгруппы лексической группы ошибок в процентном соотношении от общего количества всех ошибок распределились следующим образом (по убыванию частотности): ошибки в употреблении близких по форме, но различающихся по значению лексем (11,3%), ошибки при выборе соответствующей контексту и интенции лексемы (8,2%), ошибки в устойчивых словосочетаниях (6,1%), ошибки при выборе соответствующей регистру общения лексики (0,4%).

На проявление лексической и грамматической интерференции также влияют и лингвокультурные особенности. На грамматическом уровне данные особенности отражены в наличии специальных языковых средств и правилах их использования. К ним можно отнести артикли, в которых проявляется ориентация английского языка на слу-

шателя, или односоставные предложения в русском, в которых видна ориентация на реальность, на ситуацию. Также в качестве лингвокультурного специфического элемента, вызывающего интерференцию, можно выделить необходимость согласования времён в английском языке и отсутствие этой необходимости в русском. Данный факт отражает различия в восприятии времени носителями исследуемых языков. Если для носителя английского языка важна чёткая временная соотнесённость действий относительно друг друга, то для носителя русского языка такая соотнесённость в большинстве случаев не имеет такого значения. На лексико-семантическом уровне влияние лингвокультурных различий связано с характерным для русского языка стремлением к категоричности и ассертивности высказываний, совсем не свойственным английскому языку. Это приводит к выбору не совсем уместных, а иногда и неприемлемых, лексических единиц.

Интерференция может оказывать значительное негативное влияние на адаптацию русского мигранта к англоязычной среде и на эффективность коммуникации с носителями английского языка. Поэтому изучение данного явления представляет особый интерес. Выявленные подгруппы можно назвать своего рода «болевыми точками», поскольку они проявились у информанта даже после долгих лет жизни в англоязычной среде и постоянного общения с образованными и известными носителями английского языка.

Результаты подобных исследований могут быть использованы для разработки эффективных стратегий и методических материалов по предотвращению проявлений деструктивной интерференции в англоязычной речи носителей русского языка, в частности мигрантов. Перспектива же исследования заключается в дальнейшем анализе лексической и грамматической интерференции на примере других русских мигрантов с целью выявить наиболее типичные ошибки, и ошибки, которые препятствуют полному пониманию речи. Также планируется исследование других видов интерференции.

Библиографический список

- Алимов, 2005 – Алимов В. В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: монография. М. : УРСС КомКнига, 2005. 232 с.
- Арекеева, Шустова 2023 – Арекеева Ю. Е., Шустова С. В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «СВОЙ» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.
- Блерица, 2011 – Блерица Т. А. Лексические средства выражения модальности возможности в английском, албанском и русском языках // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 4. С. 63–71.
- Богин, 1980 – Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин : Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1980. 61 с.
- Богин, 1998 – Богин Г. И. Герменевтические последствия универсализаций в методике преподавания русского языка как иностранного // Герменевтика в России. 1998. Т. 2 (3). С. 3–9.
- Даль, 2004 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Олма-Пресс : Красный пролетарий, 2004. 700 с. URL : <https://slovardalja.net/> (дата обращения : июль 2024).
- Ерзинкян, 2019 – Ерзинкян Е. Модальность как средство смягчения категоричности высказывания // ՕՏԱՐ ԼԵՁՈՒՆԵՐԸ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԴՊՐՈՑՈՒՄ [Иностранные языки в средней школе]. 2019. № 2 (27). С. 116–125. <https://doi.org/10.46991/FLHE/2019.23.2.116>
- Зубарева, 2024 – Зубарева Е. О. Миграционный дискурс: институциональность и интерферентность (аналитический обзор) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 31–41.
- Караулов, 2004 – Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2004. 263 с.
- Козлова, 2019 – Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Барнаул : АлтГПУ, 2019. 180 с.

- Кубрякова, 1966 – Кубрякова Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования // Структурно-типологическое описание современных германских языков : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева. М. Наука, 1966. С. 74–113.
- Лутовинова, 2017 – Лутовинова О. В. Становление понятия «Языковая личность»: от «Языка в человеке» до «Человека в языке» // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2017. № 1(114). С. 82–89.
- Маслова, 2001 – Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
- Момотова, 2011 – Момотова Ю. Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности // Вестник ВятГУ. 2011. № 2–3. С. 107–112.
- Розенцвейг, 1972 – Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. М. : Прогресс, 1972. 535 с. URL : <https://djvu.online/file/cmSENrLSv2m3H> (дата обращения : сентябрь 2024).
- Ушаков, 2008 – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Дом Славянской книги, 2008. 959 с. URL : <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения : июль 2024).
- Шустова, Романова, 2024 – Шустова С. В., Романова А. И. Категория лингвистической дискриминации в миграционном дискурсе // Миграционная лингвистика. 2024. № 6. С. 4–21.
- American Heritage Dictionary – American Heritage Dictionary of the English Language. URL : <https://www.ahdictionary.com/> (дата обращения : август – октябрь 2024).
- Benson, Barkhuizen, 2013 – Benson P., Barkhuizen G., Bodycott P., Brown J. Second Language Identity // Second Language Identity in Narratives of Study Abroad. Palgrave Macmillan, 2013. P. 17–33.
- Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения : июль – октябрь 2024).
- Hofstede, 2010 – Hofstede G. H. Cultures and Organizations – software of the mind. London : McGraw-Hill, 2010. 576 p.
- Merriam-Webster Dictionary, 2004 – Merriam-Webster Dictionary. Springfield, Mass. : Merriam-Webster. 2004. 964 p. URL : <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения : июль – август 2024).
- The Russian-English WordReference Dictionary – The Russian-English WordReference Dictionary. URL : <https://www.wordreference.com/enru/> (дата обращения : август – сентябрь 2024).

References

- Alimov, V. V. (2005) *Interferentsiya v perevode: na materiale professional'no orientirovannoy mezhkul'turnoy kommunikatsii i perevoda v sfere professional'noy kommunikatsii* [Interference in translation: based on the material of professionally oriented intercultural communication and translation in the field of professional communication]. Moscow : URSS KomKniga Press.
- Arekeeva, Yu. E., Shustova, S. V. (2023). Modelirovanie asociativno-verbal'nogo polya kategorii «svoj» [Modeling the associative-verbal field of the category «FRIEND»]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 1, 33–42.
- Blerina, T. A. (2011). Leksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti vozmozhnosti v angliyskom, albanskom i rusском yazykakh, [Lexical means expressing modality opportunities in English, Albanian, and Russian languages]. *Vestnik Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Ser. : Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 4, 63–71.
- Bogin, G. I. (1980). *Sovremennaya lingvodidaktika* [Modern linguodidactics]. Kalinin : Kaliningrad State University Press.
- Bogin, G. I. (1998). Germenevticheskie posledstviya universalizatsiy v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Hermeneutical consequences of universalization in teaching Russian as a foreign language]. *Germenevtika v Rossii* [Hermeneutics in Russia], 2 (3), 3–9.
- Dahl, V. I. (2004). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow : Olma-Press : Krasnyy proletariy Press.
- Erzinkyan, Y. (2019). Modal'nost' kak sredstvo smyagcheniya kategorichnosti vyskazyvaniya [Modality as a mitigating device]. *OSUFI I EĞİTİMİNE İLİŞKİN FİLMİ VE YAZARININ İNCELEMESİ* [Foreign Languages in Higher Education], 2 (27), 116–125. <https://doi.org/10.46991/FLHE/2019.23.2.116>

- Zubareva, E. O. (2024). Migratsionnyy diskurs: institutsional'nost' i interferentnost' (analiticheskiy obzor) [Migration Discourse: Institutionalism and interference (analytical review)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 31–41.
- Karaulov, Yu. N. (2004). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow : Editorial URSS Press.
- Kozlova, L. A. (2019). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of English and Russian]*. Barnaul : AltGPU Press.
- Kubryakova, E. S. (1966). O putyakh izucheniya tipologicheskikh osobennostey yazyka v oblasti slovoobrazovaniya [On ways to study the typological features of language in the field of word formation]. In V.N. Yartseva (Ed.), *Strukturno-tipologicheskoe opisanie sovremennykh germanskikh yazykov [Structural and typological description of modern Germanic languages]* (pp. 74–113). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Lutovina, O. V. (2017). Stanovlenie ponyatiya «Yazykovaya lichnost'»: ot «Yazyka v cheloveke» do «Cheloveka v yazyke» [Development of the notion «language personality»: From «language in a person» to «a person in language»]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*, 1 (114), 82–89.
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya [Cultural linguistics]*. Moscow : Akademiya Press.
- Momotova, Yu. G. (2011). Ponyatie i struktura yazykovoy i vtorichnoy yazykovoy lichnosti [The notion and the structure of the linguistic and secondary linguistic personality]. *Vestnik Vyatskogo gos. u-ta [Bulletin of Vyatka State University]*, 2-3, 107–112.
- Rozentszveyg, V. Yu. (1972). *Yazykovye kontakty Lingvisticheskaya problematika [Language contacts. Linguistic issues]*. Moscow : Progress Press.
- Ushakov, D. N. (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow : Dom Slavyanskoy knigi Press.
- Shustova, S. V., Romanova, A. I. (2024). Kategoriya lingvisticheskoy diskriminatsii v migratsionnom diskurse [The category of linguistic discrimination in migration discourse]. *Migratsionnaya lingvistika [Migration Linguistics]*, 6, 4–21.
- American Heritage Dictionary of the English Language (n. d.). *American Heritage Dictionary of the English Language*. Retrieved August – October, 2024 from <<https://www.ahdictionary.com/>>.
- Benson, P., Barkhuizen, G., Bodycott, P., Brown, J. (2013). *Second Language Identity. Second Language Identity in Narratives of Study Abroad* (pp. 17–33). London : Palgrave Macmillan.
- Cambridge Dictionary (n. d.). *Cambridge Dictionary*. Retrieved July – October, 2024 from <<https://dictionary.cambridge.org/>>.
- Hofstede, G. H. (2010). *Cultures and Organizations – software of the mind*. London : McGraw- Hill.
- Merriam-Webster Dictionary. (n. d.). *Merriam-Webster Dictionary*. Springfield, Mass. : Merriam-Webster. Retrieved July – August, 2024 from <<https://www.merriam-webster.com/>>.
- The Russian-English WordReference Dictionary (n. d.). *The Russian-English WordReference Dictionary*. Retrieved August – September, 2024 from <<https://www.wordreference.com/enru/>>.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 18.08.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Ильина Екатерина Владимировна**¹Тюменский государственный медицинский университет, ²Уральский государственный университет путей сообщения, г. Тюмень, Российская Федерация**

Eilyina@usurt.ru

Идиостиль заглавий как средство актуализации текстовых категорий в поэтической картине мира Л. Н. Андерсен

Аннотация

Целью статьи является характеристика идиостиля заглавий как смысловых доминант текста в аспекте когнитивной поэтики. Согласно гипотезе исследования, заглавие – динамическая текстовая конструкция, интерактивное средство репрезентации поэтической картины мира, кодификатор концептосферы лирического цикла и каждого входящего в него произведения. Материалом исследования послужили 84 озаглавленных стихотворения Л. Н. Андерсен, входящих в сборник «Одна на мосту», отобранных методом сплошной выборки. В центре внимания находятся стилистические особенности заглавий и их когнитивный эффект. Заглавия были изучены с помощью инструментов описательной статистики, грамматического анализа, предполагающего идентификацию морфологических доминант и определение функций грамматических категорий, объективированных в художественном дискурсе, стилистического анализа репрезентированных в заглавиях изобразительно-выразительных средств и фигур речи, лингвокогнитивного анализа, состоящего в экспликации структур знаний, концептуализированных в заглавиях как компонентах поэтической картины мира автора. В результате продемонстрировано, что заглавия лирических циклов и отдельных стихотворений обладают структурной функциональностью и эстетической значимостью, а также широким когнитивным потенциалом: концептуализируют социокультурно маркированные мотивы памяти, потери родины и друзей, скитаний по миру. Выявлено, что заглавия актуализируют текстовые категории образности, модальности, оценочности, интертекстуальности, информативности. Заглавия отличаются синтаксической и семантической компрессией и эвокативностью, что позволяет декодировать коммуникативно-прагматические стратегии и интенции автора, коррелирующие с традиционными ценностями русской национальной культуры.

Ключевые слова: заглавие, заголовочный комплекс, поэтическая картина мира, когнитивная поэтика, текстовые категории, идиостиль

© Ильина Е. В. 2025

Для цитирования: Ильина Е. В. Идиостиль заглавий как средство актуализации текстовых категорий в поэтической картине мира Л. Н. Андерсен // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 77–86. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-77>

Ekaterina V. Ilyina**¹Tyumen State Medical University, ²Ural State University of Railway Transport
Tyumen, Russian Federation**

Eilyina@usurt.ru

Idiostyle of titles as a means of updating text categories in a poetic picture of L. N. Andersen's world

Abstract

The study aims to characterize the idiostyle of titles as semantic dominants of the text in the aspect of cognitive poetics. We hypothesize that the title is a dynamic text construction, an interactive means of representing the

poetic picture of the world, a codifier of the concept sphere of the lyrical cycle and included poems. Continuous sampling was used to select 84 entitled poems by L. N. Andersen included in the collection “Alone on the Bridge”. The focus was made on stylistic features of the titles and their cognitive effect. The titles were analyzed using the instruments of descriptive statistics, grammatical analysis involving identification of morphological dominants and determination of functions of grammatical categories objectified in artistic discourse, stylistic analysis of artistic expressive means and figures of speech represented in the titles, linguistic-cognitive analysis explicating knowledge structures conceptualized in the titles as components of the poetic picture of the author's world. As a result, it was shown that the titles of lyrical cycles and individual poems have structural functionality and aesthetic significance, as well as wide cognitive potential conceptualizing sociocultural motives of memory, loss of homeland and friends, wanderings around the world. The study also found that the titles manifest the text categories of imagery, modality, estimation, intertextuality, informativity. The titles were characterized by syntactic and semantic compression and evocativeness making it possible to decode the author's communicative-pragmatic strategies and intentions correlating with the traditional values of the Russian national culture.

Keywords: title, title complex, poetic picture of the world, cognitive poetics, text categories, idiostyle

© Ilyina E. V. 2025

For citation: Ilyina, E. V. (2025). Idiostil' zaglaviy kak sredstvo aktualizatsii tekstovykh kategoriy v poeticheskoy kartine mira L. N. Andersen [Idiostyle of titles as a means of updating text categories in a poetic picture of L. N. Andersen's world]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 77–86. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-77>

1. Введение [Introduction]

Поэтический язык представляет собой высшую форму языкового сознания и функционирует как особая система, для которой эстетические задачи, сопряжённые с ассоциативно-образным восприятием действительности и погружением в условия лингвокреативной деятельности автора, становятся первичными относительно собственно коммуникативных задач [Шарандин, 2012, с. 21]. С позиций когнитивной поэтики поэтический текст рассматривается как «вариант репрезентации поэтической картины мира» [Маслова, 2010, с. 64], под которой понимается проекция индивидуального чувственно-экспрессивного опыта как реакции на существование в мире и результата концептуализации эмоциональной сферы человека [Маслова, 2008, с. 39].

В когнитивном аспекте поэтический текст изучается как модель поэтического мира: целостное образование, включающее грамматически выраженный структурирующий каркас и лексическое наполнение [Маслова, 2010, с. 64]. Одним из элементов композиции поэтического текста является заглавие (заголовочный комплекс), которое в контексте когнитивной поэтики осмысливается как эстетически значимый и когнитивно мотивированный компонент. Следовательно, заглавие – это сгусток внутренних переживаний, эмоционально-образно, зачастую метафорически, переданных через поэтическое слово. Иными словами, «...названия поэтических циклов в когнитивно-дискурсивном аспекте становятся вербальными маркерами картины мира автора, функционирующими и получающими вследствие этого толкование с учётом ряда дискурсообразующих факторов» [Курьянович, Благоев, 2016, с. 111].

Обзор научной литературы, актуальной для данного исследования, охватывает труды, посвящённые роли заглавия поэтических циклов, отдельных текстов и их декодированию, а также отношениям между художественным текстом и его названием. Заглавие определяется как особый текстовый знак с разных позиций: в качестве смысловой доминанты [Кожина, 1985]; «концепто- и формообразующего» элемента [Агеева, 2014]; с точки зрения онтологии и теоретической поэтики заглавия [Веселова,

Орлицкий, 1998]; как коррелят со всеми уровнями стихотворного текста [Фатеева, 2010]; важнейший «структурно-семантический элемент» текста [Левина, 2017]; с позиций того, что «цикл – основная единица дискурса поэта» [Курьянович, Благов, 2016] и др. Заглавие появляется в тексте, «когда возникает необходимость соотнесения его содержания с понятием или предметом внешнего мира, потребность в соединительной функции» [Кожина, 1985, с. 47]. Заглавие можно трактовать как ключ к пониманию авторского замысла, «который открывается читателю при знакомстве с текстом целого произведения» [Левина, 2017, с. 73].

Философское содержание понятия «имя» рассматривалось в трудах русских религиозных мыслителей начала XX века П. А. Флоренского [Флоренский, 2000], А. Ф. Лосева [Лосев, 2016] и С. Н. Булгакова [Булгаков, 2008]. В частности, А. Ф. Лосев, указывая на символическую природу имени, в то же время подчёркивал: «...имя всегда предполагает в качестве той “вещи” и “сущности”, которая его носит, именно личность, а не что-нибудь иное» [Лосев, 2016].

Особую структурную значимость в композиции стихотворного текста и раскрытии внутритекстовых авторских концепций имеют первострочные заглавия. Считается, что доминанта поэзии не в смысловом сообщении, а во внушении настроения, поэтому закономерно, что «...заглавие по первой строке или её части может быть продиктовано лишь актом творческого процесса, стремлением поэта эксплицировать свои мысли и переживания, свои самые сокровенные чувства» [Кожина, 1985, с. 46].

Взаимосвязь текста и его названия в первострочных заголовках выражена в том, что «...особенности такого рода заглавий – принципиальная незаконченность, подчинённость последующему тексту, использование открытых конструкций» [Фатеева, 2010]. Иными словами, «...в незаглавленных стихотворениях первая строка принимает на себя одну из важнейших функций заглавия: метонимически представлять текст» [Веселова, 1999]. Соответственно, тема задаётся вынесенной в заглавие первой строкой, затем повторяется / развивается в собственно первой строке и – в конечном итоге – во всём остальном тексте.

Стоит обратить внимание на многофункциональность некоторых часто встречающихся в русской поэзии заглавий. В частности, таким примером является весьма пространное заглавие «Зеркало». Полифункциональность данного имени, «в котором смоделированы элементы различных уровней организации текста», состоит в том, что «...его семантический и композиционный потенциал основан на мотивах удвоения и отражения действительности», что даёт «широкие возможности художественного моделирования» [Фатеева, 2010].

С когнитивно-стилистической точки зрения заголовков следует трактовать как сложное когнитивное образование динамического характера, содержащее подлежащие декодированию фрагменты знания и реализующее коммуникативно-прагматические стратегии и интенции автора [Джусупов, 2013, с. 60].

Следовательно, заголовок, являясь актуализатором практически всех текстовых категорий, выполняет различные функции по отношению к тексту: информативности – называет объект (текст) по одному из его признаков (теме), модальности – эксплицитно, через использование эмоционально-оценочных слов, завершённости – отделяет один завершённый текст от другого [Кухаренко, 1988, с. 90–91].

Ц е л ь статьи – дать характеристику идиостиля заглавий как смысловых доминант текста в аспекте когнитивной поэтики. Г и п о т е з а исследования состоит в следующем: 1) заглавие – динамическая текстовая конструкция; 2) заглавие – интерактивное средство репрезентации поэтической картины мира; 3) заглавие – кодификатор концептосферы лирического цикла и каждого входящего в него произведения; 4) цикловые загла-

вия обладают когнитивным потенциалом, выполняют текстоцентрическую функцию и определяют внутритекстовую организацию как всего стихотворного цикла, так и его составляющих. Для проверки данной гипотезы был проведён эксперимент.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили заглавия (заголовочные комплексы), представленные в сборнике «Одна на мосту» [Андерсен, 2006] одной из самобытных поэтесс русской эмиграции первой волны Лариссы Николаевны Андерсен (1911–2012). Стихотворения сборника разделены на 6 поэтических циклов: «Из Китая – по миру» (51 стихотворение, из них 29 озаглавлены – 57%), «Без России» (23 стихотворения, из них 17 озаглавлены – 74%), «Человек под звёздами» (15 стихотворений, из них 4 озаглавлены – 26%), «Чужие моря» (11 стихотворений, из них 7 озаглавлены – 63%), «Из французского альбома» (36 стихотворений, из них 14 озаглавлены – 39%), «Печальное вино» (37 стихотворений, из них 13 озаглавлены – 35%). Следовательно, всего было рассмотрено 173 стихотворения, из них отобрано для анализа 84 стихотворения (48,55%), имеющих заглавия.

Методология исследования основана на системном анализе и его составляющих: а) методе направленной выборки стихотворений, имеющих заглавия; б) описательном методе статистики – для определения количества и процентного соотношения озаглавленных и неозаглавленных текстов; в) грамматическом анализе – определении использованных в заглавиях морфологических доминант, грамматических категорий и их функций в языке автора; г) стилистическом анализе – идентификации авторских изобразительно-выразительных средств, фигур речи и их репрезентации в заглавиях стихотворений; д) лингвокогнитивном анализе – экспликации стоящих за языковыми средствами структур знаний, концептуализированных в заглавиях как компонентах поэтической картины мира, кодифицированных как ключевые слова, объективированные в художественном дискурсе, транслирующие основной смысл поэтического текста и подвергающиеся различным лексико-семантическим трансформациям.

Следует отметить, что сборник «Одна на мосту» составлялся с согласия и под наблюдением автора и в нём материально выражены (графически визуализированы) как первострочные, так и самостоятельные заглавия: самостоятельные заглавия оформлены прописными буквами с полужирным начертанием, первострочные – обычным шрифтом с полужирным начертанием (заключены в кавычки).

2.2. Обсуждение результатов [Results and Discussions]

Анализ материала показал, что наименования поэтических циклов концептуализируют авторскую интенцию и обеспечивают интерсмысловую наполняемость текста, транслируя модель биографической рефлексии поэта. Для Л. Н. Андерсен дискурсообразующими факторами становятся поиски себя и своего места в жизни. Когнитивный потенциал цикловых заглавий отражают языковые конструкции с многозначной семантикой: географические названия, важные для автора и обозначающие вехи её странствий по свету (*Китай, мир, Россия, французский*); эпитеты, эксплицитно передающие авторское отношение к жизненным событиям (*чужие, печальное*); предлоги *из, по, без, под*, которые концептуализируют метатекстовую функцию и становятся семантически доминантами, преобразуя смысловые связи в заглавиях. Как представляется, между заголовками циклов формируются контекстуальные градационные отношения, усиливающие экспрессивное и эмоционально-смысловое значение и наполнение к конечному

заглавию. Таким образом, цикловый заголовок выполняет текстоцентрическую функцию и в значительной мере определяет внутритекстовую организацию как всего стихотворного цикла, так и отдельных его составляющих, даёт возможность рассматривать лирический цикл целостно как некое единство, скреплённое общей мыслью, заданной заглавием.

С нашей точки зрения, вполне обоснованно, что наибольший процент озаглавленности (74%) присущ стихотворениям, составляющим цикл «Без России». Здесь концептуализируется важнейший для автора мотив одиночества, неприкаянности, поскольку именно оторванность от родины была для Л. Н. Андерсен одной из наиболее значимых личностных проблем. Во многих её стихотворениях через поэтическое воплощение актуализируются индивидуальные способы восприятия и репрезентации мира, в том числе выступая закодированной смысловой доминантой и в заглавиях цикла «Без России». Заглавия 17 стихотворений данного цикла можно разделить на три лексико-семантические группы: 1) обозначающие важные для автора реалии – ассоциативы впечатлений, связанных с близкими и дорогими сердцу людьми, с детскими воспоминаниями о времени, проведённом в России, пережитыми чувствами и запечатлёнными образами, которые нашли отражение в заглавиях («Карусель», «Море», «Сад», «Кошка»); 2) заглавия – отсылки к фольклору, мифологии, искусству, ассоциирующиеся с прецедентными текстами («Дым», «Химера», «Феникс», «Кольцо», «Камея», «Сквозь цветное стекло», «Светильник», «Джиоконда», «Мы плетём кружева»); 3) метафорические заглавия-номинативы, которые задают определённый модус их восприятия («Колокол», «Ангелы», «Пустыня»). Особое место занимает характерное для русской классической поэзии заглавие «Зеркало». В этом стихотворении зеркало становится символическим атрибутом, с помощью которого лирическая героиня, глядя на себя, стремится осознать, кто она и каково её место в этом мире. Как видим, для Л. Н. Андерсен заглавие является весьма значимым индивидуально-авторским средством выразительности и интерактивной репрезентации поэтической картины мира, раскрывающим концептосферу лирического цикла в целом и каждого произведения в отдельности.

Цикл «Без России» открывается и заканчивается стихотворениями с первострочными заглавиями (6 заглавий – 26%), которые становятся структурообразующим элементом целого и представляют собой композиционную рамку, заключающую в себе весь цикл. Заглавие первого стихотворения «Я думала, Россия – это книжки...», повторяя слово-доминанту заглавия цикла *Россия*, подчёркивает и углубляет ключевую тему и становится лейтмотивным образом, даже если не упоминается в отдельных стихотворениях, входящих в этот цикл, но имплицитно и символически передаётся в каждом. Если вдуматься в смысловое содержание представленных заглавий, то перед нами вырисовывается всё многообразие жизни русского человека, с его увлечениями, верованиями, жизненными перипетиями и пересечениями, радостями и болью. Конечное стихотворение «Забьётся сердце, улыбнутся губы...» – это итог размышлений лирической героини о себе и своей жизни «без России», в нём и имплицитно, и эксплицитно выражена основная идея цикла, получающая концентрическую целостность и завершённость: без России русский человек – изгнанник, которому *в мире больше места нет*.

Особую роль в цикле «Без России» играют первострочные заголовки «Это просто минуты покоя...», «Пляшет содовый бисер в стакане...», «Пьяная, жестокая, шальная...», «Вы на Святках не гадали?...», с помощью которых транслируется интенция авторского личностного понимания и видения России как через призму дорогого для Л. Н. Андерсен прошлого, так и в ключе сегодняшнего дня. Другими словами, повторяемость первой строки в заглавии и в самом тексте подчёркивает их неразрывность, углубляет их содержание, выполняя метатекстовую функцию.

«Печальное вино» – заключительный цикл сборника «Одна на мосту», итог жизненных и творческих исканий Л. Н. Андерсен. Именно здесь в полной мере представлен

заголовочно-финальный комплекс, включающий такие затекстовые элементы, как подзаголовок, посвящение, эпитафия, которые передают эмоциональное настроение автора и подготавливают читателя к последующему восприятию поэтического текста¹. Символику заглавия цикла «Печальное вино» составляют лексемы «печальный» и «вино». Как указано в словаре С. И. Ожегова, *печальный* имеет смысловые значения: 1) испытывающий чувство печали, горечи; грустный; 2) выражающий сожаление, достойный сожаления [Ожегов, 1984, с. 444]. Этимологически «печаль» – то, что жжёт, «печёт» душу [ЭОСРЯ, 2005]. Вино – алкогольный напиток (преимущественно виноградный) [Ожегов, 1984, с. 21].

В авторской концептуальной системе находят смысловое воплощение и оба значения лексемы *печальный*, и её этимологическая составляющая. *Печальное*, поскольку многих нет, и в посвящениях к отдельным стихотворениям цикла стоит помета «памяти» или «после его смерти» – в художественном дискурсе возникают новые ассоциативные отношения: печаль о безвозвратности ушедшей юности, о потерях друзей, сожаление о невозможности что-то изменить – именно это «печёт» душу лирической героини и определяет настроение всего цикла. Но даже те, кто ещё жив, разбросаны по свету, тем самым объективируется в дискурсе ещё одна концептуальная смысловая единица – заглавие первого цикла «Из Китая – по миру». Как оказалось, *по миру* – это не только судьба самой Л. Н. Андерсен, но и всех тех, кто ей был близок в Харбине и кого она помнила долгие годы. Происходит интеллектуальное и эмоциональное наполнение заглавий, соединяются поверхностный и глубинный уровни заглавий и самих текстов.

Л. Н. Андерсен обозначает своих адресатов в эпитафии к циклу как тех, *кто жив... и кто умер*. Это прежде всего её друзья и знакомые по Харбину (*С кем дальней юности причастье, / И боль, и радость, и несчастье / Делить пришлось*) – Александр Вертинский, семья Янковских, Наталья Ильина, Нина Делякис, Ирина Лесная – и поэты из группы «Молодая Чураевка», куда входила и она, – Алексей Ачаир, Николай Петерс, Георгий Гранин. Их имена названы автором в посвящениях (в 15 стихотворениях цикла – 40,5%), с помощью которых усиливается общее впечатление потери, безвозвратности, жгущего душу лирической героини одиночества, заданное заглавием цикла. Кроме того, именно через последний цикл прослеживается концептуальная связь с общим заглавием сборника, подчёркивающим эмоциональное состояние лирической героини, находящейся в одиночестве (*одна*) на перепутье (*на мосту*), актуализируются различные смысловые пласты, заложенные в текстах, и становятся внутритекстовыми скрепами.

Таким образом, если рассматривать заглавия сборника и циклов в совокупности, то прослеживается их неразрывное семантическое единство, дающее возможность декодировать основное содержание всех входящих в сборник стихотворений и интерпретировать их максимально приближённо к авторскому замыслу.

Рассмотрим подробнее структурные особенности заглавий у Л. Н. Андерсен, поскольку, являясь «текстопорождающими» и доминирующими [Фатеева, 2010], они определяют своеобразие каждого отдельного стихотворения. Большинство текстов (58 стихотворений – 69%) озаглавлены, как правило, одним словом, преимущественно номинативом – нарицательным именем существительным в именительном падеже (именно они самые частотные): например, «Нарцисс», «Гадание», «Голос», «Парус», «Предчувствие (В пути)», «Костёр», «Ноябрь», «Поэт», «Платочек»; незначительно – другими падежными формами. Заглавия-номинативы становятся морфологическими доминантами текста, указывают на некую обобщённую категорию, обладая при этом

¹ Подробно данный цикл рассмотрен нами ранее [Ильина, 2024].

наибольшей информативностью по сравнению с другими частями речи и определяя семантический круг ассоциаций в процессе озаглавливания. Именно заглавия такого типа задают основную тему стихотворений и нередко приобретают у Л. Н. Андерсен символический смысл. Редки названия, переданные падежной формой существительного (3 заглавия – 3,6%). Так, родительный падеж существительного указывает на объект – «У гадалки». Заглавия-существительные в предложном падеже служат для обозначения пространственных координат («В сумерках») или указывают на место, где происходит что-то важное («На мосту»).

Широко используются в заглавиях такие грамматические категории существительных, как род и число, которые благодаря ассоциативной персонификации метафоризируются, создают особый эмоциональный образ в художественном пространстве и придают слову определённый стилистический эффект: мужской род (24 заглавия – 41,3%) («Цветок», «Перелет», «Мед», «Рыбак», «Дом», «Дым»); женский род (16 заглавий – 27,6%) «Молитва», «Ночь», «Бессонница», «Ракушка», «Новина», «Кошка», «Пустыня», «Камея», «Химера», «Карусель», «Осень», «Любовь», «Отрава», «Роза», «Святыня», «Колдунья»); средний род (12 заглавий – 20,7%) («Яблоко», «Письмо» («Прилетай ко мне на Цейлон!»), «Письмо» («Прощай, пиши и будь здорова...»)), «Счастье», «Колдовство», «Зеркало», «Кольцо», «Море». «Заветье», «Гадание»); множественное число (3 заглавия – 5%) («Капли», «Ангелы», «Бессмертники»). Заголовки, вербализованные с помощью существительных, имеющих разную родовую принадлежность (52 заглавия – 89,6%), указывают на совокупность ассоциативно связанных объектов, воспринимаемых как единая концептуально-тематическая область [Болдырев, Дубровская, 2015, с. 17] – элемент поэтической картины мира Л. Н. Андерсен. Имен собственных в заглавиях всего два: «Джиоконда» (буквальное прочтение с итал. *La Gioconda*) – аллюзия, понятная для читателя, и «Корея» – заглавие указывает на место, участвуя в создании художественного пространства, где происходит действие. Но в обоих заглавиях заключён важный имплицитный смысл, так как они наделены определёнными устойчивыми характерологическими чертами, содержащими социально значимое символическое значение. Следовательно, для заглавий стихотворений Л. Н. Андерсен характерно как «употребление в качестве главного члена односоставных заглавий-предложений узуальных лексических единиц, а также конкретных имён существительных, позволяющих создать конкретный образ того, о чём пойдет речь в основном тексте» [Петрова, 2011, с. 45], так и использование метафоризированных номинативов, выполняющих художественную и смыслообразующую функции.

Заглавия, выраженные подчинительным словосочетанием (17 заглавий – 20,2%), обладают большей информативностью: «Колыбельная песенка», «Северное племя», «Моему коню», «Новый месяц», «Новый дом». «Сквозь цветное стекло», «Золотая нить», «Прощание с Таити», «Глубинка Франции», «Ночь под Рождество», «Тот человек», «Печальное вино», «Невыполненный обет», «Теплый след», «Эмигрантская березка», «На французском чердаке». Заглавия этого типа глубже представляют тему, расширяют границы художественного пространства, изображённого автором, и тем самым не только более точно формулируют основную тему произведения, но и нередко содержат авторское отношение к описываемому [Петрова, 2011, с. 44].

Заглавия – предикативные конструкции (6 заглавий – 7,1%) более автономны и синтаксически обособлены: «Яблони цветут», «Мы плетём кружева», «Падает снег», «Почему не ты?»; два с сочинительным сочетанием слов: «Моана и я», «Муза и я» («В деревне»); единичны названия с использованием слов других частей речи: «Он», «Предвесеннее». Следовательно, структурирование заглавий у Л. Н. Андерсен происходит в соответствии со сложившейся в поэзии традицией, что включает их в общий социокультурный контекст.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, наибольший процент озаглавленности (74%), динамизм, реализация текстоцентрической (метатекстовой) функции характерны прежде всего для заглавий (в том числе первострочных) цикла «Без России». Это свидетельствует о его композиционной и концептуальной значимости: стихотворения данного цикла – это идейная квинтэссенция сборника «Одна на мосту» и кодификатор мотива изгнания, определяющего судьбу русского эмигранта. Во-вторых, интерактивность присуща как ассоциативно-образным заглавиям циклов («Человек под звёздами», «Чужие моря», «Печальное вино»), так и заглавиям отдельных стихотворений, репрезентирующим базовые концепты поэтической картины мира Л. Н. Андерсен: РОССИЯ, ЭМИГРАЦИЯ, МИР, ПРИРОДА, НЕПРИКАЯННОСТЬ. В-третьих, морфологическими доминантами текста становятся заглавия-номинативы (58–59%), обладающие наибольшей информативностью, определяющие семантические корреляции и задающие основную, зачастую символическую, тему стихотворений.

В-четвёртых, в поэтической картине мира Л. Н. Андерсен заглавия как лирических циклов, так и отдельных стихотворений обладают не только структурной функциональностью и эстетической значимостью, но и широким когнитивным потенциалом: концептуализируют социокультурно маркированные мотивы памяти, потери родины и друзей, скитаний *по миру*. В-пятых, выступая актуализатором различных текстовых категорий (образности, модальности, оценочности, интертекстуальности, информативности и пр.), заглавие благодаря знаковой (синтаксической) и семантической компрессии и концептуализации эвокативного восприятия действительности позволяет декодировать коммуникативно-прагматические стратегии и авторские интенции, во многом базирующиеся на традиционных ценностях русской национальной культуры. Наконец, заголовочный комплекс в рассмотренных произведениях основывается на семантической соотнесённости как с русской эмигрантской поэзией в частности, так и с русской классической традицией в целом.

Перспективы исследования на первом этапе заключаются в сравнительном анализе идиостиля заглавий Л. Н. Андерсен и идиостиля заглавий поэтических произведений, принадлежащих знаковым фигурам литературного Харбина – «собратьям по перу» из объединения «Чураевка» (Алексее Ачаиру (Грызову), Георгию Гранину, Николаю Щеголеву и др.). На втором этапе исследования представляется интересным сопоставление идиостиля заглавий авторов восточной ветви русской эмиграции и идиостиля заглавий авторов западной ветви русской эмиграции первой волны, выходцев из анклавов русской культуры, возникших в 20–40-е годы XX века в Европе (Париже, Белграде) и Америке (Нью-Йорке, Сан-Франциско).

Библиографический список

- Андерсен, 2006 – Андерсен Л. Н. Одна на мосту : стихотворения, воспоминания, письма. М. : Русский путь : Русское зарубежье, 2006. 470 с. URL : <https://litmir.club/br/?b=175115> (дата обращения : 16.01.2025).
- Агеева, 2014 – Агеева Ю. П. Заголовочно-финальный комплекс как формообразующий элемент в поэтике прозаических микроциклов // Известия Уральского фед. ун-та. Сер. 2. Филология. 2014. № 1 (124). С. 255–264.
- Болдырев, Дубровская, 2015 – Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 14–25.
- Булгаков, 2008 – Булгаков С. Н. Философия имени. 2-е изд., стер. СПб. : Наука, 2008. 446 с.

- Веселова, 1999 – Веселова Н. А. Заголовочный комплекс в новейшей русской поэзии : традиция и эксперимент // Литературный текст: проблемы и методы исследования : сб. науч. тр. Вып. V. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. 220 с.
- Веселова, 1998 – Веселова Н. А., Орлицкий Ю. Б. Заметки о заглавии (о русской поэзии 1980–1990 гг.) // Арион. 1998. № 1. URL : <https://frkr.ru/ABOUT/vesel-orl.htm> (дата обращения : 16.01.2025).
- Джусупов, 2013 – Джусупов Н. М. Когнитивно-стилистический подход к исследованию заголовка художественного текста (на материале англоязычной художественной прозы) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (35). С. 47–61.
- Ильина, 2024 – Ильина Е. В. Концептуализация заголовочного комплекса как доминанты художественного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2 (58). С. 213–217.
- Кожина, 1985 – Кожина Н. А. В поисках гармонии. О заглавиях в лирике // Русская речь. 1985. № 6. С. 45–50.
- Курьянович, Благов, 2016 – Курьянович А. В., Благов В. В. Заглавие поэтического цикла: опыт когнитивно-дискурсивного анализа (на материале лирики М. И. Цветаевой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58) : в 3-х ч. Ч. 2. С. 110–115.
- Кухаренко, 1988 – Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М. : «Просвещение», 1988. 192 с.
- Левина, 2017 – Левина В. Н. Взаимодействие заглавия и текста в функционально-семантическом аспекте (на примере стихотворения в прозе «Снег» С. Н. Сергеева-Ценского) // Научный диалог. 2017. № 8. С. 73–83.
- Лосев, 2016 – Лосев А. Ф. Вещь и имя. Вещь и имя; Самое само. 2-е изд., испр. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2016. 573 с.
- Маслова, 2008 – Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 33–39.
- Маслова, 2010 – Маслова Ж. Н. Методика лингво-когнитивного анализа поэтического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 57–65.
- Ожегов, 1984 – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : «Русский язык», 1984. 444 с.
- Петрова, 2011 – Петрова Н. Г. Заглавия поэтических текстов символистов : общие тенденции и идиостилевые особенности // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 3 (105). С. 41–46.
- Фатеева, 2010 – Фатеева Н. А. Синтез целого [На пути к новой поэтике]. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 351 с.
- Флоренский, 2000 – Флоренский П. А. Имена. М. : Мысль, 2000. 448 с.
- Шарандин, 2012 – Шарандин А. Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник ТГУ. 2012. № 10. С. 18–26.
- ЭОСРЯ, 2005 – Этимологический онлайн-словарь русского языка / Г. А. Крылов. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. URL : <https://lexicography.online/etymology/krylov/п/печаль> (дата обращения : 16.01.2025).

References

- Andersen, L. N. (2006). *Odna na mostu : stikhotvoreniya, vospominaniya, pis'ma* [Alone on the bridge: Poems, memoirs, letters]. Moscow : Russkiy put' Press. Retrieved January 16, 2025 from <<https://litmir.club/br/?b=175115>>. (In Russ.).
- Ageeva, Yu. P. (2014). Zagolovochno-final'nyy kompleks kak formoobrazuyushchiy element v poetike prozaicheskikh mikrotsiklov [The title and finale complex as a forming element in the poetics of prose microcycles]. *Izvestiya Ural'skogo fed. un-ta, Ser. 2. Filologiya* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Philology], 1 (124), 255–264. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N., & Dubrovskaya, O. G. (2015). O formirovaniі sotsiokul'turnoy spetsifiki diskursa [On the problem of sociocultural discourse specificity construction]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 3 (44), 14–25. (In Russ.).
- Bulgakov, S. N. (2008). *Filosofiya imeni* [Philosophy of the Name]. 2nd edn. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Veselova, N. A. (1999). *Zagolovochnyy kompleks v noveyshey russkoy poezii: traditsiya i eksperiment* [Headline complex in the latest Russian poetry: Tradition and experiment]. *Literaturnyy tekst*:

- problemy i metody issledovaniya [Literary text: Problems and research methods]. Tver : Tver State University Press. (In Russ.).
- Veselova, N. A., Orlitskiy, Yu. B. (1998). *Zametki o zaglavii (o russkoy poezii 1980-1990 gg.)* [Notes on titles (in Russian poetry 1980-90)]. Arion [Orion], 1. Retrieved January 16, 2025 from < <https://frkr.ru/ABOUT/vesel-ori.htm>>.
- Dzhusupov, N. M. (2013). Kognitivno-stilisticheskiy podkhod k issledovaniyu zagolovka khudozhestvennogo teksta (na materiale angloyazychnoy khudozhestven-noy prozy) [Cognitive-stylistic approach to studying the title of a literary text (Based on the English language fiction)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2 (35), 47–61. (In Russ.).
- Ilyina, E. V. (2024). Kontseptualizatsiya zagolovochnoogo kompleksa kak dominanty khudozhestvennogo diskursa [Conceptualization of the title complex as dominants of artistic discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2 (58), 213–217. (In Russ.).
- Kozhina, N. A. (1985). V poiskakh garmonii. O zaglaviyakh v lirike [In search of harmony. About titles in lyrics]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 6, 45–50. (In Russ.).
- Kur'yanovich, A. V., & Blagov, V. V. (2016). Zaglavie poeticheskogo tsikla: opyt kognitivno-diskursivnogo analiza (na materiale liriki M. I. TSvetaevoy) [The title of the poetic cycle: the experience of cognitive discursive analysis (Based on the lyrics of M. I. Tsvetaeva)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 4 (58)-2, 110–115. (In Russ.).
- Kukhareno, V. A. (1988). *Interpretatsiya teksta* [Text interpretation]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Levina, V. N. (2017). Vzaimodeystvie zaglaviya i teksta v funktsional'no-semanticheskom aspekte (na primere stikhotvoreniya v proze «Sneg» S. N. Sergeeva-TSenskogo) [Interaction of the title and text in a functional-semantic aspect (By example of poem in prose “Snow” by S. N. Sergeev-Tsensky)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 8, 73–83. (In Russ.).
- Losev, A. F. (2016). *Veshch' i imya. Veshch' i imya; Samoe samo* [Thing and name. Thing and name; The most self]. 2nd edn., with corrections. St Peterburg : Oleg Abyshko Press. (In Russ.).
- Maslova, Zh. N. (2008). Poeticheskaya kartina mira v kognitivnom aspekte [Some cognitive aspects of the poetic picture of the world]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 3, 33–39. (In Russ.).
- Maslova, Zh. N. (2010). Metodika lingvo-kognitivnogo analiza poeticheskogo teksta [A method of linguistic-cognitive analysis of the poetic text]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, 57–65. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1984). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Petrova, N. G. (2011). Zaglaviya poeticheskikh tekstov simvolistov : obshchie tendentsii i idiostilevye osobennosti [The titles of the poetic texts of symbolists: general tendencies and idiostylistic peculiarities]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 3 (105), 41–46. (In Russ.).
- Fateeva, N. A. (2010). *Sintez tselogo* [Na puti k novoy poetike] [Synthesis of the whole [Towards a new poetics]]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Press. (In Russ.).
- Florenskiy, P. A. (2000). *Imena* [Names]. Moscow : Mysl' Press. (In Russ.).
- Sharandin, A. L. (2012). Kognitivnaya poetika v sistemnom opisanii poeticheskogo yazyka [Cognitive poetics in the system description of poetic language]. *Vestnik TGU* [Tomsk State University Journal], 10, 18–26. (In Russ.).
- Krylov, G. A. (Ed.). (2005). *Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka (EOSRYa)* [Etymological online dictionary of the Russian language]. St Petersburg : Poligrafuslugi Press. Retrieved January 10, 2025 from <<https://lexicography.online/etymology/krylov/p/pechal>>.

Караваева Вероника Георгиевна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
karavaeva.vg@yandex.ru

Корпусной подход к дискурсивному анализу явлений связной речи в разносистемных языках

Аннотация

В статье представлен опыт применения корпусно-ориентированного подхода к дискурсивному анализу явлений связной речи в разносистемных языках (русском, английском, китайском, эвенкийском). Основное внимание уделено методологическим аспектам создания мультязычного речевого корпуса с унифицированной системой разметки, позволяющей проводить сравнительно-сопоставительный анализ неканонических фонологических моделей в различных типах дискурса. Материал исследования включает речевые базы данных: английский язык (новостной, академический, региональные варианты), китайский язык (спонтанная речь, коммерческая и социальная реклама), эвенкийский язык (INEL и Приамурья), русский язык (учебные дискуссии). Применены методы автоматической разметки (Montreal Forced Aligner, BAS Webservices), ручной экспертной корректировки, конвертации файлов в единый формат (xml, EXMARaLDA), а также Python-скрипты для обработки данных. Предложена унифицированная система корпусной разметки для сравнительного анализа фонетических модификаций в разносистемных языках. Разработаны шаблоны запросов в корпусном менеджере ЕХАКТ для изучения частотности и контекстов модификаций. Перспективу исследования составит расширение корпуса, разработка алгоритмов автоматического выявления модификаций на основе машинного обучения.

Ключевые слова: корпусная фонетика, связная речь, модификации, разносистемные языки, фонетическая разметка

© Караваева В. Г. 2025

Для цитирования: Караваева В. Г. Корпусной подход к дискурсивному анализу явлений связной речи в разносистемных языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 87–103. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-87>

Veronika G. Karavaeva
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
blagmeg@yandex.ru

Corpus-based discourse analysis of connected speech phenomena in typologically diverse languages

Abstract

The paper presents a corpus-driven methodology for discourse analysis of connected speech phenomena in typologically diverse languages (Russian, English, Chinese, Evenki). The study focuses on developing a multilingual speech corpus with a unified annotation system that can be used for comparative analysis of non-canonical phonological patterns across discourse types. The material comprises speech databases including English (news, academic, and regional varieties), Chinese (spontaneous speech, commercial and social advertisement), Evenki (INEL and Amur region corpora), and Russian (educational discourse). Within corpus-driven approach, the following methods and tools were used: automatic alignment tools (Montreal Forced

Aligner, BAS WebServices), manual expert validation, file format conversion (XML, EXMARaLDA), and Python scripting (for data processing). As a result, a standardized corpus annotation system has been developed to compare natural phonetic modifications across languages. The research demonstrated the effectiveness of automated processing tools at the same time emphasizing the necessity of manual expert correction. Query templates for the EXAKT corpus manager have been designed to investigate modification frequency and contextual patterns. Future research directions include corpus expansion, development of machine learning algorithms for automatic modification detection.

Keywords: corpus phonetics, connected speech, modifications, typologically diverse languages, phonetic annotation

© Karavaeva V. G. 2025

For citation: Karavaeva, V. G. (2025). Korpusnoy podkhod k diskursivnomu analizu yavleniy svyaznoy rechi v raznosistemnykh yazykakh [Corpus-based discourse analysis of connected speech phenomena in typologically diverse languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 87–103. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-87>

1. Введение [Introduction]

Развитие цифровых технологий и необходимость работы с естественными речевыми образцами в их коммуникативном контексте обусловили формирование современной лингвистической парадигмы, которая характеризуется сочетанием фонетико-фонологического анализа речи с методами корпусной лингвистики, речевых технологий, информационных технологий и компьютерных наук, а также математики и статистики [Викулова и др., 2024]. Такой подход к анализу речевого сигнала позволяет обеспечить объективный анализ форм звучащей естественной речи на масштабных выборках: 1) учитывать когнитивно-дискурсивные особенности функционирования единиц сегментного и супrasegmentного уровня [Потапова, 2012 ; Шевченко, 2012, 2019 ; Янко, 2022 ; Богданова и др., 2009 ; Шустова и др., 2022]; 2) анализировать эмоциональное состояние говорящего в совокупности с его мимикой, жестами и интонационной оформленностью высказывания [Щербаков и др., 2024 ; Скрелин, Кочеткова, 2024 ; Kochetkova et al., 2023]; 3) изучать особенности речи детей и подростков с учётом их эмоционального состояния и интеллектуального развития [Клешнев, Ляксо, 2024 ; Ляксо и др., 2020]; 4) выявлять особенности спонтанной речи разного типа [Богданова-Бегларян и др., 2014] 5) проводить сопоставительный анализ разнотипных языков [Чугаева, 2019]; 6) способствовать изучению и сохранению малоресурсных языков [Морозова и др., 2017]; 7) использовать результаты исследований, проведённых на основе речевых корпусов в практике в обучения фонетике и переводу [Завьялова, 2011 ; Петренко А. Д., Петренко Д. А., 2024].

На сегодняшний день насчитывается значительное количество корпусов с фонетической аннотацией, при этом наблюдается устойчивая тенденция к увеличению их числа. Анализ существующих корпусных ресурсов и сопроводительной документации о принципах разметки¹ [Захаров, 2015 ; Риехакайнен и др., 2024] позволяет выявить существенные различия в их функциональных характеристиках и исследовательских задачах, в рамках которых они были разработаны, что неизбежно приводит к использованию гетерогенных систем разметки. В качестве иллюстративного примера можно привести различные подходы к разметке просодии [Венцов, 2013]. В процессе аннотирования больших объёмов звучащей речи, не редкостью является использование

¹ Phonologie du Français Contemporain (PFC) : usages, variétés, structure, 2024 <https://www.projet-pfc.net/> The IViE Corpus. English intonation in the British Isles, 2008 <https://www.phon.ox.ac.uk/files/apps/IViE/>; LeaP Corpus, 2014 <https://sourceforge.net/projects/leapcorpus/files/latest/download>; LeaP Corpus Manual, 2014 https://www.homes.uni-bielefeld.de/Gibbon/Docs/LeapCorpus_Manual.pdf

различных инструментов автоматической разметки², и инструментов, позволяющих представить речевую базу данных в виде корпуса с поисковым менеджером запросов³. Можно отдельно выделить случаи создания собственных программ и скриптов для обработки корпуса [Горбунова, 2019; Андросов и др., 2023]. Такое разнообразие систем разметки и форматов файлов, с одной стороны, позволяет сократить время на первичную обработку файлов, с другой – в процессе работы исследователей с корпусными данными создаёт существенные трудности, выражающиеся в необходимости значительных временных затрат на освоение специфики каждого корпуса и использования разнородного программного обеспечения для обработки файлов различных форматов (.eaf, .TextGrid, .exb, .xml и др.). Указанные проблемы определяют необходимость решения ключевых методологических вопросов, включающих: унификацию принципов аннотирования, стандартизацию аналитических процедур, оптимизацию стратегий распространения лингвистических данных, разработку единых форматов хранения и протоколов архивирования [Шерстинова, 2015].

Ц е л ь ю настоящего экспериментального исследования был выбор наиболее подходящих инструментов для разметки и организации мультязычного корпуса, с помощью которого можно проводить сравнительно-сопоставительный анализ неканонических фонологических моделей разнотемных языков. В з а д а ч и исследования входили: 1) анализ корпусных инструментов, позволяющих организовать работу с банком аудиозаписей и файлами с фонетической разметкой, выполненной в разных форматах и для разных задач; 2) подбор наиболее подходящей программы для организации корпуса, который позволит выполнить сравнительно-сопоставительный анализ; 3) унификация слоёв разметки и их преобразование в единый формат с учётом работы корпусного менеджера; 4) определение формата для разметки модификаций связной речи с учётом работы корпусного менеджера.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили ранее созданные речевые базы данных. А н г л и й с к и й я з ы к : а) подкасты BBC 2010–2014 гг. (новостной аналитический дискурс, британский вариант английского языка) [Каваева, 2018]; б) открытые лекции смешанного формата Ланкастерского университета 2020–2022 гг. (академический дискурс, британский вариант английского языка); в) серия аналитических программ This American Life 2019–2021 гг. (аналитический дискурс, американский вариант английского) [Луганцева и др., 2022]; г) подкасты о видеоиграх 2020–2022 гг. (британский вариант английского языка, регионально окрашенная речь: акцент Ист-Мидлендс (центральная Англия) и акцентная речь южной Англии с чертами Кокни). К и т а й с к и й я з ы к : а) спонтанная речь китайцев (путунхуа) [Тэн Хай, 2018; Ли Ифан, 2022]; б) китайская коммерческая и социальная реклама [Чжан Цзяньвэнь, 2022]. Э в е н к и й с к и й я з ы к : а) корпус речи эвенков Приамурья (2011–2013 гг.)⁴; б) корпус эвенкийской речи INEL⁵. Р у с с к и й я з ы к : квазиспонтанная речь студентов и преподавателей в ходе учебной дискуссии (разработан на базе Московского городского педагогического университета) [Тарева и др., 2025].

² BASWebServices, 2024 <https://clarin.phonetik.uni-muenchen.de/BASWebServices/interface/WebMAUSGeneral>; McAuliffe M., Socolof M., Mihuc S., Wagner M., Sonderegger M. Montreal Forced Aligner: Trainable Text-Speech Alignment Using Kaldi // Proc. of Interspeech 2017. Stockholm, 2017. P. 498-502.

³ Schmidt T. EXMARaLDA for Phonetic Annotation // Proc. of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14). Reykjavik, 2014. P. 2340–2344; Phon, 2025 https://www.phon.ca/phon-manual/getting_started.html; Phonometrica, 2025 <http://www.phonometrica-ling.org/>; EMU-SDMS, 2025 https://edoc.ub.uni-muenchen.de/22091/1/Winkelmann_Raphael.pdf

⁴ Корпус речи эвенков Приамурья (2011–2013 гг.). <https://linguacorpora.amursu.ru/>

⁵ INEL Evenki Corpus. <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/portal/corpora/evenki/>

Указанные речевые базы данных предлагают возможности для решения исследовательских задач разного объёма и уровня сложности. В зависимости от этого количество нанесённых слоёв в файлах разметки и теги разметки значительно отличаются. На начальном этапе экспериментальной работы была произведена оценка указанных речевых баз. Большая часть аудиофайлов хранится в формате *.wav*, отдельные записи – в формате *.m4a*. Необходимость пакетной конвертации файлов в формат 16кГц, 16 бит, моно важно было учесть для использования в дальнейшем инструмента автоматической разметки (например, Montreal Forced Aligner). Для этих целей был разработан скрипт на основе Python библиотеки *ffmpeg*⁶. Основной банк файлов разметки представлен в формате *.TextGrid*, тогда как файлы разметки эвенкийского корпуса INEL представлены в нескольких форматах, в том числе, *.exb* и *.eaf*. Это потребовало разработки скриптов для пакетной конвертации файлов в формат *.xml* с подходящей структурой. В файлах разметки могли содержаться слои, отражающие разметку сегментного и супrasegmentного уровня, расшифровку аудиозаписи. Для каждого из корпусов был создан отдельный файл формата *.xlsx* с метаданными о дикторах и самом материале.

На втором этапе производилась работа с материалами речевых баз данных и приведение их к единому формату. Из каждой речевой базы были отобраны файлы (только аудиофайлы или пары файлов: аудиофайл + файл разметки) для дальнейшей апробации и оценки точности работы перечисленных инструментов. В ходе настоящего эксперимента было обработано 2 часа речи. Для обработки файлов использовались:

1) программы Praat⁷, Elan⁸ для аудио-визуального контроля при нанесении разметки в автоматическом режиме; 2) сервис BAS Webservices и инструмент Montreal Forced Aligner, позволяющих автоматически разметить уровень слова и аллофона для аудиофайлов; 3) G2P модели – сервисов и библиотек Python для конвертации орфографического написания в фонемную транскрипцию (каноническую)⁹; 4) Python библиотеки: *praatio*¹⁰, *xml*¹¹; отдельные скрипты Praat для автоматической обработки TextGrid файлов; 5) программа EXMARaLDA для организации аудио файлов, файлов разметки и метаданных о дикторах и материале в единый корпус, на основе которого могут быть выполнены запросы для различных исследовательских задач.

Из обработанных файлов был собран мультязычный корпус, изучены особенности работы с корпусными менеджерами и выработана система разметки и сравнительно-сопоставительного анализа явлений связной речи на материале разнотипных языков. На заключительном этапе эксперимента были смоделированы исследовательские и учебные ситуации, в которых данный корпус и система разметки могут быть полезны.

⁶ FFmpeg Developers. (2025). FFmpeg: A complete solution to record, convert and stream audio and video. Retrieved from <https://www.ffmpeg.org> <https://pypi.org/project/python-ffmpeg/>.

⁷ Boersma, P., Weenink, D.: Praat: Doing phonetics by computer (Version 6.4.39) [Computer Program], <https://www.fon.hum.uva.nl/praat>, last accessed 2025/04/07.

⁸ ELAN (Version 7.0) (2025) Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. Available at: <https://archive.mpi.nl/tla/elan> (accessed 2 March 2025).

⁹ Phonemizer 3.3.0 (2024). <https://pypi.org/project/phonemizer/>; G2P 2.2.2 Aidan Pine, Patrick Littell, Eric Joanis, David Huggins-Daines, Christopher Cox, Fineen Davis, Eddie Antonio Santos, Shankhalika Srikanth, Delasie Torkornoo, and Sabrina Yu. 2022. G₂P_i Rule-based, index-preserving grapheme-to-phoneme transformations Rule-based, index-preserving grapheme-to-phoneme transformations. In Proceedings of the Fifth Workshop on the Use of Computational Methods in the Study of Endangered Languages, pages 52–60, Dublin, Ireland. Association for Computational Linguistics. <https://pypi.org/project/g2p/> <https://aclanthology.org/2022.computel-1.7.pdf>; Epitran 1.26.0 (2025). David R. Mortensen, Siddharth Dalmia, and Patrick Littell. 2018. Epitran: Precision G2P for many languages. In Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018), Paris, France. European Language Resources Association (ELRA). <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2018/pdf/890.pdf>

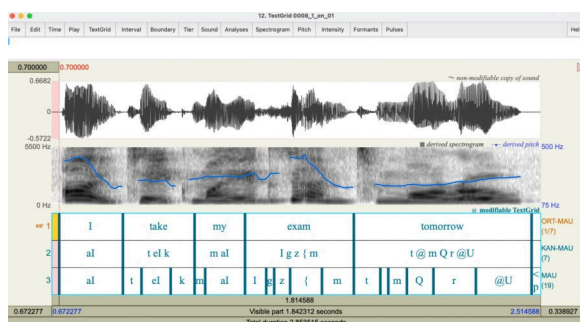
¹⁰ Tim Mahrt. PraatIO. <https://github.com/timmahrt/praatIO>, 2016.

¹¹ xml.etree.ElementTree (2025) <https://docs.python.org/3/library/xml.etree.elementtree.html>

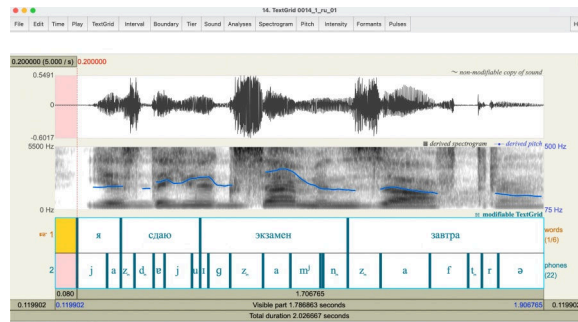
3. Многоязычный речевой корпус для фонетических исследований: принципы разработки [Multilingual speech corpus for phonetic research: Design principles]

3.1. Автоматическая послойная разметка аудиофайлов [Automatic forced alignment of audio files]

Функционал PartiturEditor (EXMARaLDA) предусматривает некоторые возможности для нанесения автоматической послойной разметки. В программу заложены, в частности, нанесение расшифровки аудиозаписи, перевод орфографии в транскрипцию за счёт интегрированных возможностей сервиса BAS Webservices. Материал, отобранный для анализа, ранее был размечен опытными сегментаторами вручную, но некоторая часть материала была сохранена в базе данных как резервная и не подвергалась обработке. В ходе эксперимента был апробирован инструмент для автоматической разметки русского, английского и эвенкийского языков BAS Webservices (встроенный в PartiturEditor и доступный как самостоятельный веб-сервис) и Montreal Forced Aligner. Результаты автоматической обработки без экспертной корректировки отражены на рис. 1, 2.

Р и с у н о к 1. Автоматическая разметка английской речи посредством WebMAUS [Figure 1. Automatic WebMAUS-based annotation of English Speech]

Р и с у н о к 2. Автоматическая разметка русской речи посредством MFA [Figure 2. Automatic MFA-based annotation of English Speech]

Каждый из представленных инструментов имеет свою систему работы с файлами и создает разное количество слоёв разметки. Инструмент WebMAUS (рис. 1) может создавать слои с расшифровкой аудиозаписи, канонической и аллофонной транскрипцией, разделить слова / фразу на слоги, в то время как Montreal Forced Aligner (рис. 2) настроен на создание только двух слоёв: с пословной расшифровкой аудиозаписи и аллофонной транскрипцией. Точность аллофонной разметки (как определение условных границ между аллофонами, так и точность подбора аллофона из заданного набора) зависит от материала, на котором была обучена модель алайнера, и того, насколько этот материал близок к тому, с которым работает исследователь. Так, опыт использования алайнера BAS Webservices показал, что при расстановке аллофонов акустическая модель не учитывает правила редукции русского языка, что делает использование этого инструмента для нас невозможным.

Сама система транскрипции, используемая в обученных моделях алайнеров не всегда может быть удобна исследователю и сопоставима с той системой транскрипции, которая уже выработана для имеющихся файлов. Так, для русского языка разработчики Montreal Forced Aligner предлагают две модели: *Russian CV* (авторы Ahn, Emily and Chodroff, Eleanor) и *Russian MFA* и несколько её версий (авторы McAuliffe, Michael and Sonderegger, Morgan). Словарь Russian CV использует 48 аллофонов для разметки речевого материала, тогда как Russian MFA имеет расширенную систему аллофонов – 94 (подробное описание см. <https://>

mfa-models.readthedocs.io/en/latest/dictionary/Russian/Russian%20MFA%20dictionary%20v3_1_0.html#Russian%20MFA%20dictionary%20v3_1_0).

В ходе настоящего исследования работа велась с инструментом Montreal Forced Aligner, для русского языка были использованы модель и словарь *Russian MFA acoustic model v3.1.0*, поскольку они давали более точную аллофонную разметку на изучаемом материале, что может быть связано с гораздо большим объёмом речи, который был использован для обучения модели (ср.: *Russian CV dictionary v2.0.0* – 148 часов и *Russian MFA acoustic model v3.1.0* – более 442 часов). Для английского языка была использована модель *English_mfa*, для британского варианта – словарь *English_uk_mfa*, для американского – *English_us_mfa*. Инструмент Montreal Forced Aligner позволяет пакетно обрабатывать большое количество файлов и дообучить модель по результатам экспертной корректировки и в дальнейшем выполнять разметку точнее. Это позволяет использовать его в том числе для работы с малоресурсными языками.

Часть экспериментальных файлов содержала орфографическую транскрипцию и пословную разметку. Для таких файлов потребовался перевод орфографии в транскрипцию, чтобы создать отдельный слой с фонемной транскрипцией. PartiturEditor позволяет использовать G2P модель BasWebservice, которая используется алайнером WebMaus. Приведем пример работы данной модели: *преимущество* [pri.e.i.mu.ʃes.tvo] (BasWebservice) и [pri:imuc:istvə] (MFA); *подготовку* [pod.go.tov.ku] (BasWebservice) и [pɒdɡetɒfku] (MFA). Очевидно, что первая модель просто находит звуко-буквенное соотношение, не учитывая позиционно-комбинаторные условия, вторая модель выдаёт более реалистичный и пригодный результат, который, тем не менее требует корректировки. Для перевода орфографии в транскрипцию также на нашем материале были апробированы библиотеки G2P, phonemizer, eptran для Python, но в связи с тем, что они не показывают такой точности, как MFA¹², а система выбранных для транскрипции аллофонов не совпадает с той, что заложена в MFA, который используется для расстановки условных границ слов и аллофонов в речевом потоке, было принято решение от них отказаться, поскольку это могло бы усложнить разметку и последующую работу с таким корпусом. Отметим, что для малоресурсных языков данные модели не будут эффективными и потребуют дообучения, поэтому в ходе работы был использован транскриптор для эвенкийского языка, доступ к которому был предоставлен лабораторией фонетики Амурского государственного университета [Андросов и др., 2023].

3.2. Унификация слоев разметки и конвертация файлов [Unification of annotation tiers and file conversion]

Важным аспектом организации корпуса является унификация формата файлов, принципов нанесения разметки и наименования слоёв. В ходе исследования были изучены особенности подготовки файлов для EXMARaLDA.

Продукт EXMARaLDA имеет отдельные программы для работы с файлами корпуса: 1) для разметки файлов используется PartiturEditor; 2) для работы с запросами – EXACT; 3) для систематизации метаданных – Coma. Файлы формата .TextGrid или .eaf, можно открыть в PartiturEditor и разметка с привязкой к временным тегам будет корректно отображаться в программе. Для корректной организации запросов необходимо учесть наименование слоёв. Имя каждого слоя должно начинаться с кода диктора, которому принадлежит слой, также следует указать тип слоя (аннотация / транскрипция или др.) в формате: *001/t/phrase*, где 001 – код диктора, t – тип слоя (транскрипция), phrase – название слоя. Отобранные для эксперимента файлы из речевых баз данных не имели

¹² О невысокой точности данных библиотек свидетельствуют и другие экспериментальные работы [Мосунов, 2022].

унифицированных по данному формату названий для слоев разметки, однако необходимая информация о коде диктора была прописана в названии файла, например, 001_1_01_f.TextGrid. Для пакетной обработки файлов был подготовлен скрипт на Python с использованием библиотеки `rgaatio` для переименования слоёв разметки.

Другой немаловажный аспект, который следует учитывать при подготовке файлов к работе в корпусном менеджере ЕХАСТ – наличие пробелов в конце каждого из размеченных интервалов. В файлах, отобранных для эксперимента пробелы отсутствовали и результаты поискового запроса в формате конкорданса отображались в одну строку без пробелов, что неудобно для анализа данных, поэтому в обозначенный выше скрипт была включена опция добавления пробела в конце каждого интервала разметки.

Поскольку корпусной менеджер ЕХАСТ работает только с файлами формата `.exb` и определённым образом проиндексированными файлами разметки, в дальнейшем для сбора файлов из речевых баз данных в единый корпус потребовалась их конвертация в формат `.exb`, который представляет собой структурированный определённым образом формат `.xml` (см. рис. 3, 4).

```

1 File type = "ooTextFile"
2 Object class = "TextGrid"
3
4 xmin = 0
5 xmax = 25.91275
6 tiers? <exists>
7 size = 5
8 item []:
9   item [1]:
10     class = "IntervalTier"
11     name = "phrase"
12     xmin = 0
13     xmax = 25.91275
14     intervals: size = 1
15     intervals [1]:
16       xmin = 0
17       xmax = 25.91275
18       text = "Ну.. Мне кажется"
19   item [2]:
20     class = "IntervalTier"
21     name = "words"
22     xmin = 0
23     xmax = 25.91275
24     intervals: size = 72
25     intervals [1]:

```

Р и с у н о к 3. Организация `.TextGrid` файла
[F i g u r e 3. Structure of a `.TextGrid` File]

```

1 <?xml version="1.0" encoding="utf-8"?>
2 <basic-transcription>
3   <head>
4     <meta-information>
5       <project-name />
6       <transcription-name />
7       <referenced-file url="001_1_3_f.wav" />
8       <ud-meta-information>
9         <ud-information attribute-name="source"/>001_1_3_f.TextGrid</ud-information>
10      </ud-meta-information>
11      <comment />
12    </meta-information>
13    <transcription-convention />
14  </head>
15  <meta-information>
16    <speaker-table>
17      <speaker id="0001">
18        <abbreviation>0001</abbreviation>
19        <sex value="f" />
20        <languages-used />
21        <l1 />
22        <l2 />
23        <ud-speaker-information />
24        <comment />
25      </speaker>
26    </speaker-table>
27  </head>
28  <basic-body>
29    <common-timeline>
30      <tli id="T0" time="0.0" />
31      <tli id="T2" time="0.78" />
32      <tli id="T73" time="0.82" />
33      <tli id="T73" time="0.85" />
34      <tli id="T74" time="0.92" />
35      <tli id="T75" time="0.96" />
36      <tli id="T4" time="1.02" />
37      <tli id="T76" time="1.1" />

```

Р и с у н о к 4. Организация `.xml` файла
[F i g u r e 4. Structure of a `.xml` File]

3.3. Разметка модификаций связной речи с учётом работы корпусного менеджера [Annotation of connected speech modifications leveraging corpus manager capabilities]

Лингвистической задачей исследования является анализ неканонических фонологических моделей в контексте дискурсивных практик на материале разнотипных языков. В процессе работы с файлами разметки, отобранными для эксперимента, были уточнены особенности разметки явлений связной речи и дискурсивных маркеров дискурсии. Поскольку PartiturEditor не предполагает заложенного автоматического механизма для анализа фонетических явлений и дискурсивных маркеров, теги разметки были нанесены на дополнительный слой вручную.

В процессе разметки явлений связной речи было принято решение привязки типа модификации к слогу, для этого в разметку были введены дополнительные слои на

уровне слога (*Target IPA* – где заложена каноническая транскрипция слогов для каждого слова из фразы, *Actual IPA* – которая содержит уточнённую транскрипцию слогов для каждого слова, отражающую реальное распределение аллофонов). На данном этапе нанесение слоговой разметки производилось вручную. Такой подход позволяет решить сразу несколько исследовательских задач:

1. При работе с результатами поиска пользователю понятно, к какой части слова относится метка. Это имеет принципиальное значение при работе с многосложными словами, где могут присутствовать несколько модификаций в разных частях слова. Если разметка производится на уровне слова, то требуется дополнительный анализ результатов поискового запроса, что усложняет автоматизацию анализа фонетических процессов.

2. Становится возможным процесс автоматизации поиска модификаций в размеченном фонетическими тегами материале и автоматической доразметки файлов формата .TextGrid. Так, пользователь имеет возможность выгрузки результатов поиска в формате .csv. (или автоматического сбора информации о разметке при помощи Python библиотеки *praatio*). Затем при помощи Python библиотеки *pandas* можно сопоставить транскрипцию слога на слоях *Target IPA–Actual IPA*, заложив в механизм обработки определённые принципы выявления типа модификаций. В пример можно привести обработку слогов с типом модификации «элизия», когда мы можем произвести сопоставление значений (символов IPA) с учётом позиции в слоге. Если на слое *Target IPA* и *Actual IPA* все позиции имеют какое-либо значение, значит элизии в данном случае не происходит, если какие-то позиции не заполнены для слоя *Actual IPA*, алгоритм выявит элизию и выдаст соответствующую информацию. Подобные алгоритмы могут быть разработаны и для других модификаций. На рисунках 5–7 представлены варианты работы корпусного менеджера на основе разметки с привязкой к слогу и без неё.

on	Speaker	Left Context	Match	Right Context	mod
0001		раусенумне	кажется	чтоэтокакразработаетнараусеэффективностьучебногпр	EL ka z i s e
0001		раусенумнекажетсячтоэтокакраз	работает	нараусеэффективностьучебногпроцессараусетоочемвыр	EL re b o i t
0001	сда	вотыкакбыраусеориентироватьсянаиндивидуада	ero	темпераментнаегохарактерраусеанакиетоможетбытьне	EL i v o
0001	у	маданаеготемпераментнаегохарактерраусеанакиетоможетбытьне	может	бытьнезнаюраусеособенностиациональногоособеннонук	EL m o z i
0001		pausezhao4di2yue1cao2yun2teng2qu4gui3	wu1	pause	EL u
0001		pauselao2hu3you4zai3pauseyu2chong3	wu4	quan3wan2shua3pause	EL u
0001		pauseke1te4ni1shen1chuan1bao4wen2da4	yi1	pause	EL i
0001		vidpausenineteenpausewhichisthenumberonestoryinthe	news	pausearoundtheworldatthemomentpauseit'ssomethingth	EL n u : z
0001		estoryinthenewspausearoundtheworldatthemomentpause	it's	somethingthatwe'reallfacingpausemepauseyoupauseeeve	EL i t
0001		pauseinthisepisodetheplanispausepausepausepause	little	bitaboutthesituationwhereiliveandhowthismightaffec	EL l i t t
0001		useapauseatalkalittlebitaboutthesituationwhereilive	and	howthismightaffectmepausemyfamilypauseandthepodcas	EL a n
0001		hereiliveandhowthismightaffectmepausemyfamilypause	and	thepodcastpauseebpausegothroughalistofvocabularyit	EL a n
0001		milypauseandthepodcastpauseebpausegothroughalistof	vocabulary	itemspauseinorderto helpyoupauselearntherightwordst	EL v ə k ə b i l e r
0001		elearntherightwordsthatyouneedpauseetotalkaboutthis	situation	inenglishpauseandthiswillcontainvariousortofmedic	EL s i t u e i j n
0001		youneedpauseetotalkaboutthissituationinenglishpause	and	thiswillcontainvariousortofmedicalwordspauseandal	EL a n
0001		seandthiswillcontainvariousortofmedicalwordspause	and	alsopausegeneralwordspausebeingusedpausedaytodaypauseby	EL a n
0001		lcontainvariousortofmedicalwordspauseandalsopause	general	wordspausebeingusedpausedaytodaypausebypeople talkingabo	EL d ʒ e n r ə l

Р и с у н о к 5. Работа корпусного менеджера на основе разметки без привязки к слогу

[Figure 5. Corpus manager operation based on syllable independent annotation]

Match	Right Context	G2P	phones	syllable	actsyllable	
занятиям	икзьянезнаюзанятиямпрактическимраусе	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i e ə m	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i e ə m	V_QL EL_C
занятиям	практическимраусе	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i m	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i m	EL_SYL
занятиям	пометодикераусе	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i j ə m			
занятиям	давозраусеэраусеточноотнимаёттакмноговремениучител	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i j ə m			
занятиям	давозраусеэраусеточноотнимаёттакмноговремениучител	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i j ə m			
занятиям	икзьянезнаюзанятиямпрактическимраусе	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i e ə m	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i e ə m	V_QL EL_C
занятиям	практическимраусе	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i m	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i m	EL_SYL
занятиям	пометодикераусе	ʒ e n æ t i j ə m	ʒ e n æ t i j ə m			

Р и с у н о к 6. Работа корпусного менеджера на основе разметки с привязкой к слогу

[Figure 6. Corpus manager operation based on syllable-aligned annotation]

Partitur									
	[00:02.4					[00:03.4			
0001 [phrase]									
0001 [words]	занятиям и								
0001 [G2P]	z æ n æ tʃ i j ə m i								
0001 [phones]	z	æ	n	æ	tʃ	e	ə	m	i
0001 [pitch]	l								
0001 [syllable]	zæ	næ		tʃi		jəm			
0001 [actsyllable]	zæ	næ		tʃe		əm			
0001 [modification]					V_QL		EL_C		

Р и с у н о к 7. Возможность детализированного анализа интересных интервалов в корпусном менеджере на основе разметки с привязкой к слогу

[Figure 7. Detailed analysis of target intervals via syllable-aligned annotation in the corpus manager]

Для более глубокого изучения особенностей дискурса была выработана система тегов для маркировки типа дискурса, а также система дискурсивных маркеров, сигнализирующих об эмоциональной окрашенности высказывания [Тарева и др., 2024], о смене коммуникативных стратегий, и прагматических интенций говорящего. На данном этапе это сделано только для русского материала. Такая организация тегов разметки позволит выполнять разные виды поиска посредством регулярных выражений: изучить типы модификаций и соотнести их с экстралингвистическими параметрами (пол, возраст, регион проживания на основе метаданных) и акустическими коррелятами (для сбора акустических показателей можно использовать интеграцию с Praat или Python библиотеки, напр., praatio, parselmouth¹³). Кроме того, возможность выполнить поиск для одного, нескольких или всех языков из мультязычного корпуса представляет особую значимость при исследовании внутриязыковых и межьязыковых закономерностей и построении типологических моделей.

3.4. Сравнительно-сопоставительный анализ явлений связной речи в разносистемных языках [A contrastive study of connected speech phenomena in typologically distinct languages]

Возможности поиска в корпусном менеджере EXAKT (EXMARaLDA) довольно широки. Система позволяет выполнить поиск по полному совпадению или по регулярному выражению для любого типа слоя (транскрипция, аннотация, описание и др.). Результат отображается в виде конкорданса. Для сопоставительного анализа можно добавить необходимые столбцы. Дополнительно можно настроить фильтры для сортировки файлов на основе метаданных (отобрать образцы речи для конкретных языков, дикторов, текстов, локации записи речи и т. д.). Что касается составления регулярного выражения, то можно воспользоваться помощником и составить выражение в полуавтоматическом режиме. В ходе экспериментальной работы на основе указанных принципов разметки явлений связной речи и дискурсивных маркеров были разработаны модели запросов в корпусном менеджере, которые позволяют провести корпусно-ориентированный фонетико-фонологический анализ дискурсивных практик и выявить внутриязыковые и межьязыковые модели функционирования неканонических фонологических моделей.

¹³ Jadoul Y., Thompson B., de Boer B. Introducing Parselmouth: A Python interface to Praat // Journal of Phonetics. 2018. Vol. 71. P. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2018.07.001>

Изучение отдельных модификаций связной речи на сегментном уровне – выпадения. Исследования неканонических фонологических моделей различных языков, в частности русского [Риехакайнен, 2010], английского [Андросова, 2015; Елисеева, 2022], китайского [Ли Ифан, 2022], проведенные ранее, позволяют утверждать, что канонические модели не учитывают многочисленные случаи выпадения звуков и целых слогов (за редким исключением), тогда как в спонтанной речи эта модификация является наиболее частотной и для ряда слов можно наблюдать изменение как фонемного, так и слогового состава.

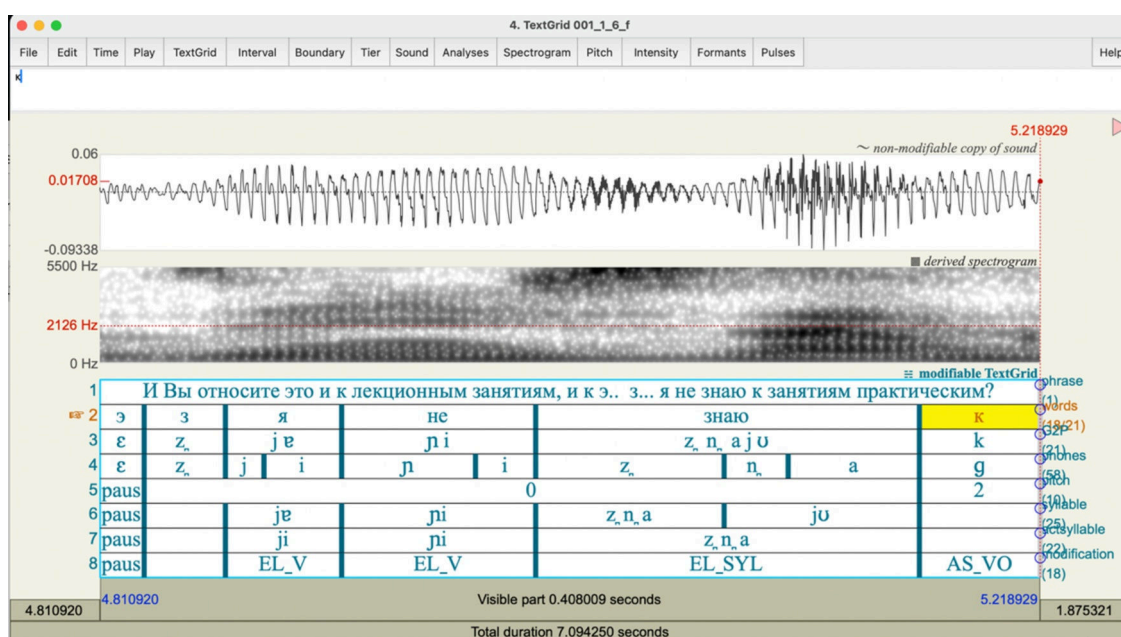
Для иллюстрации данного феномена на базе описанного мультязычного корпуса был отобран подкорпус учебных дискуссий, проведенных в рамках семинарских занятий по методике обучения иностранному языку, в частности дискуссия на тему «Может ли искусственный интеллект заменить учителя?», спикер – женщина (50 лет, канд. наук, доцент), речь – квазиспонтанная. На основе разметки, выполненной по предложенной методике, в корпусном менеджере был произведён запрос по тегу *EL* (выпадение) на основе слоя *modification* с типом *аннотация*. По запросу были предложены такие теги, как *EL_V* (выпадение гласного), *EL_C* (выпадение согласного), *EL_SYL* (выпадение слога).

В качестве иллюстративных примеров, свидетельствующих о реализации альтернативного фонемного состава в речи преподавателя, приведём следующие: *слушаем* [ʃlu-ʃi-ɪm] (образец 001_1_1_f). К случаям, когда слова были реализованы с меньшим количеством слогов, можно отнести такие, как *пожалуйста* [pɐ-ʒaʃt] (образец 001_1_1_f), *все-таки* [fsʲə-ʦi] (образец 001_1_5_f), *категории* [kə-tʲi-go-rʲi] (образец 001_1_5_f) и др. Встречались и такие примеры, как *считаете* [ɕʲta-ɪtʲ] (образец 001_1_5_f), когда в рамках одного слова наблюдалось выпадение гласного в нескольких слогах (в указанном примере начальный и конечный слог), что привело к сокращению количества слогов в слове с 4 до 2 в связной речи. Отдельно отметим случаи, когда одна и та же лексическая единица в разных позициях во фразе могла быть реализована по-разному. Так, в словоформе *занятиям* из словосочетания *лекционным занятиям* [ʒɐ-ræ-tʲe-əm] (образец 001_1_6_f), реализовано четыре слога (фонемный состав двух последних неканонический), а из словосочетания *занятиям практическим* [ʒɐ-ræ-tʲɪm] (образец 001_1_6_f) за счёт выпадений количество слогов сократилось до трёх (последний слог – результат стяжения). Причина в том, что в обоих случаях словоформа *занятиям* находится в безударной позиции во фразе, произносится с ровным тоном и не имеет высокой информационной нагруженности, тогда как соседствующие словоформы *лекционным* и *практическим* более информативны (конкретизируют тип занятий) и выделены восходящим ядерным тоном.

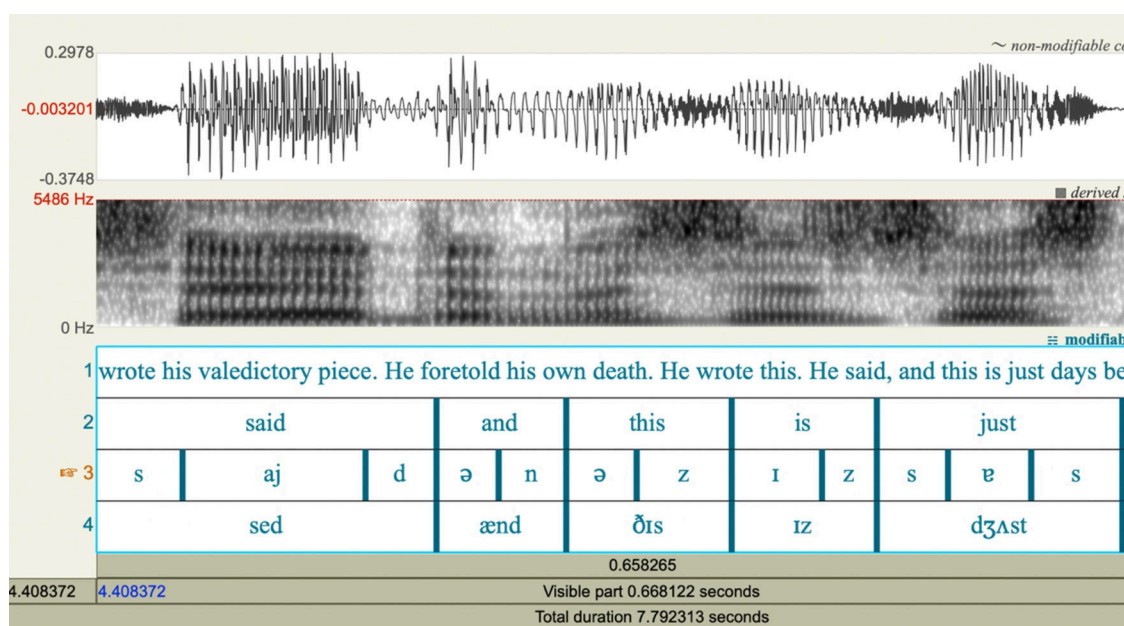
Схожие примеры можно привести и для отдельных выражений, которые могут быть изменены до неузнаваемости. Например, *я не знаю* /jəɪnʲɪznəjʊ/, реализуется как [jʲɪnʲɪznə] (см. рис. 8), во фразе *И Вы относите это и к лекционным занятиям, и к э. з..., я не знаю, к занятиям практическим?* Выражение выделено в отдельную синтагму, которая произносится ровным ядерным тоном, выполняя роль заполнителя паузы хезитации, пока говорящий подбирает нужные слова.

Поскольку корпусной менеджер позволяет выполнить поиск схожих модификаций в различных языках, приведём отдельные иллюстративные примеры выпадений из подкорпуса новостных аналитических подкастов британского варианта английского языка. В результате сопоставительного поиска были выделены реализации альтернативного фонемного состава в речи диктора-мужчины (возраст 50 лет, приглашённый лектор): (lecture_lanc_AI_2) *rather* [rɑ:ə] (контекст: Oh, and the *rather* portentous title about existential risk.); (lecture_lanc_AI_2) *swedish academy* [kʰadəmi] (контекст: Oh, and the

rather quaint sketches are from the official press release of the Swedish *Academy* of Sciences, so that's where this comes from), а также and this is just в речи профессионального диктора BBC, мужчины, 52 лет (контекст: *He foretold his own death. He wrote this. He said, and this is just days before he was shot dead on the streets of Colombo*). Данный сегмент был реализован с альтернативным фонемным составом [ənəzizsəs] (см. рис. 9). При этом последовательность *and this is just* выделена в отдельную синтагму, где *and this is just* – безударный предтакт, на данном участке реализуется восходящий тон, на участке *days* реализуется нисходящий ядерный тон, слово реализовано в полном типе произнесения, сохраняется канонический фонемный состав. Как и в русском материале, серьёзным изменением подвергнут малоинформативный сегмент.

Р и с у н о к 8. Заполнитель я не знаю в речи диктора женщины
[Figure 8. Filler 'I don't know' produced by a female speaker]

Р и с у н о к 9. Реализация фразы this is just в речи диктора мужчины
[Figure 9. Phrase this is just produced by the male speaker]

4. Заключение [Conclusion]

Итак, в настоящем исследовании предложена унифицированная методология анализа неканонических фонологических моделей с использованием современных инструментов автоматической обработки данных. Разработанная система многоуровневой разметки, включает сегментный, слоговой, просодический и дискурсивный уровни. Автоматизированные инструменты, такие как Montreal Forced Aligner и EXMARaLDA, демонстрируют свою эффективность при обработке данных мультязычного корпуса, однако их результат всё ещё требует ручной коррекции опытным экспертом. Унификация форматов аннотации, позволяет создать сопоставимый мультязычный корпус, пригодный для комплексного анализа.

Разработанная система тегирования модификаций связной речи на основе слоговой разметки корпуса позволяет анализировать фонетические изменения с учётом их типа, подтипа и контекста реализации. Такой подход обеспечивает возможность осуществления сложных поисковых запросов и выявления корреляций между модификациями и дискурсивными стратегиями в разных языках.

В описанной модели запроса теги фонетической разметки являются первичными для его построения и предоставляют возможности: 1) выявить частотность конкретного фонетического явления для анализируемого материала; 2) сопоставить частотность того или иного явления в речи разных дикторов (произвести социофонетический анализ); 3) получить распределение изучаемого фонетического явления в разных типах дискурса; 4) сравнить частотность проявления тех или иных модификаций в рамках дискурсивной разметки (напр., маркеров дискуссионности); 5) сопоставить частотность проявления конкретной модификации с темпоральными характеристиками, мелодическим рисунком, эмоциональным состоянием говорящего (используя специфический слой разметки или интеграцию с Praat); 6) получить частотность и контекст проявления изучаемой модификации на материале разных языков.

Предложенная система разметки может быть полезной как в научных исследованиях, так и в образовательном процессе. Корпусные данные могут использоваться для верификации гипотез о различных аспектах вариативности в речи, а также при разработке учебных материалов по фонетике, фоностилистике, аудированию. В дальнейшем планируется расширение корпуса за счёт увеличения объёма размеченного материала, а также поиск алгоритмов автоматического выявления модификаций на основе машинного обучения.

Благодарности [Acknowledgments]

Автор статьи выражает признательность Московскому городскому педагогическому университету за поддержку в разработке устного корпуса русской дидактической речи, Амурскому государственному университету за предоставленный доступ к корпусу речи эвенков Приамурья (2011–2013 гг.) и автоматическому транскриптору для эвенкийского языка.

Библиографический список

- Андросов и др., 2023 – Андросов Е. Ю., Андросова С. В., Морозова О. Н. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683267 Российская Федерация. Автоматический транскриптор для эвенкийского языка: № 2023682311: заявл. 25.10.2023: опубл. 07.11.2023; заявитель Амурский государственный университет.
- Андросова, 2015 – Андросова С. В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1, № 1. С. 5–15.
- Богданова и др., 2009 – Звуковой корпус как способ описания языка современного города / Н. В. Богданова, В. В. Куканова, Е. М. Сапунова, Н. С. Филиппова // Речевая коммуникация в

- современной России : материалы I Междунар. науч. конф., Омск, 27–29 апреля 2009 года. Омск : Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. С. 43–48.
- Богданова-Бегларян и др., 2014 – Звуковой корпус как материал для анализа русской речи / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. Ч. 2 (Т. 1). СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. 396 с.
- Венцов, 2015 – Венцов А. В. Просодическое аннотирование речевых корпусов и моделирование восприятия речи // Проблемы порождения и восприятия речи : материалы XI выездной школы-семинара, Череповец, 07–08 декабря 2012 года. Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2013. С. 10–18.
- Викулова и др., 2024 – Фононовации в современном языковом и дидактическом пространстве: опыт, проблемы, перспективы / Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева, К. Н. Бурнакова, С. В. Андросова, Г. И. Бубнова, И. И. Головчанская, Ю. Е. Иванова, В. Г. Караваева, Е. И. Михалева, О. Н. Морозова, И. Я. Селютина, Т. А. Толмачева, Н. С. Уртегешев, Е. А. Шамина, Т. И. Шевченко. М. : Языки Народов Мира, 2024. 324 с.
- Горбунова, 2019 – Горбунова Д. А. Слова, слова, слова: к вопросу об автоматической обработке материала речевого корпуса // Русское слово в многоязычном мире : Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 года / ред. кол: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. Нур-Султан, Казахстан : МАПРЯЛ, 2019. С. 977–981.
- Елисеева, 2022. – Елисеева Е. С. Вариативность британского произносительного стандарта // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. Т. 3, № 2. С. 9–20.
- Завьялова, 2011 – Завьялова В. Л. Языковые корпуса в лингвистической педагогике и научных исследованиях (фонологические аспекты) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 4 (32). С. 39–44.
- Захаров, 2015 – Захаров В. П. Корпуса русского языка // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. № 6. С. 20–65.
- Караваева, 2018 – Караваева В. Г. Акустические и перцептивные характеристики неустойчивых сегментных фонологических единиц (на материале британского аналитического дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2018. 159 с.
- Клешнев, Ляксо, 2024 – Клешнев Е. А., Ляксо Е. Е. Отражение эмоциональных состояний в речи подростков 12–14 лет: с типичным развитием и интеллектуальными нарушениями // Акустический журнал. Т. 70, № S5. С. 72–72.
- Ли, 2022 – Ли И. Слабые формы слогов в спонтанной речи женщин (экспериментально-фонетическое исследование на материале китайского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2022. 280 с.
- Луганцева и др., 2022 – Луганцева Ю. С., Караваева В. Г., Андросова С. В. Безударные редуцированные гласные в персональном и медийном дискурсе (на материале американского варианта английского языка) // Вестник МГПУ. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. № 2 (46). С. 104–118.
- Ляксо и др., 2020 – Голосовой портрет ребенка с типичным и атипичным развитием / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, С. В. Гречаный, Ю. Н. Матвеев, О. В. Верхоляк, А. А. Карпов. СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. 204 с.
- Морозова и др., 2017 – Морозова О. Н., Андросова С. В., Артемчук М. В. Разработка корпуса звучащей эвенкийской речи // Анализ разговорной русской речи (АРЗ – 2017) : труды седьмого междисциплинарного семинара, Санкт-Петербург, 20 января 2017 года. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2017. С. 72–77.
- Мосунов, 2022 – Мосунов К. Д. Применение фонетических признаков слов в рамках исправления опечаток в русскоязычных информационно-поисковых запросах // XI Конгресс молодых учёных : сборник науч. тр. конгресса, Санкт-Петербург, 4–8 апреля 2022 года. Т. 2. СПб. : Национальный исследовательский университет ИТМО, 2022. С. 91–95. – EDN NWLFCI.
- Петренко А. Д., Петренко Д. А., 2022 – Петренко А. Д., Петренко Д. А. Фоностилистические варианты произношения в преподавании иностранных языков // Современная лингвистика: междисциплинарные исследования. М. : ФЛИНТА. С. 158–167.

- Потапова, 2012 – Дискурсивная составляющая современной корпусной лингвистики (применительно к устно-речевым базам данных) // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. № 639. С. 157–167.
- Риехакайнен, 2010 – Риехакайнен Е. И. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т, СПб., 2010. 261 с.
- Риехакайнен и др., 2024 – Методика аннотирования корпуса устной речи учителей / Е. И. Риехакайнен, В. С. Браташ, В. И. Зубов, П. А. Сергоманов // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 251–285.
- Скрелин, Кочеткова, 2024 – Скрелин П. А., Кочеткова У. Е. Особенности синхронизации единиц супraseгментного уровня с невербальными явлениями в нейтральной и эмоционально-окрашенной речи // Современные исследования звучащей речи : сб. науч. ст. Междунар. науч. конф., Минск, 19 апреля 2023 года. Минск : Минский гос. лингв. ун-т, 2024. С. 7–11.
- Тарева и др., 2025 – Тарева Е. Г., Караваева В. Г., Толмачева Т. А. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025622122 Российская Федерация. Устный корпус русской дидактической речи : заявл. 18.04.2025 : опубл. 22.05.2025 ; заявитель Московский городской педагогический университет.
- Тарева и др., 2024 – Тарева Е. Г., Караваева В. Г., Толмачева Т. А. Алгоритм обработки аудиозаписей звучащей дидактической речи для последующего обучения нейронной сети распознаванию базовых эмоций // Фонетика сегодня : тезисы докладов IX Междунар. науч. конф., Москва, 5–7 декабря 2024 года. М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 86–88.
- Тэн, 2018 – Тэн Х. Особенности отражения фонологической системы языка в явлениях хезитации (экспериментально-фонетическое исследование на материале русской и китайской спонтанной речи) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2018, 164 с.
- Чугаева и др., 2019 – Сопоставление результатов лингвостатистического анализа перцептивных типов русского и английского слова (на материале НКРЯ, БНК, АНК) / Т. Н. Чугаева, О. В. Байбутова, А. А. Вахотин, С. Ю. Дмитриева // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 5, № 3. С. 273–291. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_273_291
- Чжан, 2022 – Чжан Ц. Перцептивные и акустические характеристики рекламного дискурса: информационный подход к анализу просодии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2022. 140 с.
- Шевченко, 2019 – Шевченко Т. И. Когнитивно-дискурсивный подход в фонологии на основе корпусного анализа // Германистика 2019: nove et nova : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Москва, 10–12 апреля 2019 года. М. : Московский гос. лингв. ун-т. С. 404–407.
- Шевченко и др., 2012 – Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. № 634. С. 175–187.
- Шерстинова, 2015 – Шерстинова Т. Ю. Организация данных в звуковом корпусе, предназначенном для многоуровневого социолингвистического анализа речи // XLIV Междунар. филол. науч. конф. : тезисы докладов, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 года. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та. С. 568–569.
- Шустова и др., 2022 – Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты / С. В. Шустова, С. В. Андросова, У. А. Олешковская, И. Ли, Д. А. Палайчук, Ц. Чжан. Пермь : Пермский ин-т экономики и финансов. 176 с.
- Щербаков и др., 2024 – Автоматический анализ эмоциональной мимики и интонации в русской речи / П. П. Щербаков, У. Е. Кочеткова, П. А. Скрелин, Н. В. Борисов, П. С. Федькин, В. В. Евдокимова, М. Д. Долгушин // Язык-Музыка-Жест: информационные перекрестки : сб. материалов междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2024 года. СПб. : Скифия-принт, 2024. С. 102–104.
- Янко, 2022 – Янко Т. Е. Метод поиска просодических данных по ключевым словам // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной междуна-

- родной конференции «Диалог» (2022), Москва, 15–18 июня 2022 года. Вып. 21. М. : Российский гос. гум. ун-т, 2022. С. 577–585. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2022-21-577-585>
- Kochetkova et al., 2023 – The Multimedia Corpus of Russian Ironic Speech for Phonetic Analysis / U. Kochetkova, P. Skrelin, V. Evdokimova, T. Kachkovskaia // *Literature, Language and Computing* / Ed. by P. Eismont, M. Khokhlova, M. Koryshev, E. Riekhakaynen. Singapore : Springer, 2023. P. 223–237. https://doi.org/10.1007/978-981-99-3604-5_19

References

- Androsov, E. Y., Androsova, S. V., Morozova, O. N. (2023). *Avtomaticheskiy transkriptor dlya evenkiyskogo yazyka* [Automatic transcriber for the Evenki language] (Russian Federation Patent No. 2023683267) ; Blagoveshchensk : Amur State University. Russian Patent Office. (In Russ.).
- Androsova, S. V. (2015). Nekanonicheskie fonologicheskie modeli morfem i slov v russkom i angliyskom yazykakh [Non-canonical models of morphemes and words in Russian and English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1 (1), 5–15. (In Russ.).
- Bogdanova, N. V., Kukanova, V. V., Sapunova, E. M., Filippova, N. S. (2009). *Zvukovoy korpus kak sposob opisaniya yazyka sovremennogo goroda* [Speech corpus as a way to describe the language of a modern city]. *Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii [Speech Communication in Modern Russia]* (pp. 43–48). Omsk : Omsk State University Press. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan N. V. (Ed). (2014). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi* [Oral speech corpus as material for the analysis of Russian speech]. Part 2. Vol. 1. St Petersburg : St Peterburg University Press. (In Russ.).
- Ventsov, A. V. (2013). Prosodicheskoe annotirovanie rechevykh korpusov i modelirovanie vospriyatiya rechi [Prosodic annotation of speech corpora and modeling of speech perception]. *Problemy porozhdeniya i vospriyatiya rechi [Issues of Speech Production and Perception]* (pp. 10–18). Cherepovets : Cherepovets State University Press. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Burnakova, K. N., Androsova, S. V., Bubnova, G. I., Golovchanskaya, I. I., Ivanova, Yu. E., Karavaeva, V. G., Mikhaleva, E. I., Morozova, O. N., Selyutina, I. Ya., Tolmacheva, T. A., Urtegeshev, N. S., Shamina, E. A., Shevchenko, T. I. (2024). *Fononovatsii v sovremennoy yazykovom i didakticheskom prostranstve: opyt, problemy, perspektivy* [Innovations in Phonetics: Exploring the Modern Linguistic and Educational Landscape]. Moscow : Yazyki narodov mira Press.
- Gorbulova, D. A. (2019). Slova, slova, slova: k voprosu ob avtomaticheskoy obrabotke materiala rechevogo korpusa [Words, words, words: New methods of speech corpus material processing]. In E. A. Bozhenkova, S. V. Vyatkina, N. I. Klushina (Eds), *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire [The Russian Word in a Multilingual World]* (pp. 977–981). Nur-Sultan, Kazakhstan : MAPRYAL Press. (In Russ.).
- Eliseeva, E. S. (2022). Variativnost' britanskogo proiznositel'nogo standarta [British English: Received pronunciation and its variability]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Filologicheskie nauki [Review of Russian Christian Academy for Humanities. Philological Sciences]*, 2 (3), 9–20. (In Russ.).
- Zavyalova, V. L. (2011). Yazykovye korpusa v lingvisticheskoy pedagogike i nauchnykh issledovaniyakh (fonologicheskie aspekty) [Language corpora in linguistic pedagogy and research (Phonological aspects)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke [The Humanities and Social Studies in the Far East]*, 4 (32), 39–44. (In Russ.).
- Zakharov, V. P. (2015). Korpusa russkogo yazyka [Corpora of the Russian language]. *Trudy in-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova [Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]*, 6, 20–65. (In Russ.).
- Karavaeva, V. G. (2018). *Akusticheskie i pertseptivnye kharakteristiki neustoychivyykh segmentnykh fonologicheskikh edinits (na materiale britanskogo analyticheskogo diskursa)* [Acoustic and perceptual patterns of unstable segmental phonological units (Based on British analytical discourse)]. PhD in Philological sci. diss. Blagoveshchensk, Amur State University. (In Russ.).

- Kleshnev, E. A., Lyakso, E. E. (2024). Otrazhenie emotsional'nykh sostoyaniy v rechi podrostkov 12–14 let: s tipichnym razvitiem i intellektual'nymi narusheniyami [Reflection of emotional states in the speech of adolescents 12–14 years old: with typical development and intellectual disabilities]. *Akusticheskiy zhurnal [Acoustical Journal]*, 70 (S5), 72. (In Russ.).
- Li, Y. (2022). *Slyabye formy slogov v spontannoy rechi zhenshchin (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale kitayskogo yazyka) [Weak syllable forms in female spontaneous speech (An experimental-phonetic study based on Chinese)]*. PhD in Philological sci. diss. Blagoveshchensk, Amur State University. (In Russ.).
- Lugantseva, Yu. S., Karavaeva, V. G., Androsova, S. V. (2022). Bezudarnye redutsirovannye glasnye v personal'nom i mediynom diskurse (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka) [Unstressed reduced vowels in personal and media discourse (based on the American English)]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 2 (46), 104–118. (In Russ.).
- Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Grechanyy, S. V., Matveev, Yu. N., Verkholiyak, O. V., Karpov, A. A. (2020). *Golosovoy portret rebenka s tipichnym i atipichnym razvitiem [Speech portrait of a child with typical and atypical development]*. St Petersburg: Association of Higher Educational Institutions Press. (In Russ.).
- Morozova, O. N., Androsova, S. V., Artemchuk, M. V. (2017). Razrabotka korpusa zvuchashchey evenkiyskoy rechi [Development of spoken Evenki speech corpus]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3 – 2017) [Analysis of Conversational Russian Speech (AR3 – 2017)]* (pp. 72–77). St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Mosunov, K. D. (2022). Primenenie foneticheskikh priznakov slov v ramkakh ispravleniya opechatok v russkoyazychnykh informatsionno-poiskovykh zaprosakh [Application of phonetic features of words in correcting typos in Russian-language information retrieval queries]. *XI Kongress molodykh uchenykh [XI Congress of young scientists]* (Vol. 2, pp. 91–95). ITMO Press. (In Russ.).
- Petrenko, A. D., Petrenko, D. A. (2024). Fonostilisticheskie varianty proiznosheniya v prepodavanii inostrannykh yazykov [Phonostylistic variants of pronunciation in foreign language teaching]. *Sovremennaya lingvistika: mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Modern Linguistics: Interdisciplinary Research]* (pp. 158–67). Moscow: FLINTA Press. (In Russ.).
- Potapova, R. K. (2012). Diskursivnaya sostavlyayushchaya sovremennoy korpusnoy lingvistiki (primennitel'no k ustno-rechevym bazam dannykh) [Discourse studies in modern corpus linguistics: Spoken language data bases]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta [Vestnik of Moscow State Linguistic University]*, 639, 157–167. (In Russ.).
- Riehakainen, E. I. (2010). *Vzaimodeystvie kontekstnoy predskazuemosti i chastotnosti v protsesse vospriyatiya spontannoy rechi (na materiale russkogo yazyka) [Interaction of contextual predictability and frequency in the process of spontaneous speech perception (Based on Russian)]*. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg: St Petersburg State University. (In Russ.).
- Riehakainen, E. I., Bratash, V. S., Zubov, V. I., Sergomanov, P. A. (2024). Metodika annotirovaniya korpusa ustnoy rechi uchiteley [the principles of teachers' speech corpus annotation]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*, 2, 251–285. (In Russ.).
- Skrelin, P. A., Kochetkova, U. E. (2024). Osobennosti sinkhronizatsii edinits suprasegmentnogo urovnya s neverbal'nymi yavleniyami v neytral'noy i emotsional'no-okrashennoy rechi [Features of synchronization of prosodic units with nonverbal phenomena in neutral and emotional speech]. *Sovremennye issledovaniya zvuchashchey rechi [Modern Studies of Sounding Speech]* (pp. 7–11). Minsk: Minsk State University Press. (In Russ.).
- Tareva, E. G., Karavaeva, V. G., Tolmacheva, T. A. (2025). *Ustnyy korpus russkoy didakticheskoy rechi [Oral corpus of Russian academic speech]* (Russian Federation Patent No. 2025622122). Moscow: Moscow City Pedagogical University. Russian Patent Office. (In Russ.).
- Tareva, E. G., Karavaeva, V. G., Tolmacheva, T. A. (2024). Algoritm obrabotki audiozapisey zvuchashchey didakticheskoy rechi dlya posleduyushchego obucheniya neyronnoy seti raspoznavaniyu bazovykh emotsiy [Algorithm for processing audio recordings of didactic speech for subsequent training of a neural network basic emotions recognition]. *Fonetika Segodnya [Phonetics today]* (pp. 86–88). Moscow: Vinogradov Institute of Russian Language Press. (In Russ.).

- Teng, H. (2018). *Osobennosti otrazheniya fonologicheskoy sistemy yazyka v yavleniyakh khezitatsii (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale russkoy i kitayskoy spontannoy rechi) [Features of the phonological system of the language in hesitation phenomena (an experimental-phonetic study based on Russian and Chinese spontaneous speech)]*. PhD in Philological sci. diss. Blagoveshchensk, Amur State University. (In Russ.).
- Chugaeva, T. N., Bayburova, O. V., Vakhotin, A. A., Dmitrieva, S. Y. (2019). Sopostavlenie rezul'tatov lingvostatisticheskogo analiza pertseptivnykh tipov russkogo i angliyskogo slova (na materiale NKRYa, BNK, ANK) [Statistic-linguistic comparative analysis of the perceptual types of a Russian and an English word (Based on NCRL, BNC, ANC). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (3), 273–291. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_273_291
- Zhang, J. (2022). *Pertseptivnye i akusticheskie kharakteristiki reklamnogo diskursa: informatsionnyy podkhod k analizu prosodii [Perceptual and acoustic features of advertising discourse: Informational approach to prosody analysis]*. PhD in Philological sci. diss. Blagoveshchensk, Amur State University. (In Russ.).
- Shevchenko, T. I. (2019). Kognitivno-diskursivnyy podkhod v fonologii na osnove korpusnogo analiza [A cognitive-discursive approach in phonology based on corpus analysis]. *Germanistika 2019: nove et nova [German Studies 2019: Nove et nova]* (pp. 404–407). Moscow : Moscow State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Shevchenko, T. I., Sadovnikova, N. A., Sibileva, L. N. (2012). Ritm i smysl prosodii diskursa: kognitivnyy podkhod i statistika [Rhythm and meaning of discourse prosody: a cognitive approach and statistics]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta [Vestnik of Moscow State Linguistic University]*, 634, 175–187. (In Russ.).
- Sherstinova, T. Y. (2015). Organizatsiya dannykh v zvukovom korpuse, prednaznachennom dlya mnogourovnego sotsiolingvisticheskogo analiza rechi [Data organization in a sound corpus designed for multilevel sociolinguistic speech analysis]. *XLIV Mezhdunar. filologicheskaya nauch. konf. [Proc. XLIV International Philological Conference]* (pp. 568–569). St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Androsova, S. V., Oleshkovskaya, U. A., Li, I., Palaychuk, D. A., Zhang, J. (2022). *Diskursivnye praktiki: zhanrovye i foneticheskie aspekty [Discursive practices: Genre and phonetic aspects]*. Perm : Perm Institute of Economics and Finance Press. (In Russ.).
- Shcherbakov, P. P., Kochetkova, U. K., Skrelin, P. A., Borisov, N. B., Fedkin, P. S., Evdokimova, V. V., Dolgushin, M. D. (2024). Avtomaticheskii analiz emotsional'noy mimiki i intonatsii v russkoy rechi [Automatic processing of emotional facial expressions and intonation in Russian speech]. In P. M. Eysmont, T. E. Alekseevs-Nilova (Eds), *Yazyk-Muzyka-Zhest: informatsionnye perekrestki [Language-Music-Gesture: Informational Crossroads (LMGIC-2024)]* (pp. 102–104). Saint Petersburg : Skifiya-print Press. (In Russ.).
- Yanko, T. E. (2022). Metod poiska prosodicheskikh dannykh po klyuchevym slovam [A method for searching prosodic data by keywords]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational linguistics and intellectual technologies]* (Vol. 21, pp. 577–585). Moscow : Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2022-21-577-585>
- Kochetkova, U., Skrelin, P., Evdokimova, V., Kachkovskaia, T. (2023). The Multimedia Corpus of Russian Ironic Speech for Phonetic Analysis. In P. Eismont, M. Khokhlova, M. Koryshev, E. Riekhakaynen (Eds), *Literature, Language and Computing: Russian Contribution* (pp. 223–237). Singapore : Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-99-3604-5_19

Мусаева Елена Георгиевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
blagmeg@yandex.ru

Варьирование длительности британских смычно-взрывных согласных в речи политиков

Аннотация

Цель статьи – анализ изменений параметров длительности смычно-взрывных британских согласных в речи политиков в зависимости от степени информативной нагрузки участков фразы, где они расположены, а также от наличия акцентного выделения (словесного, синтагматического, логического, эмфатического ударений). Гипотеза исследования заключалась в предполагаемом увеличении длительности смычно-взрывных согласных на информативно нагруженных участках по сравнению с малоинформативными. Материалом послужили аудио выступления трёх ведущих британских политиков, записанные в период с 2006 по 2018 гг. Общий объём выборки составил 1009 слов, содержащих одиночные /k/, /t/, /p/ /g/, /d/, /b/. Информативные и малоинформативные участки определялись на основе перцептивного эксперимента с тремя экспертами-фонетистами. Замеры длительности производились в программе PRAAT. В результате выявлена стабильная тенденция к повышению общей длительности смычно-взрывных согласных на информативных участках текста по сравнению с малоинформативными, в особенности глухих /k/, /t/, /p/. Увеличение в данном случае происходило за счёт обеих фаз Ф1 и Ф2 (смычной и объединённой фазы импульса+турбулентного шума) с большим удлинением Ф1. Исключение составило увеличение общей длительности за счёт обеих фаз в равной степени у глухого /t/. У звонких /g/, /d/, /b/ на информативных участках отмечалось устойчивое увеличение Ф1 в отсутствие значимой реакции Ф2. Наличие того или иного типа акцентного выделения способствовало увеличению параметров общей длительности сегментов в большинстве случаев, особенно в условиях эмфазы.

Ключевые слова: заглавие, заголовочный комплекс, поэтическая картина мира, когнитивная поэтика, текстовые категории, идиостиль

© Мусаева Е. Г. 2025

Для цитирования: Мусаева Е. Г. Варьирование длительности британских смычно-взрывных согласных в речи политиков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 104–115. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-104>

Elena G. Musaeva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
blagmeg@yandex.ru

British plosives duration patterns in political speech

Abstract

The paper aims to analyze duration patterns of British stops in political speech depending on the utterance information structure and prosodic prominence of a token. The hypothesis was that stops increase duration when located within informative tokens compared to non-informative tokens. The material was obtained from 3 British politicians recorded between 2006 and 2018. The total of 1009 words containing single plosives /k/, /t/, /p/, /g/, /d/, /b/ were examined. The tokens were labeled as high or low informative by three experts in the

field of English phonetics. Duration measurements were performed in PRAAT. The results show a consistent increase of total duration for stops within informative tokens compared to non-informative tokens, particularly for fortis /k/, /t/, /p/. The increase was achieved with the participation of both phases Ph1 (closure) and Ph2 (burst+friction) with higher increase of Ph1. The exception was voiceless /t/ whose duration increase resulted from equal increase of Ph1 and Ph2. Lenis /g/, /d/, /b/ increased their duration mostly due to Ph1 without any significant reaction of Ph2 to information load. Prosodic prominence was another factor that in most cases resulted in total duration increase, particularly in case of emphatic stress.

Keywords: political speech, text information structure, prosodic prominence, British plosives, consonants duration

© Musaeva E. G. 2025

For citation: Musaeva, E. G. (2025). Var'irovanie dlitel'nosti britanskikh smychno-vzryvnykh soglasnykh v rechi politikov [British plosives duration patterns in political speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 104–115. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-104>

1. Введение [Introduction]

Изучение фонетических характеристик речи политиков представляет значительный интерес как для лингвистики в целом, так и для социолингвистики в частности, поскольку в ходе устной коммуникации в политическом дискурсе формируется тот или иной образ оратора и достигается та или иная эффективность передачи сообщения. Это крайне важно учитывая влияние, которое оказывает относительно небольшая социальная группа политиков на широкие массы населения. В данных условиях артикулирование и интонирование служат не только средством передачи информации, но и инструментом убеждения и создания имиджа.

Существующие исследования фонетических особенностей политической речи на материале разных языков часто затрагивают супraseгментный уровень, компоненты которого рассматриваются как средства речевого воздействия на слушателя, например: варьирование частоты основного тона, особенности паузации, акцентное выделение служебных слов [Brède, 2017 ; Филатова, 2004]; маркированное варьирование темпа речи в сочетании с модификацией громкости, присутствием пауз хезитации, особенностями мелодики и др. [Постникова, 2011 ; Блох, Фрейдина, 2011]. Сегментный уровень политической речи на данный момент изучен недостаточно. Имеются данные о частотности и акустических коррелятах аллофонов гласных и согласных британского варианта английского языка, их длительности в подготовленной и спонтанной речи политиков, а также влиянии эмфатической выделенности на длительность согласных [Мусаева, 2009 ; Мусаева, 2010 ; Иванашко, Мусаева, 2012].

Зависимость особенностей реализации фонетических единиц от их расположения в информационной структуре высказывания рассматривался на материале разных языков (напр., [Гусева, 1998, 2015 ; Реализация..., 2006 ; Androsova et al., 2022 a, b]). Однако вопрос варьирования длительности смычно-взрывных согласных звуков в зависимости от просодического оформления и информативной нагрузки в устной речи политиков ранее не обсуждался. В то же время получены данные о значительном увеличении длительности гласных в условиях просодической маркированности в разных типах дискурса на материале разных языков [Светозарова, 1982, с. 46 ; van Bergem, 1993 ; Вольская, Филясова, 2008, с. 226 ; Гусева, Иванашко, 2013, с. 127–128]. Известно, что длительность согласных также варьирует в условиях разного просодического оформления [Кривнова, 1984, с. 6–7 ; Kuzla, Ernestus, 2011 ; Cho, McQueen, 2005 ; Blum

et al., 2024]. Однако неясно, как это взаимодействует с ингерентной (собственной) длительностью согласного в целом и его отдельных фаз (смычкой и взрывом), которая внутри каждой группы согласных зависит от их силы-слабости (иными словами – фортисности-ленисности или фонологической глухости-звонкости). Зависимость состоит в том, что смычка одиночных сильных /фортисных / фонологически глухих согласных (далее – глухих) имеет бóльшую длительность, чем у их слабых /ленисных / фонологически глухих пар (далее – звонких) по крайней мере в середине слова [Kohler, 1982 ; Jessen, 1998 ; Kuzla, Ernestus, 2011].

Ц е л ь ю данной статьи является анализ изменений параметров длительности смычно-взрывных согласных в речи британских политиков в зависимости от особенностей информационной структуры участков фразы, где они расположены, а также от наличия акцентного (словесного, синтагматического, логического, эмфатического) выделения.

Согласно г и п о т е з е исследования, мы ожидали, что увеличение общей длительности будет сопровождать британские смычно-взрывные согласные на более информативных акцентно выделенных участках по сравнению с менее информативными и менее выделенными. Учитывая, что у английских глухих смычно-взрывных имеется выраженная аспиративно-фрикативная фаза, а у звонких она либо отсутствует, либо сведена к минимуму, ожидалось, что увеличение длительности звонких будет происходить в основном за счёт смычной фазы, а глухих – за счёт и смычной, и взрывной фазы. Для проверки данной гипотезы был проведён эксперимент.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили аудиозаписи речей трёх ведущих британских политиков: Гордона Брауна (G. Brown), Тони Блэра (T. Blair) и Джона Мэйджора (J. Major), которые в разное время занимали пост премьер-министра Великобритании. Аудиозаписи в формате mp3, а также их текстовые версии были отобраны на сайтах *theguardian.com*, *johnmajorarchive.org.uk*, *webarchive.nationalarchives.gov.uk*, *americanrhetoric.com* и некоторых других. Все три диктора – носители стандартного британского произношения с огромным опытом публичных выступлений. Для последующего акустического анализа аудиозаписи были переведены в формат wav.

Объём материала составил 7 аудиофайлов различной длительности звучания (от 22 до 54 минут). Общая длительность звучания составила 297 минут: Г. Браун (Sp1) – 107 минут, Т. Блэр (Sp2) – 112 минут, Дж. Мэйджор (Sp3) – 78 минут. Общее количество слов, содержащих реализации шести смычно-взрывных согласных фонем (/g/, /k/, /t/, /d/, /p/, /b/) в позиции абсолютного начала или середины слова составило 1105 единиц. Распределение по дикторам: Sp1 – 321, Sp2 – 410, Sp3 – 374. Из общего количества было отобрано и проанализировано 1009 единиц, по каждому из дикторов: Sp1 – 315, Sp2 – 345, Sp3 – 349. Указанное количество является сопоставимым. Единицы, не вошедшие в общий корпус исследования, были «отбракованы» в ходе акустического анализа по причине зашумленности (наличия посторонних шумов – кашель, треск микрофона, аплодисменты и проч.) Позиция абсолютного конца слова не рассматривалась, так как в ней английские смычно-взрывные согласные зачастую подвергаются различного рода модификациям (глоттализация, оглушение, выпадение и др.) [Roach, 2009, p. 94–97; Cruttenden, 2014].

В х о д е п е р в о г о э т а п а эксперимента был собран корпус исследования. На втором этапе был проведён перцептивный эксперимент по отбору информативно на-

груженных и малоинформативных участков текстов. Участниками эксперимента стали три эксперта – русскоязычных преподавателя английского языка с учёной степенью кандидата филологических наук, специализирующихся в фонетике английского языка. Аудиторам предъявлялись аудио записи текстов с опорой на их орфографические версии. В процессе прослушивания были выделены информативные и малоинформативные участки текста (слова или группы слов), из которых впоследствии были сегментированы реализации указанных согласных в указанных позициях.

При определении степени информативности участков текста (использовалась бинарная оппозиция «информативно нагруженный – малоинформативный») был использован подход, разработанный профессором С. И. Гусевой [Гусева, 1998 ; Гусева и др., 2009 ; Гусева, 2015]. Полученные в ходе эксперимента данные были классифицированы для дальнейшего акустического анализа по следующему принципу: выделение слова / сочетания слов двумя-тремя экспертами принималось за информативно нагруженный участок, что обусловлено логикой квалифицированного большинства. Данная группа слов и их сочетаний составила информационный фокус / каркас дискурса (ИКД), который обеспечивает организацию и упорядочение смыслового содержания текста [Гусева, 2015]. Слова, выделенные одним аудитором или не выделенные никем из экспертов, интерпретировались как малоинформативные.

В ходе сортировки реакций экспертов были сформированы следующие группы: 1) слова, вошедшие в ИКД (332 примера, что составило 32.9% от общего количества отобранных словоупотреблений в представленных для анализа текстах); 2) слова, расположенные на малоинформативных участках (677 примеров – 67%).

Слуховой и акустический анализ показал, что в ИКД в большинстве случаев экспертами отбирались словоупотребления, отмеченные различными видами акцентного выделения – логическим, синтагматическим, эмфатическим ударением. Между тем далеко не все акцентно выделенные слова заносились экспертами в группу информативно нагруженных. Возможно, определённое влияние оказал фактор визуального восприятия транскрипта текста, однако, учитывая большой объём звучащего материала, который пришлось обработать экспертам, отсутствие опоры на орфографические версии не представлялось возможным и целесообразным.

Большая часть слов, выделенных экспертами в ИКД относилась к знаменательным частям речи – 94%. Помимо них, в информативно нагруженные участки попали и служебные части речи – артикли, союзы, предлоги и эмфатические вспомогательные глаголы (*the, and, or, to, after, do, did*).

Процентное соотношение знаменательных и служебных частей речи, входящих в ИКД, распределилось следующим образом: существительные – 45.3%; прилагательные – 23.8%; глаголы – 17%; наречия – 7%, вспомогательные глаголы – 2.9%; причастия – 1.8%, числительные – 0.8%, союзы – 0.8%; предлоги – 0.6%. Самыми многочисленными стали группы знаменательных частей речи – существительных, прилагательных и глаголов (в сумме 86%).

В процессе дальнейшего индексирования информативно нагруженные и малоинформативные слова были разделены на две группы по фактору позиции согласного в слове: начальные и срединные. Количество информативно нагруженных слов с начальным согласным составило 237 (69.7%), в середине слова – 103 (30.3%). Количество малоинформативных слов с начальными согласными составило 405 (59.8%), в середине слова – 272 (40.2%). Таким образом, на обоих типах участков количество начальных согласных превышало количество срединных, что делает данные достаточно сопоставимыми. Кроме этого, учитывался фактор положения во фразе и синтагме: начало, середина и конец (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Соотношение информативных и малоинформативных слов во фразе и синтагме

[Table 1. Informative and non-informative words in phrase and syntagm]

Позиция	Информативный участок		Малоинформативный участок	
	Фраза	Синтагма	Фраза	Синтагма
начало	102 (30.6%)	46 (14.2%)	249 (37%)	89 (13.5%)
середина	113 (34%)	133 (41.2%)	209 (31%)	219 (33.2%)
конец	118 (35.4%)	144 (44.6%)	215 (32%)	351 (53.3%)

На информативно нагруженных участках анализируемые согласные чаще всего появлялись в конце фразы (35.4%) и синтагмы (44.6%), на малоинформативных – в начале фразы (37%) и в конце синтагмы (53.3%). Членение экспериментального материала на синтагмы в рамках данного исследования проводилось в соответствии с подходом Л. В. Щербы [Щерба, 1963, с. 86], согласно которому под синтагмой понимается интонационно оформленная стилистико-синтаксическая единица, отражающая тот или иной элемент действительности. Синтагма характеризуется собственной просодией, а именно наличием акцентуации, ритма и паузации. Перепады тона в сочетании с паузами являются маркерами синтагматических границ.

В ходе третьего этапа эксперимента был проведён сравнительный анализ параметров длительности шести смычно-взрывных согласных (/g/, /k/, /t/, /d/, /p/, /b/) на информативных и малоинформативных участках. Замеры длительности проводились в программе для акустического анализа PRAAT (версия 6.2.23). Значения по каждому согласному были сведены в табличном процессоре Microsoft Excel для дальнейшего анализа. По каждому из сегментов осуществлялись замеры общей длительности с последующей разбивкой по фазам (смычка, импульс и аспирация/фрикция. По встроенным формулам были получены следующие показатели описательной статистики: среднее значение и четыре квартиля (Q0–Q4), включающих минимальные и максимальные значения, медиану, 25% значений в начале ряда и 25% значений в конце ряда данных, расположенных по возрастанию. Это позволило получить полную картину разброса значений. Вычисления производились для сегментов, находящихся на информативных и малоинформативных участках текстов отдельно.

2.2. Обсуждение результатов [Results and Discussions]

В таблицах 2–7 представлены результаты статистической обработки. Анализ данных по трём дикторам и по каждому диктору отдельно выявляет стабильную тенденцию к повышению общей длительности (табл. 2–4) смычно-взрывных согласных на информативных участках текста по сравнению с малоинформативными, особенно это касается глухих смычно-взрывных /k/, /t/, /p/. Превышение в среднем варьирует от 10 до 35 мс в пределах образцов отдельно взятого диктора. Материал изобилует примерами эмфатической выделенности, которые не во всех случаях воспринимались как информативно нагруженные, но во всех случаях приводили к увеличению длительности. Иногда это было увеличение в 1,5–2 раза. Такое увеличение на участках, маркированных как малоинформативные, могло приводить к выравниванию или даже превышению единичных значений параметров на этих участках по сравнению с таковыми на участках, маркированных как информативные. В результате возникли отклонения от общей тенденции, о которых речь пойдёт далее, но при этом общая тенденция не изменилась.

Т а б л и ц а 2. Общая длительность смычно-взрывных согласных на информативных и малоинформативных участках (Sp1)
[T a b l e 2. Total duration of informative and non-informative plosives (Sp1)]

Статистика	Информативные участки						Малоинформативные участки					
	/k/	/g/	/t/	/d/	/p/	/b/	/k/	/g/	/t/	/d/	/p/	/b/
Среднее	120	93	132	75	124	115	110	80	107	72	110	90
Медиана (Q2)	121	88	132	67	120	102	111	76	105	65	105	85
Минимум (Q0)	77	44	77	53	83	63	74	51	62	40	73	54
Максимум (Q4)	161	180	186	120	172	192	139	156	182	166	172	184
Q1	94	70	110	55	111	76	101	61	89	54	94	65
Q3	145	113	148	90	140	153	123	91	126	80	121	105

Т а б л и ц а 3. Общая длительность смычно-взрывных согласных на информативных и малоинформативных участках (Sp2)
[T a b l e 3. Total duration of informative and non-informative plosives (Sp2)]

Статистика	Информативные участки						Малоинформативные участки					
	/k/	/g/	/t/	/d/	/p/	/b/	/k/	/g/	/t/	/d/	/p/	/b/
Среднее	123	84	124	86	131	97	104	76	99	67	115	82
Медиана (Q2)	122	84	127	77	127	83	108	75	88	68	115	79
Минимум (Q0)	78	61	70	65	94	58	70	57	64	42	83	59
Максимум (Q4)	197	105	183	125	232	165	148	106	198	104	170	138
Q1	102	73	98	71	107	71	88	68	82	58	100	71
Q3	142	94	149	104	145	125	114	83	111	75	124	88

Т а б л и ц а 4. Общая длительность смычно-взрывных согласных на информативных и малоинформативных участках (Sp3)
[T a b l e 4. Total duration of informative and non-informative plosives (Sp3)]

Статистика по длительности	Информативные участки						Малоинформативные участки					
	/k/	/g/	/t/	/d/	/p/	/b/	/k/	/g/	/t/	/d/	/p/	/b/
Среднее	137	82	138	79	152	94	123	72	118	70	119	83
Медиана (Q2)	138	81	130	75	143	91	117	72	120	66	116	77
Минимум (Q0)	92	56	92	45	88	59	80	54	66	40	89	55
Максимум (Q4)	198	119	184	123	279	144	195	93	163	112	175	198
Q1	120	66	121	68	124	79	102	66	100	59	102	69
Q3	151	94	159	87	170	104	140	80	135	79	135	90

В таблицах 5–7 представлены замеры по смычной фазе (Ф1) и импульсной либо, при наличии, импульсной совместно с фрикативной фазой (Ф2). Отметим, что у согласных /k/, /g/, /d/, /p/, /b/ в речи Sp1 увеличение длительности на информативных участках текста происходило прежде всего за счёт удлинения Ф1 (табл. 5). Глухой смычно-взрывной согласный /t/ почти всегда демонстрировал увеличение общей длительности за счёт обеих фаз в равной степени, при этом длительность Ф1 и Ф2 была почти всегда распределена одинаково.

Т а б л и ц а 5. Длительность фаз смычно-взрывных согласных на информативных и малоинформативных участках (Sp1)
[T a b l e 5. Duration of informative and non-informative plosives' phases (Sp1)]

Статистика	Информативные участки											
	/k/		/g/		/t/		/d/		/p/		/b/	
Фаза	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2
Среднее	66	54	71	22	66	66	58	17	86	39	102	12
Медиана (Q2)	67	58	64	22	58	69	50	18	90	38	88	12
Минимум (Q0)	40	28	24	16	38	39	35	10	54	19	48	8
Максимум (Q4)	82	82	151	30	99	87	105	20	107	65	179	20
Q1	59	38	50	19	52	55	40	15	73	25	59	10
Q3	78	71	88	24	81	79	70	19	95	47	139	14
Статистика	Малоинформативные участки											
	/k/		/g/		/t/		/d/		/p/		/b/	
Фаза	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2
Среднее	65	46	56	22	57	52	55	17	77	32	77	13
Медиана (Q2)	65	46	56	23	53	51	52	15	75	30	71	12
Минимум (Q0)	41	24	25	14	31	30	29	9	51	13	41	6
Максимум (Q4)	85	72	102	31	125	80	139	30	125	69	170	22
Q1	55	35	42	19	43	42	42	13	68	23	53	10
Q3	76	53	69	24	65	62	62	18	85	38	92	15

В речи Sp2 в целом наблюдалась аналогичная тенденция. В качестве особенностей можно выделить идентичные показатели длительности Ф2 согласного /g/ на информативных и малоинформативных участках. Идентичные значения на информативных и малоинформативных участках также отмечались для Ф2 по Q1 у /d/ и /p/; почти идентичные значения для Ф1 и Ф2 зафиксированы у звонкого /b/ (на 1–2 мс выше на малоинформативных участках (табл. 6). Что касается /t/, то Ф1 всегда превышала Ф2 и в целом больше реагировала на расположение на информативном или малоинформативном участке, чем Ф2.

В речи Sp3 наблюдался ряд отличий от показателей в речи Sp1 и Sp2. Так, для глухого смычно-взрывного /k/ средние значения Ф1 и Ф2 на информативных участках были одинаковы. Значения по Q1 и Q2 показали незначительное увеличение (на 1–2 мс)

в пользу Ф2. У звонких /g/, /d/, /b/ на информативных участках по сравнению с малоинформативными периодически наблюдалось сокращение Ф2, но при этом Ф1 почти всегда стабильно удлинялась. В случае глухого /t/ Ф1 всегда увеличивалась на информативных и сокращалась на малоинформативных участках, при этом Ф2 вела себя схожим образом, но с немного большей вариативностью (табл. 7).

Т а б л и ц а 6. Длительность фаз смычно-взрывных согласных на информативных и малоинформативных участках (Sp2)
[T a b l e 6. Duration of informative and non-informative plosives' phases (Sp2)]

Статистика	Информативные участки											
	/k/		/g/		/t/		/d/		/p/		/b/	
Фаза	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2
Среднее	67	55	64	21	72	52	70	17	86	45	89	8
Медиана (Q2)	64	54	63	21	67	54	62	15	80	47	75	8
Минимум (Q0)	40	22	36	15	36	10	37	9	62	18	49	5
Максимум (Q4)	123	81	83	26	105	78	106	28	163	73	157	12
Q1	55	47	55	19	57	40	54	12	76	26	61	6
Q3	75	71	73	25	88	67	87	19	91	53	117	9
Статистика	Малоинформативные участки											
	/k/		/g/		/t/		/d/		/p/		/b/	
Фаза	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2
Среднее	59	45	55	21	58	41	53	14	79	36	70	9
Медиана (Q2)	62	41	54	21	54	38	53	14	78	32	69	9
Минимум (Q0)	27	28	38	12	34	20	28	7	50	16	50	6
Максимум (Q4)	86	86	77	54	118	85	92	28	112	73	116	13
Q1	52	38	50	17	46	33	42	12	71	26	60	8
Q3	70	53	61	24	63	45	60	17	88	46	75	10

Т а б л и ц а 7. Длительность фаз смычно-взрывных согласных на информативных и малоинформативных участках (Sp3)
[T a b l e 7. Duration of informative and non-informative plosives' phases (Sp3)]

Статистика	Информативные участки											
	/k/		/g/		/t/		/d/		/p/		/b/	
Фаза	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2
Среднее	69	69	56	24	55	83	59	20	94	58	83	11
Медиана (Q2)	64	66	53	23	58	82	55	20	90	61	81	11
Минимум (Q0)	41	32	39	13	26	53	26	14	53	21	46	7

Статистика	Информативные участки											
	/k/		/g/		/t/		/d/		/p/		/b/	
Максимум (Q4)	107	105	89	36	80	110	97	27	175	104	136	18
Q1	57	58	48	19	43	71	51	18	72	50	68	9
Q3	83	76	62	29	69	95	66	23	115	67	95	13
Статистика	Малоинформативные участки											
	/k/		/g/		/t/		/d/		/p/		/b/	
Фаза	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2
Среднее	58	65	45	27	44	75	47	23	74	46	72	12
Медиана (Q2)	55	64	46	26	44	77	41	22	74	44	66	11
Минимум (Q0)	33	39	28	14	23	35	19	8	36	19	44	6
Максимум (Q4)	105	114	67	46	68	112	89	62	102	80	192	19
Q1	47	51	38	24	33	63	35	19	63	37	57	10
Q3	66	76	52	29	54	88	56	25	84	56	79	13

3. Заключение [Conclusion]

Исследование статистических параметров длительности группы смычно-взрывных согласных в речи трёх британских политиков высшего эшелона власти выявило общую стабильную тенденцию к повышению на информативных участках текста по сравнению с малоинформативными. Особенно это касается глухих смычно-взрывных согласных /k/, /t/, /p/. При этом повышение в целом было характерно как для фазы смычки (Ф1), так и для объединённой фазы импульса и турбулентного шума (Ф2), что объясняется наличием «придыхания» (аспирации и/или фрикции) как важного интегрального признака этих согласных. Наличие акцентного выделения как самостоятельного фактора также приводило к увеличению параметров длительности, порой довольно значительного, что вызывало некоторые отклонения от общей тенденции.

Выявлено, что увеличение длительности указанных глухих согласных на информативных участках происходило, в основном, за счёт удлинения смычной фазы. Исключением являлся глухой согласный /t/, который демонстрировал увеличение общей длительности за счёт обеих фаз.

У звонких согласных /g/, /d/, /b/ на информативных участках происходило стабильное увеличение Ф1, при этом колебания Ф2 были значительно менее заметными без однозначной реакции на степень информативности.

Наконец, для отдельных согласных, среди которых были и глухие, и звонкие, отмечена междикторская вариантность в распределении длительностей Ф1 и Ф2 и их реакции на степень информативности участка высказывания, на котором находился согласный.

Перспективу исследования составит обработка материала по указанным согласным ещё для трёх дикторов, а также изучение поведения длительности одиночных шумных щелевых согласных в аналогичных условиях.

Библиографический список

- Блох, Фрейдина, 2011 – Блох М. Я., Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодический строй. М. : Прометей, 2011. 236 с.
- Вольская, Филясова, 2008 – Вольская Н. Б., Филясова Ю. А. Взаимодействие просодических и сегментных факторов в организации выделенности в английском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3, Ч. II. С. 226–234.
- Гусева, 1998 – Гусева С. И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц: экспериментальное исследование на материале немецкого языка. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 1998. 153 с.
- Гусева, 2015 – Гусева С. И. Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 16–34.
- Гусева, Иванашко, 2013 – Гусева С. И., Иванашко Ю. П. Зависимость акустических характеристик монофтонгов от степени их просодической выделенности (экспериментально-фонетическое исследование на основе британского варианта английского языка) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. Вып. 2. С. 123–135.
- Гусева и др., 2009 – Гусева С. И., Пирогова М. А., Шуйская Т. В. Методы выделения тематических и рематических участков в спонтанной речи // Вестник ИГЛУ. 2009. № 3 (7). С. 148–152.
- Иванашко, Мусаева, 2012 – Иванашко Ю. П., Мусаева Е. Г. Контрастивное исследование акустических коррелятов гласных и согласных в спонтанной и подготовленной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) // Вестник ЧелГУ. 2012. № 2 (256). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. С. 27–29.
- Кривнова, 1984 – Кривнова О. Ф. Количественная оценка воздействия супraseгментных факторов на длительность ударных гласных в синтагме // Автоматическое распознавание слуховых образов : тезисы докладов и сообщений 13-го Всесоюзной школы-семинара (АРСО-13), 23–28 июля 1984 г. В 2-х ч. Новосибирск : НГУ, 1984. С. 6–7.
- Мусаева, 2009 – Мусаева Е. Г. Особенности реализации английских смычно-взрывных согласных в речи британских политиков // Вестник Амурского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2009. Вып. 46. С. 110–113.
- Мусаева, 2010 – Мусаева Е. Г. Просодические характеристики британского политического дискурса // Вестник ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2010. Вып. 46, № 22 (203). С. 89–93.
- Постникова, 2011 – Постникова Л. В. Просодия политического дискурса в британской и американской лингвокультурах. М. : URSS, 2011. 195 с.
- Реализация..., 2006 – Реализация фонетических единиц в информационной перспективе высказывания / С. В. Андросова, Е. В. Гнатюк, С. И. Гусева и др. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2006. 272 с.
- Светозарова, 1982 – Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982. 175 с.
- Филатова, 2004 – Филатова Е. А. Лексико-стилистические и фонетические средства организации англоязычного политического дискурса: на материале речей британских и американских политиков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Ивановский гос. ун-т. Иваново, 2004. 197 с.
- Щерба, 1963 – Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 7-е изд. М. : Высшая школа, 1963. 308 с.
- Androsova et al., 2022 a – Androsova S. V., Karavaeva V.G., Zhang Z. Intensity patterns for Chinese syllables of different information load (Based on commercial and social radio ads) // Integration of engineering education and the humanities: Global intercultural perspectives: Proc. of the Conference. Vol. 499. Saint Petersburg : Springer Nature Switzerland AG, 2022. P. 516–524.
- Androsova et al., 2022 b – Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Z. Pitch variation for Chinese syllables of different information load (Based on commercial and social radio ads) // Foreign Language Teaching. 2022. Vol. 49 (5). P. 440–450. <https://doi.org/10.53656/for22.512pitc>
- Blum et al., 2024 – Blum F., Paschen L., Forkel R. Consonant lengthening marks the beginning of words across a diverse sample of languages // Nat. Hum. Behav. 2024. Vol. 8. P. 2127–2138. <https://doi.org/10.1038/s41562-024-01988-4>
- Boersma, Weenink, 2023 – Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer (Praat for Windows 6.2.23) [Computer program]. URL : <https://www.fon.hum.uva.nl/praat> (дата обращения : 05.01.2023).

- Brēde, 2017 – Brēde M. Phonetic Attributes of Political Discourse // *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*. 2017. Vol. 7. P. 26–39. <https://doi.org/10.22364/BJELLC.07.2017.02>
- Cho, McQueen, 2005 – Cho T., McQueen J. M. Prosodic influences on consonant production in Dutch: Effects of prosodic boundaries, phrasal accent and lexical stress // *Journal of Phonetics*. 2005. Vol. 33, Iss. 2. P. 121–157. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2005.01.001>
- Cruttenden, 2014 – Cruttenden A. Gimson's pronunciation of English. 8th edn, Routledge, 2014. 410 p.
- Jessen, 1998 – Jessen M. Phonetics and phonology of tense and lax obstruents in German. Amsterdam : Benjamins, 1998. xx, 394 p.
- Kohler, 1982 – Kohler K. J. F0 in the production of lenis and fortis plosives // *Phonetica*. 1982. Vol. 39. P. 199–218.
- Kuzla, Ernestus, 2011 – Kuzla C., Ernestus M. Prosodic conditioning of phonetic detail in German plosives // *Journal of Phonetics*. 2011. Vol. 39, Iss. 2. P. 143–155. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2011.01.001>
- Roach, 2009 – Roach P. English phonetics and phonology: A practical course. 4th edn. Cambridge University Press, 2009. 256 p.
- van Bergem, 1993 – van Bergem D. R. Acoustic vowel reduction as a function of sentence accent, word stress, and word class // *Speech communication*. 1993. Vol. 12, Iss. 1. P. 1–23. [https://doi.org/10.1016/0167-6393\(93\)90015-D](https://doi.org/10.1016/0167-6393(93)90015-D)

References

- Blokh, M. Ya., Freydina, E. L. (2011). *Publichnaya rech' i ee prosodicheskiy stroy [Public speech and its prosodic structure]*. Moscow : Prometey Press. (In Russ.).
- Volskaya, N. B., Filyasova, Yu. A. (2008). Vzaimodeystvie prosodicheskikh i segmentnykh faktorov v organizatsii vydelenosti v angliyskom yazyke [Interaction of prosodic and segmental factors in English language accentuation structure]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 3 (II), 226–234. (In Russ.).
- Guseva, S. I. (1998). *Kommunikativnaya perspektiva i realizatsiya segmentnykh edinits: Eksperimental'noe issledovanie na materiale nemetskogo yazyka [Communicative perspective and segments' realization: Based on German]*. Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).
- Guseva, S. I. (2015). Realizatsiya nemetskogo vokalizma: semantikotsentricheskii podkhod [Realization of the German vowel system: Semantic-centric approach]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1 (1), 16–34. (In Russ.).
- Guseva, S. I., Ivanashko, Yu. P. (2013). Zavisimost' akusticheskikh kharakteristik monoftongov ot stepeni ikh prosodicheskoy vydelenosti (eksperimental'no - foneticheskoe issledovanie na osnove britanskogo varianta angliyskogo yazyka) [Dependence of monophthongs' acoustic features on their prosodic prominence]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 2, 123–135. (In Russ.).
- Guseva, S. I., Pirogova, M. A., & Shuyskaya, T. V. (2009). Metody vydeleniya tematicheskikh i rematicheskikh uchastkov v spontannoy rechi [A study of theme and rheme stretches in spontaneous speech]. *Vestnik Irkutskogo gos. lingvistich. un-ta [The ISLU Philological Review]*, 3 (7), 148–152. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., & Musaeva, E. G. (2012). Kontrastivnoe issledovanie akusticheskikh korrelyatov glasnykh i soglasnykh v spontannoy i podgotovlennoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale britanskogo varianta angliyskogo yazyka) [Contrastive study of vowel and consonant acoustic correlates in spontaneous and prepared speech (experimental phonetic study in British English)]. *Vestnik ChelGU. Ser.: Filologiya. Iskuststvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Arts]*, 2 (256), 62, 27–29. (In Russ.).
- Krivnova, O. F. (1984). Kolichestvennaya otsenka vozdeystviya suprasegmentnykh faktorov na dlitel'nost' udarnykh glasnykh v sintagme [Quantification of suprasegmental factors effect on stressed vowels duration in a syntagm]. *Avtomaticheskoe raspoznavanie slukhovyykh obrazov (ARSO-13) [Automatic analysis of acoustic images]* (pp. 6–7). Novosibirsk : NSU Press (In Russ.).
- Musaeva, E. G. (2009). Osobennosti realizatsii angliyskikh smychno-vzryvnykh soglasnykh v rechi britanskikh politikov [Realization of English plosives in British political speech]. *Vestnik*

- Amurskogo gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Vestnik of Amur State University. Series: Humanities]*, 46, 110–113. (In Russ.).
- Musaeva, E. G. (2010). Prosodicheskie kharakteristiki britanskogo politicheskogo diskursa [Prosodic means of British political discourse]. *Vestnik ChelGU. Ser.: Filologiya. Iskuststvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Arts]*, 46, 22 (203). 89–93. (In Russ.).
- Postnikova, L. V. (2011). *Prosodiya politicheskogo diskursa v britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh [Political discourse prosody in American and British linguocultures]*. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Androsova, S. V., Gnatyuk, E. V., Guseva, S. I., Derkach, S. V., Morozova, O. N., Pirogova, M. A., Shuyskaya, T. V. (2006). *Realizatsiya foneticheskikh edinits v informatsionnoy perspektive vyskazyvaniya*. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
- Svetozarova, N. D. (1982). *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka [Intonation system of Russian]*. Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Filatova, E. A. (2004). *Leksiko-stilisticheskie i foneticheskie sredstva organizatsii angloyazychnogo politicheskogo diskursa: na materiale rechey britanskikh i amerikanskikh politikov [Lexical-stylistic and phonetic means of English political discourse: Based on British and American political speech]* : PhD in Philological sci. diss. ; Ivanovo State University. Ivanovo. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1963). *Fonetika frantsuzskogo yazyka [French Phonetics]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Androsova, S. V., Karavaeva, V. G., Zhang, Z. (2022 a). Intensity patterns for Chinese syllables of different information load (Based on commercial and social radio ads). *Integration of engineering education and the humanities: Global intercultural perspectives: Proc. of the Conference* (Vol. 499, pp. 516–524). Saint Petersburg : Springer Nature Switzerland AG.
- Androsova, S. V., Karavaeva, V. G., & Zhang, Z. (2022 b). Pitch variation for Chinese syllables of different information load (Based on commercial and social radio ads). *Foreign Language Teaching*, 49 (5), 440–450. <https://doi.org/10.53656/for22.512pitc>
- Blum, F., Paschen, L. & Forkel, R. (2024). Consonant lengthening marks the beginning of words across a diverse sample of languages. *Nature Human Behaviour*, 8, 2127–2138. <https://doi.org/10.1038/s41562-024-01988-4>
- Boersma, P., & Weenink, D. (2023). *Praat: Doing phonetics by computer (Praat for Windows 6.2.23) [Computer program]*. <https://www.fon.hum.uva.nl/praat>
- Brēde, M. (2017). Phonetic Attributes of Political Discourse. *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*, 7, 26–39. <https://doi.org/10.22364/BJELLC.07.2017.02>
- Cho, T., & McQueen, J. M. (2005). Prosodic influences on consonant production in Dutch: Effects of prosodic boundaries, phrasal accent and lexical stress. *Journal of Phonetics*, 33 (2), 121–157. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2005.01.001>
- Cruttenden, A. (2014). *Gimson's Pronunciation of English*. 8th edn. Routledge.
- Jessen, M. (1998). *Phonetics and phonology of tense and lax obstruents in German*. Amsterdam : Benjamins.
- Kohler, K. J. (1982). F0 in the production of lenis and fortis plosives. *Phonetica*, 39, 199–218.
- Kuzla, C., & Ernestus, M. (2011). Prosodic conditioning of phonetic detail in German plosives. *Journal of Phonetics*, 39 (2), 143–155. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2011.01.001>
- Roach, P. (2009). *English Phonetics and Phonology: A Practical Course*. 4th edition, Cambridge University Press.
- van Bergem, D. R. (1993). *Acoustic vowel reduction as a function of sentence accent, word stress, and word class*. *Speech communication*, 12 (1), 1–23. [https://doi.org/10.1016/0167-6393\(93\)90015-D](https://doi.org/10.1016/0167-6393(93)90015-D)

Процукович Елена Александровна✉, Иванашко Юлия Петровна,
Процукович Алексей Андреевич
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
amursea@mail.ru

Особенности реализации консонантных сочетаний в русской речи носителя усть-нюкжинского говора эвенкийского языка

Аннотация

Цель настоящей статьи – выявить признаки фонетической интерференции в реализации консонантных кластеров в русской речи диктора-женщины – носителя усть-нюкжинского говора эвенкийского языка. Материалом для исследования послужили изолированно произнесённые слова, в которых стечения согласных были реализованы в начальных, срединных и конечных позициях. Материал был обработан с помощью слухового и акустического анализа. В результате было обнаружено явление плюс-минус сегментации. Наиболее характерными особенностями оказались выпадение согласного из консонантного сочетания (диереза), добавление гласного в консонантное сочетание (эпентеза), реализация непронизносимых согласных в консонантных кластерах. Диереза в основном отмечалась в кластерах, содержащих начальный шумный щелевой с последующим согласным любого способа образования в позиции начала слова. Выпадение согласного в конечных кластерах зафиксировано в единичных случаях. Эпентеза, заключающаяся в добавлении /i/-, /ε/-, /a/-, /u/-образных гласных в консонантное сочетание, была зафиксирована в начале или конце слова в препозиции к сонорным /r/ и /l/. Выявлена закономерность уподобления эпентезы следующему за кластером гласному. Среди нормативно непронизносимых реализаций согласных, но произносимых нашим информантом в многокомпонентных консонантных кластерах встретились /d/, /f/, /l/.

Ключевые слова: фонетическая интерференция, консонантное сочетание, ресегментация, диереза, эпентеза, непронизносимые согласные

© Процукович Е. А., Иванашко Ю. П., Процукович А. А. 2025

Для цитирования: Процукович Е. А., Иванашко Ю. П., Процукович А. А. Особенности реализации консонантных сочетаний в русской речи носителя усть-нюкжинского говора эвенкийского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 116–126. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-116>

Elena A. Protsukovich✉, Yuliya P. Ivanashko, Alexey A. Protsukovich
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
amursea@mail.ru

Consonant clusters in Russian speech of an Ust-Nyukzha Evenki speaker

Abstract

The current paper investigates L1-induced interference patterns in manifestation of consonant clusters in the Russian speech of a female speaker of the Ust-Nyukzha local accent of Evenki. The subject pronounced words containing word-initial, word-medial and word-final clusters. The recorded material was processed using auditory and acoustic analysis. As a result, we identified the phenomenon of plus-minus segmentation. The most

characteristic patterns were dieresis, epenthesis and realization consonants that are normally mute. Dieresis was found in word-initial clusters containing an initial fricative followed by a consonant of any manner of articulation. There were very few instances of consonant drop from word-final clusters. Epenthesis involving the insertion of i-, ε-, α- or u-like vowels into a consonant cluster was observed either in word-initial or word-final positions, typically before the sonorants /r/, /l/. A pattern of assimilating the epenthetic vowel to the vowel following the cluster was identified. Among consonants that had to be normally mute but were still pronounced by our the subject in multi-consonant clusters, were /d/, /f/, /l/.

Keywords: phonetic interference, consonant cluster, resegmentation, dieresis, epenthesis, silent consonant

© Protsukovich E. A., Ivanashko Yu. P., Protsukovich A. A. 2025

For citation: Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, A. A. (2025). Osobennosti realizatsii konsonantnykh sochetaniy v interferirovannoy rechi nositeley ust'-nyukzhinskogo govora evenkiyskogo yazyka [Consonant clusters in Russian speech of an Ust-Nyukzha Evenki speaker]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 116–126. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-116>

1. Введение [Introduction]

Акустические особенности спонтанной и подготовленной речи различных социальных, возрастных и гендерных групп находятся в фокусе изучения кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. Спектр исследуемых языков очень широк и включает в себя различные их группы – индо-европейские (славянские, германские, романские), тунгусо-маньчжурские, китайско-тибетские и другие [Ворон и др., 2016 ; Musaeva, 2017 ; Shuyskaya, Androsova, 2017 ; Морозова и др., 2019 ; Морозова, Андросова, 2019 ; Иванашко, Бублик, 2019 ; Иванашко, Суворова, 2021 ; Морозова и др., 2023 а , б ; Процукович, 2020 ; Семёнова, Иванашко, 2020 ; Иванашко, Процукович, 2020 ; Иванашко и др., 2021 а, б ; Иванашко и др., 2022 ; Николаева, Иванашко, 2022 ; Иванашко и др., 2023 ; Симонов, 2024]. Одним из направлений фонетических исследований является изучение интерферирующей речи носителей типологически неродственных языков с целью получения детального представления о реализации в ней сегментных и супraseгментных единиц [Барнасян, Иванашко, 2019 ; Карачева, 2022 ; Морозова, Процукович, 2014, 2015, 2017 ; Смирнова и др., 2023, 2024 ; Тэн, Андросова, 2022]. Исследования, направленные на изучение взаимодействия разных фонологических систем, позволяют выявлять основные фонетические проблемы, возникающие в условиях билингвизма, что, в свою очередь, даёт исследователям возможность прогнозировать определённые тенденции и явления в интерферирующей речи, и в результате снизить или нивелировать те особенности произношения, которые затрудняют восприятие.

Настоящая работа представляет собой первый этап комплексного исследования не изученной ранее интерферирующей русской речи носителей усть-нюкжинского говора эвенкийского языка. Исследование проводится с целью выявить признаки фонетической интерференции в реализации консонантных кластеров в русской речи диктора-женщины – носителя усть-нюкжинского говора эвенкийского языка.

В русском языке, в отличие от эвенкийского, стечения согласных (двух-, трёх- и даже четырёхчленных) представляют собой естественное частотное явление – они встречаются во всех позициях в слове (встреча, взвод, здравствуйте, агентство, мудрствовать, местность, справочник, эксперимент и др.). Для эвенкийского языка консонантные кластеры не свойственны ни в начале, ни в конце слов, а в середине слова может находиться не более двух согласных [Константинова, 1964, с. 18], в силу чего в

русской речи нашего информанта в кластерах ожидалось различные фонетические процессы, являющиеся результатом интерференции.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для слухового и инструментального анализа послужили образцы русской интерферирующей речи – 754 лексические единицы, принадлежащим к различным частям речи (без учёта повторений). Каждая лексическая единица содержала один или два (в 94 словах) консонантных кластера, расположенных в начале, середине или конце слова. Всего в словах находилось 848 кластеров. Слова были записаны в троекратном произнесении одним информантом (=диктором) женского пола. Таким образом, общее количество реализаций кластеров составило 2544.

Информант – носитель говора с. Усть-Нюкжа эвенкийского языка в возрасте 47 лет на момент записи, с высшим педагогическим образованием, работает в общеобразовательной школе. Русский язык для диктора не является родным – он был изучен в курсе школьной программы и в ходе бытового общения с его носителями. Информант является одним из немногих эвенков среднего возраста, для которых эвенкийский язык является родным, а не изученным в школе как иностранный. Диктор не имеет логопедических проблем и нарушений слуха.

Звукозаписи были получены в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета при стандартных параметрах оцифровки (44 кГц, 16 бит, моно). Запись отличается высоким качеством, в ней отсутствуют посторонние шумы. Общая продолжительность звучания составила 119 минут.

2.2. Реализация консонантных сочетаний в интерферирующей речи носителей усть-нюкжинского говора эвенкийского языка [Consonant clusters in Russian speech of Ust-Nyukzha Evenks]

Проведённые слуховой и инструментальный виды анализа выявили, что реализация стечений согласных в русской речи диктора имеет тенденцию к ресегментации речевого потока, включающую в себя явления как плюс-, так и минус-сегментации:

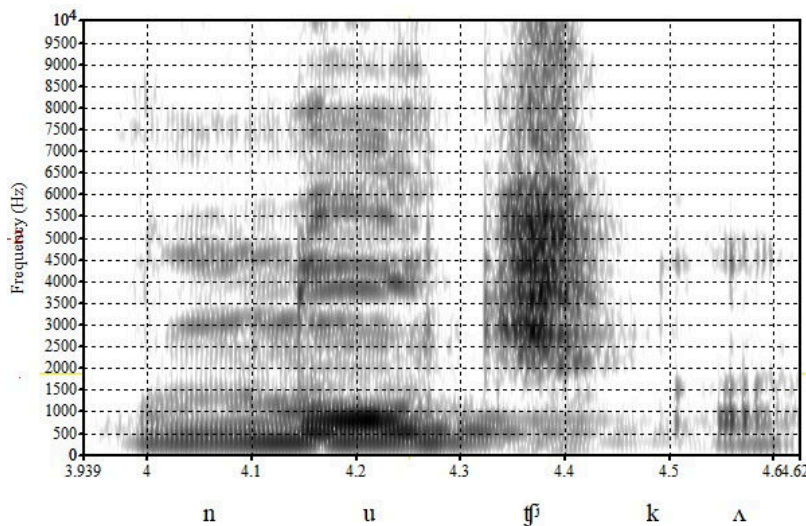
- 1) выпадение согласного из консонантного сочетания (диереза);
- 2) добавление гласного в консонантное сочетание (эпентеза);
- 3) реализация непроецируемых согласных в консонантных кластерах.

Рассмотрим каждую из представленных категорий отдельно.

2.2.1. Выпадение согласного из консонантного сочетания (диереза) [Dieresis in consonant clusters]

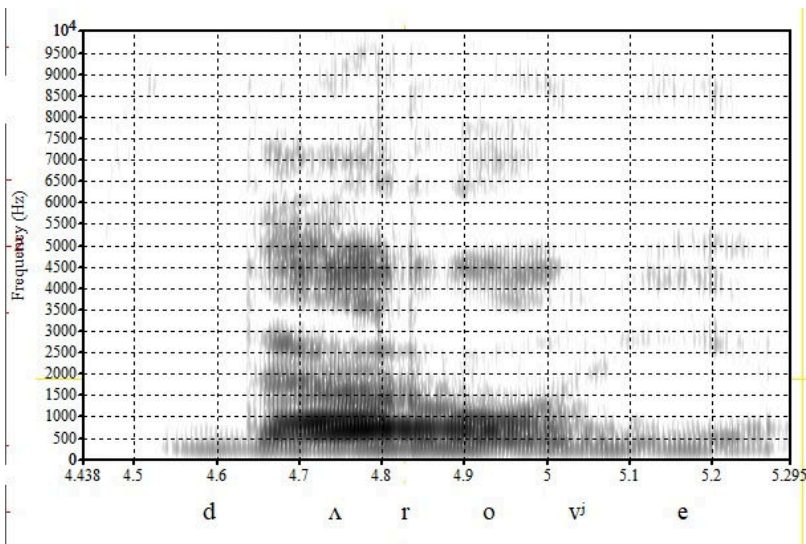
Выпадение согласного из консонантного кластера является одной из особенностей реализации стечений согласных в русской речи информанта. Диереза отмечена в консонантных сочетаниях, находящихся преимущественно в начальной позиции слова, например, (в)стреча, (з)доровье, (н)тища, (с)правка и др. Выпадение первого согласного в кластере, находящемся в позиции начала слова, отмечено в 5% реализаций. Было выявлено, что в подавляющем большинстве случаев эллиптированию подвергались щелевые согласные – в кластерах, их содержащих, выпадение отмечалось в 80% реализаций. Диереза согласных в конечных кластерах в речи диктора исследования зафиксирована в единичных случаях – не более 1% реализаций.

Спектрограмма слова *внучка* (рис. 1) иллюстрирует выпадение губного шумного щелевого согласного из начального консонантного сочетания *-вн*. В нижней части спектра согласного видна полоса основного тона, указывающая на начало работы голосовых связок, однако шумовые составляющие согласного */v/* отсутствуют, что наряду со слуховой оценкой свидетельствует о выпадении.

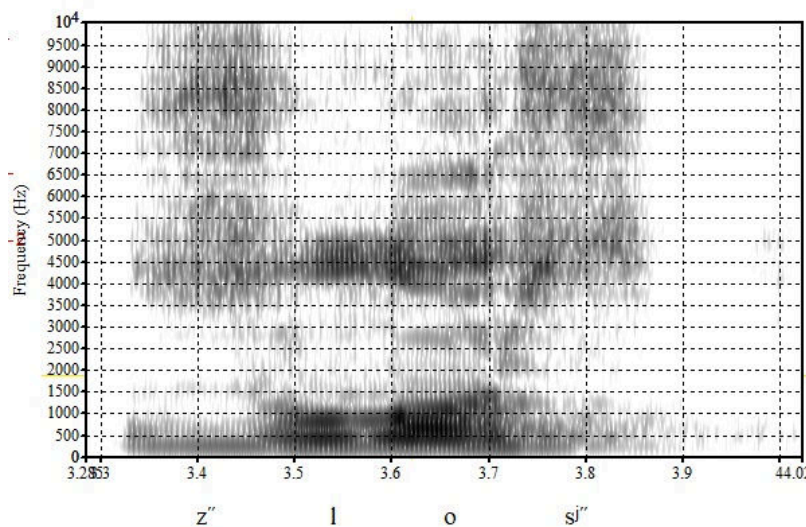
Р и с у н о к 1. Спектрограмма слова *внучка*
[F i g u r e 1. Spectrogram of *vnuchka*]

На рисунке 2 изображена спектрограмма слова *здоровье*, в котором отмечено выпадение начального звонкого щелевого согласного */z/* – воспроизводство слова начинается со звонкой смычки и последующего столба импульсного шума, характерного для согласного */d/*.

Р и с у н о к 2. Спектрограмма слова *здоровье*
[F i g u r e 2. Spectrogram of *zdorovje*]

Рисунок 3 демонстрирует один из немногочисленных случаев эллиптирования конечного согласного в кластере *сть*. После фрикативного шума в средне-верхних частотах от мягкого */s/* составляющих, характерных для мягкого */tʃ/* (смычки, импульса и фрикции в средне-верхних частотах), не обнаружено.

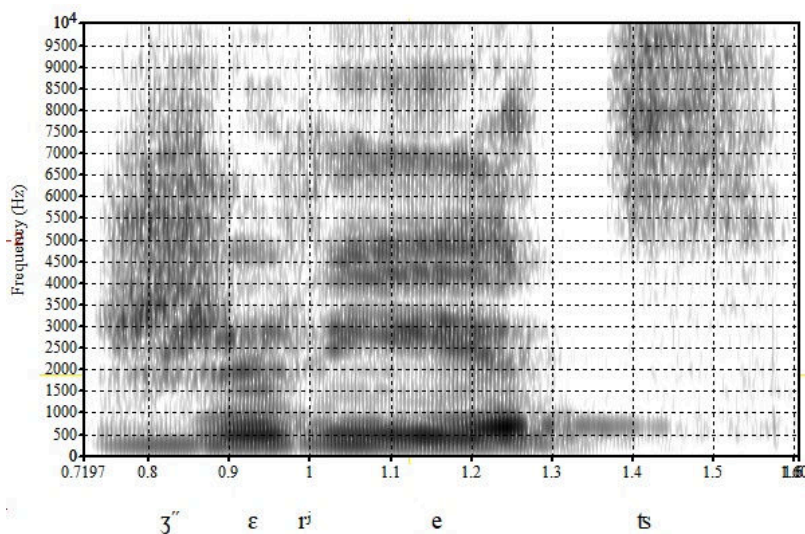
Р и с у н о к 3. Спектрограмма слова злость
[Figure 3. Spectrogram of *zlost'*]

Следует отметить, что в исследованиях, направленных на изучение интерферированной русской речи носителей селемджинского говора эвенкийского языка была отмечена тенденция к выпадению согласного /ti/ из кластера *-сть* во всех словах, оканчивающихся на данное сочетание [Морозова, Процукович, 2015]. Однако для речи представителя усть-нюкжинского говора данное явление оказалось нехарактерным — оно было выявлено лишь в 1% случаев.

2.2.2. Добавление гласного в консонантное сочетание (эпентеза) [Epenthetic vowels in consonant clusters]

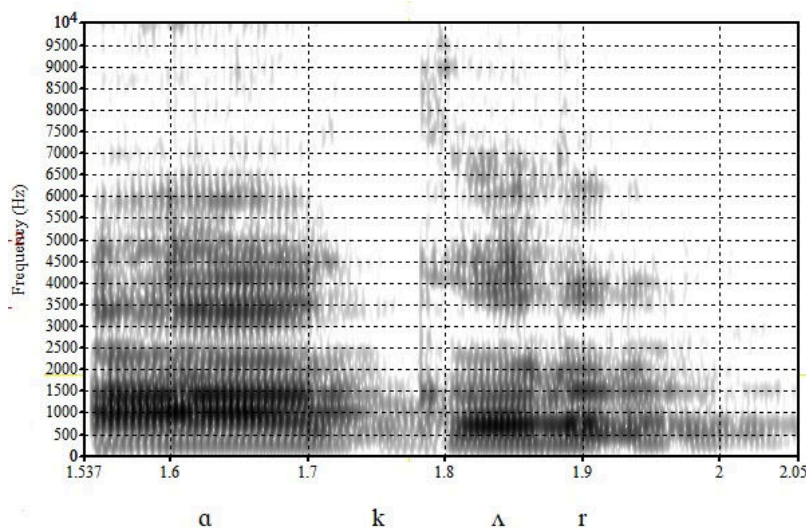
Следующая особенность реализации консонантных сочетаний связана с появлением эпентезы в стечениях согласных, реализованных в начале или конце русского слова. Акустический анализ выявил эпентезу в сочетаниях согласных любого способа образования с последующим сонорным, преимущественно /r/, реже /l/, например, *брошь*, *крот*, *трус*, *журавль* и др. Добавление гласной вставки в указанных консонантных кластерах является характерным для диктора явлением, зафиксированным в 36% реализаций. Изучение формантных характеристик продемонстрировало, что в указанных кластерах в качестве гласной вставки реализуются *i*-, *ε*-, *α*-, *u*-образные гласные. Обращает на себя внимание уподобление эпентетического гласного, следующему за стечением согласных или предшествующего ему, например, «ак[ʌ]р», «б[ʌ]рат», «к[ɪ]рик», «к[ʊ]руг», «т[ʊ]рубач» и другие, что может свидетельствовать о влиянии на русскую речь информанта действующего в эвенкийском языке закона гармонии гласных.

Спектрограмма слова *жрец* (рис. 4) демонстрирует гласную вставку, реализованную в сочетании согласных *жр*- в начале слова. Формантные значения гласного длительностью 80 мс. составляют: F1=447 Гц и F2=1936 Гц. Это соответствует реализации гласного [ε]. Значение F1 ударного гласного /e/ в данном слове равно 447 Гц. Вторая форманта гласного демонстрирует крутые траектории вверх и вниз при движении от переднеязычного мягкого сонорного к последующей твёрдой аффрикате. На квазистационарном участке гласного F2 составляет 2755 Гц, что соответствует более передней реализации ударного [e] после мягкого согласного. В данном примере эпентетический гласный явно уподобляется следующему ударному гласному.

Р и с у н о к 4. Спектрограмма слова *жрец*
[F i g u r e 4. Spectrogram of *zhrets*]

Эпентеза в консонантном сочетании *-кр* в конце слова *акр* представлена на рис. 5. Акустические характеристики гласного длительностью 42 мс. составляют $F1 = 596$ Гц и $F2 = 1490$ Гц, что соответствует реализации гласного [ʌ]. Формантные значения начального ударного гласного составляют $F1=670$ Гц и $F2=1490$ Гц, что свидетельствует о реализации более открытого [a]. Аналогично предыдущему случаю, имеет место уподобление, но оно направлено от предыдущего гласного к последующей гласной вставке.

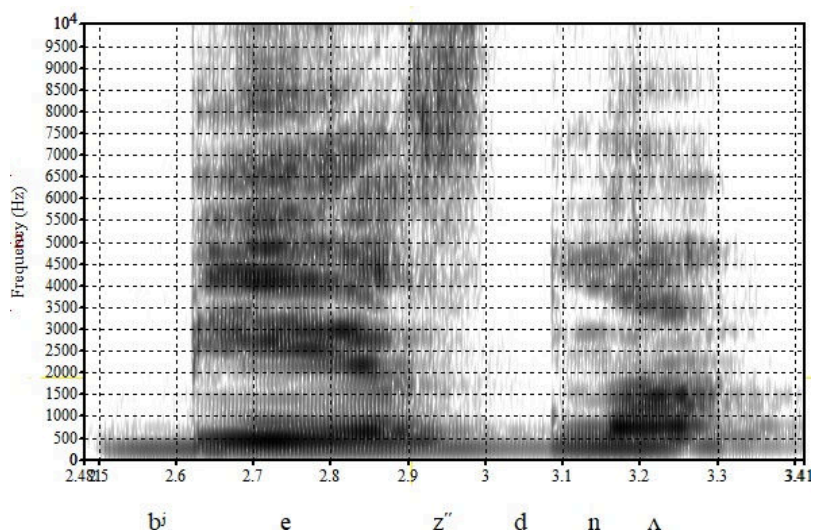

Р и с у н о к 5. Спектрограмма слова *акр*
[F i g u r e 5. Spectrogram of *akr*]

2.2.3. Реализация непроносимых согласных в консонантных кластерах [Mute consonants in consonant clusters]

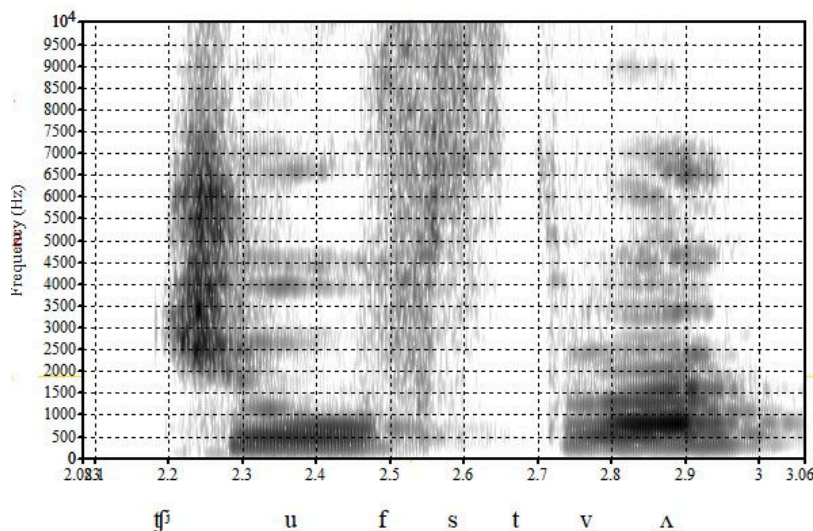
Другой особенностью реализации консонантных сочетаний в русских словах является произнесение согласных, являющихся непроносимыми с точки зрения норм русской орфоэпии, например, *бездна, поздно, солнце, чувство* и др. Реализация непроносимых согласных в речи диктора имеет характер общей тенденции – количество ненормативных реализаций достигло 76%. Можно предположить, что данное явление

обусловлено отсутствием в эвенкийском языке правила, регламентирующего произнесение многокомпонентных стечений согласных, предполагающее выпадение одного из них. В связи с этим в ходе эксперимента диктор старался воспроизвести все буквы в словах. Исключение составило слово *здравствуйте*, произнесённое в соответствии с нормами русского языка, что, вероятно, обусловлено его частотностью в повседневной русской речи нашего информанта. Рисунок 6 иллюстрирует ненормативную реализацию согласного /d/ в стечении согласных *-зdn-* в слове *бездна* – в спектральной картине чётко выражены звонкая смычная фаза и столб импульсного шума, свидетельствующие о наличии смычно-взрывного звонкого [d].

Р и с у н о к 6. Спектрограмма слова *бездна*
[F i g u r e 6. Spectrogram of *bezdna*]

В слове *чувство* (рис. 7) в четырёхчленном консонансе *-вств-* реализован не произносимый согласно нормам русской орфоэпии согласный – перед шумом от [s] в средне-верхних частотах наблюдается слабый широкополосный фриктивный шум, характерный для [f]. Реализацию произносимых согласных можно отнести к гиперполному типу произнесения, что часто свойственно изучающим иностранный язык.

Р и с у н о к 7. Спектрограмма слова *чувства*
[F i g u r e 7. Spectrogram of *chuvstva*]

3. Заключение [Conclusion]

Полученные в результате анализа аудиоматериалов данные позволили прийти к следующим выводам. Русская речь информанта – носителя усть-нюкжинского говора эвенкийского языка – характеризуется наличием в ней интерференционных фонетических процессов, представляющих собой явления плюс-минус сегментации. Наиболее характерными особенностями являются выпадение согласного из консонантного сочетания (диереза), добавление гласного в консонантное сочетание (эпентеза), реализация непроеизносимых согласных в консонантных кластерах.

Диереза в большей степени характерна для кластеров, содержащих начальный шумный щелевой согласный с последующим согласным любого способа образования в позиции начала слова (в среднем 5% реализаций). Выпадение согласного в конечных кластерах в речи диктора исследования зафиксировано в единичных – не более 1% – случаях.

В сочетаниях сонорных /г/ и /л/ с предшествующим шумным согласным любого способа образования в позиции начала или конца слова выявлены /i/-, /ε/-, /а/-, /u/-образные эпентетические гласные, которые закономерно уподоблялись следующему за кластером «легитимному» гласному (36% реализаций).

В случае с реализацией многокомпонентных консонантных кластеров в середине русского слова, содержащих согласно нормам орфоэпии непроеизносимые согласные, диктор демонстрирует обратную диерезе картину – в его речи отмечается реализация всех компонентов кластера, что, вероятно, обусловлено отсутствием в эвенкийском языке непроеизносимых согласных. Это явление в речи диктора зафиксировано в 76% реализаций слов, содержащих непроеизносимые согласные.

На следующих этапах исследования планируется получить и описать данные о реализации гласных в интерферирующей русской речи информанта.

Библиографический список

- Барнасян, Иванашко, 2019 – Барнасян Д. Е., Иванашко Ю. П. Особенности русского языка носителей армянского происхождения // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 55–56.
- Будник и др., 2023 – Будник С. О., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Темпоральные характеристики новостного дискурса (на материале речи дикторов ДФО и ЦФО) // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2023. С. 55–56.
- Иванашко, Бублик, 2019 – Иванашко Ю. П., Бублик Г. В. Акустические характеристики ударных гласных в разных фразовых позициях (на основе русской публичной политической речи) // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2023. С. 53–54.
- Иванашко, Процукович, 2020 – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Темпоральные характеристики звучащей речи дальневосточников разных возрастных групп // Современные концепции и парадигмы образования в условиях мирового эпидемиол. кризиса. Ч. 1. Ростов, 2020. С. 252–255.
- Иванашко и др., 2021 а – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Кирпикова В. В. Просодические особенности речи мужчин разных возрастных групп (на материале дальневосточного региона) // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2021. С. 50–52.
- Иванашко и др., 2021 б – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Николаева И. В. Особенности паузации речи дальневосточников различных возрастных групп // Научен вектор на Балканите. 2021. Вып. 5, № 1 (11). С. 40–44. <https://doi.org/10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0008>
- Иванашко и др., 2022 – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Шубникова А. В. Паузы хезитации в речи жителей г. Благовещенска Амурской области разных возрастных групп // Фонетика в контексте языковых контактов / отв. ред. Е. Б. Карневская. Минск : МГЛУ, 2022. С. 27–32.

- Карачева, 2022 – Карачева О. Б. Интонация специальных вопросов в интерферирующей русской речи эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 60–72. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_60
- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М. ; Л. : Наука, 1964. 272 с.
- Морозова, Процукович, 2014 – Морозова О. Н., Процукович Е. А. Фонетическая интерференция в русской речи эвенков Приамурья // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. 2014. № 91 (№ 16 (345)). С. 82–89
- Морозова, Процукович, 2015 – Морозова О. Н., Процукович Е. А. Особенности реализации согласных в интерферирующей речи (на материале русской речи селемджинских эвенков) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/1 (87). Барнаул, 2015. С. 124–128. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.1-23](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.1-23)
- Морозова, Процукович, 2017 – Морозова О. Н., Процукович Е. А. Качественные и количественные характеристики эпентезы в русской речи селемджинских эвенков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73) : в 3-х ч. Ч. 3. С. 148–151.
- Морозова, Андросова, 2019 – Морозова О. Н., Андросова С. В. Интонация вопросов в речи амурских эвенков: основной тон // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 84–96. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_84_96
- Морозова и др., 2019 – Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А. Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и ороchonском языках (основной тон) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 2. С. 100–114. https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_2_100_114
- Морозова и др., 2023 а – Фонетические сведения о даурском языке в России и за рубежом / О. Н. Морозова, С. Е. Чернов, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Т. Е. Андреева // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 106–120.
- Морозова и др., 2023 б – Морозова О. Н., Осипов Б. Я., Андросова С. В. Безударный вокализм в эвенском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 120–130.
- Николаева, Иванашко, 2020 – Николаева И. В., Иванашко Ю. П. Паузы хезитации в речи подростков 11–13 лет // Социофонетика и фоностистика: От теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 48–50.
- Процукович, 2020 – Процукович Е. А. Фонетические особенности русской речи жителей города Благовещенска Амурской области // Социофонетика и фоностистика: От теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 58–60.
- Семёнова, Иванашко, 2020 – Семёнова А. А., Иванашко Ю. П. Сопоставительные характеристики пауз в речи молодых и пожилых жителей г. Благовещенска // Социофонетика и фоностистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 50–52.
- Симонов, 2024 – Симонов Е. Л. Просодические характеристики мужской речи жителей города Благовещенска // Молодёжь XXI века: шаг в будущее : материалы XXV регион. науч.практ. конф. (Благовещенск, 22 мая 2024 г.) : в 2х т. Благовещенск : Амурская ГМА, 2024. С. 92–93.
- Смирнова и др., 2023 – Смирнова А. А., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Недифференциация как вид фонетической интерференции в английской речи носителей китайского языка // Социофонетика и фоностистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2023. С. 28–29.
- Тэн, Андросова, 2022 – Тэн Х., Андросова С. В. Особенности паузации в родной и акцентной спонтанной речи: акустический анализ китайской родной, русской акцентной и русской родной речи // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2022. Т. 21, № 2. С. 67–86. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86>
- Musaeva, 2017 – Musaeva E. G. Phonetic means to influence the listener used in British public speech // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 1. С. 87–97. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_87_97
- Shuyskaya, Androsova, 2017 – Shuyskaya T. V., Androsova S. V. Realization of Russian consonants in 3-year-olds speech // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 4. С. 94–108. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_94_108

References

- Barnasyan, D. E., & Ivanashko, Yu. P. (2019). Osobennosti russkogo yazyka nositeley armyanskogo proiskhozhdeniya [Peculiarities of the Russian language of speakers of Armenian origin]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 55–56). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Budnik, S. O., Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, E. A. (2023). Temporal'nye kharakteristiki novostnogo diskursa (na materiale rechi diktorov DFO i TsFO) [Temporal characteristics of news discourse (Based on the speech of speakers from the Far Eastern and Central Federal districts)]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 30–31). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., & Bublik, G. V. (2019). Akusticheskie kharakteristiki udarnykh glasykh v raznykh frazovykh pozitsiyakh (na osnove russkoy publichnoy politicheskoy rechi) [Acoustic characteristics of stressed vowels in different phrasal positions (Based on Russian public political speech)]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 53–54). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, E. A. (2020). Temporal'nye kharakteristiki zvuchashchey rechi dal'nevostochnikov raznykh vozrastnykh grupp [Temporal features of speech in the Far East for different age groups]. *Sovremennye kontseptsii i paradigmy obrazovaniya v usloviyakh mirovogo epidemiologicheskogo krizisa [Modern concepts and paradigms of education in the context of the global epidemiological crisis]* (pp. 252–255). Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Kirpikova, V. V. (2021 a). Prosodicheskie osobennosti rechi muzhchin raznykh vozrastnykh grupp (na materiale dal'nevostochnogo regiolekta). [Prosodic features of men's speech of different age groups (Based on the material of the Far Eastern region)]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 50–52). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Nikolaeva, I. V. (2021 b). Osobennosti pauzatsii rechi dal'nevostochnikov razlichnykh vozrastnykh grupp [Specific features of speech pausing for different age groups in the Far East]. *Nauchnyy vektor na Balkanite [Scientific Vector of the Balkans]*, 1 (11), 40–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0008>
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Shubnikova, A. V. (2022). Pauzy khezitatsii v rechi zhiteley g. Blagoveshchenska Amurskoy oblasti raznykh vozrastnykh grupp [Hesitation pauses in the speech of different age group residents of Blagoveshchensk, Amur region]. In E. B. Karnevskaia (Ed.), *Fonetika v kontekste yazykovykh kontaktov [Phonetics in the context of language contacts]* (pp. 27–32). Minsk : Minsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Karacheva, O. B. (2022). Intonatsiya spetsial'nykh voprosov v interferirovannoy russkoy rechi evenkov [Intonation of special questions in the interfered Russian speech of the Evenks]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (2), 60–72. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_60
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya [Evenki language. Phonetics. Morphology]*. Moscow ; Leningrad : Nauka Press (In Russ.).
- Morozova, O. N., & Protsukovich, E. A. (2014). Foneticheskaya interferentsiya v russkoy rechi evenkov Priamur'ya [Phonetic interference in the Russian speech of the Evenks of the Amur region]. *Vestnik ChelGU. Filologiya. Iskusstvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism]*, 91 (16 (345)), 82–89. (In Russ.).
- Morozova, O. N., & Protsukovich, E. A. (2015). Osobennosti realizatsii soglasnykh v interferirovannoy rechi (na materiale russkoy rechi selemdzhinskikh evenkov) [Features of the realization of consonants in interfered speech (Based on the Russian speech of the Selemdzhin Evenks)]. *Izvestiya Altayskogo gos. un-ta [Bulletin of the Altai State University]*, 3/1 (87), 124–128. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.1-23](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.1-23)
- Morozova, O. N., & Protsukovich, E. A. (2017). Kachestvennye i kolichestvennye kharakteristiki epentezy v russkoy rechi selemdzhinskikh evenkov [Qualitative and quantitative characteristics of epenthesis in the Russian speech of Selemdzha Evenks]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 7 (73(3)), 148–151. (In Russ.).

- Morozova, O. N., & Androsova, S. V. (2019). Intonatsiya voprosov v rechi amurskikh evenkov: osnovnoy ton [The prosody of questions in the Amur Evenks' speech: Pitch]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (4), 84–96. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_84_96
- Morozova, O. N., Androsova, S. V., & Protsukovich, E. A. (2019). Prosodicheskoe oformlenie pobuditel'nykh predlozheniy v evenkiyskom i orochonskom yazykakh: osnovnoy ton [The prosody of imperative sentences in Evenki and Orochon: Pitch]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (2), 100–114. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_2_100_114
- Morozova, O. N., Chernov, S. E., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., & Andreeva, T. E. (2023 a). Foneticheskie svedeniya o daurskom yazyke v Rossii i za rubezhom [Phonetic information about the Daurian language in Russia and abroad]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 106–120. (In Russ.).
- Morozova, O. N., Osipov, B. Ya., & Androsova, S. V. (2023 b). Bezudarnyy vokalizm v evenskom i evenkiyskom yazykakh [Unstressed vowels in Even and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 120–130. (In Russ.).
- Nikolaeva, I. V., & Ivanashko, Yu. P. (2020). Pauzy khezitatsii v rechi podrostkov 11–13 let [Hesitation pauses in 11–13 years old adolescents' speech]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 48–50). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Protsukovich, E. A. (2020). Foneticheskie osobennosti russkoy rechi zhiteley goroda Blagoveshchenska Amurskoy oblasti [Phonetic features of Russian speech of Blagoveshchensk city residents, Amur region]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 58–60). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Semyonova, A. A., & Ivanashko, Yu. P. (2020). Sopostavitel'nye kharakteristiki pazv v rechi molodykh i pozhiykh zhiteley g. Blagoveshchenska [Comparative characteristics of speech pauses of young and elderly residents of Blagoveshchensk]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 50–52). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Simonov, E. L. (2024). Prosodicheskie kharakteristiki muzhskoy rechi zhiteley goroda Blagoveshchenska [Prosodic characteristics of male speech of Blagoveshchensk city residents]. *Molodezh' XXI veka: shag v budushchee [Youth of the XXI century: A step into the future]* : Proc. XXV Regional conf., Blagoveshchensk, May 22, 2024 (pp. 92–93). Blagoveshchensk : ASMA Press. (In Russ.).
- Smirnova, A. A., Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, E. A. (2023). Nedodifferentsiatsiya kak vid foneticheskoy interferentsii v angliyskoy rechi nositeley kitayskogo yazyka [Underdifferentiation as a type of phonetic interference in English speech of native Chinese speakers]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 28–29). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Teng, H., & Androsova, S. V. (2022). Osobennosti pazvatsii v rodnoy i aktsentnoy spontanno y rechi: akusticheskiy analiz kitayskoy rodnoy, russkoy aktsentnoy i russkoy rodnoy rechi [Pauses in native and foreign-accented spontaneous speech: Acoustic analysis of native Chinese, Chinese Learners of Russian, and native Russian speech]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 21 (2), 67–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86>
- Musaeva, E. G. (2017). Phonetic means to influence the listener used in British public speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 3 (1), 87–97. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_87_97
- Shuyskaya, T. V., & Androsova, S. V. (2017). Realization of Russian consonants in 3-year-olds speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 3 (4), 94–108. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_94_108

Стреке Янина Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
y.streke@yandex.ru

Перцептивные характеристики слабых форм слов в общественно-политическом дискурсе

Аннотация

Цель исследования состояла в выявлении особенностей восприятия слабых форм русских слов в условиях десемантизации и в сопоставлении с результатами ранее проведённого акустического анализа, а именно – в выяснении того, как реагируют на ту или иную естественную модификацию носители русского языка в условиях ограниченного контекста. Материалом для исследования послужило 66 сегментов-стимулов (28 у мужчин и 38 у женщин), вырезанных из речи шести дикторов (трёх женщин и трёх мужчин) средне-старшего возраста. Основанием для отбора стимула послужило наличие естественных фонетических модификаций (одной или нескольких). Стимулы предъявлялись двум группам аудиторов (преподавателям и студентам), состоявшим в основном из женщин. Полученные реакции подверглись классификации и количественному анализу. В результате выявлено, что, во-первых, при восприятии стяжения каноническое количество слогов не было опознано для 100% стимулов из речи мужчин и для 69,4% стимулов из речи женщин. Результаты по восприятию стимулов с выпадением в целом коррелируют с результатами по восприятию стяжения. Во-вторых, при восприятии замен согласных, образовавшихся вследствие ассимилятивных процессов, канонический согласный был восстановлен аудиторами лишь для 24,6–31,4% стимулов. В третьих, канонический гласный был восстановлен только в 25,7% стимулов, содержащих неканоническую качественную редукцию. Полученные результаты показали, насколько значительно фонетические формы служебных и знаменательных русских слов могут меняться в потоке речи по сравнению с их каноническим слоговым и фонемным составом.

Ключевые слова: гласная, согласная, естественная модификация, восприятие, стяжение, фонемная замена, выпадение

© Стреке Я. В. 2025

Для цитирования: Стреке Я. В. Перцептивные характеристики слабых форм слов в общественно-политическом дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 127–136. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-127>

Yanina V. Streke
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
y.streke@yandex.ru

Perceptual features of weak forms of words in sociopolitical discourse

Abstract

The paper aims to identify the perceptual features of weak forms of Russian word in semantically uninformative environment and to compare them to their acoustic features obtained earlier, particularly, to find out how Russian listeners react to a certain natural modification in narrower context. 66 tokens (38 from female speech and 28 from male speech) segmented from 6 Russian middle-aged and older speakers (3 males and 3 females).

The choice was determined by the presence of one natural phonetic modification or more. 2 groups of Russian speakers (university teachers and students), mostly female, listened to the tokens. The obtained listeners' reactions were classified by modification type and statistically processed. As a result, first, it was found that for 100% of male and 69,4% of female tokens containing coalescence, canonical number of syllables was not discriminated. On the whole, the results on vowel and consonant omission are rather similar to coalescence. Second, while perceiving consonant changes resulting from assimilation processes, canonical consonant was identified by listeners only for 24,6–31,4% of the tokens. Third, in tokens containing non-canonical vowel quality modification, canonical vowel was identified only for 25,7% of the tokens. The obtained results demonstrate how drastically the phonetic shapes of Russian grammatical and meaningful words can change in the flow of speech compared to their canonical phonetic shapes.

Keywords: vowel, consonant, natural modification, perception, coalescence, phoneme change, elision

© Streke Ya. V. 2025

For citation: Streke, Ya. V. (2025). Pertseptivnye kharakteristiki slabykh form slov v obshchestvenno-politicheskom diskurse [Perceptual features of weak forms of words in sociopolitical discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 127–136. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-127>

1. Введение [Introduction]

Слабые, или неканонические, формы слов – это реальность абсолютно любого языка, которую невозможно отрицать. Известно, что они не ограничены служебными словами. Знаменательные слова тоже могут реализоваться в слабых формах. Появление слабых форм является результатом естественных модификаций в потоке речи, которые затрагивают гласные, согласные и целые слоги [Аайл, Андросова, 2024, 2025]. Составление перечня слабых форм – это актуальная задача, решение которой не только позволит уточнить механизмы речепроизводства и речевосприятия (см., напр., опыт составления таких перечней для русской и китайской спонтанной речи в [Бондарко и др., 1988 ; Ли, 2022, с. 259–279]), но и сможет значительно улучшить качество систем синтеза и анализа речи, а также будет полезно для методики преподавания языка как иностранного [Cauldwell, 2002, 2014 ; Androsova, 2015 ; Андросова и др., 2017 ; Levis, Challis, 2024 ; Андросова, 2025].

Ц е л ь настоящего исследования состояла в выявлении особенностей восприятия слабых форм слов в условиях десемантизации и в сопоставлении с результатами ранее проведённого акустического анализа, а именно – в выяснении того, как реагируют на ту или иную естественную модификацию носители языка в условиях ограниченного контекста.

В фонетике имеется опыт проведения подобных экспериментов, например, на материале английского и китайского языков [Караваева, 2018 а, б ; Li, Androsova, 2023].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужило 66 сегментов-стимулов (38 у женщин и 28 у мужчин), вырезанных из речи шести дикторов – трёх женщин и трёх мужчин (трое среднего возраста – 42–55 лет и трое более старшего возраста – 62–67 лет на момент речепроизводства), без дефектов речи, с высшим образованием и большим опытом публичных выступлений на общественно-политические темы. Ранее их речь длительностью около пяти часов подверглась акустическому анализу в программе Praat. Речь представляет собой выступления в аналитических передачах в сети Интернет в

2018–2019 гг. к относится к общественно-политическому дискурсу. В ходе акустического анализа были выявлены разнообразные естественные модификации: замены гласных и согласных, одиночные и множественные выпадения [Стреке, 2025]. Именно наличие модификаций (одной или нескольких) послужило основанием для отбора стимула. Модификации в отобранных 66 стимулах представлены в таблице 1 (итого 132 модификации в 66 стимулах). Стяжения даны отдельно, поскольку они являются результатом выпадений и / или замен. Отметим, что стяжения имели место почти во всех стимулах, взятых для эксперимента: в 94,7% стимулов, взятых из речи женщин и в 92,9% стимулов, взятых из речи мужчин; в среднем по обеим группам – 93,8%.

Т а б л и ц а 1. Модификации в стимулах для перцептивного анализа
[Table 1. Modifications in token for perceptual analysis]

Модификация	Всего	Мужчины	Женщины
качественная редукция гласных	43	21	22
замена одних согласных на другие	22	7	15
выпадение 1 гласного	2	0	2
выпадение 1 согласного	1	0	1
множественные выпадения	64	28	36
Итого	132	56	76
стяжение	62	26	36

Стимулы состояли из разного количества слов: от одного до шести. По количеству слогов представлены односложные стимулы (1), двусложные стимулы (4), стимулы из трёх слогов (15), четырёхсложные стимулы (18), стимулы из пяти слогов (14), стимулы из семи слогов (3), стимулы из восьми слогов (3), стимулы из девяти слогов (1). Среди отобранных стимулов были знаменательные части речи: наречие (1), глагол (8), прилагательное (2), числительное (1) и служебные части речи: частицы (1). Среди отобранных стимулов также встретились комбинации частей речи: числительное + существительное (1), глагол + числительное (1), наречие + глагол (5), глагол + союз (4), союз + местоимение (4), союз + союз (4), глагол + местоимение (12), местоимение + местоимение (4), частица + союз (2), местоимение + числительное (2), союз + наречие (1), местоимение + существительное (1), глагол + существительное (1), наречие + союз (2), местоимение + наречие (2), вводное слово + существительное (1), вводное слово + местоимение (1), глагол + глагол + местоимение (1), числительное + предлог (1).

Аудиторами выступили две группы волонтеров (всего 71 человек). Первую группу составили 15 преподавателей Амурского государственного университета с высшим филологическим образованием в возрасте от 28 до 63 лет (14 женщин, 1 мужчина). Внутри этой группы выделились две подгруппы: преподаватели русского языка и литературы (5), преподаватели английского и немецкого языков (10). Вторую группу аудиторов составили 56 студентов филологического факультета этого же университета в возрасте от 18 до 26 лет (52 женщины и 4 мужчины). Внутри этой группы так же выделились две подгруппы: студенты второго и четвертого курсов направления подготовки «Педагогическое образование» с английским и китайским / немецким языками (31), студенты-филологи четвертого курса (25). Аудиторы перед перцептивным экспериментом были проинформированы, что звуковые стимулы были взяты из речи на русском языке.

Аудиторам были вразброс проиграны 66 стимулов (каждый – трижды). Аудиторов попросили записать то, что они слышали максимально точно, но не пытаясь угадать слово (или слова). Для записи аудиторы использовали буквы русского алфавита или транскрипцию (латиницу).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Стяжение [Coalescence]

В большинстве случаев как в стимулах женщин, так и в стимулах мужчин, аудиторы адекватно восприняли стяжение – слышали меньшее количество слогов¹, чем предполагает канонический слоговой состав, т.е. канонический слоговой состав без широкого контекста не был восстановлен. При этом для 17 из 26 стимулов у мужчин и для 23 из 36 стимулов у женщин, содержащих стяжение, восприятие стяжения варьировало в пределах 90–100%. Для шести стимулов у мужчин и двух стимулов у женщин – 52–66%, для трёх стимулов у мужчин – 70%. Таким образом, каноническое количество слогов в стимулах, содержащих стяжение, не было опознано для 100% стимулов из речи мужчин и для 69,4% стимулов из речи женщин. Приведём примеры.

Восприятие стимулов из речи мужчин. Канонически трёхсложное слово *вообще* из речи мужчины, реализованное одним слогом как [vʌʃ], было воспринято 99% аудиторов как содержащее меньше слогов, в основном в соответствии с акустической картиной – как один (72%), реже – как два (27%).

Канонически шестисложное сочетание двух слов *какие-нибудь там* из речи мужчины, реализованное как [kɛ'kɪn'tʌm] в контексте *какие-нибудь там страны*, было опознано 98% аудиторов как содержащее меньше слогов, чем согласно каноническому составу. В основном (80%) аудиторы слышали три слога, что полностью соответствует акустической картине стимула.

В четырёхсложном слове *представляешь* из речи мужчины, реализованном одним слогом как [psɪʃ], все аудиторы опознали стяжение, подавляющее большинство – в полном соответствии в акустической картине: 1 слог – 96%, 2 слога – 4%.

В некоторых стимулах аудиторы слышали большее количество слогов, чем реализовано и даже больше, чем предполагается каноническим составом. Так, в слове *девянство*, реализованном с тремя слогами – [dɪ'ɛ:stɪ] – в контексте *с девянство третьего*, процент опознания количества слогов меньше целевого составил 65% (2 слога – 28%, 3 слога – 37%), канонический состав восстановили 6% аудиторов, а 29% слышали больше слогов (5 слогов – 27%, 7 слогов – 2%).

Восприятие стимулов из речи женщин. В канонически пятисложном сочетании слов *потому что мы* из речи женщины, реализованном двумя слогами как [ptɛʃ'mi] в контексте *убыточный, потому что мы*, никто из аудиторов не восстановил целевое количество слогов, таким образом стяжение было воспринято 100% аудиторов: как 1 слог – 45%, как 2 слога – 52%, как 3 слога – 3%.

В канонически пятисложном стимуле из речи женщины в контексте *и, конечно, совершенно*, реализованном как трёхсложный [ɪ'kɛʃsu], 100% аудиторов констатировали стяжение: 2 слога – 50%, 3 слога – 44%, 4 слога – 6%.

Канонически двусложное слово *сказать*, реализованное в речи женщины как [skɪtɪ] в контексте *так сказать помнить* 96% аудиторов восприняли как содержащее 1 слог – 96%, и лишь 4% восстановили канонический слоговой состав.

¹ Вслед за Л. В. Бондарко, мы придерживаемся концепции открытых и потенциально открытых слогов в русском языке, считая слог минимальной произносительной единицей, где составляющие реализуются по единой моторной программе.

Канонически семисложный стимул, взятый из контекста *это не какие-нибудь там миллиарды* из речи женщины, был реализован как четырёхсложный [kl'km'tam] всеми аудиторами был воспринят как содержащий меньше слогов: четырёхсложный (в соответствии с акустической картиной) – 47%, трёхсложный – 18% и пятисложный – 35%.

2.2.2. Множественные и единичные выпадения [Multiple and single omissions]

Напомним, что общее количество случаев множественных выпадений в 66 стимулах составило 64, из них 28 у мужчин и 36 у женщин. Результаты по восприятию самой частотной модификации – множественным выпадениям – хорошо коррелируют с результатами по восприятию стяжения обеими группами дикторов. Однако корреляция неполная, поскольку не каждое даже множественное выпадение приводило к стяжению. Например, при выпадении одного и даже нескольких согласных, количество слогов оставалось прежним, если не выпадали гласные, от которых прежде всего и зависит количество слогов.

Для 19 из 28 стимулов мужчин и для 29 из 36 стимулов у женщин, содержащих множественные выпадения, восприятие этих выпадений варьировало в пределах 90–100%. Только один стимул из речи мужчин попал в зону неразличения наличия или отсутствия интересующей фонемы (50,7% констатировали выпадения, остальные восстановили выпавшие фонемы). Один стимул из речи женщин попал в зону 52–66% опознания выпадения и ещё один – в зону менее 50%. Приведём несколько примеров.

Выпадения в стимулах мужчин. В стимуле *вообще* [vʌʃ] 62 аудитора из 71 не восстановили выпавшие фонемы, т. е. 87,3% аудиторов распознали множественные выпадения в данном стимуле. В стимуле [zɪʃ'sjə] из контекста *это значит сегодня* никто из аудиторов не восстановил выпавшие фонемы, т. е. опознание выпадений составило 100%. В стимуле [ke'km'tam] из контекста *какие-нибудь там страны* 64 аудитора из 71 распознали множественные выпадения, что составляет 90,1%.

Однако были и случаи, когда опознание множественных выпадений было значительно ниже. Так, в стимуле [ɪ'pɔ'siɛ] из контекста *под корягой. Пусть все там* 53 аудитора из 71 распознали множественные выпадения, что составляет 75%. В стимуле [vi'v'itɛ] из контекста *вокруг вы видите происходит* ещё меньше аудиторов – 36 из 71 – распознали множественные выпадения, что составляет 50,7%.

Выпадения в стимулах женщин. В стимуле [plɪ'ʃɔk] из контекста *но я боюсь, что Коламбия*. 70 аудиторов из 71 распознали множественные выпадения (98,6%). В стимуле [ptɛʃ'mi] из контекста *убыточный, потому что мы* все аудиторы распознали множественные выпадения. Также в стимуле [gɪ'gʌʃhɪ] из контексте *там гигантские Венесуэлле* все аудиторы распознали множественные выпадения. Аналогичные результаты получены для стимулов [ɪ'keʃsɔ] из контекста *и, конечно, совершенно*, [skɪtɪ] из контекста *так сказать помнить* и ряда других.

Как и для стимулов из речи мужчин, для стимулов из речи женщин были случаи, когда опознание множественных выпадений было значительно ниже. Так, в стимуле [nə'slɑmɪ] из контекста *на самом деле* только 44 аудитора из 71 распознали множественные выпадения, что составляет 62% – более половины аудиторов.

Выпадение только одного согласного или только одного гласного из слова носило единичный характер. В основном выпадения были множественными. Примеры восприятия единичных выпадений сводятся к следующим. В стимуле [ʃɔtədə] из контекста *что-то да получаешь* ещё 47 аудиторов из 71 (66,2%) не восстановили согласную фонему /t/ после /ʃ/. В стимуле [dʊʃ] из контекста *да уж в двадцать* никто из аудиторов не восстановил выпавшую гласную фонему /ʌ/. В стимуле *мошты* ['mɔʃtɪ] в контексте *ну, можете себе* 45 аудиторов из 71 (63,4%) не восстановили гласную фонему /i/.

2.2.3. Замена одних согласных на другие [Consonant change]

Напомним, что общее количество случаев замены одних согласных на другие в представленных 66 стимулах составляет 22, из них 7 у дикторов-мужчин и 15 у дикторов-женщин. Замены явились результатом процессов оглушения и озвончения, иногда – сонантизации, а также ослабления смычки и ассимиляции по активному действующему органу. В среднем канонический согласный аудиторы восстановили для 31,4% стимулов из речи мужчин, не восстановили – для 68,6% стимулов. В среднем канонический согласный аудиторы восстановили только для 24,6% стимулов из речи женщин, не восстановили – для 75,4% стимулов.

У мужчин самой частотной заменой в семи стимулах была замена аффрикаты /tʃ/ на щелевые [ʃ] или [ʒ]. Приведём примеры восприятия данной замены. В стимуле [təm'ʃlɪz] из контекста *в том числе за ООН* 43 из 71 аудитора восприняли /ʃ/ или /ʒ/, что составило большинство – 60,5%. Каноническую аффрикату восстановили лишь 17 аудиторов – 24%. Ещё 9 человек услышали шумный смычный. Таким образом, аффрикату или шумный смычный восприняло меньшинство – 39,4%. Схожим образом была воспринята такая же замена в стимуле [zi'ʃɒnɪə] из контекста *значит, сегодня у нас*: 64,8% аудиторов восприняли глухую шипящую или свистящую, 32,4% восстановили каноническую аффрикату, остальные реакции были единичными. Ещё выше был процент опознания шипящей /ʃ/ или /ʒ/ в стимуле [ɛ:ʃə] из контекста *знает, что я очень люблю*: – 81,7%. Каноническую аффрикату восстановили только 15,5% аудиторов. В стимуле [nə'ʃeʊzɛ] в контексте *начинаю им задавать*, наоборот, большинство аудиторов – 50 из 71 восстановило каноническую аффрикату, что составило 70,4%. Остальные аудиторы услышали разные шумные щелевые: чаще шипящие /ʃ/ или /ʒ/ (25,4%), а также единичные свистящие.

У женщин, как и у мужчин, в выбранных стимулах встретилась замена [tʃ] на [ʃ]. В стимуле [pʃɪm'prɒs] в контексте *при чём не просто с активистами*, равное количество аудиторов опознали каноническую аффрикату /tʃ/ и замену на /ʃ/ (по 20, т. е. по 28%). Среди ответов были и другие шумные щелевые: прежде всего мягкая /ʒ/, а также /f/, /s/, /h/ и даже звонкий /z/. Таким образом, как глухую шумную щелевую (в основном глухую шипящую), а не аффрикату восприняли 45 человек, т. е. 63,4%. Как аффрикату (в основном) или шумную смычную восприняли 31% аудиторов.

Среди стимулов из речи женщин было несколько случаев оглушения. В стимуле [kʌʃrə'lɔʃ] из контекста *в кашу положат* вследствие оглушения произошла замена /z/ на [ʃ]. Оглушение опознали 79% аудиторов (56 человек), при этом больше всего ответов пришлось именно на /ʃ/ (31), немного меньше на глухую аффрикату /tʃ/ и совсем немного на /s/. Каноническую звонкую шипящую /z/ восстановили лишь 12 человек, т. е. 17%. Аналогично в стимуле [mɔʃtɪ] из контекста *ну, можете себе* замену звонкой шипящей на шумную глухую констатировали 44 аудитора (62%), а каноническую /z/ восстановили 25 аудиторов (35%).

В стимуле [mɔʃtɪru'mɪ] из контекста *может по уму как-то* аудиторы почти в равной пропорции восстановили каноническую звонкую шипящую /z/ (36 человек) и восприняли глухую шипящую (33 человека), ещё двое восприняли глухую /s/ и /tʃ/. Здесь мы имеем дело с ситуацией неразличения по признаку «глухость-звонкость».

Таким образом, опознанные замены значительно варьировали. Для некоторых стимулов они оказались близкими к реальным акустическим признакам согласной замены, для других наблюдалась общность по тому или иному признаку замены, когда, например, большинство аудиторов опознало оглушение или озвончение, но аудиторы не достигли консенсуса об активном органе согласного или способе образования. Были и обратные ситуации, когда, например, большинство аудиторов опознало замену аффрикаты на шумную щелевую, но аудиторы не достигли консенсуса относительно глухости-звонкости и / или твёрдости-мягкости.

2.2.4. Восприятие качественно редуцированных неканонических гласных [Perception of non-canonical modifications of vowel quality]

Из предъявленных 28 стимулов из речи дикторов-мужчин 16 стимулов содержали 21 случай качественной редукции гласных (в одном стимуле мог быть не один случай). Из предъявленных 38 стимулов из речи дикторов-женщин в 19 стимулах содержалось 22 случая качественной редукции гласных. Данные по восприятию качественно редуцированных гласных были разделены на три категории. В первую категорию вошли стимулы, в которых было распознано наличие качественной редукции аудиторами в количестве от 0% до 45%, т. е. меньшинством аудиторов. Во вторую категорию были распределены стимулы, где наличие качественной редукции было распознано 45–55% аудиторов. Это так называемая серая зона. Третью категорию составили стимулы, в которых было распознано наличие качественной редукции большинством аудиторов – от 55% до 100%. Распределение по категориям показано в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Распределение восприятия качественной редукции
[Table 2. Categories of perceiving vowel quality modification]

№ пп.	Категория (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)	Среднее (%)
1	0–45	28,6	22,7	25,7
2	45–55	19	18	18,5
3	55–100	52,4	59,1	55,8

Как видно из представленных данных, в категории 1 оказалась сравнительно небольшая часть случаев качественной редукции в стимулах и у дикторов-мужчин, и у дикторов-женщин – 28,6% и 22,7% соответственно. В категории 2 оказалось меньше всего случаев редукции в стимулах и у дикторов-мужчин, и у дикторов-женщин – 19,0% и 18,2% соответственно. В категории 3, в соответствии с ожиданиями, оказалось 52,4% и 59,1% случаев редукции в стимулах у дикторов-мужчин и дикторов-женщин соответственно.

Приведём несколько примеров. В стимуле [dʌz'no] из контекста *может даже не очень влиятельный*, взятого из речи мужчины, произошло выпадение двух гласных и стяжение, а оставшийся гласный видоизменился до [ʊ] из-за усиления лабиализации. Целевая или близкая к целевой фонеме /i/-/i/ восстановили лишь 25,5% аудиторов. В стимуле [jʌdʊ'tɛk] из контекста *ещё раз я вам говорю о критическом мышлении*, взятого из речи мужчины, качественная редукция гласных имеет место в трёх случаях: первый нормативно редуцированный гласный [ʌ], второй неканонический после /g/ является результатом стяжения двух реализаций /a/ после выпадения губно-зубной /v/ и качественной редукции до [ʊ] (огубленность – след от выпавшей /v/), третий неканонический также является результатом стяжения /u/ и /a/ с последующей качественной редукцией до [ɛ]. В первом случае довольно значительная часть аудиторов – 42,2% – восстановили целевую гласную фонему /a/, чему способствовало то, что качественная редукция оказалась минимальной. Однако 25,3% восприняли выпадение гласной. Во втором случае лишь 7,1% аудиторов восстановили целевую гласную фонему /a/, при этом 40,8% аудиторов восприняли выпадение гласной фонемы. В третьем случае никто из аудиторов не восстановил целевые /u/ и /a/. В стимуле ['tɪmɪ] из контекста *ну, вот и имеем* из речи женщины в результате качественной редукции вместо целевой /e/ реализовалась /i/. Целевая /e/ была восстановлена меньшинством – 7,1% аудиторов. В стимуле [ptɛʃ'mi] из контекста *убыточный, потому что мы* из речи женщины гласный звук [ɛ] является результатом стяжения двух безударных /a/ и одного ударного /u/ с последующей качествен-

ной редукцией. Никто из аудиторов не восстановил целевые гласные. Однако почти половина аудиторов (46,5%) восприняла выпадение.

3. Заключение [Conclusion]

Результаты перцептивного эксперимента, в ходе которого 71 аудитору было предъявлено для опознания 66 стимулов (28 из речи мужчин и 38 из речи женщин), содержащих, согласно акустической картине, множественные и единичные выпадения, замены одних согласных и гласных на другие, а также стяжения, позволили сделать следующие выводы. Во-первых, при восприятии стяжения каноническое количество слогов не было опознано для 100% стимулов из речи мужчин и для 69,4% стимулов из речи женщин. При этом более половины стимулов у каждой группы попали в диапазон 90–100% опознания меньшего количества слогов. Результаты по восприятию стимулов с выпадениями в целом коррелируют с результатами по восприятию стяжения. Во-вторых, при восприятии замен согласных, образовавшихся вследствие ассимилятивных процессов, канонический согласный был восстановлен аудиторами лишь для 24,6–31,4% стимулов. Опознанные согласные замены значительно варьировали. Для некоторых стимулов они были близки к реальным акустическим признакам согласной замены, для других наблюдалась общность по какому-либо признаку замены. В-третьих, более чем в половине стимулов, содержащих неканоническую качественную редукцию гласных (в среднем 55,8%), наличие редукции было распознано большинством аудиторов (от 55% до 100% аудиторов). В среднем в 18,5% стимулов аудиторы опознавали канонические и качественно редуцированные неканонические гласные со схожей частотностью. Это означает, что канонический гласный не был опознан в 74,3% стимулов, содержащих качественную редукцию, не предусмотренную правилами классической фонологии. В среднем лишь в 25,7% стимулов с неканонической качественной редукцией канонический гласный был восстановлен большинством аудиторов.

Исследование в очередной раз показало, насколько значительно фонетические формы служебных и знаменательных русских слов могут меняться в потоке речи по сравнению с их каноническим слоговым и фонемным составом. Эти изменения естественны и являются неотъемлемой частью речепроизводства при обратной контролирующей связи с речевосприятием. То, насколько далеко эти модификации могут заходить, определяется тем, будут или не будут собеседниками опознаваться слова, содержащие эти модификации, в широком контексте и будет или не будет такая речь восприниматься как, с одной стороны, естественная, а с другой – нормативная. Пока ответом на этот вопрос будет «да», фонетические формы слов будут значительно варьировать. Проведённый перцептивный эксперимент продемонстрировал, что варьирование очень широко и что выпавшие и видоизменённые фонемы в условиях десемантизации, т. е. в нашем случае вне широкого контекста, восприятием зачастую не восстанавливаются. Это в свою очередь показывает, насколько велика роль контекста и априорных знаний как опоры при восприятии устной речи с постоянно варьирующими фонетическими характеристиками.

Библиографический список

- Айлл, Андросова, 2024 – Айлл Н.А., Андросова С. В. Варьирование монофтонгов в спонтанной речи (на материале гильзайского диалекта пушту) // Вокализм звучащей речи народов России и зарубежья / отв. ред. О. Н. Морозова. Благовещенск : АмГУ, 2024. С. 115–125.
- Айлл, Андросова, 2025 – Айлл Н.А., Андросова С. В. Реализация псевдодифтонгов в языке пушту: на материале гильзайского диалекта // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2025. № 1 (124). С. 91–100.

- Андросова, 2025 а – Андросова С. В. И вновь о важных фонетических явлениях в английском языке: к 20-летию аудиопрактикума спонтанной речи // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе: материалы XIII Междунар. науч.-метод. видеоконф. 17 января 2025 г. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2025. С. 19–25.
- Андросова, 2025 б – Андросова С. В. Лингвокреативность человека пишущего и говорящего (обзор вклада зарубежных и отечественных ученых) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 238–251. <https://doi.org/10.17223/18137083/90/18>
- Андросова и др., 2017 – Изучаем спонтанные английские тексты : учеб. пособие / С. В. Андросова, Е. В. Баррет, С. В. Деркач, О. Н. Морозова, М. А. Пирогова, Г. Р. Шепелина. 3-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2017. Ч. 1 186 с.; Ч 2. 112 с.
- Бондарко и др., 1974 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.
- Бондарко и др., 1988 – Фонетика спонтанной речи / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер [и др.]. Л. : Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1988. 245 с.
- Караваева, 2018 а – Караваева В. Г. Акустические и перцептивные характеристики гласных /у/ и /о/ (на материале британского новостного аналитического дискурса) // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 427. С. 39–46. <https://doi.org/10.17223/15617793/427/5>
- Караваева, 2018 б – Караваева В. Г. Перцептивные характеристики интервокальных согласных реализаций на месте орфографических -t-, -tt- (на материале британского новостного аналитического дискурса) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 424–437. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.308>
- Ли, 2022 – Ли И. Слабые формы слогов в спонтанной речи женщин (экспериментально-фонетическое исследование на материале китайского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Благовещенск, 2022. 280 с.
- Стреке, Андросова, 2025 – Стреке Я. В., Андросова С. В. Слабые формы слов в общественно-политическом дискурсе: гендерный аспект // Казанская наука. 2025. № 7. С. 530–534.
- Androsova, 2015 – Androsova S. V. Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 3. С. 5–15.
- Cauldwell, 2002 – Cauldwell R. Phonology for listening: Relishing the messy // Speech in action. 2002. https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy
- Cauldwell, 2014 – Cauldwell R. Phonology for listening: Teaching the stream of speech. e-book Speech in Action, 2014.
- Levis, Challis, 2024 – Levis J. M., Challis K. Connected Speech // Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners / A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis and M. Prikazchikov (Eds.). Iowa University Digital Press, 2024. <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/>
- Li, Androsova, 2023 – Li Y., Androsova S. V. A perceptual study of weak forms in Chinese: the case of phonetic homophony // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2023. Vol. 9, Iss. 4. P. 47–62. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-3>

References

- Aail, N. A., & Androsova, S. V. (2024). Var'irovanie monoftongov v spontannoy rechi (na materiale gil'zayskogo dialekta pushtu) [Vowel monophthong variation patterns in spontaneous speech] (Based on Ghilji dialect of Pashto). In O. N. Morozova (Ed.), *Vokalizm zvuchashchey rechi narodov Rossii i zarubezh'ya* [Vowels in oral speech of the peoples of Russia and abroad] (pp. 115–125). Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).
- Aail, N. A., & Androsova, S. V. (2025). Realizatsiya psevdodiftongov v yazyke pushtu: na materiale gil'zayskogo dialekta [Realization patterns of pseudo-diphthongs in Pashto: Based on Ghilji dialect]. *Vestnik Cherepovetskogo gos. un-ta* [Cherepovets State University Bulletin], 1 (124), 91–100. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-20/> (In Russ.).

- Androsova, S. V. (2025 a). I vnov' o vazhnykh foneticheskikh yavleniyakh v angliyskom yazyke: k 20-letiyu audiopraktikuma spontannoy rechi [Crucial phenomena of English phonetics revisited: To the 20th anniversary of the coursebook on spontaneous speech], *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshikh i srednikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape [Teaching foreign languages to students at modern universities and secondary schools]: XIII International conf. proc., January 17, 2025* (pp. 19–25). Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).
- Androsova, S. V. (2025 b). Lingvokreativnost' cheloveka pishushchego i govoryashchego (obzor vklada zarubezhnykh i otechestvennykh uchenykh) [Linguistic creativity: From writing to speaking (Contributions of Russian and foreign scholars)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 1, 238–251. <https://doi.org/10.17223/18137083/90/18>. (In Russ.).
- Androsova, S. V., Barrett, E. V., Derkach, S. V., Morozova, O. N., Pirogova, M. A. and Shepelina, G. R. (2017). *Izuchaem spontannyye angliyskie teksty [Studying spontaneous English texts]*. Parts 1–2, 3d edn., Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Eng. and Russ.).
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Gordina, M. V., Zinder, L. R., & Kasevich, V. B. (1974). Stili proiznosheniya i tipy proizneseniya [Pronunciation styles and types]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 2, 64–70. (In Russ.).
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Zinder, L. R. et al. (1988). *Fonetika spontannoy rechi [Phonetics of spontaneous speech]*. Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Karavaeva, V. G. (2018 a). Akusticheskie i pertseptivnye kharakteristiki glasnykh /u/ i /o/ (na materiale britanskogo novostnogo analiticheskogo diskursa) [Acoustic and perceptual characteristics of vowels /u/ and /o/ (In BBC analytical news programs)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Tomsk State University Journal]*, 427, 39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/427/5>
- Karavaeva, V. G. (2018 b). Pertseptivnye kharakteristiki intervokal'nykh soglasnykh realizatsiy na meste orfograficheskikh -t-, -tt- (na materiale britanskogo novostnogo analiticheskogo diskursa) [Perceptual features of intervocalic consonant realizations used for -t-, -tt- (Based on British news analytic discourse)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 15 (3), 424–437. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.308>
- Li, Y. (2022). *Slyabye formy slogov v spontannoy rechi zhenshchin (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale kitayskogo yazyka) [Weak syllable forms in female spontaneous speech (An experimental-phonetic study based on Chinese)]*. PhD in Philological sci. diss. Blagoveshchensk, Amur State University. (In Russ.).
- Streke, Ya. V., & Androsova, S. V. (2025). Slabye formy slov v obshchestvenno-politicheskom diskurse: gendernyy aspekt [Weak forms of words in socio-political discourse (Based on female and male speech)]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 7, 530–534. (In Russ.).
- Androsova, S. V. (2015). Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1 (3), 5–15.
- Cauldwell, R. (2002). Phonology for listening: Relishing the messy. *Speech in action*. https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy
- Cauldwell, R. (2014). *Phonology for listening: Teaching the stream of speech*. e-book Speech in Action.
- Levis, J. M. and Challis, K. (2024). Connected Speech. In A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis and M. Prikazchikov (Eds.), *Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners*. Iowa University Digital Press. <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/>
- Li, Y., & Androsova, S. V. (2023). A perceptual study of weak forms in Chinese: the case of phonetic homophony. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9 (4), 47–62. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-3>

Стрельцов Алексей Александрович
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
al-astr@yandex.ru

Письмо с угрозой в новелле О.Генри «Вождь краснокожих»: сопоставительный анализ переводов с английского языка на русский

Аннотация

Объектом изучения в статье является один малоформатный текст, обладающий смысловой завершенностью, а именно письмо с угрозой в новелле О. Генри «Вождь краснокожих», представленное в тексте художественного произведения для развития сюжета. Цель исследования состоит в выявлении переводческих трансформаций для установления возможности точной и адекватной передачи указанного фрагмента романа с английского языка на русский. Материалом для исследования послужили семь переводов данного письма, выполненных в 20–21 вв. В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа удалось установить, что переводы отличается вариативность на уровне лексем и словосочетаний и, частично, общность решений на уровне простых предложений и их частей. Эта общность объясняется как особенностями структуры предложений и необходимостью соблюдения языковых и речевых норм, так и, отчасти, знакомством с работой предшественников. Отмечена тенденция к использованию преимущественно грамматических, в том числе синтаксических, трансформаций в переводах, выполненных в последние годы, тогда как в советское время переводчики использовали в большей мере лексические и грамматические (морфологические) трансформации.

Ключевые слова: художественный перевод, малоформатный текст, вариантное соответствие, единица перевода, точный перевод

© Стрельцов А. А. 2025

Для цитирования: Стрельцов А. А. Письмо с угрозой в новелле О.Генри «Вождь краснокожих»: сопоставительный анализ переводов с английского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 137–149. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-137>

Aleksey A. Streltsov
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
al-astr@yandex.ru

A threat letter in a story “The Ransom of the Red Chief” by O’Henry: A comparative analysis of translations from English into Russian

Abstract

The article considers one small-size text characterized by semantic completeness, particularly, a threatening letter from O’Henry’s short story “The Ransom of the Red Chief” intended for the development of the plot. The study aims to identify translation transformations that can provide exact and adequate translation of the letter from English into Russian. Seven translations of the letter performed in 20th–21st centuries were chosen as the material for the study. The material was processed using comparative analysis. As a result, considerable

variations in translation of certain words and word combinations were found along with a number of common translator solutions concerning simple sentences and their parts. The latter can either be explained by the nature of syntactic patterns themselves and the requirement to maintain language and speech standards, or, partly, by the impact of previously published translations. Modern translators more readily used grammatical transformations including the change in syntactic pattern, whereas soviet translators more often applied lexical and morphological transformations.

Keywords: literary translation, small text, variable equivalent, a translation unit, accurate translation

© Streltsov A. A. 2025

For citation: Streltsov, A. A. (2025). Pis'mo s ugrozoy v novelle O. Genri «Vozhd' krasnokozhykh»: сопоставительный анализ переводов с английского языка на русский [A threat letter in a story “The Ransom of the Red Chief” by O’Henry: A comparative analysis of translations from English into Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 137–149. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-137>

1. Введение [Introduction]

Творчество американского писателя О. Генри вызывает интерес отечественного читателя на протяжении уже более сотни лет: первый сборник его рассказов был опубликован ещё в 1915 году, а в 1923–1926 гг. выходило уже по несколько сборников в год, и они продолжают переиздаваться. Почти в каждое третье издание входит один из самых популярных его рассказов – юмористическая новелла «Вождь краснокожих», – а несколько сборников даже носят то же название, что и этот рассказ. Не обойдён он и вниманием исследователей: только за последние 10 лет вышли несколько статей, посвящённых литературным [Яшина и др., 2015 ; Иванова и др., 2019], лингвистическим [Семенова, Сивак, 2022] аспектам, а также вопросам перевода [Иванова, 2015 ; Иванова, Алексеева, 2018].

В основе сюжета – история похищения мальчика, за которого злоумышленники потребовали выкуп. О б ъ е к т о м исследования является текст написанного ими письма с требованием выкупа, а п р е д м е т о м – особенности его перевода с английского языка на русский. Ц е л ь исследования состоит в выявлении использованных переводчиками разных лет переводческих трансформаций для установления возможности точной и адекватной передачи указанных фрагментов романа с английского языка на русский.

Трансформации в переводе художественной литературы по-прежнему привлекают внимание исследователей и переводчиков-практиков. Авторы статей изучают как использование трансформаций в целом [Коваленко, 2015 ; Максимова, Пэшко, 2016 ; Катернюк, 2023], так и отдельных их групп [Измайлов, 2010 ; Разумкова, Ермаченкова, 2024], как особенности трансформационного перевода отдельных явлений [Малыгина, 2009 ; Акифьева, 2019 ; Губочкина, 2020 ; Трегубова, 2023 ; Белякова, 2024], так и применение отдельных приёмов перевода [Кириченко, Полевик, 2013 ; Нелюбова, Фомина, 2018 ; Косолапова, 2023].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили семь переводов письма: четыре, выполненные в 20 веке (В. Азов, не указанный (далее по тексту Н. У. – А. С.), М. Лорие, Н. Дарузес – в тексте статьи они называются «советскими» переводчиками), и три – в 21 веке (В. Евменов, А. Климов, С. Адрианов). В качестве основного метода исследования использовался сравнительно-сопоставительный анализ, в ходе которого соотноси-

лись лексические, грамматические и стилистические переводческие решения. Первым же результатом его применения стало установление того факта, что в издании 1937 г., в котором переводчик также не был указан, напечатан перевод В. Азова, подвергшийся незначительной редактуре. Поэтому текст его был исключён нами в процессе работы над статьёй из числа анализируемых, но в нескольких местах мы отмечали выявленные расхождения.

Для удобства анализа, сложные предложения (далее обозначены арабской нумерацией) были разбиты на простые, а в тех случаях, когда отмечалась значительная вариативность переводов, – на отдельные их части и словосочетания (далее – сегменты, обозначены латинскими буквами).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Следует отметить, что в оригинале рассказ называется “The ransom of the red chief”, но из переводчиков только В. Евменов, а также З. Львовский и Н. Давыдова, переводы которых нам, к сожалению, не удалось найти, калькировали его. При этом все остальные переводчики опустили упоминание о выкупе в заголовке.

Предложение 0

Обращение *Ebenezer Dorset, Esq.* переведено почти всеми одинаково: *Эбенезеру Дорсету, эсквайру*; только в издании 1926 г. (переводчик – Н. У.) последнее слово написано с заглавной буквы, а фамилия – через «э».

Предложение 1

а) *We have your boy concealed*

В предложении использована конструкция “to have something done”, которая предполагает, что вы не сами совершаете действие, а пользуетесь чьими-то услугами. В действительности, никаких помощников у похитителей не было, и первая часть предложения была переведена как *Мы спрятали вашего сына / мальчика*: таким образом, В. Азов, Н. У., и М. Лорие прибегли к контекстуально обусловленной конкретизации – *boy* 'сын', тогда как Н. Дарузес и А. Климов использовали основное соответствие – *boy* 'мальчик'. Два других переводчика предпочли изменить субъект-объектные отношения: *Ваш сын у нас, он скрыт* (В. Евменов) – одновременно использовано внутреннее членение и сохранён пассивный залог; *Ваш мальчик находится в наших руках* (С. Адрианов) – заменён глагол, и вся конструкция оригинала передана устойчивым выражением в переводе, что можно рассматривать как случай функциональной замены.

б) *in a place far from Summit*.

В этом сегменте, являющимся в предложении обстоятельством места, в первую очередь интерес вызывает передача артикля как имени числительного: *в одном месте* (В. Азов), прилагательного: *в тайном месте* (С. Адрианов), *в надёжном месте* (Н. Дарузес, В. Евменов, А. Климов); также эти три переводчика прибегли к генерализации, заменив название города на слово *город*, тогда как В. Азов первоначально перевёл его как *Саммит*, а в варианте от 1937 г., в соответствии с правилами транскрипции – как *Саммит*. Так название города перевёл и С. Адрианов, тогда как Н. У. зачем-то переделал его «на немецкий лад»: *Гунфельбург* (англ. *summit* означает 'вершина', также, как и нем. *Gipfel*), а М. Лорие заменил на словосочетание *Зелёный Холм*. При этом поселение с названием Саммит существует в штате Алабама (а место действия указано в начале рассказа). Почти все перевели наречие *far* как 'далеко', А. Климов – 'вдали' (с тем же корнем), и только С. Адрианов – антонимом 'близ'.

Предложение 2

It is useless for you or the most skilful detectives to attempt to find him.

Это безличное предложение с конструкцией «for – to – Inf.», которая представляет собой сочетание существительного (в данном случае, атрибутивного словосочетания

в превосходной степени) или (в данном случае, и) личного местоимения с инфинитивом, которые при переводе должны стать подлежащим (в данном случае, однородными) и сказуемым. Передать однородные подлежащие пытались при помощи парного союза: *не только ... но и / даже ...* (Н. Дарузес, А. Климов), *ни... ни...* (М. Лорие, В. Евменов), простого сочинительного: *Вы и ... сыщики* (Н. У.), или перераспределения субъект-объектных отношений: *Вам не помогут никакие, ... сыщики* (В. Азов). Проще всех поступил С. Адрианов, сделав подлежащим слово «попытка», а местоимение и словосочетание – определяемыми: *... ваши или же самого способного детектива попытки...*

Перевод местоимения не представляет сложности, тогда как атрибутивное словосочетание можно было перевести как: *самые лучшие сыщики* (В. Азов, М. Лорие) или *самые искусные / опытные сыщики* (В. Евменов и А. Климов, соответственно) – окказиональная замена прилагательного, *самые ловкие сыщики* (Н. У. и Н. Дарузес) – словарное соответствие. С. Адрианов заменил число: *самый способный детектив*.

Прилагательное *useless* было переведено наречиями: *бесполезно* (Н. У., В. Евменов), *напрасно* (Н. Дарузес, А. Климов, С. Адрианов). В двух переводах оно было опущено (В. Азов, М. Лорие). Инфинитив *to find* был передан инфинитивом: соответствием *найти* (В. Евменов, А. Климов), антонимами *искать* (Н. У., Н. Дарузес) и *отыскать* (М. Лорие, С. Адрианов).

Инфинитив *to attempt* опустили все советские переводчики, а российские передали его каждый по-своему, но все – в сочетании с предыдущим инфинитивом: глаголом – *Не пытайтесь его искать* (В. Евменов), деепричастием – *пытаясь его найти* (А. Климов), существительным – *попытки отыскать его* (С. Адрианов).

Самые краткие переводы у В. Азова и М. Лорие – за счёт опущений слов и упрощения структуры предложения, а самые длинные – у А. Климова – за счёт добавления *потратят силы* и В. Евменова – он единственный прибег к членению предложения (и дважды поэтому перевёл инфинитив *to find* – как *искать* и *найти*) и добавил *не смогут*.

Предложение 3

а) *Absolutely, the only terms*

Наречие не несёт здесь смысловой нагрузки, и поэтому было опущено всеми переводчиками. Только Н. У. передал словосочетание как *Вот единственные условия*, тогда как большинство переводчиков предпочло использовать дополнение, что привело к образованию синонимичной пары: *Единственные и окончательные условия* (В. Азов, М. Лорие), Н. Дарузес посчитала возможным использовать бессоюзную связь, а В. Евменов – заменить число на единственное; А. Климов добавил местоимение и заменил пару: *Наши окончательные и не обсуждаемые условия*.

б) *on which you can have him restored to you are these:*

М. Лорие и Н. Дарузес перевели это так: *на которых вы можете получить его обратно, следующие*. Остальные варианты немного отличаются: В. Азов вместо местоимения *его* использовал конкретизирующее словосочетание *вашего сына*, Н. У. и В. Евменов заменили предлог на *при*, и опустили слово *следующие*, кроме того, В. Евменов вместо *обратно* использовал его синоним *назад*. С. Адрианов старался избегать дословности: он перенёс двоеточие, обособил предложение, и использовал замены и добавления. В результате, его перевод выполнен на третьем уровне эквивалентности, и существенно отличается от других: *Решительно и бесповоротно заявляем вам: единственное средство получить его обратно заключается в нижеследующем*.

в) *We demand fifteen hundred dollars in large bills for his return*

Предложенные варианты перевода примерно совпадают: *мы требуем за его возврат вам / возвращение тысячу пятьсот / полторы тысячи долларов крупными купюрами / в крупных купюрах*. В. Азов, М. Лорие использовали слово *возврат*, а Н. Дарузес.

В. Евменов и С. Адрианов синоним – *возвращение*, Н. У. опустил это слово, а А. Климов объединил данное предложение с предыдущим: *Вы можете получить его обратно живым и невредимым...* (последние слова являются контекстуально обусловленным дополнением). Никто не передал сумму дословно – использование более мелких единиц для счёта характерно для американцев, а в случае перевода на русский допустимы лишь два варианта: *тысячу пятьсот долларов* (В. Азов, Н. У. и М. Лорие и С. Адрианов), *полторы тысячи долларов* (Н. Дарузес, В. Евменов и А. Климов). Н. У. и В. Евменов перевели уточняющую фразу дословно: *в крупных купюрах*, в то время как В. Азов, М. Лорие и С. Адрианов использовали вариант без предлога – *крупными купюрами*, – а двое других прибегли к опущению.

d) *the money to be left at midnight to-night at the same spot and in the same box as your reply – as hereinafter described.*

В предложении пропущено сказуемое, и правильно было бы написать *the money is to be left...* Почти все переводы первой половины предложения совпадают: *Деньги должны быть оставлены сегодня в полночь ...*; только В. Азов променял местами глагол и наречие, а Н. У. и С. Адрианов заменили слово *оставлены*, являющееся словарным соответствием, на слово *положены*, что допустимо по контексту. В. Евменов предпочёл изменить тип предложения, сделав его личным: *Вы должны оставить деньги...*

Дальше указывается, где именно: *на том самом месте, на котором / где мы найдём ваш ответ на это / настоящее письмо*. Переводы В. Азова, М. Лорие и С. Адрианова в этой части очень близки, но ни один из них не упоминает одну деталь: *... и в той (же) коробке / коробочке, что и ваш ответ*. Однако эта деталь передана в переводах Н. Дарузес, В. Евменова, А. Климова. При этом Н. Дарузес употребила уменьшительную форму, Н. У. поступил также, но использовал не основное, а вариантное соответствие, а также он единственный перевёл слово *same* прилагательным – *в определённый ящик в определённом месте*, – в то время как все остальные заменили его на указательное местоимение.

e) *as hereinafter described.*

В первых трёх по времени переводах сегмент, содержащий местоимённое наречие, передали при помощи конверсии (глагол → существительное) и добавления глагола в настоящем времени – *описание (места) следует ниже*, – только Н. У. не добавил слово *место*. В следующих трёх перевели как *где именно / конкретно, будет сказано / указано ниже*; Н. Дарузес и В. Евменов добавили *сказано*, а А. Климов – *указано* в форме будущего времени; так же перевёл С. Адрианов, но он вычленил эту фразу в отдельное предложение: *Место это будет указано ниже*.

Предложение 4

a) *If you agree to these terms*

Придаточное предложение условия большинство передали дословно: *Если вы согласны на эти условия*. В. Азов и М. Лорие заменили указательное местоимение на притяжательное *наше* и *наши*, соответственно, при этом В. Азов заменил число, а А. Климов изменил падеж – *с нашими условиями*.

b) *send your answer in writing ... to-night at half-past eight o'clock*

В. Азов и М. Лорие перевели эту фразу одинаково: *пришлите письменный ответ сегодня в половине девятого вечера*. От дословного этот перевод отличается опущением местоимения, и перестановкой определения, что вполне оправданно. Переводы Н. Дарузес и В. Евменова близки: *пришлите (ваш) ответ в письменном виде ... к половине девятого*; В. Евменов сохранил местоимение. Переводы Н. У. и С. Адрианова отличаются порядком слов: *(то) пошлите сегодня вечером в половине девятого Ваш письменный ответ / письменный ответ ... сегодня же вечером, не позднее половины девятого*. С. Адрианов опустил местоимение, и добавил частицу *же* и отрицательную форму на-

речия в сравнительной степени *не позднее*. А. Климов применил членение: *ответьте письмом* (использовано стяжение: *send ... answer* → *ответьте*, а часть предложного словосочетания *in writing* получило смысловое развитие в *письмо*) стало главным членом в первом предложении, а во втором предложении пришлось добавить подлежащее, сказуемое и обстоятельство места: *Оно должно быть доставлено ... к половине девяти того в указанное здесь место*.

с) *by a solitary messenger*.

Это словосочетание отсутствует в переводах В. Азова и М. Лорие. Н. У. опустил определение *с посылным*, В. Евменов передал определяемое слово так же, а определение – антонимично: *без сопровождения*. А. Климов добавил уточнение: *одним (не более) посылным*, а Н. Дарузес опустила именно определяемое слово: *с кем-нибудь одним*, и только С. Адрианов использовал калькирование: *одиночным курьером*.

Предложение 5

а) *After crossing Owl Creek, on the road to Poplar Cove*

В. Азов и М. Лорие перевели эту часть предложения одинаково: *Когда перейдете Совиный ручей, по дороге в Поплар-ков* (в переводе 1937 года В. Азов заменил последнюю согласную на глухую: *-коф*); С. Адрианов предложил похожий вариант, передав герундий дееспричастием *минуя*, и заменив предлог на *в* на *на*. Название ручья во всех трёх случаях калькировано, а второго топонима – транскрибировано, что затрудняет его понимание. В переводе Н. У. появляется конкретизация – *шоссе к Пенпелуху* (дорога → шоссе), что допустимо, но сам факт появления такого рода дороги в американской сельской местности в начале XX в. представляется невероятным. Вместе с тем этот переводчик единственный, кто попытался передать значение слова *cove*, правда, очень своеобразно, но зато с намёком на то, чем это место является: *loch* – это не только название озера (в Шотландии), но и узкий морской залив, а *cove* – это небольшая бухта / залив или закрытое место в скалах на морском берегу. Наши варианты – *Тополиная бухта / заводь*. Последний вариант – *заводь* – предпочтителен, т. к. Саммит находится на севере штата Алабама в округе Блант и не имеет выхода к Мексиканскому заливу, но зато здесь протекает река Блэк Уорриор и её притоки.

Попытки перевода без словаря привели к появлению *посёлка Тополя* (В. Евменов), а Н. Дарузес и А. Климов посчитали, что в тексте рассказа допущена опечатка и имелось в виду *grove*, и поэтому у первой в переводе *фигурирует Тополевая роща*, а у второго – *Поплар Гроув* (и *Оул-крик* – дважды использована транскрипция).

Поскольку способ перехода через ручей не указан, трое переводчиков сочли нужным добавить: *за мостом* (Н. У.), *за бродом* (Н. Дарузес и А. Климов).

б) *there are three large trees about a hundred yards apart*

В. Азов и М. Лорие, с одной стороны, и Н. Дарузес и А. Климова – с другой перевели эту часть предложения одинаково: *(тут) растут три высоких / больших дерева, на расстоянии около ста ярдов одно от другого*. Небольшое отличие в том, что в более поздних переводах опущено указательное местоимение, а прилагательное *large* передано словарным соответствием. Эти четверо переводчиков передали оборот *there are* глаголом *растут*, тогда как у Н. У. и В. Евменова деревья *стоят*, а у С. Адрианова *находятся на расстоянии*, которое только Н. У. попытался перевести в метрическую систему – *приблизительно на пятьдесят метров*.

с) *close to the fence of the wheat field*

Все варианты перевода близки: *у (самого) забора / изгороди, окружающего / ограждающего пахотное / пшеничное поле / поле пшеницы*. Слова *забор* (В. Азов, Н. У., М. Лорие, С. Адрианов) и *изгородь* (Н. Дарузес, В. Евменов, А. Климов) – синонимы, если речь идёт о сельской местности, также контекстуальными синонимами яв-

ляются глаголы *окружать* (В. Азов) и *ограждать* (Н. У., М. Лорие). Только В. Азов сделал неоправданную замену – *пахотное поле*, – остальные переводчики использовали калькирование – *пшеничного поля* (Н. Дарузес, В. Евменов, А. Климов, С. Адрианов) с дополнительной перестановкой – *поле пшеницы* (Н. У., М. Лорие).

d) *on the right-hand side*.

Есть два основных варианта перевода этого словосочетания: *по правую руку* (В. Азов, М. Лорие, С. Адрианов), *с правой стороны* (Н. У., Н. Дарузес) и промежуточный *по правую сторону* (В. Евменов). А. Климов опустил эту деталь.

Предложение 6

a) *At the bottom of the fence-post, opposite the third tree*,

Наиболее точный перевод первой части фразы предложил Н. У.: *У подножья столба в заборе*. В вариантах В. Азова и С. Адрианова не указывается точное местонахождение: *у столба забора* и *у самого заборного столба* соответственно. Переводы Н. Дарузес, В. Евменова и А. Климова совпадают, но немного искажают смысл: *Под столбом (этой) изгороди* – получается, нужно ещё раскопать землю, но вторую часть фразы они передали точно: *напротив третьего дерева*, а варианты остальных очень близки: *против* (В. Азов, М. Лорие) и *насупротив* (С. Адрианов) – неоправданная попытка стилизации, тогда как у Н. У. мы находим вариант *возле*.

b) *will be found a small pasteboard box*.

В предложении отсутствует подлежащее, которое все переводчики посчитали нужным добавить: *(ваши) посланный / посыльный / посланец найдёт (маленькую) картонную коробочку / (небольшую) картонную коробку*. В. Азов избыточно использовал прилагательное *маленький* и уменьшительный суффикс – *коробочка*, а В. Евменов опустил прилагательное. Также только он и С. Адрианов использовали вариант перевода *посыльный*, что предполагает использование человека, работающего в некоем учреждении, или нанимаемого для доставки сообщений, А. Климов – *посланец*, что является контекстуально допустимым вариантом.

Предложение 7

a) *The messenger*

В переводах отмечается прономинализация определённого артикля и замена существительного однокоренным причастием – *Ваши посланный* (В. Азов, М. Лорие), иногда с перестановкой – *Посланный Вами* (Н. У.) или даже полной заменой подлежащего личным местоимением *он* (В. Азов – перевод 1937 года, Н. Дарузес, А. Климов), или описательно – *тот, кто принёсет ответ* (С. Адрианов). В. Евменов изменил тип предложения на неопределённо-личное со сказуемым в повелительном наклонении: *пусть....*

b) *will place the answer in this box and return immediately to Summit*.

Почти все переводчики посчитали *will* модальным глаголом, и поэтому в переводе использовано сложное однородное сказуемое *должен положить (ваши) ответ / его / письмо в эту коробку/коробочку и немедленно вернуться....* В переводах В. Азова и М. Лорие имеет место прономинализация определённого артикля и дословный перевод, у Н. У., Н. Дарузес и А. Климова – нулевой перевод артикля; В. Евменов конкретизировал определяемое слово – *ответ* → *письмо*, а С. Адрианов использовал прономинализацию – *его*. Только Н. У. перевёл *box* вариантным соответствием *ящик*, хотя выше использовал то же соответствие, что и все остальные.

Второй элемент В. Азова и М. Лорие, Н. Дарузес, А. Климов перевели калькой с глаголом в неличной форме, а В. Евменов – в повелительном наклонении. Место, куда именно должен вернуться посланный, В. Азов, Н. У. и М. Лорие перевели как *Сэммит*, *Гипфельбург* и *Зелёный холм* соответственно (см. 1b), трое других – генерализацией – в город, а, согласно С. Адрианову, он должен просто *удалиться*.

Предложение 8

a) *If you attempt any treachery*

Есть две пары совпадающих переводов первой части придаточного предложения условия: *Если вы задумаете какую-нибудь подлость* (В. Азов, С. Адрианов) и *Если вы захотите / попытаетесь нас выдать* (Н. У., Н. Дарузес соответственно). Дело в том, что основные значения слова *treachery* 'вероломство, измена, предательство' не подходят по контексту – нельзя предать вымогателя, поэтому каждый из переводчиков поступал так, как считал нужным. Подлостью для преступников являлось бы обращение в полицию, отсюда и перевод *выдать*, а А. Климов написал прямо: *обратиться в полицию*. М. Лорие и В. Евменов предпочли выразить эту же мысль уклончиво: *Если вы затеете какой-нибудь подвох / попытаетесь нас надуть*. Эти два перевода, особенно более ранний (сохранены местоимение и неопределённое местоимение), близки по смыслу вариантам В. Азова и С. Адрианова: *задумать* и *затейть* – синонимы, как и *подвох* и *подлость*, тогда как вариант В. Евменова – «глагол + нас (добавление) + инфинитив (в оригинале – существительное) – по структуре близок переводам Н. У. и Н. Дарузес.

b) *or fail to comply with our demand as stated*

Во второй части совпадают переводы В. Азова и М. Лорие – *или не согласитесь на наши условия*, а три других очень близки – *выполнить(те) наших / вышеуказанных требований* (Н. Дарузес, В. Евменов, А. Климов). Последние слова Н. Дарузес перевела точно – *как сказано*, В. Евменов заменил их на прилагательное *вышеуказанный*, поставив его перед определяемым словом, а А. Климов использовал лексико-семантическую замену *в точности*. Н. У. единственный прибег к контекстуально обусловленной конкретизации – *или откажетесь заплатить деньги*.

c) *you will never see your boy again.*

Хотя почти все переводили главное предложение как *вы никогда больше не увидите вашего сына*, есть незначительные вариации: с перестановкой – *больше никогда* (В. Евменов), с заменой местоимения – *своего сына* (М. Лорие) и *вашего мальчика* (А. Адрианов), последний – единственный, кто перевёл слово *boy* основным соответствием, а не контекстуально обусловленной конкретизацией.

Предложение 9

a) *If you pay the money as demanded,*

Переводы придаточного предложения условия В. Азова и М. Лорие совпадают: *Если вы заплатите деньги, как указано*; Н. Дарузес заменила последнее слово на *сказано*. В. Евменов и А. Климов заменили слово *деньги* и опустили местоимение – *Если заплатите / уплатите (выше)указанную сумму*; Н. У. и С. Адрианов сделали перестановку и частичечную замену – *Если же вы уплатите по нашему требованию / причитающиеся с вас деньги*. Таким образом, только В. Азов, Н. У. и М. Лорие передали обстоятельство *as demanded* обстоятельством, а остальные – определением, прибегнув к функциональной замене.

b) *he will be returned to you*

Оригинальное предложение используется в будущем времени, а глагол – в форме пассивного залога (Future Simple Passive).

Н. Дарузес и В. Евменов перевели первую часть дословно: *он будет вам возвращён с отличием в порядке слов вам и возвращён*; В. Азов и М. Лорие заменили местоимение в функции подлежащего на конкретизирующее словосочетание *ваш сын*, С. Адрианов снова передал слово *boy* основным соответствием *мальчик*, а А. Климов произвёл замену на существительное *ребёнок*. В варианте перевода В. Азова от 1937 года добавлен союз *а* в начале предложения. Только Н. У. изменил залог, сделав предложение неопределённо-личным – *Вам вернут*.

c) *safe and well within three hours*.

Есть две пары совпадающих переводов первой части: *здоровый и невредимый* (В. Азов, М. Лорие). У С. Адрианова перевод близок, но прилагательные даны в краткой форме *здрав и невредим*. Н. У. и Н. Дарузес произвели замену первого слова – *целый и невредимый*. У В. Евменова первое прилагательное заменено на *живой*, а А. Климов опустил эту синонимичную пару.

Также есть два варианта перевода обстоятельства времени: *через три часа* (В. Азов, Н. У., М. Лорие) и *в течение трёх часов* – все остальные. Место этого члена в предложении различается: у Н. Дарузес, В. Евменова, А. Климова обстоятельство стоит в конце, как и в оригинале, у трёх других оно стоит перед именной частью сказуемого, и только у С. Адрианова в конце стоит глагольная часть сказуемого, т. е. осуществлена инверсия.

Предложение 10

a) *These terms are final*

Переводы предложения В. Азова и М. Лорие совпадают полностью: *Условия эти окончательные*, а у Н. Дарузес и С. Адрианова изменён порядок подлежащего и определяющего его указательного местоимения, а последний добавил ещё тире, тогда как Н. У. добавил местоимение *наши*, а В. Евменов заменил местоимение прилагательным *данные*. А. Климов объединил эту часть сложного предложения со следующей, условным предложением: *Если наши условия...*

b) *and if you do not accede to them*

В этой части предложения снова содержится условие: *если вы не согласитесь на них* (В. Азов, Н. Дарузес), Н. У. заменил глагол на однокоренное краткое прилагательное *не согласны*, М. Лорие заменил глагол на контекстуальное соответствие *не пойдёте*, а С. Адрианов – на вариантное соответствие *не примете*. А. Климов использовал тот же глагол в форме будущего времени – *не будут приняты*. В. Евменов прибег к антонимическому переводу – *в случае отказа*.

c) *no further communication will be attempted*.

Основную вариативность в переводе этого заключительного фрагмента письма представляют существительное *communication* и глагол *to attempt* в форме будущего времени и пассивном залоге, которое в данном предложении нельзя перевести основным соответствием, чтобы не нарушить норм ПЯ. Поэтому следует, например, заменить существительное вариантным, а глагол – контекстуальным соответствием: *никаких сообщений от нас вы больше не получите* (В. Азов, М. Лорие). Можно также прибегнуть к антонимичному переводу: *всякие дальнейшие сообщения / всяческие сношения (с вами) будут прерваны / прекращены* (Н. Дарузес, В. Евменов, соответственно). Другой способ – использовать только контекстуальные соответствия и антонимичный перевод: *всякие / все дальнейшие переговоры исключаются / прекращаются* (А. Климов, С. Адрианов, соответственно). Н. У. использовал внутреннее членение, добавив сказуемое и, посредством конверсии, превратив сказуемое в подлежащее: *нами не будет сделано никаких дальнейших попыток к переговорам*.

При этом отрицательная частица обычно передаётся местоимением: или отрицательным – *никакой*, или относительным – *всякий*, т. е. имеет место прономинализация, а прилагательное *further* передаётся словарным соответствием *дальнейший* или же опускается.

Подпись: TWO DESPERATE MEN. В. Азов, М. Лорие и С. Адрианов перевели как *Два отчаянных человека*. Перевод Н. У. на первый взгляд похож: *Два отчаявшихся человека*, но при этом *эти два злодея* (Н. Дарузес, А. Климов) превратились из неисправимых в своих недостатках, способных на самый рискованный поступок в потерявших надежду.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ позволил установить, что перевод рассмотренного нами фрагмента рассказа, выполненного М. Лорие, представляет собой отредактированную версию опубликованного за четверть века до этого перевода В. Азова. Перевод указанного фрагмента В. Евменова, хотя и обнаруживает некоторые параллели с переводом Н. Дарузес, опубликованным сразу после войны, является самостоятельным, а отдельные совпадения могут свидетельствовать лишь о знакомстве с более ранним вариантом, что не удивительно – немногие из ныне живущих читателей знакомы с какими-либо другими переводами этого рассказа. Переводы же неуказанного переводчика и С. Адрианова настолько отличаются от всех прочих, что упоминать о каком-либо заимствовании в их случае не представляется возможным.

Причина заключается в том, что у каждого из двух вышеупомянутых переводчиков своя манера перевода: С. Адрианов свободно меняет структуру приложений, используя смену субъект-объектных отношений, инверсию, членение приложений и различные грамматические замены, а также антонимический перевод. В меньшей степени это свойственно В. Евменову и неуказанному переводчику: последний сочетает «лексический» и «грамматический» акцент на приёмы перевода и порой допускает «вольности», в большей мере свойственные С. Адрианову и В. Евменову. Порой это сказывается, хоть и не существенно, на точности перевода. Перевод А. Климова отличается большим чем у всех прочих использованием объединения предложений и добавлений.

Все остальные советские переводчики в большей степени использовали лексические и лексико-семантические трансформации: добавления, опущения, конкретизацию, а из грамматических – частеречные и функциональные замены, конверсию, прономинализацию, нулевой перевод. Меньше всех прибегает к различным трансформациям Н. Дарузес – автор самого растиражированного перевода.

Таким образом, наше исследование, осуществлённое на материале нескольких переводов, выполненных за последние сто лет, позволяет сделать вывод, что точная и адекватная передача отдельных фрагментов прозаических художественных текстов вполне возможна. Точность перевода в меньшей степени зависит от времени его осуществления (первая половина или середина XX в., наши дни) и пола переводчика (почти все мужчины, кроме Марии Лорие и Нины Дарузес), но прежде всего – от личностных особенностей переводчика. Почти все, кроме выполненного неуказанным лицом, проанализированные переводы можно признать адекватными, поскольку они передают коммуникативное намерение оригинала – эмоциональное воздействие на читателя. В дальнейшем представляется возможным сравнительно-сопоставительный анализ переводов других писем, тексты которых приводятся в произведениях англоязычных авторов.

Источники материала

- О.Генри, 1923 – О.Генри Вождь краснокожих [пер. В. Азов] / Пути, которые мы избираем. Пг. : Атеней, 1923. 480 с.
- О.Генри, 1926 – О.Генри Выкуп [без указания переводчика]. URL : http://az.lib.ru/o/ogenri/text_08_vozhd_krasnokozhih-1926.shtml (дата обращения : 10.01.2025).
- О.Генри, 1937 – О.Генри Вождь краснокожих [пер. неизвестен]. URL : [https://ru.wikisource.org/wiki/Вождь_краснокожих_\(О._Генри\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Вождь_краснокожих_(О._Генри)) (дата обращения : 10.01.2025).
- О.Генри, 1948 – О.Генри Вождь краснокожих [пер. М. Лорие] / Рассказы. М.Л. : ОГИЗ Гослитиздат, 1948. 88 с.
- О.Генри, 1956 – О.Генри Вождь краснокожих [пер. Н. Дарузес]. URL : <https://ilibrary.ru/text/4318/p.1/index.html?ysclid=m5tv7d52is626799224> (дата обращения : 10.01.2025).
- О.Генри, 2012 – О.Генри Выкуп за рыжего вождя [пер. В. Евменов]. URL : https://kartaslov.ru/книги/О_Генри_Выкуп_за_рыжего_вождя/1 (дата обращения : 10.01.2025).

- О.Генри, 2013 – О.Генри Вождь краснокожих [пер. А. Климов]. Харьков : Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2013. 240 с.
- О.Генри, 2019 – О.Генри Выкуп вождя краснокожих [пер. С. Адрианов] / Короли и капуста. Рассказы. СПб. : СЗКЭО Кристалл, 2019 г. 1168 с.
- О'Henry, 1907 – O'Henry The Ransom of Red Chief. URL : <https://jhampton.pbworks.com/f/Ransom+of+Red+Chief.pdf> (дата обращения : 10.01.2025).

Библиографический список

- Акифьева, 2019 – Акифьева Э. А. Особенности перевода номинаций персонажей в английской литературе XIX века // Современные наукоёмкие инновационные технологии : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (5 февраля, 2019 г., г. Челябинск). Уфа : Аэтерна, 2019. С. 125–128.
- Белякова, 2024 – Белякова Е. В. К вопросу об особенностях перевода слов-реалий классической художественной литературы на английский язык // Молодёжь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Тула : Изд-во Тульского гос. пед. ун-та, 2024. С. 21–23.
- Губочкина, 2020 – Губочкина Л. Ю. Трансформационные способы перевода антропоморфных понятий в художественной литературе // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 81–84.
- Иванова, 2015 – Иванова Н. В. К вопросу о способах перевода фразеологических единиц (по материалам рассказа О.Генри «Вождь краснокожих») // Наука и образование в жизни современного общества : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 12 ч. Ч. 11. Тамбов, 2015. С. 69–71.
- Иванова, Алексеева, 2018 – Иванова А. В., Алексеева Е. В. Своеобразие художественных приёмов в рассказе О.Генри «Вождь краснокожих»; оригинальный и переводческий варианты // Научный альманах. 2018. № 3-3 (41). С. 183–186.
- Иванова и др., 2019 – Иванова А. В., Жукова А. А., Алексеева Е. В. Образ взаимоотношений между взрослыми и детьми в художественном творчестве О.Генри (на примере рассказа «Вождь краснокожих») // Вопросы науки и образования. 2019. № 11 (57). С. 39–43.
- Измайлов, 2010 – Измайлов А. З. Стилистические трансформации при переводе с английского языка на русский // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2010. № 1. С. 140–145.
- Катернюк, 2023 – Катернюк А. В. Использование переводческих трансформаций при переводе английской художественной литературы // Художественный текст и культура : материалы XV Междунар. науч. конф. на тему «Русская литература и российское литературоведение». Владимир, 2023. С. 105–116.
- Кириченко, Полевик, 2013 – Кириченко Е. А., Полевик Д. А. Антонимический перевод, как составная переводческих трансформаций. Роль антонимического перевода в процессе перевода художественной литературы // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород, 2013. С. 107–112.
- Коваленко, 2015 – Коваленко Н.И. Причины и условия употребления переводческих трансформаций (на примере современной американской художественной литературы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1 (53). С. 102–104.
- Косолапова, 2023 – Косолапова Т. В. Прагматическая адаптация в переводах детских художественных произведений М. Бонда и Дж. Керр // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9. № 3. С. 65–75.
- Максимова, Пэшко, 2016 – Максимова Д. С., Пэшко В. Е. Анализ переводческих трансформаций на примере произведения Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» // Стратегия и тактика письменного перевода: традиции и инновации : материалы V Всеросс. студенческой науч.-практ. конф. с междунар. участием. Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. 2016. С. 90–99.
- Малыгина, 2009 – Малыгина И. И. Использование переводческих трансформаций при переводе многочисленных атрибутивных словосочетаний (на материале художественной литературы) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8-1. С. 91–92.

- Нелюбова, Фомина, 2018 – Нелюбова Н. Ю., Фомина П. С. Использование приёма адаптации при переводе художественных произведений, относящихся к различным типам культур (западной и русской) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 211–224.
- Разумкова, Ермаченкова, 2024 – Разумкова А. В., Ермаченкова Р. А. Типы лексико-грамматических трансформаций при переводе английской художественной литературы на русский язык (на материале произведения У. С. Моэма «Театр») // Дневник науки. 2024. № 4 (88). URL : https://dnevnika.ru/images/publications/2024/4/philology/Razumkova_Ermachenkova.pdf
- Семенова, Сивак, 2022 – Семенова С. Н., Сивак М. И. К вопросу о классификации терминов в тексте художественного произведения (на материале рассказа О. Генри «Вождь краснокожих» на русском и английском языках) // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2022. С. 98–100.
- Трегубова, 2023 – Трегубова Ю. А. Атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией в англоязычной художественной литературе: особенности и способы перевода особенности и способы перевода на русский язык // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 3 (50). С. 96–102. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2023.28.26.015>
- Яшина и др., 2015 – Яшина М. Е., Сабирова Р. Р., Хайриева Г. Р. Художественные особенности рассказа О.Генри «Вождь краснокожих» // Евразийский союз ученых. 2015. № 11-4 (20). С. 52–54.

References

- Akifeva, E. A. (2019). Osobennosti perevoda nominatsii personazhey v angliiskoy literature XIX veka [Peculiarities of the translation of character nominations in English literature of the 19th century]. *Sovremennye naukoemkie innovatsionnye tekhnologii [Modern high-tech innovative technologies]* : Conf. proc., February 5, 2019, Chelyabinsk (pp. 125–128). Ufa : Aeterna Press. (In Russ.).
- Belyakova, E. V. (2024). K voprosu ob osobennostiakh perevoda slov-realiy klassicheskoy khudozhestvennoy literatury na angliyskiy yazyk [On the question of the peculiarities of translating the real words of classical fiction into English]. *Molodezh i dukhovnoe nasledie epokhi: kul'tura, artefakty, tsennosti [Youth and the spiritual heritage of the epoch: culture, artifacts, values]* : Conf. proc. (pp. 21–23). Tula. (In Russ.).
- Gubochkina, L. Iu. (2020). Transformatsionnye sposoby perevoda antropo-morfnykh poniaty v khudozhestvennoy literature [Transformational ways of translating anthropomorphic characters in literary texts]. *Aktual'nye voprosy variantologii, kommunikativistiki i kognitivistiki [Topical issues of variantology, communication and cognitive sciences]* : Conf. proc. (pp. 81–84). Moscow. (In Russ.).
- Ivanova, N. V. (2015). K voprosu o sposobakh perevoda frazeologicheskikh edinit (po materialam rasskaza O.Genri “Vozhd' krasnokozhikh”) [On the question of phraseological units’ translation means (Based on the story of O. Henry “The Ransom of the Red Chief”)]. *Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obshchestva [Science and education in the life of modern society]* : Conf. proc. (Vol. 11, pp. 69–71). Tambov. (In Russ.).
- Ivanova, A. V., Alekseeva, E. V. (2018). Svoeobrazie khudozhestvennykh priemov v rasskaze O.Genri «Vozhd' krasnokozhikh»; original'nyy i perevodcheskiy variant [The singularity of stylistic devices in the story of O. Henry’s “The Ransom of the Red Chief”; Original and translation versions]. *Nauchnyy al'manakh [Science Almanac]*, 3-3 (41), 183–186. (In Russ.).
- Ivanova, A. V., Zhukova, A. A., Alekseeva, E. V. (2019). Obraz vzaimootnosheniy mezhdu vzroslymi i det'mi v khudozhestvennom tvorchestve O.Genri (na primere rasskaza “Vozhd' krasnokozhikh”) [The image of the relationship between adults and children in the artistic work of O. Henry (Using the example of the story “The Ransom of the Red Chief”)]. *Voprosy nauki i obrazovaniya [Problems of Science and Education]*, 11 (57), 39–43. (In Russ.).
- Izmailov, A. Z. (2010). Stilisticheskie transformatsii pri perevode s angliyskogo yazyka na russkiy [Stylistic transformations in translation from English to Russian]. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]*, 1, 140–145. (In Russ.).
- Kateryuk, A. V. (2023). Ispol'zovanie perevodcheskikh transformatsiy pri perevode angliyskoy khudozhestvennoy literatury [The use of translation transformations in the translation of English fiction]. *Khudozhestvennyy tekst i kul'tura [Fiction text and culture]* : Conf. proc. (pp. 105–116). Vladimir. (In Russ.).

- Kirichenko, E.A., Polevik, D. A. (2013). Antonimicheskiy perevod kak sostavnaia perevodcheskikh transformatsii. Rol' antonimicheskogo perevoda v protsesse perevoda khudozhestvennoy literatury [Antonymic translation as a composite of translational transformations. The role of antonymic translation in the process of fiction translation]. *Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda [Topical issues of translation studies and practice]* : Conf. proc. (pp. 107–112). Nizhnii Novgorod. (In Russ.).
- Kovalenko, N. I. (2015). Prichiny i usloviya upotrebleniya perevodcheskikh transformatsiy (na primere sovremennoy amerikanskoy khudozhestvennoy literatury) [Causes and conditions of using translation transformations (By the example of contemporary American fiction)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 11-1 (53), 102–104. (In Russ.).
- Kosolapova, T. V. (2023). Pragmatische adaptatsiya v perevodakh detskikh khudozhestvennykh proizvedenii M. Bonda i Dzh. Kerr [Pragmatic adaptation in translations of fiction for children by M. Bond and J. Kerr]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 65–75. (In Russ.).
- Maksimova, D. S., Peshko, V. E. (2016). Analiz perevodcheskikh transformatsiy na primere proizvedeniya Dzhерома К. Джерома «Troє v lodke, ne schitaia sobaki» [Translation transformations analysis based on the short humorous novel by Jerome K. Jerome Three men in a boat (to say nothing of the dog)]. *Strategiia i taktika pis'mennogo perevoda: traditsii i innovatsii [Strategy and tactics of translation: Traditions and innovations]* : Conf. proc. (pp. 90–99). Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Malygina, I. I. (2009). Ispol'zovanie perevodcheskikh transformatsiy pri perevode mnogochlennykh atributivnykh slovosochetaniy (na materiale khudozhestvennoy literatury) [The use of translation transformations in the translation of polynomial attributive phrases (Based on the material of fiction)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education]*, 8 (1), 91–92. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu., Fomina, P. S. (2018). Ispol'zovanie priema adaptatsii pri perevode khudozhestvennykh proizvedeniy, otnosiashchikhsia k razlichnym tipam kul'tur (zapadnoy i russkoy) [Adaptation technique in translation of literary texts of different cultures types (e.g. Western and Russian)]. *Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 48, 211–224. (In Russ.).
- Razumkova, A.V., Ermachenkova, R.A. (2024). Tipy leksiko-grammaticheskikh transformatsiy pri perevode angliyskoy khudozhestvennoy literatury na russkiy yazyk (na materiale proizvedeniya U. S. Moema «Teatr») [Types of lexical and grammatical transformations in translation of English fiction (Based on “Theatre” by W. S. Maugham)]. *Dnevnik nauki [Science Diary]*, 4 (88). (In Russ.). https://dnevniknauki.ru/images/publications/2024/4/philology/Razumkova_Ermachenkova.pdf
- Semenova, S. N., Sivak, M. I. (2022). K voprosu o klassifikatsii terminov v tekste khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale rasskaza O.Genri “Vozhd' krasnokozhikh” na russkom i angliyskom yazykakh) [On the issue of the classification of terms in the text of a work of fiction (Based on the story of O.Henry “The Ransom of the Red Chief” in Russian and English)]. *Sotsial'no-pedagogicheskie voprosy obrazovaniya i vospitaniya [Social and pedagogical issues of education and upbringing]* : Conf. proc. (pp. 98–100.). Cheboksary. (In Russ.).
- Tregubova, Yu. A. (2023). Atributivnye slovosochetaniya s vnutrenney predikatsiei v angloiazychnoy khudozhestvennoy literature: osobennosti i sposoby perevoda na russkiy yazyk [Attributive phrases with inner predication in English-language fiction: Features and translation into Russian]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki [Actual Issues of Modern Philology and Journalism]*, 3 (50), 96–102. (In Russ.).
- Yashina, M. E., Sabirova, R. R., Khayrieva, G. R. (2015). Khudozhestvennye osobennosti rasskaza O.Genri “Vozhd' krasnokozhikh” [Artistic features of O.Henry’s short story “The Ransom of the Red Chief”]. *Evrasiyskiy souz uchenykh [Eurasian Union of Scientists]*, 11-4 (20), 52–54. (In Russ.).

Сыпачёва Кира Николаевна, Шамина Елена Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e.shamina@spbu.ru

Перцептивный аспект в изучении интонации UpTalk в современном английском языке

Аннотация

Цель настоящей статьи – выявить функции и модальные коннотации высокого терминального тона (ВТТ), который все чаще оформляет утвердительные высказывания в разных национальных и региональных вариантах английского языка. Материалом для исследования послужили аудиозаписи утвердительных фраз с высоким терминальным тоном, произнесённых носителями пяти разных вариантов английского языка: британские RP и SBE, австралийский английский и два северных британских диалекта: Белфаста и Нью-касла. Материал был взят из радиоэфира местных интернет-радиостанций и видеоинтервью, имеющихся в открытом доступе на различных медиаплатформах. В качестве контрольных стимулов были добавлены фразы с другими интонационными конструкциями. Для десемантизации из фраз были удалены частотные составляющие выше 500 Гц. Фразы были предъявлены респондентам – носителям разных вариантов и диалектов английского языка. В результате выявлено, что акустическая реализация и функциональная нагрузка ВТТ могут не совпадать в разных диалектах. Модифицированные фразы с ВТТ всеми респондентами регулярно воспринимались как вопросы. Частотность такого восприятия зависела от конкретного варианта и/или диалекта. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что распространение данной интонации обусловлено причинами, далёкими от внутриязыковой интерференции.

Ключевые слова: английская интонация, высокий терминальный тон, перцептивный эксперимент, коммуникативный тип, эмоционально-модальное значение

© Сыпачёва К.Н., Шамина Е. А. 2025

Для цитирования: Сыпачёва К. Н., Шамина Е. А. Перцептивный аспект в изучении интонации UpTalk в современном английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 150–166. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-150>

Kira N. Sypacheva, Elena A. Shamina
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
e.shamina@spbu.ru

The perception approach to the study of UpTalk in contemporary English

Abstract

The article aims to identify the functions and attitudinal modality of the High Terminal Tone (HTT) or UpTalk whose use is on the rise at the end of declarative utterances in most national and regional varieties of present-day English. The material was comprised by statements pronounced by speakers of 5 Englishes: British RP and SBE, Australian English and 2 Northern British dialects of Belfast and Newcastle. The material was obtained from local Internet radio stations and from video interviews in the open access on different media platforms. As control tokens, phrases with the intonation patterns other than the HTT were included in the material. Frequencies above 500 Hz were deleted from the acoustic signal to provide meaningless environment to make

the listeners focus on intonation. Native speakers of different Englishes participated in a perceptual study listening to the modified phrases and labeling utterance and modality type. The results show that the acoustic features and the communicative functions of the HTT may differ in different accents. Phrases with the HTT were regularly identified as questions by the representatives of all 5 Englishes. The frequency of such perception depended upon a particular variety of English. The obtained results enable to conclude that the spread of UpTalk or the HTT should be accounted for by reasons other than the intra-language transfer.

Keywords: English intonation, UpTalk, perceptual experiment, communicative type, attitudinal modality

© Sypacheva K. N., Shamina E. A. 2025

For citation: Sypacheva, K. N., & Shamina, E. A. (2025). *Pertseptivnyy aspekt v izuchenii intonatsii UpTalk v sovremenном angliyskom yazyke* [The perception approach to the study of UpTalk in contemporary English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 11 (3), 150–166. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-150>

1. Введение [Introduction]

Высокий терминальный тон (ВТТ, Uptalk, Upspeak) как явление интересует исследователей в связи с изучением интонационной вариативности английского языка, который представлен большим количеством национальных и региональных вариантов, имеющих значительные отличия не только на сегментном, но и на супraseгментном уровне [Grabe, 2004 ; Бурая, 2009, с. 205 ; Шевченко, 2017, с. 173–175]. Первые упоминания о нетипичном, по сравнению с нормативным британским английским, использовании восходящей интонации в утвердительных высказываниях встречаются с конца 70-х – середины 80-х гг. прошлого века в описаниях северо-ирландских диалектов, а также австралийского и новозеландского национальных вариантов английского языка [Jarman, Cruttenden, 1976 ; McGregor, 1979 ; Holmes, Bell, 1988]. В более поздних работах данное явление описывается и для некоторых других диалектов Великобритании (диалекты Ливерпуля, Ньюкасла и Лондона) [Cruttenden, 1997, p. 128–172 ; Wells, 2009, p. 37].

Исследование контура затруднено по ряду причин. Высказываются предположения о том, что ВТТ является следствием внутриязыковой интерференции, поскольку данный тон, впервые зафиксированный в австралийском, ирландском и новозеландском вариантах английского языка, получил широкое распространение только в последние десятилетия, т. е. в период глобализации, появления новых медиа и развития медиакommunikации [Wells, 2009, p. 37 ; Warren, 2016, p. 129–149 ; Lindsey, 2019, p. 107–108]. Однако данные, полученные в ходе сопоставления интонационных контуров и функций ВТТ, свидетельствуют о различной форме реализации и функциях тона в разных вариантах английского языка [Fletcher et al., 2005, p. 390–409 ; Warren, 2016, p. 20–68 ; Сypacheva, Шамина, 2024, с. 93–105]. Таким образом, не вполне ясно, насколько данное явление равнозначно в разных диалектах. Например, насколько восходящая интонация в утверждениях, типичная для речи жителей Северной Ирландии вообще (г. Белфаст) [Jarman, Cruttenden, 1976], может называться Uptalk в той же мере, что и восходящая интонация в речи лондонцев, которые используют ВТТ при оформлении данного коммуникативного типа значительно реже? Вполне возможно, что представители одного диалекта в некоторых ситуациях отдают предпочтение неформализованным интонационным конструкциям, таким как, например, использование высокого восходящего тона в утверждениях в тех случаях, когда представители другого диалекта предпочитают использование формализованного нисходящего тона, что находит подтверждение в ряде исследований на материале британских диалектов (см., напр., [Grabe, 2004]). Как известно, разные речевые сообщества, даже если они говорят на одном языке, могут при-

нимать и поощрять использование определённого речевого контура в одном случае, и не рекомендовать и отвергать его в другом случае [Болинджер, 1972, с. 227].

Во-вторых, распространено мнение, что *Uptalk* преобладает в речи молодёжи и женщин [Wells, 2009, p. 37 ; Ritchart, Arvaniti, 2014]. В последних исследованиях также отмечается, что представители старшего поколения, ранее демонстрировавшие резко отрицательное отношение к новшеству, описывая его как «раздражающее», свойственное менее образованным слоям общества, теперь нередко сами используют данную интонацию [Warren, 2016, p. 111–128]. Таким образом, встаёт вопрос о том, насколько ВТТ является случайной, временной девиацией от интонационной произносительной нормы или следствием системных изменений в современном стандартном британском произношении.

Считается, что основная функция *Uptalk* – установление контакта с собеседником, поэтому данную интонацию справедливо относят к разговорному стилю [Warren, 2016, p. 56–68 ; Lindsey, 2019, p. 108]. Преимущественная встречаемость данного контура в определённых речевых ситуациях (напр., говорящий использует восходящий тон с целью убедиться, что слушающий продолжает следить за его рассказом и понимает смысл сказанного) делает необходимым создание специального речевого корпуса.

Полученные за последние десятилетия данные о ВТТ существенно обогатили сведения о нём, что позволяет приблизиться к решению вышеописанных проблем. Однако большинство работ, посвящённых *Uptalk*, основаны на описательно-аналитическом методе, и лишь немногие из них обращаются к интуиции носителей английского языка [Zwartz, Warren, 2003 ; Fletcher, Loakes, 2010]. Та часть данных, которая была собрана по результатам перцептивных экспериментов, посвящена восприятию и определению коммуникативного типа высказывания. Однако сведений о перцептивной оценке эмоционально-модальных функций описываемого тона пока сравнительно мало. В связи с этим, цель данной статьи – на основе перцептивного эксперимента выявить функции и модальные коннотации ВТТ, который всё чаще оформляет утвердительные высказывания в разных национальных и региональных вариантах английского языка. Представляется возможным, что оценка восприятия данного тона исключительно по его физическим свойствам (интонационному контуру), без опоры на лексический контекст, позволит извлечь более точные данные о функциях ВТТ.

2. Материал и методика исследования [Material and Methods]

Материал для проведения перцептивного эксперимента был ограничен теми произносительными вариантами английского языка, для которых были зафиксированы частые случаи использования ВТТ в утверждениях [Grabe, 2004 ; Fletcher, Loakes, 2010 ; Warren, 2016, p. 1–19 ; Lindsey, 2019, p. 107–108]. В корпус вошли аудиозаписи утвердительных фраз с ВТТ, произнесённые носителями пяти разных вариантов английского языка: британский произносительный стандарт (RP), стандартный британский южный вариант (Southern British English, или SBE), австралийский английский и два северных британских диалекта: Белфаста и Ньюкасла. В качестве источника материала использовались фрагменты радиоэфира местных интернет-радиостанций г. Белфаста и г. Ньюкасла и видеоподкасты, имеющиеся в открытом доступе на различных медиаплатформах. Корпус был составлен с учётом интонационной вариативности диалектов и наиболее характерной для данной интонации речевой ситуации (спонтанный или малоподготовленный диалог или монолог, обращённый к аудитории, с активной вовлечённостью обоих участников коммуникации).

В ходе планирования перцептивного эксперимента из корпуса были отобраны по две реализации каждого из вышеописанных вариантов английского языка (всего 10 фраз) для дальнейшего их использования в качестве звуковых стимулов. Фразы отбирались так,

чтобы были представлены различные акустические модификации ВТТ, встречающиеся в корпусе, включая специфические для каждого из рассматриваемых диалектов.

В качестве стимулов также были добавлены 10 фраз с другими интонационными конструкциями (*High Drop, Low Drop, High Bounce, Low Bounce u Switchback*) из интонационной системы британского стандартного варианта (RP) [O'Connor, Arnold, 1973]. Таким образом, в эксперименте контуры с *Uptalk* предъявлялись наравне с типичными интонационными контурами, чтобы участники эксперимента могли оценить фонологический статус *Uptalk*. Стимулы были модифицированы в программе анализа и обработки речевого сигнала (Praat): из фраз были удалены частотные значения выше 500 Гц, чтобы затруднить распознавание сегментного уровня (чтобы респонденты не могли опознать лексико-семантический состав фраз), но чтобы оставить интонационный контур фраз без изменений. Таким образом, респонденты могли оценивать аудиосигнал только с опорой на интонационный уровень, не отвлекаясь на другие уровни анализа языка.

Для эксперимента был составлен опросник, включающий вопросы о типе высказывания и оттенках его модальных значений. Последний позволяет выявить функции ВТТ, отличные от упомянутых в описаниях старой нормы (RP). Примеры вопросов представлены ниже:

1. You will hear a sentence, but you will not hear any words in it. Can you guess what kind of sentence it is?

a. statement (*I like cats.*); b. question (*Do you like cats?*); c. exclamation (*I love cats!*); d. request (*Let's play with your cat.*); e. other

2. How does the speaker sound?

a. neutral; b. friendly; c. unfriendly; d. excited; e. puzzled; f. surprised; g. uncertain; h. other

В анкету был также включён раздел «личные данные» (для указания возраста, пола, происхождения и места проживания респондента) и добавлена графа для дополнительных комментариев относительно прослушанной записи.

Перед проведением перцептивного эксперимента был осуществлен контекстуальный, слуховой и акустический анализ записанного речевого материала с целью проведения сопоставительного анализа ВТТ для выявления расхождений по функциям и форме мелодического движения между диалектами. Коммуникативный тип высказываний определялся с помощью анализа сопутствующего лексико-семантического контекста. Например, фраза «with Professor David Crystal», произнесённая после небольшой паузы с ВТТ ведущей онлайн-конференции во время объявления имени гостя (*I will be in 'conversation to/ day | with pro'fessor David /Crystal.*), была определена как утверждение, а не вопрос.

Поскольку во всём комплексе просодических средств мелодика играет ведущую роль [Светозарова, 1982, с. 36], инструментально-слуховой анализ опирался прежде всего на описание изменения мелодики фраз: направление и форма тонального движения, его диапазон и интервал ВТТ в ударном слоге и последующих слогах, скорость изменения тона (крутизна или пологость конфигурации). Темпу уделялось особое внимание, поскольку он может значительно варьировать в разных коммуникативных типах высказываний: более быстрый темп характерен для вопросов, относительно медленный – для восклицаний [Светозарова, 1982, с. 48]. Инструментальный акустический анализ дополнял слуховой и экспертный и проводился с использованием программ анализа и обработки речевого сигнала Praat и Wave Assistant. В ходе акустического анализа учитывались такие показатели, как диапазон изменения частоты основного тона (ЧОТ), локализация терминального подъёма, интенсивность и темп.

На этапе анализа данных перцептивного эксперимента рассматривалось влияние как акустических, так и социолингвистических факторов. Анализ был направлен на выяв-

ление возможных системных различий в функциях ВТТ в различных вариантах английского языка. Все респонденты были разделены на пять групп: носители американского стандартного произношения (США), австралийского национального варианта, британского южного произношения, британского северного произношения и носители лондонского типа произношения. При рассмотрении влияния диалекта респондента на восприятие экспериментальных фраз, ответы каждой из групп анализировались отдельно от остальных. Кроме того, учитывались такие факторы, как возраст и пол респондентов.

Итак, в опросе приняли участие 99 респондентов: 17 австралийцев, 32 американца, 17 лондонцев, 13 британцев из северных регионов Великобритании и 20 британцев, проживающих на юге Великобритании. Респондентам предлагалось определить коммуникативный тип высказывания и его эмоционально-модальный оттенок. При интерпретации результатов принимались во внимание диалект, возраст и пол респондента.

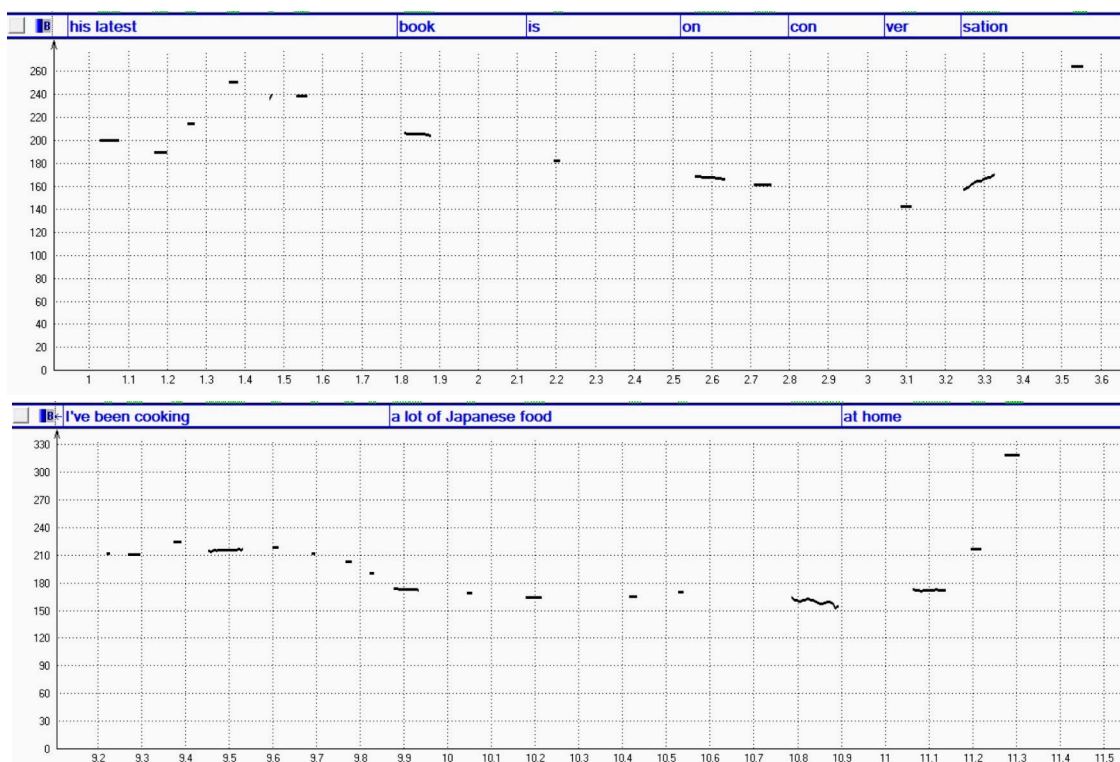
В качестве нулевой гипотезы было принято предположение о том, что различия в акустических характеристиках и функциях ВТТ в разных диалектах не являются перцептивно значимыми и, соответственно, ВТТ воспринимается одинаково большинством респондентов вне зависимости от диалекта, на котором они говорят. Это предположение основывается на данных многих исследований, рассматривающих ВТТ на материале различных произносительных вариантов английского языка, в которых описываются типичные для него речевые ситуации и сходные функции. Такие наблюдения свидетельствуют о том, что исследуемая интонация чаще всего используется в разговорном стиле во время рассказа историй, в большей степени характерна для речи молодых женщин, ассоциируется с намерением говорящего получить обратную связь от слушающего, транслирует доброжелательное отношение при помощи таких модальных оттенков дискурсивного значения, как «нерешительность», «неуверенность», «покорность», «учтивость» [Lakoff, 1973 ; Britain, 1992] ; Courtney, 1996 ; Cruttenden, 1997, p. 129 ; Wolff, 2000 ; Wells, 2009, p. 37]. Согласно альтернативной гипотезе, респонденты, говорящие на разных диалектах, могут по-разному оценивать ВТТ, поскольку его функции и форма вариативны. В некоторых работах, в частности, отмечается, что в австралийском английском подъём тона начинается с более низкого уровня, по сравнению с другими вариантами английского языка [Guy et al., 1986 ; Zwartz, Warren, 2000 ; Beal, 2008, p. 122–144 ; Warren, 2016, p. 27].

В процессе анализа результатов перцептивного эксперимента исследуемые произносительные варианты рассматривались в порядке распространения интонации *Uptalk*, т. е. начиная с австралийского английского (AusE), в котором ВТТ в утверждениях был впервые зафиксирован в 70-е гг., и заканчивая британским произносительным стандартом, современные носители которого начали использовать данную интонацию в относительно недавнее время.

3. Обсуждение результатов [Results and Discussion]

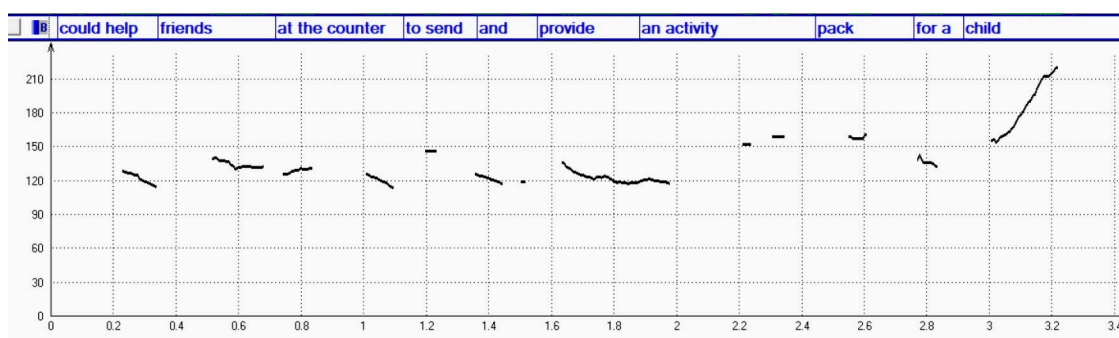
3.1. Вариативность реализаций ВТТ [HTT pattern variability]

В ходе слухового и акустического анализа были выявлены существенные различия в реализации интонационного рисунка ВТТ в утвердительных высказываниях для разных вариантов английского языка. В большинстве случаев он по форме мелодического движения оказывался близким к интонационной конструкции *The High Bounce* [O'Connor, Arnold, 1973], т. е. представлял собой постепенное повышение тона от начала интонационного центра (ИЦ) до конечного слога высказывания. На рисунке 1 показаны интонограммы двух фраз с ВТТ: 1) «his latest book is on conversation», произнесённой носителем британского стандарта (вверху); 2) «I've been cooking a lot of Japanese food at home», произнесённой носителем австралийского английского (внизу).

Р и с у н о к 1. Интонограммы двух фраз: британский стандарт и AusE
[F i g u r e 1. Intonation contour of 2 phrases: British Standard and AusE]

Однако характер движения тона в предцентре различался у носителей разных вариантов английского языка. Например, фразы, произнесённые дикторами из Белфаста «could help friends at the counter provide an activity pack for a child» и Ньюкасла «the decision that's gonna be a good day», имели низкий тональный уровень (см. рис. 2–3).

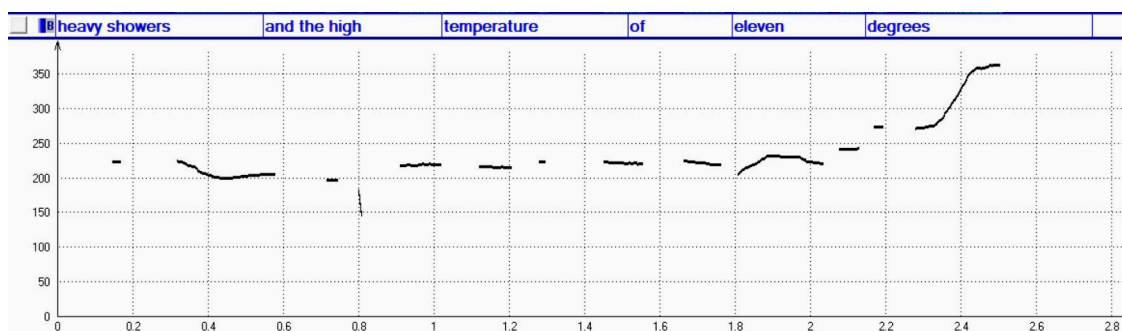

Р и с у н о к 2. Интонограмма фразы диктора из Белфаста
[F i g u r e 2. Intonation contour a phrase obtained from a Belfast speaker]

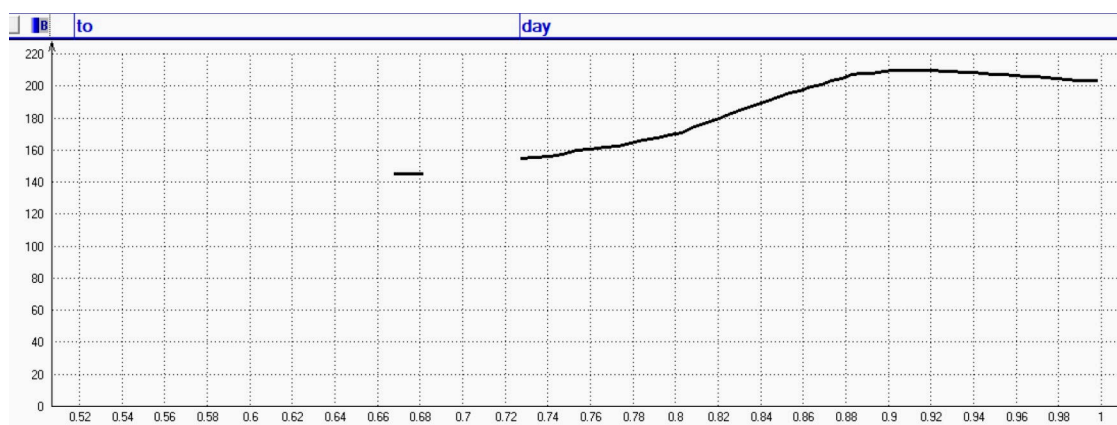
В некоторых фразах, произнесённых носителями этих диалектов, также присутствует дополнительный подъём тона на словах, предшествующих ИЦ.

В утвердительных высказываниях в исполнении носителей SBE была выявлена следующая особенность: мелодический пик реализуется раньше (в ИЦ с последующим ровным тоном в постцентре или в первой половине звучания ударного слога), и тональный уровень становится ровным к концу фразы. Например, в реализации *today* (рис. 4)

мелодический пик локализован в первой половине ядерного слога (восходящее движение длится 175 мс), а в оставшейся половине сохраняется относительно ровный тон (последние 100 мс не происходит значительного изменения ЧОТ).

Р и с у н о к 3. Интонограмма фразы диктора из Ньюкасла
[Figure 3. Intonation contour a phrase obtained from a Newcastle speaker]

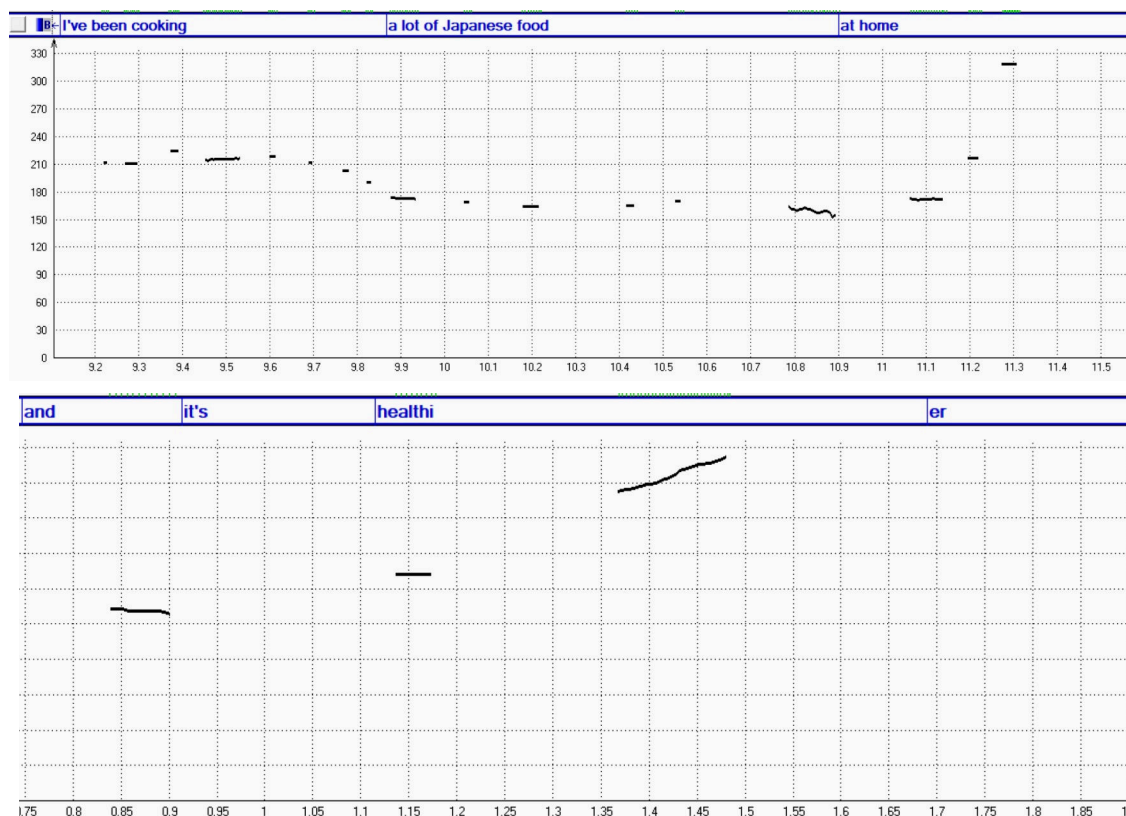
Р и с у н о к 4. Интонограмма фразы «Today»
[Figure 4. Intonation contour a phrase “Today”]

3.2. Восприятие ВТТ австралийского английского [Perception of Australian English HTT]

В ходе эксперимента в качестве стимулов были использованы две реализации ВТТ, произнесённые дикторами из Австралии: 1) «I’ve been cooking a lot of Japanese food at home» (сверху) и 2) «and it’s healthier» (снизу). Фразы различались положением мелодического максимума: в одной максимум был локализован на ИЦ, в другой – в постцентре. Подъём тона в первой фразе был более резким. Предцентр различался уровнем основного тона: в первой фразе значение ЧОТ было высоким, а во второй – низким (см. рис. 5). Кроме того, характер движения в предцентре был нисходящим в первой фразе, и низким ровным во второй.

Большинство участников опроса восприняли данные фразы как вопросительные (47–70% опрошенных). Тем не менее, при определении коммуникативного типа первого высказывания лондонцы практически в равной степени относили его к вопросам, утверждениям и восклицаниям (30%, 24% и 24%, соответственно), при этом вторая фраза была воспринята большинством лондонцев как восклицательная или вопросительная (35% и 24%). Британцы из северных районов Великобритании в большинстве случаев выбирали два коммуникативных типа: первую фразу определяли как вопрос и просьбу (38% и 38%), а вторую относили к вопросам и восклицаниям (38% и 23%).

Стоит отметить, что первая фраза, произнесённая с нисходящей интонацией в предцентре, опознавалась как вопрос в меньшем количестве случаев (в пределах 30–55% в разных группах респондентов). При прослушивании второй фразы, содержащей ровный низкий тон в предцентре, респонденты воспринимали её как вопрос значительно чаще (35–70% случаев).

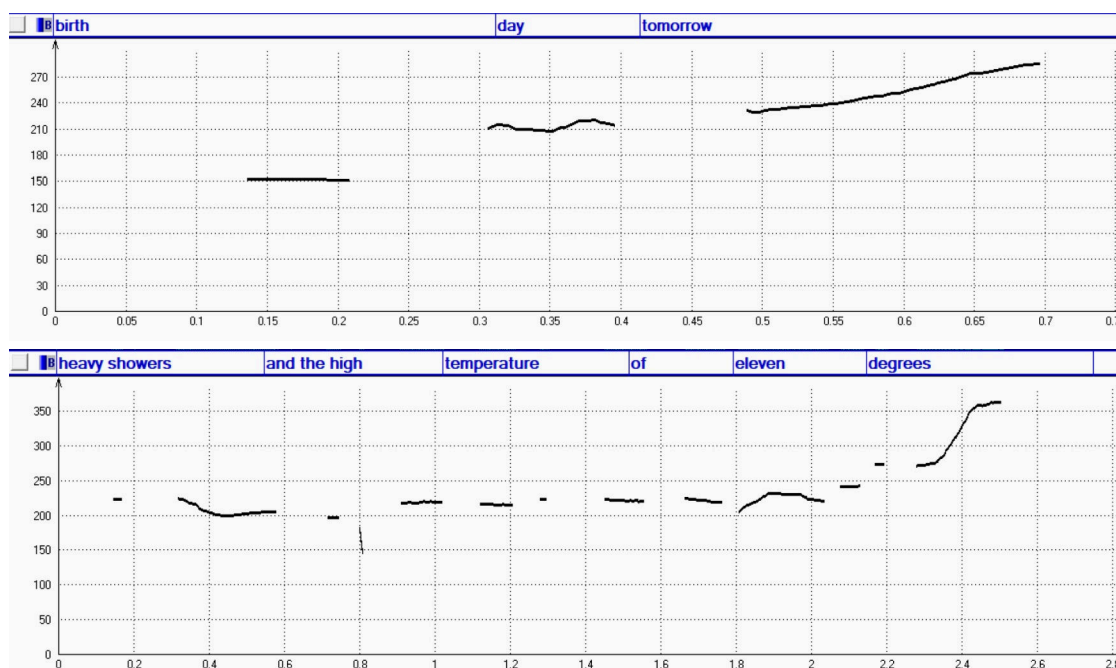
Р и с у н о к 5. Интонограммы двух фраз (AusE)
[Figure 5. Intonation contour of 2 phrases (AusE)]

Отвечая на вопрос о модальных функциях ВТТ, большинство респондентов выбрали оттенок «дружелюбный». Участники опроса из Лондона и США также отмечали оттенки «сомнение, удивление». При этом американцы и лондонцы выбирали оттенок «сомнение» для второй фразы значительно чаще (40–41% опрошенных). Можно допустить, что такие акустические параметры как низкий тональный уровень предцентра и более плавное восходящее движение в ИЦ оказались перцептивно значимыми для респондентов из США и Лондона, поскольку данный контур напоминает тональную группу *The Take-Off* – одну из десяти интонационных конструкций британского стандартного варианта произношения, передающую такие эмоциональные оттенки значения, как «сомнение», «недоверие», «сдержанное возражение», «упрёк» [O'Connor, Arnold, 1973].

3.3. Восприятие ВТТ ирландского английского (диалект Белфаста) [Perception of Irish English HTT (Belfast dialect)]

В эксперименте были использованы две фразы, произнесённые носителями ирландского английского из Белфаста (см. рис. 6): 1) «birthday tomorrow» (сверху) и 2) «high temperature of eleven degrees» (снизу). Обе фразы имеют низкий тональный уровень в предцентре, а подъём тона (8 пт и 4 пт, соответственно) начинается перед ИЦ – на удар-

ном гласном слова, предшествующего ИЦ (ударные слоги слов *birthday* и *eleven*). Восходящее движение в ИЦ начинается на среднем тональном уровне и составляет 5 пт.

Р и с у н о к 6. Интонаграммы двух фраз (диалект г. Белфаста)
[F i g u r e 6. Intonation contour of 2 phrases (Belfast dialect)]

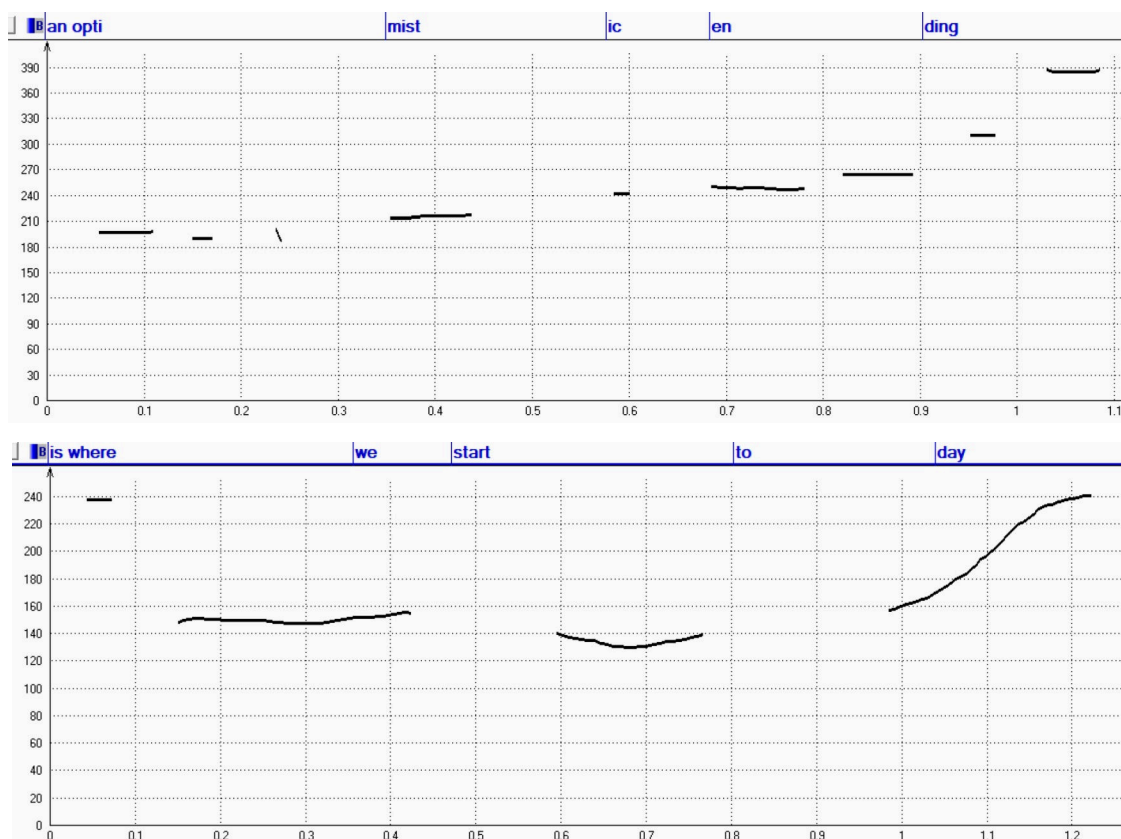
В ходе опроса были обнаружены различия в восприятии коммуникативного и модального значений этих фраз. Большинство респондентов отнесли первую фразу к вопросам (35–65%). Стоит отметить, что респонденты из южных регионов Великобритании воспринимали данную фразу как вопрос значительно реже других групп респондентов (35% опрошенных). Среди модальных оттенков значения наиболее частотными оказались следующие: «нейтральный тон» (62% респондентов из северных регионов Великобритании и 41% австралийцев), «восторг, воодушевление» (41% лондонцев и 25% британцев из южных регионов Великобритании) и «сомнение, удивление» (38% американцев).

Вторая фраза воспринималась большинством респондентов как восклицание (46–71%). Однако между представителями разных диалектных групп не было единого мнения относительно модального оттенка значения. Для респондентов из Австралии и северных регионов Великобритании интонация звучала доброжелательно (31–35% опрошенных), а лондонцы, наоборот, воспринимали её как «враждебную, недоброжелательную» (47%). Выбор отрицательного модального оттенка, возможно, обусловлен тем, что интонационный рисунок данной фразы похож на тональную группу *The Long Jump* (по системе О'Коннора): начальный низкий уровень ЧОТ в сочетании с подъёмом тона на слове, предшествующем ИЦ, напоминает восходящую шкалу, характерную для эмоциональных высказываний с оттенком «негодование, возмущение».

Респонденты из США и южных регионов Великобритании наиболее часто выбрали противоположные по значению коннотации «воодушевление, восторг» (35–55%) и «враждебность» (29–30%). Таким образом, можно предположить, что большинство респондентов узнавали высказывание с высокой эмоциональностью, но интерпретировали оттенок значения по-разному.

3.4. Восприятие ВТТ диалекта Ньюкасла [Perception of Newcastle English HTT]

В качестве экспериментальных стимулов были использованы две фразы, произнесённые дикторами из г. Ньюкасл (см. рис. 7): 1) «an optimistic ending» (сверху) и 2) «is where we start today» (снизу). В первой фразе восходящее движение тона распределено по всей синтагме, поскольку ИЦ локализован в начале фразы – на первом ударном слоге слова *optimistic*. Реализация мелодического движения здесь происходит по универсальным правилам: подъём тона, начинающийся на ударном гласном ИЦ, продолжается на последующих слогах до конца фразы. Вторая фраза имеет сложное мелодического оформление в предцентре: в начале фразы тон понижается, а затем происходит подъём тона на слове, предшествующем ИЦ (на слове *start*). Интервал повышения тона в ИЦ составил 6 пт, что в два раза меньше, чем в первой фразе.

Р и с у н о к 7. Интонограммы двух фраз (диалект г. Ньюкасла)
[F i g u r e 7. Intonation contour of 2 phrases (Newcastle dialect)]

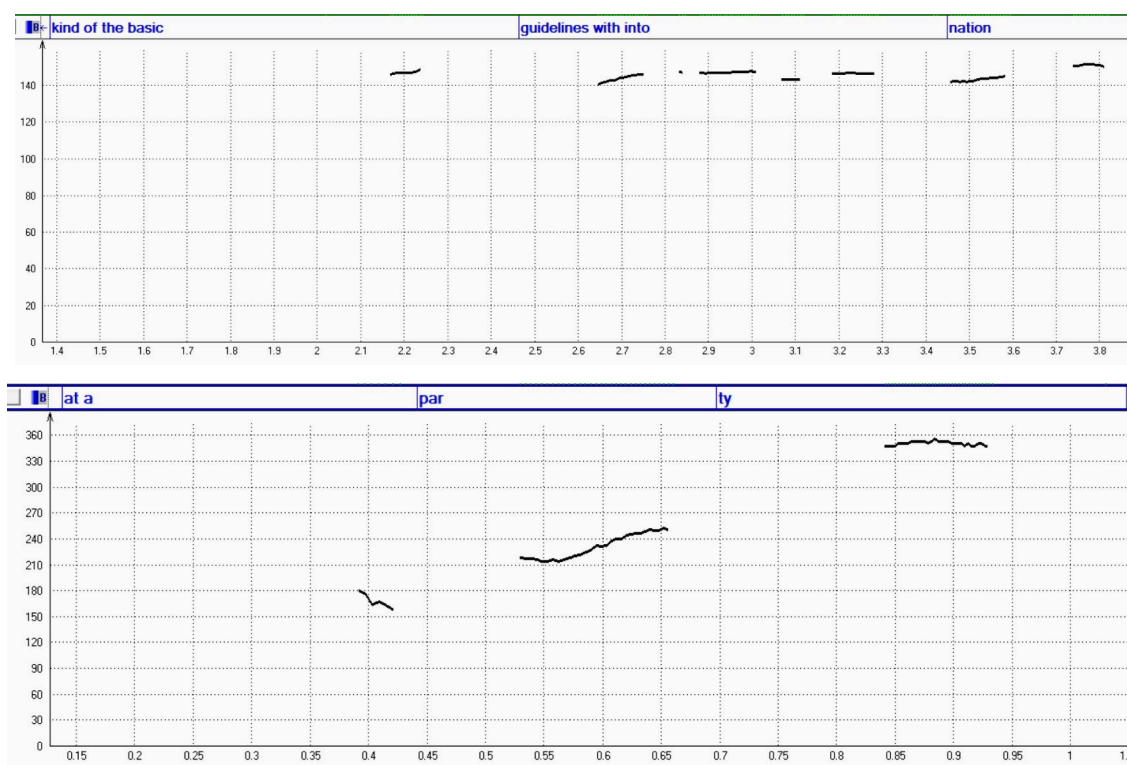
Большинство респондентов отнесли обе фразы к вопросам (47–82% опрошенных). Однако стоит отметить особенности восприятия этой части материала респондентами из разных британских регионов. Жители Лондона воспринимали первую фразу, в которой повышение тона происходит на всей синтагме, как восклицание (47% опрошенных). Можно предположить, что локализация ИЦ в начале высказывания делает его эмфатическим, поскольку такая позиция ИЦ не характерна для нейтральной английской речи (типичное место реализации ИЦ во всех коммуникативных типах – последний ударный слог синтагмы [Gimson, 1977, p. 53]). Респонденты из северных регионов Великобритании, в отличие от остальных участников опроса, воспринимали вторую фразу, имеющую нисходящую шкалу и небольшой подъём тона на последнем слове

предцентра, как просьбу (46% опрошенных). Если принять во внимание отсутствие лексического контекста, вполне возможно, что аудиторы определили место ИЦ уже на ударном слоге слова *start*, на котором был реализован низкий подъём: подобный интонационный рисунок похож на тональную группу *The Low Bounce* (по системе О'Коннора), которая типична для просьб.

В качестве модальных коннотаций наиболее часто респонденты выбирали оттенки значения «дружелюбие, доброжелательность» и «нейтральный тон». При этом первая фраза была определена как «доброжелательная» (31–63%), а тон во второй фразе для большинства участников звучал «нейтрально» (41–59%). Для второй фразы большинство респондентов из северных регионов Великобритании выбирали оттенок «сомнение, удивление» (54%).

3.5. Восприятие ВТТ современного британского произносительного стандарта (SSB) [Perception of modern British standard HTT (SSB)]

В качестве примеров ВТТ в исполнении носителей южного британского стандартного произношения (SSB) представлены две фразы: 1) «kind of the basic guidelines with intonation» (сверху) и 2) «at a party» (снизу). Интонационные контуры двух фраз различались тональным уровнем предцентра (высокий ровный тон в первой фразе и низкий тон во второй) и диапазоном восходящего движения. Мелодический подъём в обеих фразах имел смещённый тайминг: подъём тона достигал максимума уже в первой половине конечного слога синтагмы, а в оставшейся половине слога тон был ровным (см. рис. 8). Интервал восходящего движения был значительно шире во второй фразе и составил 13 пт.

Р и с у н о к 8. Интонограммы двух фраз (SSB)
[Figure 8. Intonation contour of 2 phrases (SSB)]

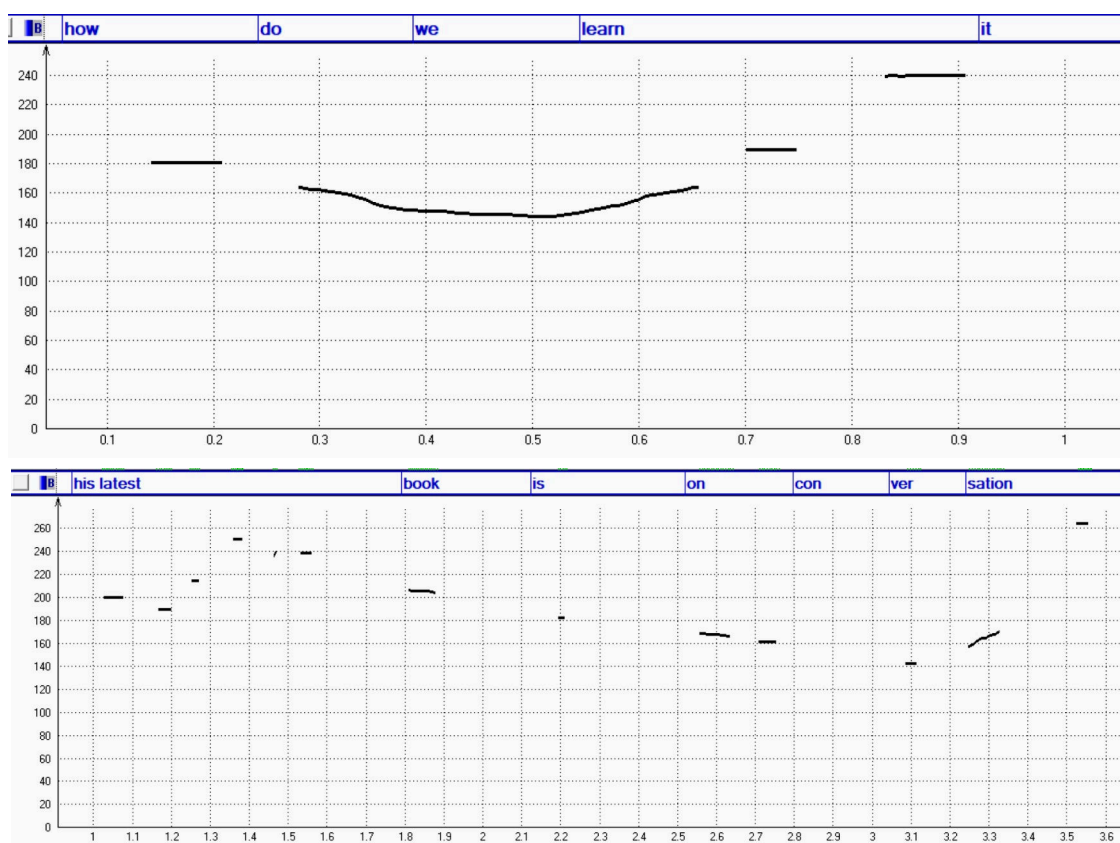
Согласно ответам респондентов из южных регионов Великобритании, данные фразы различались по коммуникативному типу: первая фраза, произнесённая с ровным

средним тоном в предцентре, была воспринята как утверждение и вопрос (50% и 40%); вторая фраза, более короткая, с низким тональным уровнем в предцентре, воспринималась как вопрос (50%). Наиболее часто респонденты выбирали оттенки значения «нейтральный тон» и «дружелюбие».

Респонденты других групп также различали фразы по коммуникативному типу: первая фраза воспринималась большинством из них как утвердительная (до 50% опрошенных), тогда как вторая была определена как вопрос (50–77% опрошенных). При оценивании модальности фраз, респонденты в основном выбирали оттенки значения «дружелюбие» и «сомнение, удивление».

3.6. Восприятие ВТТ британского произносительного стандарта (RP) [Perception of British standard HTT (RP)]

Для демонстрации ВТТ в британском произносительном стандарте (RP) были взяты следующие две фразы: 1) «how do we learn it» (сверху) и 2) «his latest book is on conversation» (внизу). В обеих фразах мелодический максимум был локализован на постцентре, но интервал движения в первой фразе был практически вдвое меньше, чем во второй (ср. 8 пт и 14 пт). Таким образом, фразы различались диапазоном восходящего движения (см. рис. 9).

Р и с у н о к 9. Интонограммы двух фраз (RP)
[Figure 9. Intonation contour of 2 phrases (RP)]

Согласно ответам респондентов из южных регионов Великобритании, обе фразы практически в равной степени были отнесены либо к вопросам, либо к утверждениям (40% и 35%). Наиболее часто респонденты выбирали оттенки значения «нейтральный тон» и «дружелюбие».

Большинство участников эксперимента восприняли данные фразы как вопросы (40–84%). Тем не менее, ответы лондонцев и австралийцев показали небольшое различие в их восприятии: фраза с более широким диапазоном восходящего движения опознавалась как вопрос с большей частотой (на 17–23% чаще).

Перцептивная оценка модальных значений этих высказываний у представителей разных вариантов английского языка практически не различалась: респонденты выбирали одни и те же оттенки значения – «дружелюбие», «нейтральный тон» и «сомнение, удивление». Стоит отметить, что фраза с более узким диапазоном восходящего движения чаще воспринималась как нейтральная, а фраза с более широким диапазоном имела оттенок «дружелюбие, доброжелательность» (для большинства американцев, австралийцев и британцев, проживающих в южных регионах Великобритании) или «сомнение, удивление» (для большинства лондонцев и британцев из северных регионов Соединенного Королевства). Таким образом, такой параметр как интервал восходящего движения оказался перцептивно значимым для определения модальной функции тона.

3.7. Факторы, определяющие оценивание ВТТ носителями английского языка [Factors determining HTT perception by native English speakers]

Внимательное изучение результатов перцептивного эксперимента не позволило выявить тенденцию к лучшему узнаванию контура ВВТ в присущих ему функциях в высказываниях на (национальном или региональном) варианте английского языка респондента. Так, участники опроса из Австралии определяли коммуникативный тип фраз, произнесённых дикторами из северных регионов Великобритании, намного лучше (до 82% опрошенных), чем фраз с интонационными контурами их родного варианта английского языка. Таким образом, можно предположить, что акустическая форма ВТТ не является ярким маркером, позволяющим отличить один вариант английского языка от другого на основании только интонационных черт.

Стоит отметить, однако, что респонденты из Австралии и США считали ВВТ просительной интонацией чаще других участников эксперимента (до 82% и 84%, соответственно), тогда как респонденты-британцы воспринимали фразы с ВВТ как вопросы не более, чем в 76% случаев.

Что касается акустических факторов, анализ ответов респондентов выявил следующую закономерность: фразы с относительно ровным низким тональным уровнем предцентра воспринимались как вопросы не более, чем в половине случаев. Отдельно стоит отметить группы респондентов-лондонцев и британцев из южных регионов Великобритании, которые чаще других участников опроса относили фразы с ВВТ к утверждениям, иногда в более, чем 40% ответов. Интересно, что респонденты относили к утверждениям чаще всего те фразы, которые имели деклинацию в предцентре. Было также отмечено, что смещение мелодического пика на конечном слоге фразы влево (характерное для SSB) приводит к более уверенному опознанию фраз с ВВТ как вопросов, как и непрерывное восходящее движение тона от ИЦ до конца фразы (характерное для носителей австралийского варианта английского языка).

Характер мелодического оформления фраз в той или иной степени влиял на восприятие респондентами модального значения ВТТ: респонденты чаще выбирали оттенок «воодушевление, восторг» для фраз с инклинацией или с дополнительным мелодическим максимумом в предцентре (фразы, произнесённые дикторами из Белфаста) и оттенок «сомнение, неуверенность» для фраз с более резким восходящим движением (со смещением мелодического пика влево), которое встречалось в речи носителей RP и SSB. В большинстве же случаев респонденты описывали ВТТ как «нейтральный» и «дружелюбный».

Рассмотрение таких социальных факторов, как возраст и пол респондентов, не выявило сколько-нибудь значимого их влияния на восприятие и оценивание ВВТ. Таким образом, не удалось подтвердить широко распространённую гипотезу, состоящую в том, что ВВТ характерен для речи молодёжи (особенно молодых женщин) и редко используется представителями старшего поколения.

4. Заключение [Conclusion]

Интонация, будучи языковым явлением, связана с разными формами коммуникативного и социального человеческого поведения. Она способна меняться при изменении нравов общества, и поэтому разные варианты одного языка могут демонстрировать различия на интонационном уровне. Также стоит отметить важность просодических факторов для любого типа общения, в том числе и в прагматическом аспекте. Зачастую именно интонационные параметры речи человека оказывают значительное влияние на оценку его социального положения и уровня речевой культуры [Скрелин, 1997, с. 52–60].

В ходе перцептивного эксперимента, а также предварительного акустического анализа случаев употребления высокой восходящей интонации в утвердительных высказываниях, удалось подтвердить данные последних работ, посвящённых ВВТ: он вариативен по форме реализации и функциям в разных национальных и региональных вариантах английского языка. Как и следовало ожидать, модифицированные фразы с восходящим движением тона, присущим вопросительным высказываниям в большинстве языков мира [Болинджер, 1972, с. 218], регулярно определялись респондентами как вопросы. При этом была выявлена любопытная тенденция: из всех групп опрошенных британцы из северных регионов Великобритании и лондонцы воспринимали предлагаемую интонацию в качестве вопросительной значительно реже остальных групп респондентов. Кроме того, британцы из Лондона и южных регионов Великобритании чаще других респондентов относили фразы с ВВТ к утверждениям (более 40% ответов), в то время как американцы (США) и австралийцы определяли их как вопросы в значительно большем количестве случаев (до 82%). Следовательно, возникновение ВВТ и его достаточно широкое распространение в англоязычном мире не может являться результатом внутриязыковой интерференции. Вполне возможно, оно связано с другими факторами, например, определёнными социолингвистическими тенденциями, что выявляется при рассмотрении приписываемых данному контуру модальных коннотаций (ср. также доклад авторов на конференции «Человек в коммуникации: категория вежливости и речевая агрессия» (БФУ им И. Канта, Калининград, 2024) на тему: «Вежливо – не значит неправильно: политическая корректность и английская интонация»). Одним из подтверждений этому следует считать полученные в ходе описываемого эксперимента данные о том, что некоторые особенности мелодического оформления фраз с ВВТ получают одинаковую перцептивную оценку вне зависимости от типа произношения респондента.

Тот факт, что респонденты из Лондона и южных регионов Великобритании показали схожие результаты при восприятии интонации ВВТ, также может указывать на сближение их интонационных систем. Данное положение необходимо проверить в дальнейших исследованиях, в том числе и с помощью серии перцептивных экспериментов.

Библиографический список

- Болинджер, 1972 – Болинджер Д. Интонация как универсалия : пер. с англ. Т. М. Николаевой // Принципы типологического анализа языков различного строя. М. : Наука, 1972. С. 214–230.
- Бурая, 2009 – Бурая Е. А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник для студ. лингв. вузов и фак. 3 изд., стер. М. : Академия, 2009. 272 с.

- Светозарова, 1982 – Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. 175 с.
- Скрелин, 1997 – Скрелин П. А. Просодические корреляты уровня речевой культуры // Экспериментально-фонетический анализ речи: Проблемы и методы : межвуз. сб. Вып. 3. / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. С. 52–60.
- Сыпачёва, Шамина, 2024 – Сыпачёва К. Н., Шамина Е. А. Функции высокого терминального тона в интонационной системе современного английского языка // Дискурс. 2024. Т. 10. № 4. С. 93–105. <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-93-105>
- Шевченко, 2017 – Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. 2-е изд. Дубна : Феникс +, 2017. 256 с.
- Beal, 2008 – Beal J. English dialects in the North of England: phonology // *Varieties of English*. Vol. 1: The British Isles 2008 / B. Kortmann and C. Upton (Eds.). Berlin : Mouton de Gruyter. P. 122–144.
- Britain, 1992 – Britain D. Linguistic change in intonation: The use of high rising terminals in New Zealand English // *Language Variation and Change*. 1992. Vol. 4, Iss. 1. P. 77–104. <https://doi.org/10.1017/S0954394500000661>
- Courtney, 1996 – Courtney N. The nature of Australian // *English Today*. 1996. Vol. 12, Iss. 2. P. 23–29. <https://doi.org/10.1017/S0266078400008981>
- Cruttenden, 1997 – Cruttenden A. *Intonation*. 2nd edn. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 201 p.
- Fletcher et al., 2005 – Fletcher J., Grabe E., Warren P. Intonational variation in four dialects of English: The high rising tune // *Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing* / S. Jun (Ed). Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 390–409. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199249633.003.0014>
- Fletcher, Loakes, 2010 – Fletcher J., Loakes D. Interpreting rising intonation in Australian English. Paper presented at *Speech Prosody*. 2010. <https://doi.org/10.21437/SpeechProsody.2010-220>
- Gimson, 1977 – Gimson A. C. *A Practical course of English pronunciation. A perceptual approach*. London : Edward Arnold Ltd, 1977. 381 p.
- Grabe, 2004 – Grabe E. Intonational variation in urban dialects of English spoken in the British Isles // *Regional Variation in Intonation* / P. Gilles and J. Peters (Ed.). Tübingen : Niemeyer (Linguistische Arbeiten), 2004. P. 1–24.
- Guy et al., 1986 – An intonational change in progress in Australian English / G. Guy, B. Horvath, J. Vonwiller, E. Daisley, I. Rogers // *Language in Society*. 1986. Vol. 15, Iss. 1. P. 23–51. <https://doi.org/10.1017/S0047404500011635>
- Holmes, Bell, 1988 – Holmes J., Bell A. Learning by experience: notes for New Zealand social dialectologists // *Te Reo* – 1988. Vol. 31. P. 19–49.
- Jarman, Cruttenden, 1976 – Jarman E., Cruttenden A. Belfast intonation and the myth of the fall // *Journal of the International Phonetic Association*. 1976. Vol. 6. P. 4–12. <https://doi.org/10.1017/S0025100300001432>
- Lakoff, 1973 – Lakoff R. Language and woman's place // *Language in Society*. 1973. Vol. 2. P. 45–79. <https://doi.org/10.1017/S0047404500000051>
- Lindsey, 2019 – Lindsey G. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. Cham : Springer, 2019. 153 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04357-5>
- McGregor, 1979 – McGregor R. L. High-Rising Tone in Non-Question Forms in Sydney Australian English. MA Thesis. Macquarie University, 1979. <https://researchers.mq.edu.au/en/publications/high-rising-tunes-in-australian-english-the-communicative-function>
- O'Connor, Arnold, 1973 – O'Connor, J. D., Arnold G. F. *Intonation of Colloquial English*. 2nd edn. Longman Group Ltd., 1973. 290 p.
- Ritchart, Arvaniti, 2014 – Ritchart A., Arvaniti A. The form and use of uptalk in Southern California English // *Proc. of the 7th International conference on Speech Prosody*, Dublin, Ireland 2014 / N. Campbell, D. Gibbon, D. Hirst (Eds.). Dublin, Ireland, 2014. P. 331–335. <https://doi.org/10.21437/SpeechProsody.2014-54>
- Warren, 2016 – Warren P. *Uptalk: The phenomenon of rising intonation*. Cambridge University Press, 2016. 217 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316403570>

- Wells, 2009 – Wells J. C. English Intonation. An Introduction. Cambridge University Press, 2009. 276 p.
- Wolff, 2000 – Wolff R. A. Portland Dialect Study: High Rising Terminal Contours (HRTS) in Portland Speech. MA thesis. Portland State University, 2000. 118 p. <https://doi.org/10.15760/etd.7538>
- Zwartz, Warren, 2003 – Zwartz J., Warren P. This is a statement? Lateness of rise as a factor in listener interpretation of HRTs // Wellington Working Papers in Linguistics. 2003. Vol. 15. P. 51–62. <https://doi.org/10.1177/00238309050480040201>

References

- Bolinger, D. (1972). Intonatsiya kak universal'ya. [Intonation as a universal]. Translated from English by T. M. Nikolaeva. In B. A. Uspenskiy (Ed.), *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [The principles of typological analysis of language with different systems] (pp. 214–230); Institute for Asian studies, Academy of Sciences of the USSR. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Buraya, E. A. (2009). *Fonetika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Phonetics of the modern English language]. A theoretical course. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Svetozarova, N. D. (1982) *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation system of the Russian language]. Leningrad : Leningrad University Press. (In Russ.).
- Skrelin, P. A. (1997). Prosodicheskie korrelyaty urovnya rechevoy kul'tury [Prosodic correlates of the level of language competence]. In L. V. Bondarko (Ed.), *Eksperimental'no-foneticheskiy analiz rechi: Problemy i metody* [Experimental and phonetic analysis of speech: Issues and methods] (Vol. 3, pp. 52–60). St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Sypachyova, K. N., & Shamina, E. A. (2024). Funktsii vysokogo terminal'nogo tona v intonatsionnoy sisteme sovremennogo angliyskogo yazyka [The functions of the high rising terminal in the intonation system of the modern English language]. *Diskurs* [Discourse], 10, 93–105. (In Russ.). <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-93-105>
- Shevchenko, T. I. (2017). *Fonetika i fonologiya angliyskogo yazyka: Kurs teoreticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka dlya bakalavrov* [Phonetics and phonology of the modern English language: Theoretical course of English phonetics for undergraduate students]. Dubna : Feniks + Press. (In Russ.).
- Beal, J. (2008). *English dialects in the North of England: phonology*. In B. Kortmann and C. Upton (Eds.), *Varieties of English*. Vol. 1: The British Isles. Berlin : Mouton de Gruyter Press, 122–144.
- Britain, D. (1992). Linguistic change in intonation: the use of high rising terminals in New Zealand English. *Language Variation and Change*, 4(1), 77–104. <https://doi.org/10.1017/S0954394500000661>
- Courtney, N. (1996). The nature of Australian. *English Today*, 12(2), 23–29. <https://doi.org/10.1017/S0266078400008981>
- Cruttenden, A. (1997). *Intonation*. 2nd edn. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 201 p.
- Fletcher, J., Grabe, E., & Warren, P. (2005). Intonational variation in four dialects of English: The high rising tune. In S. Jun (Ed.), *Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford : Oxford University Press. P. 390–409. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199249633.003.0014>
- Fletcher, J., & Loakes, D. (2010). Interpreting rising intonation in Australian English. *Paper presented at Speech Prosody* (Chicago, IL, USA, May 10–14, 2010). <https://doi.org/10.21437/SpeechProsody.2010-220>
- Gimson, A. C. (1977). *A Practical course of English pronunciation. A perceptual approach*. London : Edward Arnold Ltd, 1977. 381 p.
- Grabe, E. (2004). Intonational variation in urban dialects of English spoken in the British Isles. In Peter Gilles and Jörg Peters (Ed.), *Regional Variation in Intonation* (pp. 1–24). Tübingen : Niemeyer (Linguistische Arbeiten) Press.
- Guy, G., Horvath, B., Vonwiller, J., Daisley, E., & Rogers, I. (1986). An intonational change in progress in Australian English. *Language in Society*, 15(1), 23–51. <https://doi.org/10.1017/S0047404500011635>

- Holmes, J., Bell, A. (1988). Learning by experience: Notes for New Zealand social dialectologists. *Te Reo*, 31, 19–49.
- Jarman, E., Cruttenden, A. (1976). Belfast intonation and the myth of the fall. *Journal of the International Phonetic Association*, 6, 4–12. <https://doi.org/10.1017/S0025100300001432>
- Lakoff, R. (1973). *Language and woman's place*. *Language in Society*, 2, 45–79. <https://doi.org/10.1017/S0047404500000051>
- Lindsey, G. (2019). *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. Cham : Springer, 2019. 153 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04357-5>
- McGregor, R. L. (1979). *High-Rising Tone in Non-Question Forms in Sydney Australian English*. MA Thesis. Macquarie University, 1979. <https://researchers.mq.edu.au/en/publications/high-rising-tunes-in-australian-english-the-communicative-function>
- O'Connor, J. D., Arnold G. F. (1973). *Intonation of Colloquial English*. 2nd edn. Longman Group Ltd., 1973. 290 p.
- Ritchart, A., Arvaniti, A. (2014). The form and use of uptalk in Southern California English. In N. Campbell, D. Gibbon, D. Hirst (Eds.), *Proc. of the 7th International conference on Speech Prosody* (Vol. 7, pp. 331–335). <https://doi.org/10.21437/SpeechProsody.2014-54>
- Warren, P. (2016). *Uptalk: the phenomenon of rising intonation*. Cambridge University Press, 2016. 217 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316403570>
- Wells, J. C. (2009). *English Intonation. An Introduction*. Cambridge University Press, 2009. 276 p.
- Wolff, R. A. (2000). Portland Dialect Study: High Rising Terminal Contours (HRTS) in Portland Speech. MA thesis. Portland State University, 2000. 118 p. <https://doi.org/10.15760/etd.7538>
- Zwartz, J., Warren, P. (2003). This is a statement? Lateness of rise as a factor in listener interpretation of HRTs. *Wellington Working Papers in Linguistics*, 15, 51–62. <https://doi.org/10.1177/00238309050480040201>

Уртегешев Николай Сергеевич
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
urtegeshev@mail.ru

Артикуляционно-акустические корреляты мягкости согласных типа «S» и «Z»

Аннотация

Целью исследования было выявление надёжных акустических показателей, позволяющих дифференцировать твёрдые и мягкие согласные на основе анализа их осциллограмм и спектрограмм в изолированном произнесении, и сопоставление с ранее описанными артикуляционными параметрами. Автор опровергает традиционное представление о том, что мягкость связана исключительно с палатализацией (подъёмом средней части языка к твёрдому нёбу), и выдвигает гипотезу о ключевой роли ларингальных механизмов, включая ингерентную соартикуляцию голосовых складок и гортани. В работе представлены результаты экспериментального анализа двух пар согласных ([s]–[s'], [z]–[z']), записанных при фиксированном положении надсвязочных артикуляторов. Осциллографический и спектрографический анализ выявил значимые различия в амплитуде и спектральной плотности между твёрдыми и мягкими согласными, а также контрастные зоны в средних и высоких частотных диапазонах. Полученные данные подтверждают, что мягкость является ингерентным признаком, связанным с ларингальными настройками. Это позволило предложить новые критерии для автоматического распознавания речи и сопоставительных лингвистических исследований.

Ключевые слова: фрикативный фронтальный согласный, амплитуда, спектральная плотность, частотный диапазон, форманта, признак мягкости, признак твёрдости, палатализация

© Уртегешев Н. С. 2025

Для цитирования: Уртегешев Н. С. Артикуляционно-акустические корреляты мягкости согласных типа «s» и «z» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 167–179. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-167>

Nikolay S. Urtegeshev
Institute of Philology, the Siberian Branch of the RAS
Novosibirsk, Russian Federation
urtegeshev@mail.ru

Articulatory and acoustic cues of softness in consonants of s- and z-type

Abstract

This paper aims to identify reliable acoustic cues differentiating hard and soft consonants based on their wave forms and spectrograms obtained during their isolated pronunciation and to compare the acoustic cues to the previously explored articulatory cues. The author challenges the traditional view that softness is solely achieved due to palatalization (raising the middle part of the tongue to the hard palate) and proposes a hypothesis emphasizing the role of laryngeal mechanisms including inherent coarticulation of the vocal folds and larynx. The paper presents experimental results from analyzing two pairs of consonants ([s]–[s'], [z]–[z']) recorded with fixed supralaryngeal articulator positions. The analysis of wave forms and spectrograms revealed significant differences in amplitude and spectral density between hard and soft consonants as well as in contrasting zones in

mid and high frequency ranges. The findings confirm that softness is an inherent feature determined by the laryngeal adjustments. This discovery offers new criteria for automatic speech recognition and comparative linguistic studies.

Keywords: front fricative consonant, amplitude, spectral density, frequency range, formant, softness feature, hardness feature, palatalization

© Urtegeshev N. S. 2025

For citation: Urtegeshev, N. S. (2025). Artikulyatsionno-akusticheskie korrelyaty myagkosti soglasnykh tipa «s» i «z» [Articulatory and acoustic cues of softness in consonants of s- and z-type]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 167–179. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-167>

1. Введение [Introduction]

Данная работа является продолжением исследования акустического эффекта «мягкости». Ранее нами были проанализированы статические и динамические снимки артикуляционных настроек мягких согласных, сделанных методом МРТ (магнитно-резонансным томографированием) [Уртегешев, 2024, с. 186–199]. Артикуляционный эксперимент проводился при слуховом контроле, в котором использовались речевые образцы разных языков народов Сибири. В результате анализа были сделаны следующие выводы:

1. Артикуляционные корреляты фонического и фонематического признака «мягкость» связаны не только и не столько с работой языка в полости рта, поскольку при одном и том же укладе языка может быть реализован как твёрдый, так и мягкий согласный.

2. У мягких согласных фиксируется примордиальная, другими словами, ингерентная соартикуляция: одновременное образование приматона или примаволны определённого звукотипа с образованием узкой щели в передней части у голосовых складок; кроме того, передний край гортани чуть приподнимается вверх и вперёд, в результате чего образуется шум, который мы определяем как «мягкость» звука.

3. Все мягкие согласные переднеязычно-среднеязычные (передне-среднеязычные) и палатализованные мы считаем аллоартикуляциями. Так, [n'], [n'/ɲ (n'')], [ɲ] и [ɲ'] – это звуки, которые есть ничто иное как артикуляционные варианты примаволны типа «n'» с синхронной тернарной артикуляцией. Они различаются лишь местом образования орального фокуса. Итак, задействовано три отдела речевого тракта: 1) соартикуляция – голосовые складки и гортань в целом (образование примаволны определённого типа) + образование шума «мягкости», 2) синхронная артикуляция – смычный фокус в ротовой полости (место фокуса зависит от привычек носителей идиома или индивидуума), 3) синхронная артикуляция – открытие носового канала. Примордиальность мы отдаём соартикуляции голосовых складок с гортанью в целом, а всё, что выше – это необходимая, но вторичная синхронная артикуляция. Для «неподготовленного уха», действительно, крайне сложно отличить палатализованные от среднеязычных / палатальных, особенно при их продвижении вперёд.

4. В некоторых случаях по соматическим материалам без сделанной синхронной аудиозаписи или слухового анализа трудно сказать, является ли согласный палатализованным мягким или уранизированным (палатализованным твёрдым).

5. Палатализация и уранизация как подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу могут быть сильными, умеренными и слабыми. Это зависит от степени отстояния спинки языка от твёрдого нёба: чем меньше отстояние, тем сильнее палатализация и уранизация.

6. Воспринимаемая на слух мягкость может быть усиленная или ослабленная. Всё зависит от того, в какой части ротовой полости располагается тело языка (наибольшая масса) в момент фонации мягкого согласного: чем ближе к передней части твёрдого нёба, тем «сильнее» и «чище» будет звучать мягкость и, наоборот, чем ближе к задней стенке фаринкса, тем она «слабее» и «приглушённое». Таким образом, мы наблюдаем интерференцию звуковых волн [Степанов, 2004–2017].

Что касается акустического аспекта «мягкости», то на этот счёт в научной литературе есть следующие данные: понижение первой форманты (F1) и повышение второй форманты (F2), усиление составляющих в более высоких областях спектра (от 2500 Гц), сдвиг частотных составляющих вверх и повышение нижней границы шума, а также появление дополнительного фрикативного шума в средне-высоких частотах [Наделяев, 1960, с. 14 ; Зиндер, 1979, с. 133 ; Бондарко и др., 1991 ; Bondarko, 2005 ; Андросова и др., 2009].

В первой монографической работе, выполненной на материале русского языка экспериментальными методами исследования, анализируются палатализованные (мягкие)¹ согласные [Дукельский, 1962], в частности, в препозиции к разным гласным рассматриваются p' -, t' -, k' -. Автор приходит к следующим заключениям [Дукельский, 1962, с. 23–26]:

1. Отрезок речевого потока, соотносимый с начальными p' -, t' -, k' -, в сочетаниях p' + VC представлен импульсно-шумовой и голосовой (иотообразной, или [i]-образной) частью, а в сочетаниях t' + VC и k' + VC – в большинстве случаев только импульсно-шумовой частью.

2. Выделенная из речевого потока импульсно-шумовая часть p' - воспринимается как щелчок или как твёрдый p -.

3. Для получения нужного оттенка p' - необходимо присоединить к импульсно-шумовому сегменту часть иотообразного элемента в 2–4 периодических колебания.

4. Импульсно-шумовая часть t' - звучит мягко на всём протяжении; по длительности и характеру огибающей она сходна с начальным s -, но отличается от него по составу и характеру переходного процесса.

5. Роль [i]-образного или [y]-образного переходного элемента в восприятии мягкости p' - носит решающий характер, а в случае t' - и k' - [i- (y-)]-образный элемент дополняет или же разделяет с предшествующей частью речевого потока признак мягкости согласного. Это относится в равной мере и к другим согласным, соответствующим p' -, t' -, k' - по месту образования.

К сожалению, в своей работе Н. И. Дукельский, как и исследователи до него² и после (например, [Морозова, Андросова, 2018; Селютина, 2024]), мягкость согласного связывают с палатализацией, т. е. подъёмом средней части спинки языка к твёрдому нёбу, указывая на наличие [i]³-образного или [y]-образного переходного элемента, что не увязывается с наши данным. В связи с этим, целью нашего исследования было выявление объективных акустических показателей, позволяющих дифференцировать твёрдые и мягкие согласные на основе анализа их осциллограмм и спектрограмм в изолированном произнесении, и сопоставление с ранее описанными артикуляционными параметрами.

¹ Анализ литературных источников показал, что во многих работах между терминами «палатализованный» и «мягкий», а ещё и «смягчённый» ставится знак равенства [Наделяев, 1960, с. 14 ; Дукельский, 1962 ; Трахтеров, 1962, с. 204 ; Бондарко и др., 1991, с. 50], различий не делается [Наделяев, 1960, с. 14 ; Зиндер, 1979, с. 133 ; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 283].

² «По-видимому, наше восприятие «мягкости» согласных перед а, о, у обуславливается главным образом этим среднеязычным элементом гласным, а при р, к в начале слова исключительно только этим элементом» [Щерба, 1912, с. 87] (по кн.: Дукельский Н. И. Принципы сегментации речевого потока. М. : Л., 1962. С. 26.).

³ В некоторых языках, например в китайском, i-образный элемент действительно присутствует, имея статус медиали [Чжоу, Тананайко, 2024]. На наш взгляд, он служит переходным компонентом или связующим между мягким согласным и последующим гласным, а не переходным элементом мягкости согласного. Это связано с разными стратегиями перехода от мягкого согласного к постпозитивному гласному (всех гласных, кроме «i»), которые у разных народов в течении многовекового развития выработались по-разному, кроме звуков типа «i», у которого истинные голосовые связки в передней части имеют ровно такую же артикуляцию, что и у мягких согласных.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие научные задачи: 1) записать изолированно произнесенные пары близких по типу твёрдых и мягких согласных при неизменном положении надсвязочных органов артикуляции; 2) зафиксировать аллоартикуляции исследуемых согласных в переднем и заднем отделах рото-глоточной полости речевого тракта; 3) провести детальный анализ полученных аудиозаписей с использованием специализированного программного обеспечения (SpeechAnalyzer 3.0.1) для выделения значимых акустических параметров.

Гипотеза исследования базировалась на положении о том, что феномен артикуляционной «мягкости» обусловлен ингерентной соартикуляцией, включающей два ключевых компонента:

1. Одновременное формирование примафона (или примаволны) целевого звуко-типа с сужением щелевого пространства в переднем отделе голосовых складок (по аналогии с механизмами, описанными в работах по ларингальной артикуляции, например, [Esling, 2005]). Как отмечает Дж. Эслинг, ларингальный артикулятор способен создавать сужения, акустически эквивалентные оральным артикуляциям [Esling, 2005, p. 15], что согласуется с нашей гипотезой об ингерентной соартикуляции. Единственно с чем мы не можем согласиться, это то, что гортань может наклоняться вперёд, приподнимая надгортанник [...] Это действие сокращает голосовой тракт, повышая первую форманту (F1) и понижая вторую (F2), что создаёт перцептивный эффект ‘смягчения’ гласного [Esling, 2005, p. 23]. Мы не видим прямой связи между изменениями в гортани и формантными изменениями: их может и не быть.

2. Кинематическое смещение переднего края гортани по траектории «вверх-вперёд», что приводит к генерации специфического шумового паттерна, перцептивно интерпретируемого как признак мягкости (ср. с концепцией «гортанная настройка» в [Кодзасов, 2006]). Как показано в работе С. В. Кодзасова, мягкость может быть результатом «гортанной настройки» – артикуляционного сдвига гортани, приводящего к сужению голосовой щели и изменению резонансных свойств тракта [Кодзасов, 2006, с. 45]. Это согласуется с нашей гипотезой об ингерентной природе мягкости.

Методологическая проверка гипотезы предполагает:

1. Сравнительный акустический анализ пар твёрдых / мягких звуков методами: осциллографии (для выявления временных характеристик сигнала, включая амплитудные изменения); спектрографии (для анализа формантной структуры и шумовых компонентов, связанных с глоттальным сужением);

2. Сопоставление данных с артикуляционными моделями, что позволяет верифицировать связь акустических коррелятов с физиологическими процессами.

Теоретически, результаты должны подтвердить, что «мягкость» является не аддитивным, а ингерентным признаком, что согласуется с теорией коартикуляции [Ohala, 1993] и расширяет понимание фонетической вариативности в рамках ларинго-фарингального континуума.

Поскольку ларингальное сужение генерирует шумовой компонент [Ladefoged, Maddieson, 1996, p. 315], спектрографический анализ позволяет выявить его корреляты в виде аperiodических колебаний.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для акустического анализа были выбраны две пары щелевых согласных, минимально различающихся по признаку мягкости: глухие «s» – «s'» и звонкие «z» – «z'». Отбор именно этих пар обусловлен их артикуляционной и акустической близостью, что

обеспечивало оптимальные условия для сравнительного анализа. Кроме того, данные щелевые согласные оказалось проще всего сгенерировать и качественно смодулировать. Пара глухих согласных «s» – «s'» кроме фронтального артикулирования, произносилась гуттурально – образование узкой щели между корнем языка и задней стенкой фаринкса. Гуттуральное артикулирование согласных типа «s» – «s'» вызвало некоторые сложности, в силу своей искусственности, но оказалось вполне возможным, хотя и на слух звучало необычно. Необычность звучания звукотипов «s» и «s'» характерна и для латерализованных сургутского диалекта хантыйского языка, которые традиционно относят к глухим медиально-смычным латерально-щелевым согласным типа «l» [Уртегешев, 2019, с. 100–109].

Во время записи был обеспечен полный контроль артикуляционных параметров: 1) фиксированное положение супраларингальных артикуляторов (тело языка, мягкое нёбо, губы, нижняя челюсть); 2) вариативность обеспечивалась исключительно за счёт ларингальных изменений. Испытуемым выступал автор исследования (метод аутофонетического анализа), что обусловлено: наличием специальных навыков артикуляционного контроля; развитой кинестетической чувствительностью; способностью к точной фиксации артикуляционных позиций с аудитивным мониторингом. Были разработаны специализированные фонетические протоколы, позволяющие: стандартизировать процедуру записи; объективизировать параметры анализа; количественно оценивать акустические корреляты мягкости. Данная методика обеспечивает: высокую степень контроля артикуляционных переменных; воспроизводимость результатов; минимизацию побочных фонетических эффектов.

Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерной программы Audacity и далее анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1.

В настоящей работе мы различаем низкие, средние и высокие частоты, которые имеют следующие соответствия (табл. 1):

Т а б л и ц а 1. Шкала частот
[T a b l e 1. Frequency scale]

Частота	Диапазон, Гц (в акустике и физике звука)	Диапазон, Гц (в музыке, звукорежиссуре и аудиотехнике)
низкая	20 Гц – 300 Гц Примеры: Гром, басовые инструменты, гул двигателей.	20 Гц – 250 Гц Примеры: Гул двигателя, бас-гитара, удары барабана (бочка), низкие ноты органа.
средние	300 Гц – 3000 Гц Примеры: Человеческая речь (основные частоты: 500–2000 Гц), большинство музыкальных инструментов.	250 Гц – 2000 Гц Примеры: Человеческий голос (основные частоты речи), гитара, фортепиано, саксофон.
высокие	3000 Гц – 20000 Гц Примеры: Звон стекла, пение птиц, свист, шипящие согласные в речи.	2000 Гц – 20000 Гц Примеры: Скрипка, флейта, тарелки, птичьи трели, шипящие звуки («с», «ш»).

Точного понятия низких, средних и высоких частот не существует, поэтому в нашей работе мы будем придерживаться диапазона частот, рассматриваемых в акустике и физике звука.

В данной работе применён стандартный метод относительного расчёта процентного изменения между двумя величинами (напр., [Наделяев, 1980, с. 36–37 ; Stevens, 1998]): % снижения = $100\% \times (E_{\text{твёрдый}} - E_{\text{мягкий}}) / E_{\text{твёрдый}}$. Формула является общепринятой в физике и обработке сигналов для оценки разницы энергии между двумя состояниями (в данном случае – твёрдым и мягким вариантами согласного). Она

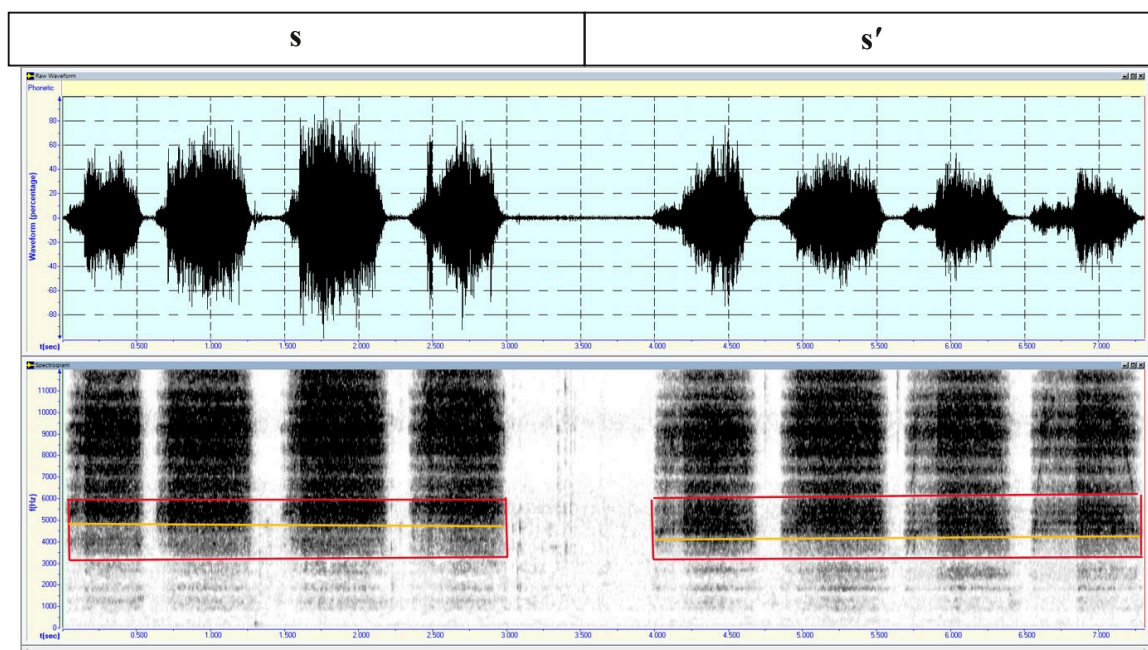
прямо следует из определения процентного изменения: если $E_{\text{твёрдый}}$ – исходная энергия (база для сравнения), а $E_{\text{мягкий}}$ – изменённая энергия, то снижение в процентах = (разница) / (исходное значение) $\times 100\%$. Погрешность $\pm 5\%$ из-за: субъективности визуальной оценки спектрограмм; вариативности между повторными произнесениями; округления при переводе графических данных в числовые.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Первая программа исследования [First research program]

В исследовании были записаны и проанализированы фронтальные согласные [s] и [s'], реализованные со следующей артикуляционной конфигурацией: губы растянуты с образованием узкой щели, дентализация выражена положением верхних резцов перед нижними. Тело языка располагалось в передней части ротовой полости, формируя удлинённый узкий щелевой фокус между передне-средней частью спинки языка с альвеолами и прилегающим участком твёрдого нёба. Корень языка был оттянут от задней стенки фаринкса при сохранении щелевого фокуса. Вход в носовую полость закрыт.

Были последовательно произведены четыре реализации твёрдого [s] и четыре реализации мягкого [s'] (рис. 1) при полном сохранении идентичности артикуляции над истинными голосовыми складками.

Р и с у н о к 1. Осциллограммы и спектрограммы изолированно произнесённых фронтальных согласных [s] и [s']

[Figure 1. Wave forms and spectrograms of front consonants [s] and [s'] pronounced in isolation]

На слуховом уровне все реализации твёрдого согласного сохраняли стабильную твёрдую характеристику на протяжении всей фонации, в то время как мягкие варианты демонстрировали характерную мягкость. Данное наблюдение особенно значимо, поскольку аудитивный анализ речевых образцов из различных языков выявил случаи, когда воспринимаемые на слух как мягкие согласные при акустическом анализе оказывались твёрдыми сегментами, при этом признаки «мягкости» проявлялись пре-

имущественно на смежных вокальных участках (как правило, в начальной трети фонации «постмоллисного» гласного).

Обнаруженное несоответствие между слуховым восприятием и результатами акустического анализа подчёркивает важность учёта: 1) временного распределения признаков «мягкости»; 2) коартикуляционных эффектов в переходах согласный-гласный; 3) реализации вторичных артикуляций, зависящих от конкретного языка.

Полученные результаты обосновывают необходимость комплексного многопараметрического подхода при исследовании фонетических коррелятов «мягкости» в различных языках.

Акустические корреляты мягкости глухих фронтальных [s] и [s']. Как следует из экспериментальных условий (при неизменном положении супраларингальных артикуляторов), наблюдаемые акустические различия между твёрдыми и мягкими согласными могут рассматриваться как надёжные показатели «мягкости». Осциллографический анализ выявил следующие закономерности:

1. Амплитудные характеристики: твёрдые согласные демонстрируют большую амплитуду колебаний шумовой составляющей (средний диапазон -52м – +52м); для мягких согласных характерен меньший размах амплитуды (средний диапазон -34м – +34м); средняя амплитудная разница составляет ± 18 м.

Предполагается, что данное различие обусловлено вариациями длины голосовых складок: при образовании твёрдых согласных (без переднего сжатия, характерного для мягких гоморганных согласных) отмечается большая длина вибрирующего участка связок, что объясняет их повышенную интенсивность.

2. Спектральные характеристики (табл. 2): твёрдые согласные отличаются повышенной спектральной плотностью в диапазоне 3–12 кГц, что визуализируется через насыщенность цветового отображения; обнаружены значимые межгрупповые различия в распределении энергии по частотным полосам; дополнительные зоны дифференциации напряжённости зафиксированы в других частотных областях (см. табл. 2).

3. У твёрдых и мягких согласных отмечается спад энергии в фаринксе (засветление в диапазоне ≈ 3 кГц–5кГц) из-за сильной продвинутой массы тела языка в переднюю часть ротовой полости.

4. Мягкие варианты дают более широкую полосу напряжённости примерно в рото-глоточной части речевого тракта (≈ 2 кГц), в отличие от твёрдых (≈ 1 кГц, энергия снижена на 50%), что, по всей видимости, связано с разным движением (углом движения) примаволны, что, в свою очередь, определено с углом наклона гортани.

Т а б л и ц а 2. Распределение напряжённости фронтальных [s] и [s']

[T a b l e 2. Distribution of tension in front [s] and [s']]

s		s'	
Засветление	Затемнение	Засветление	Затемнение
≈ 3 кГц–5кГц = 2кГц	≈ 5 кГц–6кГц = 1кГц	≈ 3 кГц–4кГц = 1кГц	≈ 4 кГц–6кГц = 2кГц

По результатам первой программы эксперимента можно заключить, что мягкие фонемы «s»-подобных согласных обладают объективно диагностируемыми акустическими маркерами:

1. Имеются достоверные различия в спектральной напряжённости в характерных частотных диапазонах (табл. 2), что позволяет: 1) разработать количественные критерии идентификации мягкости; 2) создать алгоритмы автоматического детектирования мягкости.

2. Установленная амплитудная редукция ($\pm 18\text{м}$) подтверждает: 1) изменение фонационного режима при «мягкости»; 2) необходимость учёта динамических параметров сигнала.

2.2.2. Вторая программа исследования [Second research program]

В рамках настоящего исследования была реализована серия экспериментов по записи звонких щелевых согласных [z] и [z']. Методика проведения эксперимента включала следующие параметры:

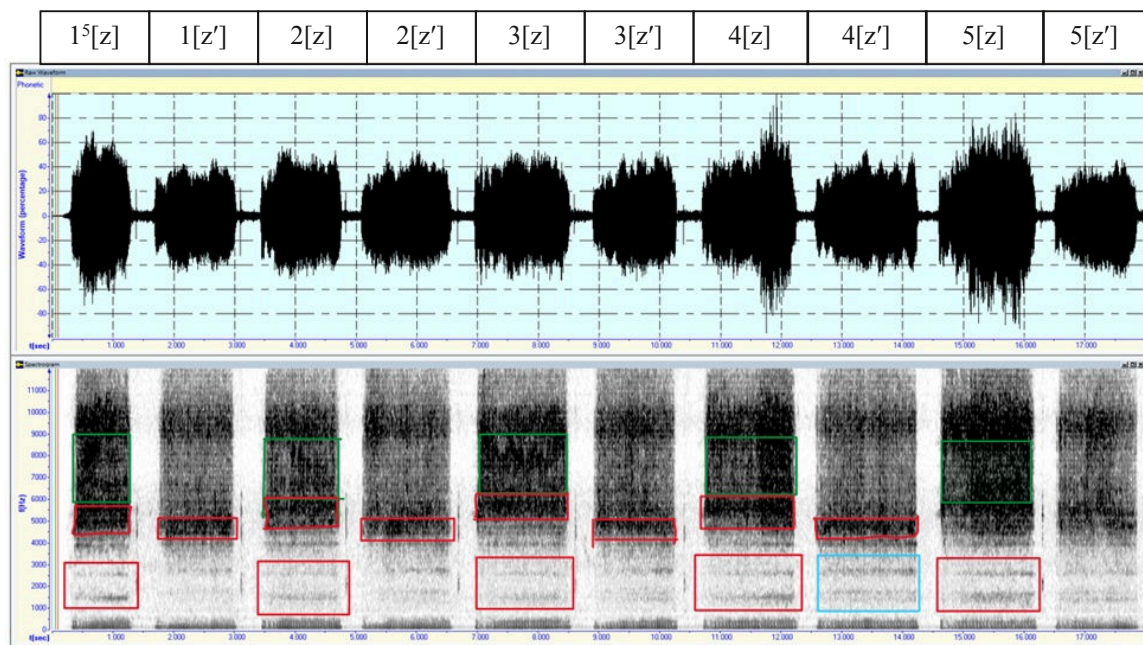
1. Артикуляционные условия: 1) сохранение идентичной конфигурации органов артикуляции, использованной в предыдущей серии экспериментов (фиксация супраларингальных параметров – положение губ, конфигурация языка, велофарингальное закрытие).

2. Процедура записи: 1) последовательное чередование твёрдых и мягких вариантов согласных; 2) визуализация последовательности артикуляций (см. рис. 2).

3. Особенности экспериментального протокола: 1) контроль ларингальных параметров (степень смыкания голосовых складок, напряжение вокальных мышц); 2) мониторинг аэродинамических характеристик (величина подскладочного давления, скорость воздушного потока).

Описанная программа обеспечивает следующие методические преимущества использованного подхода: 1) сравнимость результатов с предыдущей серией экспериментов; 2) возможность выявления специфических характеристик звонких согласных; 3) минимизация артикуляционного дрейфа за счёт чередования гоморганных фонов.

Полученные данные позволяют провести сравнительный анализ акустических характеристик: внутри группы звонких согласных; между звонкими и глухими вариантами; между твёрдыми и мягкими реализациями.

Р и с у н о к 2. Осциллограммы и спектрограммы изолированно произнесённых фронтальных согласных [z] и [z']

[Figure 2. Wave forms and spectrograms of front consonants [z] and [z'] pronounced in isolation]

Акустические корреляты мягкости звонких фронтальных [z] и [z']. Проведённый анализ выявил следующие закономерности в акустических параметрах исследуемых согласных.

1. Амплитудные характеристики: наблюдается статистически значимое увеличение размаха колебаний у твёрдых согласных по сравнению с мягкими; в диапазоне со второй по шестую реализации (слева направо) отмечается высокая степень сходства акустических паттернов.

2. Спектральные особенности (рис. 2, табл. 3): чётко прослеживается снижение интенсивности спектральной энергии у мягких согласных в полосе 0–12 кГц, что позволяет говорить о разной степени напряжённости при генерации примаволны «z»-образных звуков; есть зоны, которые имеют контрастное отличие (табл. 3).

3. Обертоновая структура: 1) для твёрдых согласных характерно устойчивое наличие интенсивных обертонов в двух частотных областях – 1.5 кГц и 2.75 кГц; 2) в мягких вариантах данные спектральные пики выражены слабее, за исключением атипичной реализации 4[z'], демонстрирующей: амплитуду обертонов, сопоставимую с твёрдыми вариантами, аналогичную частотную локализацию;

4. Низкочастотный диапазон (0–500 Гц): твёрдые согласные в большинстве случаев характеризуются: повышенной спектральной плотностью (на 3–5 дБ), большей стабильностью энергетического распределения. Однако обнаружены исключения (4[z']), что: снижает диагностическую ценность данного параметра, свидетельствует о вариативности артикуляционных стратегий.

5. В ротовой полости у мягких напряжённость звукового потока менее выражена (засветление: $\approx 5\text{кГц} - 9\text{кГц} = 4\text{кГц}$), чем у твёрдых (затемнение: $\approx 6\text{кГц} - 9\text{кГц} = 3\text{кГц}$), но ширина полосы шума больше на 1 кГц (25%).

Т а б л и ц а 3. Распределение напряжённости фронтальных [z] и [z']
[Table 3. Distribution of tension in front [z] and [z']]

z		z'	
Затемнение	Затемнение	Затемнение	Засветление
$\approx 4,5\text{кГц} - 6\text{кГц} = 1,5\text{кГц}$	$\approx 6\text{кГц} - 9\text{кГц} = 3\text{кГц}$	$\approx 4,25\text{кГц} - 5\text{кГц} = 0,75\text{кГц}$	$\approx 5\text{кГц} - 9\text{кГц} = 4\text{кГц}$

По результатам второй программы эксперимента, установлены различия в спектральной плотности, которые отражают: различную степень напряжённости голосовых складок; особенности генерации примаволны; специфику резонансных свойств речевого тракта мягкости у согласных.

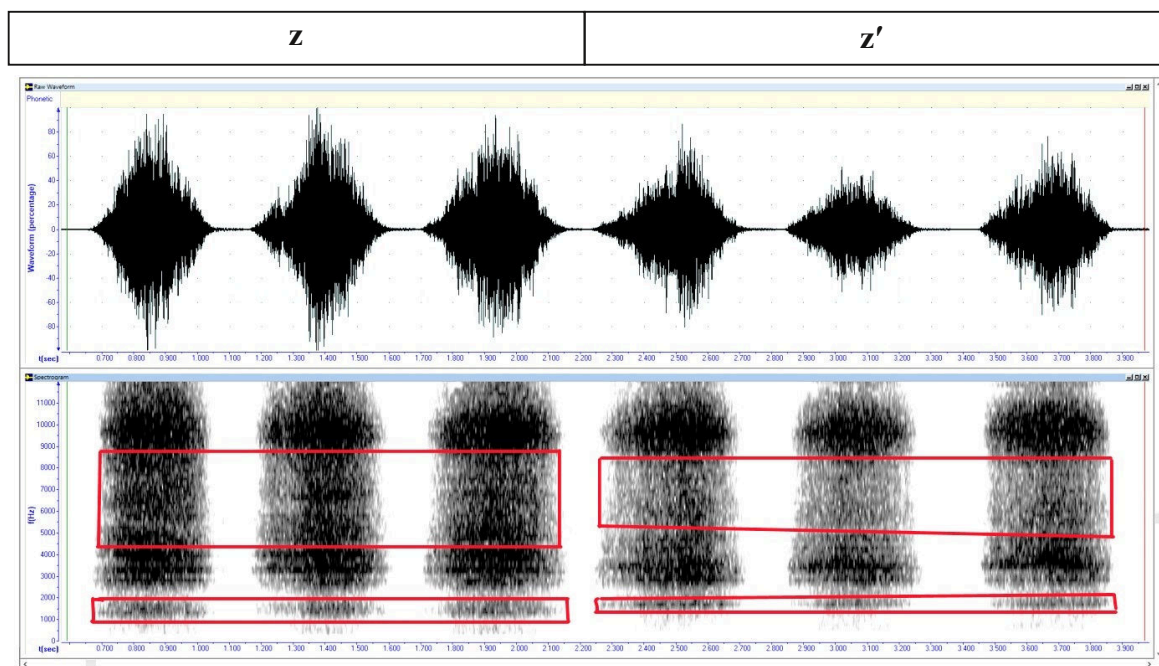
Контрастные зоны (табл. 3) могут служить надёжными акустическими маркерами «мягкости».

Основные дифференциальные признаки (табл. 3): достоверные различия между твёрдыми и мягкими вариантами концентрируются в высокочастотной области (выше 3 кГц).

2.2.3. Третья программа исследования [Third research program]

На рисунке 3 представлены свистящие щелевые согласные [s] и [s'] с бинарной артикуляцией, которые были образованы следующим образом: 1) в гортани истинные голосовые складки генерировали характерную для данных звукотипов примаволну; 2) в глотке образована ингерентная узкая щель между корнем языка и задней стенкой фа-

ринкса; 3) в передней части ротовой полости зафиксирован дополнительный фокус артикуляции (дентализация) между зубами, усиливающий свистящий эффект – усиленная артикуляция. В результате такого непривычного способа артикуляции были получены звуки, акустически отличающиеся от обычных фронтальных аллоартикуляций: более глухие по звучанию, с выраженным твёрдым тембром. Подобная экспериментальная методика была выбрана сознательно, чтобы: выявить общие акустические показатели, независимые от места артикуляции; чтобы исключить частные характеристики, присущие только фронтальным или только гуттуральным настройкам.

Р и с у н о к 3. Осциллограммы и спектрограммы изолированно произнесённых гуттуральных [s] и [s']
[F i g u r e 3. Wave forms and spectrograms of guttural [s] and [s'] pronounced in isolation]

Акустические корреляты мягкости глухих гуттуральных [s] и [s']. У твёрдых согласных размах колебаний волны несколько больше, чем у мягких: -65м – +65м и -38м – +38м соответственно. Этот факт указывает на разную длину голосовой щели (глоттиса) – у мягких согласных она короче вследствие сжатия в передней части истинных голосовых складок.

По степени насыщенности цвета спектрограммы можно заключить, что звуковая волна твёрдых согласных проходит через речевой тракт с бóльшим напряжением. Выявлены две частотные области, в которых наблюдаются различия между твёрдыми и мягкими согласными типа «s» (табл. 4):

- 1) средние частоты: $\approx 1\text{--}2$ кГц у твёрдых, $\approx 1,5\text{--}2$ кГц у мягких;
- 2) высокие частоты: $4,25\text{--}9$ кГц у твёрдых, $\approx 5,5\text{--}8,5$ кГц у мягких.
- 3) у твёрдых отмечается большой шумовой фокус повышенного давления (продолжительная узкая щель в рото-глоточной части речевого тракта: $\approx 4,25\text{кГц--}9\text{кГц} = 4,75\text{кГц}$), в отличие от мягких, у которых в этом диапазоне отмечается поглощение энергии (засветление: $\approx 5,5\text{кГц--}8,5\text{кГц} = 3\text{кГц}$), что мы связываем с углом изменения гортани в целом и глоттиса – в частности; разное турбулентное движение звуковых волн у твёрдых согласных и мягких.

На рисунке 3: гуттуральный [s'] имеет менее насыщенный спектр в высоких частотах; наблюдается чёткий шумовой компонент $\sim 1.5\text{кГц}$ (от щели в фаринксе), как и у гуттурального твёрдого [s].

Т а б л и ц а 4. Распределение напряжённости гуттуральных [s] и [s']
[T a b l e 4. Distribution of tension when in guttural [s] and [s']]

s		s'	
Затемнение	Затемнение	Затемнение	Засветление
$\approx 1\text{кГц} - 2\text{кГц} = 1\text{кГц}$	$\approx 4,25\text{кГц} - 9\text{кГц} = 4,75\text{кГц}$	$\approx 1,5\text{кГц} - 2\text{кГц} = 0,5\text{кГц}$	$\approx 5,5\text{кГц} - 8,5\text{кГц} = 3\text{кГц}$

3. Заключение [Conclusion]

Ниже представлены выводы, основанные на данных осциллографического и спектрографического анализа, представленных в статье (рис. 1–3, табл. 1–3).

Выявлены объективные акустические маркеры мягкости: 1) уменьшение амплитуды колебаний у мягких согласных (на $\pm 18\text{ м}$ для [s]–[s'], $\pm 27\text{ м}$ для [z]–[z']); 2) снижение спектральной плотности в диапазонах 3–12 кГц (для глухих) и 0–12 кГц (для звонких).

Контрастные зоны в средних (1–2 кГц) и высоких частотах (4–9 кГц), зафиксированные в таблицах 2–3.

Уменьшение амплитуды колебаний: глухие [s'] -34 м против -52 м у твёрдых (разница 35%); звонкие [z'] -38 м против -65 м (разница 42%).

Укорочение длительности шумового участка на 15–20%.

Полученные данные согласуются с современными представлениями о ларингальных механизмах реализации «мягкости» и подтверждают диагностическую ценность комплексного акустического анализа для идентификации признака «мягкости».

Проведённое исследование существенно расширяет понимание фонетической природы мягкости, смещая акцент с традиционных супраларингальных на ларингальные механизмы. Полученные данные позволяют пересмотреть существующие классификации согласных и разработать новые методы акустического анализа.

Полученные данные подтверждают необходимость: комплексного анализа нескольких частотных диапазонов; разработки взвешенных критериев оценки; учета индивидуальной вариативности; учета позиционных вариаций; разработки многофакторных моделей идентификации.

Выявленные закономерности имеют важное значение для: экспериментальной фонетики; автоматического распознавания речи; сопоставительных лингвистических исследований; разработки акустических моделей артикуляции; сопоставительного анализа артикуляционных стратегий.

Перспективы дальнейшего исследования: уточнение природы атипичных реализаций, анализ временной динамики спектральных характеристик, исследование влияния коартикуляционных процессов.

Библиографический список

- Андросова и др., 2009 – Андросова С. В., Гнатюк Е. В., Шуйская Т. В. К вопросу о палатализации согласных в национальных вариантах английского языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2009. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып 3. С. 129–137.

- Бондарко и др., 1991 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1991. 152 с.
- Дукельский, 1962 – Дукельский Н. И. Принципы сегментации речевого потока. М. : Л., 1962. 136 с.
- Зиндер, 1979 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 312 с.
- Кодзасов, 2001 – Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М. : РГГУ, 2001. 591 с.
- Кодзасов, 2006 – Кодзасов С. В. Гортанный настрой и его роль в сегментной фонетике // Проблемы фонетики. Вып. VIII. М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. С. 36–59.
- Морозова, Андросова, 2018 – Морозова О. Н., Андросова С. В. Мягкие согласные в эвенкийском языке // Казанская наука. 2018. № 11. С. 154–160.
- Наделяев, 1960 – Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М. ; Л., 1960. 66 с.
- Наделяев, 1980 – Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Селютина, 2024 – Селютина И. Я. Палатальность и палатализация в монгольских и тюркских языках: артикуляторный аспект // Материалы IV Международной научной конференции «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований», посвященной 85-летию профессора В. И. Рассадина, 35-летию создания тофаларской письменности и 25-летию сойотской письменности. Элиста, 2024. С. 141–151.
- Степанов, 2004–2017 – Степанов Н. С. Интерференция волн // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL : <https://old.bigenc.ru/physics/text/2015011> (дата обращения : 21.05.2024).
- Трахтеров, 1962 – Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1962. 352 с.
- Уртегешев, 2019 – Уртегешев Н. С. Латеральнощелевые, обозначаемые графемами л и ль в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. 2019. Т. 10, № 1. С. 100–109.
- Уртегешев, 2024 – Уртегешев Н. С. Палатальность, палатализация, уранизация, мягкость (по данным МРТ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 186–199.
- Чжоу, Тананайко, 2024 – Чжоу Г., Тананайко С. О. Специфика коартикуляции в китайских и русских слогах с палатализованным согласным // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 191–200.
- Щерба, 1912 – Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб. : тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. 155 с.
- Bondarko, 2005 – Bondarko L. V. Phonetic and phonological aspects of the opposition of ‘soft’ and ‘hard’ consonants in the modern Russian language // Speech Communication. 2005. N 47. P. 7–14. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2005.03.012>
- Esling, 2005 – John H. Esling. There Are No Back Vowels: The Laryngeal Articulator Model // Canadian Journal of Linguistics. N 50 (1). P. 13–44.
- Ladefoged, 1996 – Ladefoged P., Maddieson I. The Sounds of the World’s Languages. Oxford & Cambridge, MA : Blackwell, 1996. xxi, 425 p.
- Ohala, 1993 – Ohala J. The phonetics of sound change // Historical Linguistics: Problems and Perspectives / Ed. by Ch. Jones. London : Longman. P. 237–278.
- Stevens, 1998 – Stevens K. N. Acoustic Phonetics. Cambridge, MA : MIT Press, 1998. 672 p.

References

- Androsova, S. V., Gnatiuk, E. V., Shuiskaya, T. V. (2009). K voprosu o palatalizatsii soglasnykh v natsionalnykh variantakh angliyskogo yazyka [Palatalizing in some accents of English: Universal and typological features]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 3, 129–137. (In Russ.).
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Gordina, M. V. (1991). *Osnovy obshchey fonetiki* [Fundamentals of general phonetics]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Dukelsky, N. I. (1962). *Printsipy segmentatsii rechevogo potoka* [Principles of Speech Flow Segmentation]. Moscow : Leningrad. (In Russ.).

- Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika [General phonetics]*. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika [General phonetics]*. Moscow : RSUH Press. (In Russ.).
- Kodzasov, S. V. (2006). Gortannyi nastroy i ego rol' v segmentnoy fonetike [Glottal settings and their role in segmental phonetics]. *Problemy fonetiki [Issues in Phonetics]* (Vol. VIII, pp. 36–59). Moscow : Institute of Linguistics RAS Press.
- Morozova, O. N., Androsova, S. V. (2018). Myagkie soglasnye v evenkiyskom yazyke [Soft consonants in the Evenki language]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 11, 154–160. (In Russ.).
- Nadelyaev, V. M. (1980). Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulation classification of vowels]. *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam [Phonetic research on Siberian languages]* (pp. 3–91). Novosibirsk. (In Russ.).
- Nadelyaev, V. M. (1960). *Proekt universal'noy unifikirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT) [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]*. Moscow ; Leningrad. (In Russ.).
- Selyutina, I. Ya. (2024). Palatal'nost' i palatalizatsiya v mongol'skikh i tyurkskikh yazykakh: artikulyatornyy aspekt [Palatality and palatalization in Mongolian and Turkic languages: The articulatory aspect]. *Aktual'nye problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovaniy [Current Issues in Mongolian and Altaic Studies] : Proc. of the IV International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of professor V. I. Rassadin, the 35th Anniversary of the creation of the Tofalar script, and the 25th anniversary of the Soyot script* (pp. 141–151). Elista. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1912). Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii [Russian Vowels in qualitative and quantitative terms]. St Petersburg : Yu. N. Erlich Press. (In Russ.).
- Stepanov, N. S. (2004–2017). Interferentsiya voln [Interference of waves]. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]*. Retrieved May 21, 2024 from <<https://old.bigenc.ru/physics/text/2015011>>. (In Russ.).
- Trakhterov, A. L. (1962) *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya [English phonetic Terminology]*. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press. (In Russ.).
- Urtegeshev, N. S. (2019). Lateral fricatives denoted by graphemes ɺ and ɭ in the Surgut dialect of Khanty language. *Vestnik ugrovedenia [Bulletin of Ugric Studies]*, 10 (1), 100–109. (In Russ.).
- Urtegeshev, N. S. (2024). Palatal'nost', palatalizatsiya, uranizatsiya, myagkost' (po dannym MRT) [Palatality, palatalization, uranization, softness (Based on MRI)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 186–199.
- Zhou, G., Tananaiko, S. O. (2024). Spetsifika koartikulyatsii v kitayskikh i russkikh slogakh s palatalizovannym soglasnym [The specifics of coarticulation in Chinese and Russian syllables with a palatalized consonant]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 191–200.
- Bondarko, L. V. (2005). Phonetic and phonological aspects of the opposition of 'soft' and 'hard' consonants in the modern Russian language. *Speech Communication*, 47, 7–14. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2005.03.012>
- Esling, J. H. (2005). There Are No Back Vowels: The Laryngeal Articulator Model. *Canadian Journal of Linguistics*, 50 (1), 13–44.
- Ladefoged, P., Maddieson, I. (1996). The Sounds of the World's Languages. Oxford & Cambridge, MA : Blackwell.
- Ohala, J. (1993). The phonetics of sound change. In Ch. Jones (Ed.), *Historical Linguistics: Problems and Perspectives* (pp. 237–278). London : Longman Press.
- Stevens, K. N. (1998). Acoustic Phonetics. Cambridge, MA : MIT Press.

Шеховская Юлия Андреевна¹, Федуленикова Татьяна Николаевна²✉

¹Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

²Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
¹ г. Тюмень, ² г. Владимир, Российская Федерация

fedulenkova@list.ru

Алломорфизм и изоморфизм в английской и русской соматической метафоре (на примере политического дискурса)

Аннотация

Соматические метафоры, которые базируются на представлении о человеческом теле и его частях, весьма нередко используются в политическом дискурсе в разных языках, что позволяет сделать их анализ значимым для понимания когнитивных процессов, лежащих в основе языковой передачи информации. Цель данного исследования состоит в экспликации сходства (изоморфизма) и различий (алломорфизма) соматических метафор в англоязычном политическом дискурсе в сопоставлении с особенностями их перевода на русский язык. Материалом для исследования послужили примеры с семью соматическими метафорами из современных англоязычных текстов, размещённых в политических средствах массовой информации. При обработке материала были использованы следующие методы: лингвистический и дискурсивный анализ, методы сравнения, противопоставления, синтеза и классификации. Результаты исследования показывают, что изоморфизм соматической метафоры англоязычного и русскоязычного политического дискурса проявляется в универсальности соматических метафорических концептов. С другой стороны, алломорфизм выражается в особенностях их применения в отдельно взятом языке. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что алломорфизм и изоморфизм являются важными характеристиками соматической метафоры политического дискурса в обоих языках.

Ключевые слова: политический дискурс, соматическая метафора, алломорфизм, изоморфизм

© Шеховская Ю. А., Федуленикова Т. Н. 2025

Для цитирования: Шеховская Ю. А., Федуленикова Т. Н. Алломорфизм и изоморфизм в английской и русской соматической метафоре (на примере политического дискурса) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 180–189. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-180>

Julia A. Shekhovskaya¹, Tatiana N. Fedulenkova²✉

¹Tyumen Higher Military Engineer Command School named after marshal of engineering
troops A. I. Proshlyakov, ²Vladimir State University named after the Stoletovs

¹Tyumen, ²Vladimir, Russian Federation

fedulenkova@list.ru

Allomorphy and isomorphism in somatic metaphor of English and Russian (Based on political discourse)

Abstract

Being based on the idea of the human body and its parts, somatic metaphors are frequently used in political discourse in many languages, and this fact makes their analysis significant for understanding cognitive processes that underlie the linguistic transmission of information. This article aims to display the similarities (isomorphism) and differences (allomorphy) of somatic metaphors in English political discourse compared to their Russian translation patterns. The material is comprised by the examples containing 7 somatic metaphors selected from modern English-language texts found in political media. The material was processed using linguistic

and discursive analyses, methods of comparison, juxtaposition, synthesis and classification. The results show that the isomorphism of the somatic metaphor of English-language and Russian-language political discourse is manifested in the universality of somatic metaphorical concepts. On the other hand, allomorphy is expressed in the peculiarities of their manifestations in a particular language. The results enable to conclude that allomorphy and isomorphism are important features of the somatic metaphor in English and Russian political discourse.

Keywords: political discourse, somatic metaphor, allomorphy, isomorphism

© Shekhovskaya J. A., Fedulenkova T. N. 2025

For citation: Shekhovskaya, J. A., & Fedulenkova, T. N. (2025). Allomorfizm i izomorfizm v angliyskoy i russkoy somaticheskoy metafore (na primere politicheskogo diskursa) [Allomorphy and isomorphism in somatic metaphor of English and Russian (Based on political discourse)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 180–189. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-180>

1. Введение [Introduction]

Метафора как важный элемент когнитивной лингвистики существенно влияет на восприятие человеком мира [Fedulenkova, 2005]. Одним из наиболее эффективных видов метафор является соматическая метафора, которая использует слова, связанные с номинацией человеческого тела, для экспликации абстрактных идей. Такими метафорами, в частности, насыщена политическая риторика, что делает исследование этой темы важным для понимания особенностей языкового мышления и его практического применения.

Соматические метафоры не только формируют восприятие определённых политических событий, но и выступают мощным средством влияния на аудиторию. Поэтому изучение закономерностей их использования в политической риторике крайне важно. Несмотря на наличие работ, посвящённых отдельным разделам этой темы, сравнительно-сопоставительный аспект алломорфизма и изоморфизма соматических метафор в политическом контексте в разных языках проработан недостаточно [Fedulenkova, 2016].

Особенностям применения соматических метафор в целом посвящена не одна работа (см., напр., [Матузова, 2014 ; Шеховская, Перетяtko, 2019 ; Омаров, 2021] и др.). Обзор литературы [Соловьева, 2013; Иванова, Карыпкина, 2023 ; Исупова, 2023 ; Попова, Дахи Лама, 2024 ; Третьякова, Полищук, 2021 и др.] подтверждает значимость изучения особенностей использования соматических метафор именно в политическом дискурсе. Однако, как правило, исследования затрагивают отдельные аспекты, не представляя общей картины сравнения особенностей соматической метафоры в политическом дискурсе и её перевода на другой язык.

Ц е л ь данной работы – экспликация сходства (изоморфизма) и различий (алломорфизма) соматических метафор в англоязычном политическом дискурсе в сопоставлении с особенностями их перевода на русский язык. Для достижения этой цели анализируются метафоры, извлечённые из современных англоязычных текстов, представленных в политических СМИ. М е т о д ы исследования включают когнитивный и дискурсивный анализ, что позволяет комплексно исследовать тему и внести вклад в развитие теории соматической метафоры в английском языке.

Постановка проблемы. Соматические метафоры, базирующиеся на лексических единицах, связанных с человеческим телом и его частями, играют ключевую роль в формировании языка и мышления. Они помогают преобразовывать конкретные физические образы в абстрактные идеи, что особенно заметно в таких специализированных областях, как политический дискурс. Несмотря на значительный интерес лингвистов к изучению метафор, особенности алломорфизма и изоморфизма соматических метафор именно в политической сфере до сих пор остаются вне какого-либо внимания лингвистов.

Изоморфизм, или, иными словами, сходство в метафорических структурах, демонстрирует универсальные механизмы, лежащие в основе когнитивного восприятия. Так, метафоры, связанные с частями тела, такими как руки, ноги, сердце или голова, часто используются для описания концептов, связанных с властью, движением, контролем или эмоциями. В то же время алломорфизм, представляющий различия в интерпретации этих моделей, обусловлен спецификой политического дискурса, который в каждой лингвокультуре по-своему влияет на формирование общественно-политических взглядов.

Основная проблема здесь заключается в отсутствии всесторонних исследований, которые не только фиксировали бы случаи использования соматических метафор, но и подробно изучали бы их сходства и различия в контексте политического дискурса разных стран. Для решения этой задачи необходимо применять сравнительно-сопоставительный метод, который позволит выявить закономерности в работе соматических метафор в зависимости от конкретного контекста. Это откроет новые возможности для более глубокого понимания когнитивных и культурных аспектов языкового мышления, а также поспособствует разработке более точных методов анализа политической риторики.

2. Понятие и сущность соматической метафоры **[Definition and essence of somatic metaphor]**

Метафора – это одно из наиболее распространённых средств выразительности, используемых в речи практически всех языков мира. На процесс её формирования значительное влияние оказывает культурный код. Среди всех видов культурных кодов соматический код выделяется как один из самых древних. Его особенность заключается в символическом значении частей человеческого тела, что связано с антропоцентрическим мировоззрением: человек познаёт окружающий мир через параллели с наиболее знакомыми и понятными объектами, прежде всего – со своим телом.

Метафоризация является универсальным способом достижения экспрессивности и используется во всех типах речи, будь то художественная, разговорная или научная речь. Согласно исследованию Т. А. Матузовой, человек владеет культурным кодом, который можно рассматривать как ключ к пониманию культурных традиций, унаследованных от предков [Матузова, 2014, с. 699]. Автор выделяет несколько основных типов культурных кодов, среди которых соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный занимают центральное место.

При этом соматический код считается одним из самых древних из всех существующих, хотя это утверждение остаётся спорным и требует осторожного подхода. Процесс познания человеком окружающего мира начался с осознания самого себя. Именно через самопознание человек сделал первый шаг к описанию окружающей реальности, проецируя свои знания о собственном теле и его функциях на внешний мир. Этот перенос восприятия и стал основой соматического кода культуры, закрепившего взаимосвязь между человеческим опытом и пониманием окружающей действительности [Шеховская, Перетясько, 2019, с. 148].

Соматический код отличается размытостью границ с другими кодами, особенно с пространственным [Федуленкова, 2004, с. 108–111]. Часто соматические метафоры накладываются на пространственный код, поскольку человек, являясь центральной точкой своей картины мира, воспринимает пространство через призму собственного тела. Таким образом, соматический код переплетается с пространственным, образуя многослойную систему взаимосвязей.

Особую роль в соматическом коде играют символические значения частей тела. Например, голова может олицетворять человека или его численность (например, «считать по головам»), плечи – символизировать ответственность («нести на плечах»), ру-

ка – передавать идеи близости или помощи («правая рука»). В политическом дискурсе соматические метафоры, связанные с руками, приобретают дополнительные значения: они могут представлять власть («взять регион в свои руки»), контроль («в руках лидера партии»), и др. Такие метафоры создают богатую символическую систему, способную эффективно влиять на восприятие аудитории [Соловьева, 2013, с. 178].

Выделяют пять основных аспектов соматического языка [Попова, 2024, Дахи Лама, с. 169]: 1) жесты – осознанные движения тела, имеющие определённое значение и направленные на коммуникацию с собеседником; 2) мимика – значимые движения мышц лица; 3) позы – выразительные положения тела, которые человек удерживает на протяжении определённого времени; 4) выражения лица – устойчивые и значимые положения лица, фиксирующие эмоции или внутренние состояния; 5) симптомы душевных переживаний – внешние проявления эмоциональных состояний и внутренней динамики.

Очевидно, что соматический код лежит в основе создания метафор, с помощью которых человек осмысливает окружающий мир. Он позволяет устанавливать взаимосвязи между реальными явлениями и строением человеческого тела, а также функциями его органов. Соматические метафоры встречаются во всех языках и являются важным инструментом изучения особенностей национальной культуры. Благодаря своей гибкости и эмоциональной насыщенности, эти метафоры широко используются в политическом дискурсе, где они способствуют ясной передаче идей и усилению влияния на аудиторию.

3. Особенности соматической метафоры в политическом дискурсе современного английского языка [Somatic metaphor patterns in modern English political discourse]

Прежде чем определить особенности соматической метафоры в английском языке на примере политического дискурса, по нашему мнению, необходимо остановиться на выяснении смысла такого понятия, как «политический дискурс». Политика охватывает широкий спектр социальных явлений, включая внутреннюю и внешнюю политику, политические институты, методы политической деятельности, политическую идеологию, СМИ и иные аспекты. Все эти явления отражаются в политическом дискурсе и воплощаются через него.

В то же время сам термин «дискурс» стал использоваться в гуманитарных науках только в 60–70-х годах XX века. На сегодняшний день существует несколько подходов к трактовке данного термина: одни учёные рассматривают дискурс как речевую деятельность [Исупова, 2023, с. 68], другие считают его более сложным явлением, которое включает не только текст, но и экстралингвистические факторы, такие как мнения, цели и контексты, необходимые для полного понимания сообщения [Третьякова, Полищук, 2021, с. 70].

На сегодняшний день основным каналом политической коммуникации является медиадискурс, который охватывает политические дебаты, интервью с политиками, статьи на политическую тему и другие формы. В нашей работе мы будем использовать термин «политический медиадискурс», который, согласно определению Е. А. Поповой, обозначает «совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в области политических коммуникаций, представленных в средствах массовой информации, с учётом их разнообразного и сложного взаимодействия» [Попова, Дахи Лама, 2024, с. 170].

Актуальность исследований в области политического дискурса можно назвать непреходящей ввиду широкого и активного использования их результатов для формирования общественного мнения, пропаганды, манипуляции, управления политическими процессами. Политический дискурс обладает следующими характеристиками [Карыпкина, Иванова, 2023, с. 44 ; Носкова, Карыпкина, 2019 ; Третьякова, Полищук, 2021]:

1. Политический медиадискурс используется для распространения идей и влия-

ния на общественное мнение.

2. СМИ играют важную роль в формировании взглядов на политику и восприятие политиков и событий.

3. Тексты часто строятся с использованием риторических приемов для убеждения людей в правоте определённых позиций.

4. Внимание к личностям политиков может привести к индивидуализированному восприятию событий.

5. Медиадискурс может стать инструментом информационной борьбы, когда разные стороны пытаются контролировать восприятие аудитории.

Политический дискурс оказывает огромное влияние на восприятие политической реальности обществом, поскольку именно через его призму общество получает информацию и интерпретирует происходящие события. Важно отметить, что способ представления и восприятия информации через средства массовой информации в значительной мере определяет то, как складывается политическая картина мира.

С точки зрения языковых характеристик, политический дискурс сочетает два противоположных, но одновременно важных элемента: с одной стороны, конвенциональность, то есть использование устоявшихся форм и стандартных выражений, которые воспринимаются как нормированные и понятные, а с другой – креативность, когда используются новые, нестандартные формы, чтобы привлечь внимание или представить информацию с неожиданной стороны. Эти два аспекта играют ключевую роль в том, как формируется политический дискурс и как он воспринимается аудиторией [Киосе, 2021, с. 7].

В свою очередь, конвенциональность является важным условием эффективного выполнения информационной функции в общественно-политической деятельности. Это обусловлено влиянием внешних факторов, таких как ограниченные сроки для написания текста или строгие требования к его объёму. В таких условиях не всегда есть возможность тщательно обрабатывать каждое предложение, что приводит к использованию стандартных выражений, клише и устоявшихся фраз. Одним из ключевых элементов этих клише являются фразеологизмы, которые часто включают в себя избитые и привычные метафоры, утратившие свою первоначальную выразительность из-за частого повторения.

Далее рассмотрим подробнее особенности соматической метафоры в английском языке на примере политического дискурса, заимствованного из англоязычных СМИ разных лет. Рассмотрим примеры соматических метафор, их перевод на русский язык, проанализируем их значение и контекст, в котором они были использованы.

1. *The heart of the nation* 'сердце нации'. Данный пример был позаимствован из речи Дэвида Кэмерона, премьер-министра Великобритании (2010), который назвал Лондон «сердцем нации» в своей речи, подчеркнув его центральную роль в жизни страны (Euromag, 7 октября 2010 года: <https://www.euromag.ru/articles/kameron-obratilsja-k-nacii/>).

В рассматриваемом примере метафора *сердце нации* подчёркивает центральную роль отдельного региона или города в жизни страны. При переводе на русский язык эта метафора сохраняет своё значение и эмоциональный оттенок, поскольку аналогичные выражения существуют и в русском языке.

Также *сердце* в качестве соматической метафоры может использоваться и в ином контексте: *The beating heart of our democracy* (Бьющееся сердце нашей демократии).

В 2023 году президент США Джо Байден в своей речи назвал избирательную систему «бьющимся сердцем нашей демократии», подчёркивая её важность для функционирования государства (The New York Times, 7 февраля 2023 года: <https://www.nytimes.com/2023/02/07/us/politics/biden-state-of-the-union.html>).

В приведённом примере соматическая метафора бьющееся сердце подчёркивает жизненную важность избирательной системы для демократии. При переводе на русский язык данная метафора также сохраняет своё значение и эмоциональный оттенок,

поскольку аналогичные выражения существуют и в русском языке.

2. **To shoulder the burden** 'взвалить бремя на плечи'. Данный пример позаимствован из речи Барака Обамы, который в 2010 г. был президентом США. В своей речи Б. Обама заявил: *We must shoulder the burden of addressing climate change* (РБК Украина, 18 июля 2010 года: <https://daily.rbc.ua/rus/show/b-obama-respublikantsy-prepyatstvuyut-vosstanovleniyu-ekonomiki-18072010103000>). В данном примере *плечо* символизирует силу и способность нести ответственность. В русском языке существует схожая метафора – *взвалить на плечи*, что позволяет передать оригинальное значение без потерь.

3. **The backbone of the economy** 'хребет экономики'. В 2010 году президент США Барак Обама заявил: *Small businesses are the backbone of our economy* (Голос Америки, 25 мая 2010 года: <https://www.golosameriki.com/a/us-economy-update-2010-05-25-94847654/185275.html>)¹. В данном примере соматическая метафора *хребет* в англоязычном политическом дискурсе ассоциируется с опорой и поддержкой. В русском языке выражение *хребет экономики* практически не используется, наиболее подходящим переводом на русский язык стала бы замещающая метафора *опора экономики*, *столп экономики*.

Однако для англоязычного политического дискурса характерно использование именно слова *хребет*. Так, в 2022 году президент Франции Эммануэль Макрон отметил: *Small businesses are the backbone of our recovery* (Le Monde, 12 сентября 2022 года: https://www.lemonde.fr/economie/article/2022/09/12/macron-les-pme-sont-la-colonne-vertebrale-de-notre-reprise_6158962_3234.html), подчёркивая роль малого бизнеса в экономическом восстановлении. В выражении *the backbone of our recovery* 'хребет нашего восстановления' метафора «хребет» также ассоциируется с опорой и поддержкой, но используется в другой сочетаемости.

4. **To lend a hand** 'протянуть руку помощи'. В 2009 году президент США Барак Обама заявил: *We must lend a hand to those in need* (Голос Америки, 21 октября 2009 года: <https://www.golosameriki.com/a/obama-small-business-speech-2009-10-21-65249657/662448.html>)².

В данном случае соматическая метафора *протянуть руку* в англоязычном политическом дискурсе символизирует помощь и поддержку. В русском языке аналогичное метафорическое выражение «протянуть руку помощи» передаёт тот же смысл.

5. **To have an eye on** 'держат в поле зрения'. В 2010 году премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил: *We have an eye on the inflation rates* (Euromag, 7 октября 2010 года: <https://www.euromag.ru/articles/kameron-obratilsja-k-nacii/>).

В данном примере можно увидеть, что дословно соматическая метафора может переводиться на русский язык как 'иметь глаз на', что означает внимательно следить за чем-то. Однако в русском языке используется метафорическое выражение *держат в поле зрения*, что подразумевает трансформацию англоязычного выражения при переводе, но при этом позволяет сохранить исходный смысл выражения.

6. **To heal the wounds of our nation** (залечить раны нашей нации).

В 2022 году премьер-министр Великобритании Риши Сунак подчеркнул: *We must heal the wounds of our nation after the pandemic*, акцентируя внимание аудитории на необходимости восстановления страны после пандемии (BBC News, 15 октября 2022 года: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-63273312>).

В данном примере метафора *залечить раны* ассоциируется с процессом восстановления провалов в социальной, политической сфере. В русском языке также присутствует схожая метафора, благодаря чему можно передать оригинальное значение без семантических потерь.

Рассмотренные примеры дают возможность сделать следующие выводы: а) в ан-

¹ Средство массовой информации, признанное в России «иностранным агентом»

² Средство массовой информации, признанное в России «иностранным агентом»

г) язычном политическом дискурсе соматические метафоры используются на протяжении многих лет и являются стилистически приемлемыми; б) многие соматические метафоры в английском языке имеют эквивалент на русском языке, что облегчает их перевод, а также позволяет сохранить первоначальный смысл высказывания; в) тем не менее, в английском языке присутствуют соматические метафоры, которые невозможно перевести на русский язык дословно, в этом случае используется приём трансформации; г) использование соматических метафор в политическом дискурсе помогает сделать сообщения более доступными и эмоционально насыщенными. Кроме того, при переводе соматических метафор важно учитывать наличие аналогичных выражений в языке перевода, чтобы сохранить первоначальный смысл и передать степень воздействия политика на аудиторию.

4. Алломорфизм и изоморфизм в соматической метафоре политического дискурса в английском языке [Allomorhism and isomorphism in somatic metaphor in English political discourse]

Соматические метафоры, которые используются в англоязычном политическом дискурсе, проявляют две основные формы языковой адаптации при переводе: изоморфизм (который представляет собой сходную структуру в исходном и целевом языках) и алломорфизм (который подразумевает структурные или смысловые расхождения). Проанализируем особенности алломорфизма и изоморфизма в соматических метафорах, часть которых была рассмотрена выше, и специфику их перевода на русский язык.

1. *The heart of democracy* (Д. Байден, 2023) 'сердце демократии'. Данная соматическая метафора, рассмотренная нами ранее, изоморфна, так как проявляется в полном совпадении структуры и смыслового значения, что очевидно при переводе фразы на русский язык. В английском и русском языках выражение «heart of something» / «сердце чего-то» обозначает центральную, ключевую часть явления. Перевод сохраняет эмоциональный эффект и образность оригинала, так как в обоих языках аналогичные метафоры воспринимаются естественно.

2. *To shoulder the burden* (Б. Обама, 2022) 'взвалить бремя на плечи' (The Guardian, 14 апреля 2022 года: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/apr/14/obama-economic-burden-middle-class>). Рассматриваемая соматическая метафора имеет в русском языке смысловой эквивалент, однако дословно ('на плечи груз') не переводится, а трансформируется согласно традиционному привычному российской аудитории выражению. Следовательно, данные метафорические выражения можно отнести к алломорфным.

3. *To have an eye on something* (Риши Сунак, 2023) 'держат в поле зрения' (BBC News, 12 марта 2023 года <https://www.bbc.com/news/uk-politics-64912367>). Здесь наблюдается алломорфизм, так как буквальный перевод 'иметь глаз на что-то' для русского языка является неестественным. Вместо этого используется аналогичное по смыслу выражение *держат в поле зрения*. Таким образом, несмотря на то, что образность первоисточника несколько теряется, смысловое значение соматической метафоры при переводе сохраняется.

4. *To lend a hand* (О. Шольц, 2022) 'протянуть руку помощи' (Der Spiegel, 5 мая 2022 года: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/olaf-scholz-deutschland-ist-bereit-eine-helfende-hand-zu-reichen-a-6789123.html>). Дословным переводом данного метафорического выражения является 'одолжить / дать руку'. Однако в русском языке такое выражение не функционирует. В русском языке более естественно выражение *протянуть руку помощи*. Алломорфизм здесь проявляется в лексическом различии компонентного состава устойчивого словосочетания.

5. *To put a finger on the problem* 'указать на проблему'. Данный пример позаим-

ствован из выступления премьер-министра Великобритании Риши Сунака в 2023 году, когда он отметил: *It's time to put a finger on the problem of housing shortages*, призывая к решению проблемы нехватки жилья (BBC News, 10 января 2023 года: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-64212345>).

С английского языка соматическая метафора *to put a finger on* дословно переводится как 'положить палец на' и обозначает 'точно определить или указать на что-либо'. В русском языке нет прямого эквивалента этой метафоры, т. е. имеет место алломорфизм, при этом переводной русский вариант – 'указать на проблему' – передаёт только общий смысл.

6. ***To have a strong backbone*** 'иметь крепкий хребет'. Данный пример позаимствован из речи канцлера Германии Олафа Шольца в 2022 году, который заявил: *Our nation must have a strong backbone to face upcoming challenges*, подчёркивая необходимость стойкости перед лицом будущих испытаний (Der Spiegel, 22 августа 2022 года: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/olaf-scholz-unsere-nation-muss-einen-starken-rueckgrat-haben-a-1234567.html>).

Данная соматическая метафора в английском политическом дискурсе относится к изоморфизмам. В английском языке она используется для обозначения стойкости и решимости. В русском языке существует аналогичное выражение – *крепкий / сильный хребет*, что позволяет сохранить метафорический образ при переводе.

Рассмотренные примеры показывают, что, во-первых, изоморфизм имеет место, когда английские и русские соматические метафоры обладают тождественной структурой и значением (ср.: *heart of something* – *сердце чего-либо* и др.). В таких случаях перевод осуществляется пословно при сохранении эмоционального эффекта и образности. Во-вторых, алломорфизм наблюдается, когда аналогичная по значению метафора в русском языке выражается иначе по сравнению с английским оригиналом (ср.: *to lend a hand* – *протянуть руку помощи* и др.). В таких случаях необходимо адаптировать выражение для естественного восприятия русскоязычной аудиторией. В целом, случаев так или иначе выраженного алломорфизма оказалось больше, чем случаев изоморфизма.

Ключевым фактором при переводе соматических метафор в политическом дискурсе является не только сохранение смысла, но и передача эмоционального воздействия, что открывает путь к разнообразным трансформациям с большей либо меньшей связью с лексическими компонентами оригинала.

5. Заключение [Conclusion]

Анализ алломорфизма и изоморфизма в соматических метафорах английского языка, реализованных в рамках политического дискурса известными американскими, британскими, немецкими и французскими политиками «высшего эшелона», и их версиях в переводе на русский язык, показал их разную сложность в процессах перевода и интерпретации англоязычных политических текстов на русский язык. Соматические метафоры, связанные с частями тела и физиологическими процессами человека являются универсальным способом выражения сложных политических концепций, однако их форма, восприятие и передача зависят от структурных особенностей языка.

Изоморфизм наблюдается в случаях, когда английские и русские языки используют идентичные метафоры с сохранением смысловой и образной структуры. Алломорфизм проявляется, когда аналогичные метафоры отсутствуют в языке, на который осуществляется перевод, что требует специальной адаптации текста-реципиента.

В политическом дискурсе соматические метафоры выполняют важную риторическую функцию, усиливая эмоциональное воздействие и упрощая восприятие сложных политических процессов. Однако их перевод требует учёта культурных и языковых

различий. Важно соблюдать баланс между точностью передачи смысла и естественностью выражения в языке перевода.

Изучение алломорфизма и изоморфизма в соматических метафорах позволяет глубже понять механизмы межкультурной коммуникации в политическом дискурсе. Для переводчика это означает осознать необходимость того, что при переводе следует не только опираться на языковые нормы, но и учитывать когнитивные и лингвокультурные особенности метафорических выражений в разных языках.

Библиографический список

- Дахи Лама, Попова, 2024 – Дахи Лама, Попова Е. А. Идиомы с соматическим компонентом в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки». 2024. № 5-2. С. 168–170.
- Иванова, Карыпкина, 2023 – Иванова И. Е., Карыпкина Ю. Н. Политическая метафора в английском и французском языках: сравнительно-сопоставительный анализ // Политическая лингвистика. 2023. № 4. С. 42–50.
- Исупова, 2023 – Исупова М. М. Метафора в англоязычном политическом дискурсе (на примере СМИ) // Современный ученый. 2023. № 2. С. 64–69.
- Носкова, Карыпкина, 2019 – Носкова М. В., Карыпкина Ю. Н. Образное лексико-семантическое поле метафоризации признака «глухой» в английском языке // Казанская наука. 2019. № 8. С. 53–55.
- Киосе, 2021 – Киосе М. И. «Измерения» лингвокреативности в дискурсе детской литературы. Конвенциональность и интенциональность // Вторая международная научная конференция дискурс и язык в эпоху «больших данных»: лингвокреативные пределы и возможности : материалы науч. конф. М. : ИЯ РАН, 2021. С. 7–7.
- Матузова, 2014 – Матузова Т. А. К вопросу о соматических метафорах // Экономика и социум. 2014. № 2 (11). С. 699–702.
- Омаров, 2021 – Омаров А. А. Семема «ухо» в репрезентации соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 57–70. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_80_91
- Соловьева, 2013 – Соловьева А. С. Вербальная реализация социоморфной метафоры со сферой-мишенью «Евросоюз» в британских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 177–179.
- Третьякова, Полищук, 2021 – Третьякова М. Ф., Полищук О. В. Метафора в политической речи (на материале английского языка) // Амурский научный вестник. 2021. № 2. С. 68–72.
- Федулёнова, 2004 – Федулёнова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм германских фразеологизмов, основанных на пространственных ассоциациях (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2004. № 7 (36). С. 108–111.
- Шеховская, Перетягко, 2019 – Шеховская Ю. А., Перетягко А. В. Соматическая метафора (на материале английского и испанского языков) // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 146–152. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-146-152>
- Fedulenkova, 2005 – Fedulenkova T. Isomorphism and allomorphy of English, German and Swedish phraseological units based on metaphor // Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proc. of an interdisciplinary conference. Louvain-la-Neuve, 2005. P. 125–128.
- Fedulenkova, 2016 – Fedulenkova T. Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish // Язык и культура. 2016. № 2(34). С. 6–14.

References

- Dahi Lama, & Popova, E. A.. (2024). Idiomy s somaticheskim komponentom v politicheskom mediadiskurse (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [Idioms with a somatic component in political media discourse (Based on English and Russian languages)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. "Gumanitarnye nauki"* ["Modern Science: Actual

- problems of theory and practice. Series "Humanities"*], 5 (2), 168–170. (In Russ.).
- Ivanova, I. E., & Karypkina, Yu. N. (2023). Politicheskaya metafora v angliyskom i frantsuzskom yazykakh: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz [Political metaphor in English and French: A comparative analysis]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 4, 42–50. (In Russ.).
- Isupova, M. M. (2023). Metafora v angloyazychnom politicheskom diskurse (na primere SMI) [The metaphor in English political discourse (The case of mass media)]. *Sovremennyy uchenyy [Modern Scientist]*, 2, 64–69. (In Russ.).
- Noskova, M. V., & Karypkina, Yu. N. (2019). Obraznoe leksiko-semanticheskoe pole metaforizatsii priznaka «glukhoy» v angliyskom yazyke [Figurative lexical-semantic field with the dominant semantic sign “deaf” in the English language]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 8, 53–55. (In Russ.).
- Kiose, M. I. (2021). «Izmereniya» lingvokreativnosti v diskurse detskoy literatury. Konvenetsional'nost' i intentsional'nost' [“Measurements” of linguistic creativity in the discourse of children's literature. Conventionality and intentionality]. *Diskurs i yazyk v epokhu «bol'shikh dannykh»: lingvokreativnye predely i vozmozhnosti* [The discourse and language in the era of “big data”: Linguistic and creative limits and possibilities] : Proc. of the 2nd International scientific conf.] (pp. 7–7). Moscow : Institute of Linguistics of RAS Press. (In Russ.).
- Matuzova, T. A. (2014). K voprosu o somaticheskikh metaforakh [On the issue of somatic metaphors]. *Ekonomika i sotsium [Economics and Society]*, 2 (11), 699–702. (In Russ.).
- Omarov, A. A. (2021). Semema «ukho» v reprezentatsii somaticheskogo koda kul'tury v darginskoy i arabskoy frazeologicheskikh kartinakh mira [Sememe “ear” in the representation of somatic cultural code in the phraseological picture of the world in Dargin and Arabic]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (2), 80–91. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_80_91
- Solov'eva, A. S. (2013). Verbal'naya realizatsiya sociomorfnoy metafory so sferoy-mishen'yu «Evrosoyuz» v britanskikh SMI [Verbal implementation of social-morphic metaphor with the sphere-target “European Union” in British media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 4-2 (22), 177–179. (In Russ.).
- Tret'yakova, M. F., & Polishchuk O. V. (2021). Metafora v politicheskoy rechi (na materiale angliyskogo yazyka) [Metaphor in political speech (In the English language)]. *Amurskiy nauchnyy vestnik [Amur Scientific Bulletin]*, 2, 68–72. (In Russ.).
- Fedulenkova, T. N. (2004). Izomorfizm i allomorfizm germanskikh frazeologizmov, osnovannykh na prostranstvennykh assotsiatsiyakh (na materiale angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov) [Isomorphism and allomorphism of Germanic phraseological units based on spatial associations (Based on the material of English, German and Swedish)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta [Bulletin of the South Ural State University]*, 7 (36), 108–111. (In Russ.).
- Shekhovskaya, Yu. A., & Peretyat'ko, A. V. (2019). Somaticheskaya metafora (na materiale angliyskogo i ispanskogo yazykov) [Somatic metaphor (Case study of the English and Spanish languages)]. *Vestnik Samarskogo un-ta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]*, 25 (2), 146–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-146-152>
- Fedulenkova, T. (2005). Isomorphism and Allomorphism of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor. *Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proc. of an interdisciplinary conference* (pp. 125–128). Louvain-la-Neuve.
- Fedulenkova, T. (2016). Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish. *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]*, 2 (34), 6–14.

Малахова Елизавета Вадимовна, Шустова Светлана Викторовна✉
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Актуализация концепта МИГРАНТ в сознании носителей русского языка

Аннотация

Цель настоящего исследования состоит в выявлении спонтанных ассоциативных связей, возникающих в сознании респондентов при актуализации концепта МИГРАНТ. Материалом послужили 432 реакции респондентов на слово-стимул *мигрант*, полученные в ходе проведённого в 2024 г. свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 200 человек – граждан России. В результате были выделены макро- и микрополя, позволяющие судить о том, что образ мигранта характеризуется сочетанием как негативных, так и нейтральных или даже позитивных ассоциатов. Положительные ассоциации связаны с выражением сочувствия. Доминирование номинаций с нейтральной коннотацией указывает на преобладание стратегии дескриптивного определения в репрезентации концепта МИГРАНТ. Это обусловлено стремлением респондентов к объективности и избеганию оценочных суждений. В целом авторы приходят к выводу, что русскоязычные респонденты демонстрируют нейтрально-негативное отношение к мигрантам.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, концепт, мигрант, ассоциативный эксперимент, ассоциативная реакция, языковое сознание, ассоциативное поле

© Малахова Е. В., Шустова С. В. 2025

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Актуализация концепта МИГРАНТ в сознании носителей русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 190–200. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-190>

Elizaveta V. Malakhova, Svetlana V. Shustova✉
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

Actualization of the MIGRANT concept in the minds of native Russian speakers

Abstract

The paper aims to reveal spontaneous associative connections that arise in the minds of people to verbalize the concept MIGRANT. The material was comprised by 432 reactions to the stimulus-word *migrant* obtained from 200 Russian citizens during a free associative experiment in 2024. As a result, a number of macro- and micro fields were identified to show that the image of a migrant is characterized by a combination of both negative and neutral or even positive associates. Positive associations emerge to express empathy. The dominance of nominations with neutral connotations indicates that descriptive definitions are a primary strategy in representing the MIGRANT concept. It is due to the respondents' desire to be objective and to avoid value judgments. On the whole, the obtained results enable to conclude that the Russian-speaking respondents display neutral-negative attitude towards migrants.

Keywords: migration linguistics, concept, migrant, association experiment, association response, linguistic consciousness, association field

© Malakhova E. V., Shustova S. V. 2025

For citation: Malakhova, E. V., & Shustova, S. V. (2025). Aktualizatsiya kontsepta MIGRANT v soznanii nositeley russkogo yazyka [Actualization of the MIGRANT concept in the minds of native Russian speakers]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 190–200. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-190>

1. Введение [Introduction]

Миграция рассматривается как социальное явление, неизбежный феномен, который охватывает все страны мира, в связи с процессом глобализации. Современный мир сформировался благодаря миграции. Ещё со времён первобытного общества люди, движимые инстинктивным стремлением к освоению новых территорий и наиболее благоприятных условий для жизни, меняли своё место жительства в поисках «обетованной земли». В наше время в связи с дешёвыми и быстрыми способами перемещения учёными фиксируется постепенное ослабление роли межгосударственных границ как факторов, ограничивающих перемещение населения. Образуются новые модели миграции, например, отходничество, коммерческая миграция, образовательная миграция, религиозная миграция и другие.

В мировой практике проблема миграции является одной из самых острых, обсуждение миграционных процессов выносится на заседания Генеральной Ассамблеи ООН, Международной организации по миграции (МОМ), Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС). В рамках предвыборных кампаний и теледебатов президенты многих стран дискутируют на эту тему, предлагая свои концепции урегулирования миграционного вопроса. Международная организация по миграции (МОМ) каждые два года публикует доклады о миграции в мире. В докладе о миграции за 2024 год отмечается, что основные страны назначения по статистике на 2021 год это: США, Германия, Саудовская Аравия, Российская Федерация, Соединенное Королевство, Объединённые Арабские Эмираты, Франция [Маколифф, Оучо, 2024]. Россия, очевидно, является привлекательной страной для мигрантов, поскольку она занимает четвёртое место в данном списке. Можно предположить, что столь высокая позиция связана с изначально полиэтническим составом населения РФ и наличием значительного потенциала для трудоустройства. Доклад МОМ приводит статистику, которая показывает, что число международных мигрантов неизменно растёт (см. табл. 1). Только за последние десять лет число международных мигрантов выросло с 220 млн. до 280 млн. человек [Там же].

В докладе отмечается, что миграция часто служит на благо человечеству, но из-за давления СМИ большинством рассматривается как негативное явление. Учёные пришли к выводу, что международная миграция остаётся редким явлением: «международными мигрантами являются всего лишь 3,6% (или 281 млн. человек) из всего населения мира» [Маколифф, Оучо, 2024]. Авторами был отмечен вклад, который вносят мигранты в развитие экономики, причём как в страны происхождения, так и в страны транзита или назначения: «Международные денежные переводы выросли с примерно 128 миллиардов долларов США в 2000 году до 831 миллиарда долларов США в 2022 году» [Там же].

В докладе подчёркивается, что мигранты способны возместить нехватку специалистов, обеспечивают повышение квалификации: «Иммиграция увеличивает как предложение рабочей силы, так и спрос на нее, а это означает, что трудовая иммиграция (в

том числе низкоквалифицированных работников) может создать дополнительные возможности трудоустройства для существующих работников» [Маколифф, Оучо, 2024]. Мигранты не только влияют на экономический сектор, но и обогащают культуру страны, происходит культурный обмен: «мигранты обеспечивают источник динамизма во всем мире и чрезмерно представлены в сфере инноваций и патентов, лауреатов наград в области искусства и науки, инициаторов стартапов и успешных компаний» [Там же].

В докладе отмечено, что для мигрантов из развивающихся стран возможности уехать легально уменьшаются, оставляя единственный возможный вариант – нелегальную миграцию: «анализ данных о контингенте международных мигрантов за 25 лет ясно показывает, что легальные каналы для мигрантов из развивающихся стран значительно сузились, в то время как каналы для мигрантов из развитых стран расширились» [Там же].

Т а б л и ц а 1. **Международные мигранты после 1970 года**
[T a b l e 1. **Cross-country migrants after 1970**]

Год	Число международных мигрантов	Мигранты в % от населения мира
1970	84460125	2,3
1975	90368010	2,2
1980	101983149	2,3
1985	113206691	2,3
1990	152986157	2,9
1995	161289976	2,8
2000	173230585	2,8
2005	191446828	2,9
2010	220983187	3,2
2015	247958644	3,4
2020	280598105	3,6

МОМ акцентирует особое внимание на то, что «токсичные» нарративы и тактика дезинформации в СМИ оказывают негативное влияние на социальный и политический дискурс о миграции, приводит к дискриминации в обществе: «СМИ продолжают уделять больше внимания «плохим» новостям. «Нормализация» миграционного нарратива является решающим фактором в осознании преимуществ миграции» [Маколифф, Оучо, 2024, табл. 2].

Статистически зафиксированный рост миграции доказывает актуальность миграционной лингвистики. Языки мигрантов постепенно меняют языковую картину мира этой страны, что выражается в упрощении грамматических структур, развитии полисемии, неологизации, формировании пиджинов и креолов. Эти процессы могут потенцировать языковую конфликтность, что обуславливает необходимость изучения миграционного дискурса для своевременной оценки общественных настроений, повышения лингвотолерантности и разработке языковой политики. Стоит отметить, что эти изменения носят двусторонний характер: они трансформируют не только титульный язык, но и язык мигрантов.

**Т а б л и ц а 2. Основные факты и цифры, приведённые в докладах
о миграции в мире 2000 и 2024 годов**
[T a b l e 2. Major facts and figures from reports
about migration in the world in 2000 and 2024]

	Доклад 2000 года	Доклад 2024 года
Оценочное количество международных мигрантов	150 млн	281 млн
Оценочная доля мигрантов в населении мира	2,80%	3,60%
Оценочная доля женщин среди международных мигрантов	47,50%	48,00%
Оценочная доля детей среди международных мигрантов	16,00%	10,10%
Регион с самой высокой долей международных мигрантов	Океания	Океания
Страна с самой высокой долей международных мигрантов	Объединённые Арабские Эмираты	Объединённые Арабские Эмираты
Численность трудящихся-мигрантов	--	169 млн
Общий объём международных денежных переводов (в долл. США)	128 млрд	831 млрд
Численность беженцев	14 млн	35,4 млн
Численность внутренне перемещённых лиц	21 млн	71,4 млн

Значимость изучения миграционного дискурса находит эмпирическое подтверждение в обширном корпусе научных работ отечественных и зарубежных исследователей [Krefeld, 2004 ; Kerswill, 2006 ; Шустова, 2018 ; Gugenberger 2018 ; Зубарева, 2019, 2024 ; Шустова, Исаева, 2019 ; Шустова, Прыткина, 2021]. П. Керсвилл, социолингвист, профессор Йоркского университета, утверждает, что миграция, опосредованная межкультурными контактами, является ключевым фактором языковых изменений титульного языка. Взаимодействие принимающей стороны с элементами культуры и языка мигрантов приводит к формированию этнолингвистических меньшинств, трансформирующих языковую систему [Kerswill, 2006, S. 8]. Т. Крефельд, развивая динамическую концепцию коммуникативного пространства [Krefeld, 2004, S. 1], выделяет три ключевых измерения: пространство говорения, пространство говорящего и ситуативное пространство говорения. Это позволяет ему исследовать язык в условиях экстратерриториальности, структуру репертуара и сетевого общения, а также феномены смешения и переключения кодов. Е. Гугенбергер является одним из ведущих специалистов в области миграционной лингвистики. В своих исследованиях она анализирует язык галисийских мигрантов определяя социальные, культурные и языковые образцы речевого поведения. Также, акцентирует своё внимание на исследовании психических процессов, определяющих восприятие и интерпретацию знаков мигрантами, обращая особое внимание на многоязычие аллохтонных меньшинств и их отличие от автохтонных групп [Gugenberger, 2018, S. 49].

Настоящая статья опирается на концептуальный подход, позволяющий раскрыть структуру и содержание концепта МИГРАНТ как ключевого элемента дискурса о миграции. Объектом анализа выступает сам концепт МИГРАНТ.

Ц е л ь нашего исследования – выявить спонтанные ассоциативные связи, возникающие в сознании респондентов при актуализации концепта МИГРАНТ.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Эмпирической базой исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента. А. А. Леонтьев отмечает, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертоны» – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [Леонтьев, 1977, 64]. Нами был выбран свободный ассоциативный эксперимент, поскольку анализ ассоциаций выявляет структуру ассоциативного поля концепта (ядро и периферию): «ассоциативная связь определена именно культурой во всем её многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не даём себе отчёта» [Фрумкина, 2001, 192]. Ассоциативный эксперимент – эффективный инструмент анализа, который позволяет изучить языковое сознание, его структуру, а также стереотипы, свойственные носителям языка [Попова, Стернин 2015; Овчинникова 2018; Караулов 2002; Залевская 2014; Уфимцева 2014].

Свободный ассоциативный эксперимент был проведён в 2024 году. В нём приняли участие 200 респондентов – граждан Российской Федерации. Респондентам было предложено написать ассоциации к слову-стимулу *мигрант*. Всего было получено 432 реакции, которые были распределены по разным семантическим модулям. Стоит отметить, что одна реакция могла быть отнесена сразу к нескольким модулям. Гендерный и возрастной факторы не принимались во внимание.

В свободном ассоциативном эксперименте респондентам предлагалось написать любые ассоциации, при этом не было задано никаких ограничений. Далее при обработке результатов подсчитывалась частотность каждой реакции. Высокая и низкая частотность реакций свидетельствует об актуальности или неактуальности признаков концепта соответственно. При группировке реакций в один семантический модуль были помещены ассоциаты (лексические и более крупные единицы), связанные общей семантикой. Анализ структуры концепта МИГРАНТ позволил выделить 21 семантический модуль, отражающий многоаспектность и комплексность данного концепта. В зависимости от частотности ассоциатов были произвольно выделены ядро, предъядерная зона и периферия (ближняя и дальняя).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе исследования выявлено, что ассоциативно-вербальное поле концепта МИГРАНТ представлено тремя основными макрополями, или крупными семантическими модулями, внутри которых выделяется ряд микрополей, которые представляют собой менее объёмные семантические модули (табл. 3). Значительная часть микрополей не входит в макрополя, а представляют собой самостоятельные образования. Ниже показана полевая структура концепта МИГРАНТ.

1. Макрополе КОННОТАЦИИ включает 248 ассоциатов, что составляет 57,4% единиц, вербализующих данный концепт. Данное макрополе представлено тремя микрополями:

1.1. Микрополе НОМИНАЦИИ С НЕЙТРАЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ (215 ассоциатов, или 49,7%): человек, который поменял место жительства (24); человек, который покинул Родину (21); иностранец (18); приезжий (18); переселенец (17); беженец (14); человек (14); человек, который часто переезжает из одной страны в другую (11); чужой (9); эмигрант (6); иммигрант (6); другой (5); нерусский (5); гастарбайтер (5); гражданин

другой страны (4); чужеземец (4); неместный (3); гость (3); новый житель (3); человек, переезжающий из одного региона в другой (2); человек, вынужденный переехать в другую страну (2); люди (2); пришелец (2); незнакомец (2); маргинал (2); иной (2); черно-рабочий (1); рабочая сила (1); перебежчик (1); чужестранец (1); человек, восставший против государства (1); открыватель (1); человек, скитающийся по миру (1); поселенец (1); путник (1); многонационал (1); вдали от дома (1).

1.2. Микрополе НОМИНАЦИИ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ (27 ассоциатов, или 6,2%): нелегал (6); чурка (3); объект, который подлежит перемещению (2); предатель Родины (2); человек, который сбежал из страны (2); понаехавшие (1); неизвестно чего ожидать (1); нарушитель (1); уклонившийся (1); человек без Родины (1); нападающий (1); трус (1); не патриот (1); заполонили город (1); занимают нашу территорию (1); занимают места в универе (1); изгой (1).

1.3. Микрополе НОМИНАЦИИ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ (6 ассоциатов, или 1,39%): любит менять обстановку (1); любитель перемен (1); человек, который хочет поменять круг своего общения (1); любитель новых впечатлений и знакомств (1); человек, такой же, как и я (1); друг (1).

2. Микрополе ПРИЧИНЫ (49 ассоциатов, или 11,34%):

2.1. Микрополе ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ (23 ассоциата, или 5,3%): бедность (5); проблемы (5); сложности (4); трудовой мигрант (3); голод (2); кризис (1); безысходность (1); работа (1); низкий уровень жизни (1).

2.2. Микрополе ПОЛИТИКА (8 ассоциатов, или 1,85%): война (5); политика (2); политическое убежище (1).

2.3. Микрополе ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ (8 ассоциатов, или 1,85%): ищет лучшей жизни (4); возможности (3); спасение (1).

2.4. Микрополе УЧЁБА (7 ассоциатов, или 1,62%): студент (5); иностранный студент (1); учеба (1).

2.5. Микрополе ЭПИДЕМИИ (3 ассоциата, или 0,69%): эпидемии (2); болезни (1).

3. Микрополе КАЧЕСТВО (30 ассоциатов, или 6,94%):

3.1. Микрополе ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА (10 ассоциатов, или 2,31%): много работает (3); эрудированный (1); образованный (1); умный (1); любитель перемен (1); любитель новых впечатлений и знакомств (1); трудолюбивый (1); весёлый (1).

3.2. Микрополе ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА (20 ассоциатов, или 4,63%): грубый (2); опасный (2); безработный (2); наглый (2); хитрый (1); злой (1); агрессивный (1); дикий (1); нелюдимый (1); бескультурный (1); неподобающее поведение (1); не видят границ (1); неприятный (1); навязывает свои традиции (1); нахальное поведение (1); отличающийся (1).

4. Микрополе ПУТЕШЕСТВИЕ (17 ассоциатов, или 3,94%): путешественник (6); турист (3); вокзал (1); билеты (1); граница (1); тёплые края (1); отдых (1); тропические острова (1); загранпаспорт (1); путешествие (1).

5. Микрополе ПРОФЕССИЯ (15 ассоциатов, или 3,47%): рабочий (2); рынок (2); тяжёлый труд (2); разнорабочий (2); таксист (1); уборщица (1); водитель (1); продавец (1); строитель (1); торгаш (1); дворник (1).

6. Микрополе КУЛЬТУРА (13 ассоциатов, или 3,01%): человек другой культуры (5); другие ценности (3); другой уклад жизни (1); другие традиции и обычаи (1); новая культура (1); культурный шок (1); чужая культура (1).

7. Микрополе ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (12 ассоциатов, или 2,78%): бедный (5); голод (2); небогатый (1); низкий уровень жизни (1); нуждающийся (1); без определенного места жительства (1); криминал (1).

8. Микрополе НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (10 ассоциатов, или 2,31%): нерусский (5); азербайджанцы (1); татары (1); азиат (1); таджик (1); цыган (1).

9. Микрополе НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА (10 ассоциатов, или 2,31%): преступность (4); беспорядки (1); незаконный (1); незаконное пересечение границы (1); без документов (1); нарушитель (1); криминал (1).

10. Микрополе СЛОЖНОСТИ (7 ассоциатов, или 1,62%): сложности (4); сложная жизнь (1); преодоление (1); тот, кому нужна помощь (1).

11. Микрополе ЧУВСТВА МИГРАНТА (6 ассоциатов, или 1,39%): тоска (2); тревога (2); стресс (1); отторжение (1).

12. Микрополе ЯЗЫК (6 ассоциатов, или 1,39%): плохо говорит по-русски (2); билингв (2); иноязычный (1); новый язык (1).

13. Микрополе СТРАНЫ (5 ассоциатов, или 1,16%): Таджикистан (2); страны ближнего Востока (2); рабочий из Средней Азии (1).

14. Микрополе СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (4 ассоциата, или 0,93%): большая семья (2); многодетный (1); дети мигрантов (1).

15. Микрополе РЕЛИГИЯ (3 ассоциата, или 0,69%): Ислам (2); мусульманин (1).

16. Микрополе ВНЕШНОСТЬ (2 ассоциата, или 0,46%): темнокожий (1); негр (1).

17. Микрополе ПОЛ (2 ассоциата, или 0,46%): мужчина (2).

18. Микрополе АДАПТАЦИЯ (2 ассоциата, или 0,46%): адаптация (2).

19. Микрополе ЖИЛЬЕ (1 ассоциат, или 0,23%): новый дом (1).

20. Микрополе ЖИВОТНЫЕ (1 ассоциат, или 0,23%): животное, которое покидает своё место жительства (1).

21. Микрополе КОЛИЧЕСТВО (1 ассоциат, или 0,23%): много (1).

Т а б л и ц а 3. Соотношение семантических модулей
[T a b l e 3. Proportion of semantic modules]

Семантический модуль	Количество реакций
Коннотации:	248 (57.4%)
Номинации с нейтральной коннотацией	215 (49.7%)
Номинации с отрицательной коннотацией	27 (6.2%)
Номинации с положительной коннотацией	6 (1.39%)
Причины:	49 (11.34%)
Экономическая нестабильность	23 (5.3%)
Политика	8 (1.85%)
Повышение уровня жизни	8 (1.85%)
Учеба	7 (1.62%)
Эпидемии	3 (0.69%)
Качество:	30 (6.94%)
Положительные качества	10 (2.31%)
Отрицательные качества	20 (4.63%)
Путешествие	17 (3.94%)
Профессия	15 (3.47%)
Культура	13 (3.01%)
Финансовое положение	12 (2.78%)
Национальность	10 (2.31%)
Нарушение закона	10 (2.31%)
Сложности	7 (1.62%)
Чувства мигранта	6 (1.39%)

Семантический модуль	Количество реакций
Язык	6 (1.39%)
Страны	5 (1.16%)
Семейное положение	4 (0.93%)
Религия	3 (0.69%)
Внешность	2 (0.46%)
Пол	2 (0.46%)
Адаптация	2 (0.46%)
Жилье	1 (0.23%)
Животные	1 (0.23%)
Количество	1 (0.23%)

Таким образом, ядро поля концепта МИГРАНТ сформировано макрополем КОННОТАЦИИ, поскольку в нём содержится подавляющее большинство языковых единиц (от слова до более крупных), вербализующих этот концепт. Внутри коннотативного макрополя были выделены три микрополя: номинации с нейтральной, отрицательной и положительной коннотацией. Доминирующим оказалось микрополе НОМИНАЦИИ С НЕЙТРАЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ – очевидно, что респонденты стремились дать ассоциации, максимально приближенные к словарному определению. При этом частотность номинаций с отрицательной коннотацией значительно (в четыре раза) превышает частотность номинаций с положительной коннотацией, что свидетельствует о настороженности граждан в отношении мигрантов. Наиболее распространёнными ассоциатами являются: *человек, который поменял место жительства* (24), *человек, который покинул Родину* (21), *иностранец* (18). Данные ассоциаты лишены экспрессивной окраски и репрезентируют денотативное значение, отражая лишь факт перемещения индивида из одной локации в другую.

Предъядерная зона образована макрополем ПРИЧИНЫ. В эту зону попало в пять раз меньше ассоциатов, чем в ядро. Внутри данного макрополя выделено пять микрополей, самым объёмным из которых оказалось микрополе, категоризованное как ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ, что свидетельствует о том, что снижение уровня жизни стимулирует поиск экономических возможностей за пределами родной страны. Важно отметить, что наряду с экономическими причинами важную роль играет и ПОЛИТИКА, что подтверждается соответствующими ассоциатами: *война* (5), *политика* (2). В число мотивов миграции входят ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ и УЧЁБА, что указывает на роль образовательной миграции, а также мотивов ЭПИДЕМИИ, наличие которых, несмотря на их низкую частотность, подчёркивает влияние эпидемиологической нестабильности на миграционные процессы, когда люди покидают родные страны в поисках более безопасных и благоприятных условий для жизни.

Семантический модуль ПУТЕШЕСТВИЕ, включающий в 2,8 раз меньше ассоциатов, чем в предъядерной зоне, входит в ближайшую периферию. Наибольшее распространение получили ассоциаты *путешественник* (6) и *турист* (3). Респонденты склонны рассматривать миграцию как разновидность путешествия, что может быть свя-

зано с увеличением мобильности населения в эпоху глобализации и развитием транспортной инфраструктуры.

Дальняя периферия образована микрополем ПРОФЕССИЯ, в которую, однако, вошло лишь немногим меньше ассоциатов по сравнению с ближней периферией. Ассоциаты в данном микрополе позволяют выявить типичную социально-экономическую нишу, занимаемую мигрантами на рынке труда. Преобладание таких номинаций, как *рабочий* (2), *разнорабочий* (2), *тяжёлый труд* (2), *строитель* (1), *уборщица* (1), *дворник* (1) свидетельствует о концентрации мигрантов в секторах экономики, характеризующихся низким уровнем оплаты труда, тяжёлыми условиями работы и отсутствием социальных гарантий. Данный факт отражает тенденцию прекаризации труда мигрантов, то есть их вовлечения в нестабильную и незащищённую занятость. Кроме того, упоминание *таксиста* (1), *продавца* (1) и *торгаша* (1) подтверждает убеждение, что мигранты, как правило, занимают наименее престижные и наименее оплачиваемые рабочие места, что делает их уязвимыми к эксплуатации и дискриминации.

Остальные семантические модули оказались менее частотными. Стоит отметить, что ассоциаты – *человек другой культуры* (5) и *другие ценности* (3) делают акцент на культурных различиях как определяющем факторе восприятия мигрантов. Неразрывно связанным с культурными различиями оказывается микрополе ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, в котором преобладают негативные характеристики, такие как *бедный* (5), *голод* (2) и *низкий уровень жизни* (1). Данная взаимосвязь может свидетельствовать о формировании стереотипного образа мигранта как человека, находящегося в сложном экономическом положении. Микрополе НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (10) (2,31%), в котором доминируют этнические маркеры, такие как *нерусский* (5), *азербайджанцы* (1) и *таджик* (1), подчёркивает акцент на этнической принадлежности мигрантов и их отличии от принимающего населения. Мигрант представляется приезжим из ближнего Зарубежья или Центральной Азии.

К сожалению, также присутствует микрополе НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА, с ассоциациями *преступность* (4), *незаконный* (1) и *без документов* (1), свидетельствующих о связывании мигрантов с противоправной деятельностью, что может оправдывать дискриминационные меры в отношении них. Микрополя СЛОЖНОСТИ и ЧУВСТВА МИГРАНТА, хотя и менее распространены, но их наличие всё же свидетельствует о признании обществом трудностей, с которыми сталкиваются мигранты в процессе адаптации и интеграции. Ассоциации *сложности* (4), *тоска* (2) и *тревога* (2) указывают на понимание эмоциональных переживаний мигрантов, связанных с отрывом от Родины, культурным шоком и социальной изоляцией.

3. Заключение [Conclusion]

Анализ представленных микрополей позволяет сделать вывод о том, что образ мигранта характеризуется сочетанием как негативных, так и нейтральных или даже позитивных ассоциатов, актуализирующих сочувствие. Доминирование номинаций с нейтральной коннотацией указывает на преобладание стратегии дескриптивного определения в репрезентации данного концепта, что может быть обусловлено стремлением респондентов к объективности и избеганию оценочных суждений. Значительная распространённость семантического модуля ПРИЧИНЫ позволяет заключить, что российская общественность проявляет повышенный интерес к факторам, побуждающим мигрантов покинуть Родину, что может быть связано с обеспокоенностью социально-экономическими и политическими последствиями миграции.

Можно предположить, что отношение к мигранту рассматривается как нейтрально-негативное. Его образ клиширован и односторонен в сознании граждан РФ. К ми-

грантам не приписывают высококвалифицированных специалистов из Европы или Америки. Чаще всего это мужчина средних лет, приехавший на заработки из более бедной страны и готовый взяться за любую работу. Мигранты часто плохо говорят по-русски, а также являются носителями другой культуры, что пугает обычного обывателя, так как их поведение не соответствует принятым нормам поведения. Часто мигранты, приезжая в новую страну, пытаются найти «своих», и тогда происходит процесс диаспоризации – формирования диаспор по национальному или конфессиональному принципу. Нами прослеживается оппозиция «свой / чужой», где образ чужого всегда искажён. Чужой наделяется устойчивыми характеристиками, часто негативными, что приводит к социальной и культурной дистанции.

Перспективу исследования составит изучение механизмов преодоления негативных стереотипов и нормализации миграционного нарратива.

Библиографический список

- Залевская, 2014 – Залевская А. А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.-Берлин : Директ-Медиа, 2014. 328 с.
- Зубарева, 2019 – Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 1. С. 35–45. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
- Зубарева, 2024 – Зубарева Е. О. Актуальные проблемы лингвистики. Лингвистическое моделирование концептуального поля миграция. Пермь : Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2024. 130 с.
- Караулов, 2002 – Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. М. : АСТ, 2002.
- Леонтьев, 1977 – Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1977. С. 5–16.
- Маколифф, Оучо, 2024 – Маколифф М., Оучо Л. А. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева. 414 с.
- Овчинникова, 2018 – Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2. С. 84–98.
- Попова, Стернин 2015 – Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. М.-Берлин : Директ-Медиа, 2015. 101 с.
- Уфимцева, 2014 – Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9. С. 340–346.
- Фрумкина, 2001 – Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М. : Академия, 2001. 315 с.
- Шустова, 2018 – Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 2. С. 114–125. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Шустова, Прыткина, 2021 – Шустова С. В., Прыткина Л. А. Модель синтагматического поля концепта MIGRANT // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 2. С. 96–104.
- Шустова, Исаева 2019 – Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме / под ред. Т. И. Ерофеевой. Пермь : Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2019. С. 5–64.
- Gugenberger, 2018 – Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien, 2018. 658 S.
- Kerswill, 2006 – Kerswill P. Migration and language. // Sociolinguistics/Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society. Vol. 3. 2nd edn. / Ed. by K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill. Berlin : De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.
- Krefeld, 2004 – Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.

References

- Zalevskaya, A. A. (2014). *Chto tam – za slovom? Voprosy interfeysnoy teorii znacheniya slova [What is there behind word? Issues of interface theory of word meaning]*. Moscow-Berlin : Direkt-Media Press. (In Russ.).
- Zubareva, E. O. (2019). Model' migratsionnogo diskursa [The model of migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (1), 35–45. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
- Zubareva, E. O. (2024). *Aktual'nye problemy lingvistiki. Lingvisticheskoe modelirovanie kontseptual'nogo polya MIGRATSIYA [Current issues of linguistics. Linguistic modelling of the concept field MIGRATION]*. Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2002). *Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian dictionary of associations]*. In 2 volumes. Moscow : AST Press. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1977). Obshchie svedeniya ob assotsiatsiyakh i assotsiativnykh normakh [General information about associations and association standards]. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka [The dictionary of association standards of the Russian language]* (pp. 5–16). Moscow : MSU Press. (In Russ.).
- Makoliff, M., & Ouch, L. A. (2024). *World Migration Report 2024*. Geneva : International Organization for Migration (IOM). (In Russ.).
- Ovchinnikova, I. G. (2018). Sintagmaticheskie sboi v russkoy rechi: interpretatsiya v svete aktual'nykh modeley mental'nogo leksikona [Syntagmatic mistakes in Russian speech in the aspect of the mental lexicon structure]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 2, 84–98. (In Russ.).
- Popova, Z. D., & Sternin, I. A. (2015). *Yazyk i natsional'naya kartina mira [Language and national picture of the world]*. Moscow-Berlin : Direkt-Media Press. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2014). Assotsiativnyy slovar' kak model' yazykovoy kartiny mira [Associative dictionary as a model of linguistic picture of the world]. *Vestnik IrGTU [Vestnik of Irkutsk Technical University]*, 9, 340–346. (In Russ.).
- Frumkina, R. M. (2001). *Psikholingvistika [Psycholinguistics]*. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2018). Migratsionnaya lingvistika i migratsionnyy diskurs [Migration linguistics and migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 4 (2), 114–125. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Shustova, S. V., & Prytkina, L. A. (2021). Model' sintagmaticheskogo polya kontsepta MIGRANT [Syntagmatic field model of the “MIGRANT” concept]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 2, 96–104. (In Russ.).
- Shustova, S. V., & Isaeva, E. V. (2019). Migratsionnaya lingvistika: stanovlenie i razvitie [Migration linguistics: Emerging and development]. T. I. Erofeeva (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme [Migration linguistics in the modern scientific paradigm]* (pp. 5–64). Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Gugenberger, E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien*. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien.
- Kerswill, P. (2006). Migration and language. In K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill (Eds), *Sociolinguistics/Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society* (Vol. 3, pp. 2271–2285). Berlin : De Gruyter.
- Krefeld, Th. (2004). Einführung in die Migrationslinguistik. *Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Tübingen : Gunter Narr Verlag.

Сигаев Артем Сергеевич, Федулénkova Татьяна Николаевна✉
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация
fedulenkova@list.ru

**От метаязыка до гибридных жанров
академического дискурса. Рецензия на книгу:
Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и
методы лингвистических исследований: учеб. пособие. М.:
Языки Народов Мира, 2020. 352 с.**

Аннотация

В рецензии даётся высокая оценка второму, исправленному и значительно переработанному изданию книги, написанной опытным коллективом лингвистов и апробированной в совместной исследовательской и творческой работе профессорско-преподавательского состава, студентов и аспирантов Московского городского педагогического университета. Большое внимание уделяется формированию метаязыка научного описания. Рассмотрение вопросов методологии лингвистического исследования ведёт к экспликации широкого спектра новых методов анализа, каждый из которых сопровождается краткой теоретической характеристикой и обозначением перспектив его применения. Изучение жанрового разнообразия академического дискурса и вопросов академической этики позволило предложить ряд новаторских рекомендаций прагматического характера для исследований в области стилистического и текстуального анализа. Книга знакомит с новыми, гибридными жанрами научной коммуникации. Ценность пособия возрастает за счёт анализа критериев оценки научных статей. Прагматический эффект усилен стимулированием разработки стратегии исследования с применением цифровых ресурсов.

Ключевые слова: метаязык лингвистического исследования, принципы, методы, структура научного труда, жанры академического дискурса

© Сигаев А. С., Федулénkova Т. Н. 2025

Для цитирования: Сигаев А. С., Федулénkova Т. Н. От метаязыка до гибридных жанров академического дискурса. Рецензия на книгу: Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований: учеб. пособие. М.: Языки Народов Мира, 2020. 352 с. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 201–205. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-201>

Artem S. Sigaev, Tatiana N. Fedulenkova✉
Vladimir State University named after the Stoletovs
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

**From metalanguage to hybrid genres of academic discourse.
Review of the book by Suleymanova O. A., Fomina M. A., &
Tivyaeva I. V. Principles and methods of language studies:
A coursebook. Moscow: Yazyki narodov mira Press, 2020. 352 p.**

Abstract

The review highly appreciates the second corrected and significantly revised edition of the book written by an experienced team of linguists and tested in the joint research and creative work of the teaching staff and students

of Moscow City University. The book pays great attention to forming a meta-language of scientific description. Considering methodology issues of linguistic research leads to explicating a wide range of new methods of analysis, each accompanied by a brief theoretical description and an outlook for application. The study of the genre diversity of academic discourse and issues of academic ethics enabled to propose a number of innovative pragmatic recommendations for research in the field of stylistic and textual analyses. Revealing the subtleties of the structure of a scientific work, the book introduces new, hybrid genres of scientific communication. The value of the book increases due to the analysis of criteria for evaluating scientific articles. The pragmatic effect is enhanced by stimulating the development of a research strategy using digital resources.

Keywords: the metalanguage of linguistic research, principles, methods, structure of scientific work, genres of academic discourse

© Sigaev A. S., Fedulenkova T. N. 2025

For citation: Sigaev, A. S., & Fedulenkova, T. N. (2025). Ot metayazyka do gibridnykh zhanrov akademicheskogo diskursa. Retsenziya na knigu: Suleymanova O. A., Fomina M. A., Tiv'yaeva I. V. Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy: ucheb. posobie. M.: Yazyki Narodov Mira, 2020. 352 s. [From metalanguage to hybrid genres of academic discourse. Review of the book by Suleymanova O. A., Fomina M. A., & Tiv'yaeva I. V. Principles and methods of language studies: A coursebook. Moscow: Yazyki narodov mira Press, 2020. 352 p.]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 201–205. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-201>

Рецензируемая книга «Принципы и методы лингвистических исследований», подготовленная О. А. Сулеймановой, М. А. Фоминой и И. В. Тивьяевой и опубликованная в 2020 году, представляет собой содержательно и композиционно выверенное руководство, посвящённое ключевым аспектам современной лингвистической науки. Адресованное широкой аудитории – от студентов филологических направлений до аспирантов и начинающих исследователей, – издание сочетает теоретическую строгость с прикладной ориентированностью, благодаря чему может быть успешно использовано как в учебных целях, так и при подготовке самостоятельных научных проектов.

Важно, что авторы данной книги формируют целостную картину научно-исследовательской деятельности в области лингвистики. Первая часть пособия посвящена формированию метаязыка научного описания, то есть выработке понятийного аппарата, необходимого для анализа языковых явлений. Подробно рассматриваются такие ключевые категории, как «категория комического», «абстрактные категории», «фреймы», «директивы», «дискурсы» и «концепты» (о становлении терминологии см. так же [Гринев-Гриневиц, 2021, с. 165–177]). Каждое из этих понятий представлено с опорой на современные научные подходы, а их интерпретация позволяет читателю осознать глубину когнитивной и культурной обусловленности лингвистических феноменов. Так, например, анализ категории комического раскрывает не только языковые механизмы, формирующие юмористический эффект, но и особенности культурных кодов, встроенных в язык.

Следующий блок книги посвящён методологии лингвистического исследования. Авторы тщательно разграничивают понятия «теория» и «гипотеза», подчёркивая необходимость их строгого употребления в научной практике. Далее рассматривается широкий спектр методов анализа, включая контекстный, дистрибутивный, валентный и компонентный анализ, гипотетико-дедуктивный метод, дискурс-анализ, методы психолингвистического эксперимента, цифровые методики, а также триангуляционный подход. Каждый метод сопровождается краткой теоретической характеристикой и обозначением сферы его применимости. Предлагаемая структура подачи материала помогает развитию у читателя способности осознанно выбирать методологические на-

правления и технологические инструменты в зависимости от целей и задач конкретного исследования, способствуя оптимизации научных исследований в области лингвистики [Комарова, 2018, с. 34, 218, 633].

Третий смысловой пласт рецензируемого труда сосредоточен на академическом дискурсе [Хутыз, 2021 ; Федуленкова, 2024]. Авторы рассматривают жанровое разнообразие научных текстов и выделяют специфику курсовых, дипломных, диссертационных работ и научных статей. Значительное внимание уделяется стилистическим требованиям, включая нормы оформления, структуру заголовков, шрифтовые параметры, межстрочный интервал, а также пунктуационные и грамматические особенности научного языка (см. так же [Федуленкова, 2025]). Освещаются принципы цитирования и составления библиографического списка. Указания по редактированию, взаимодействию с научным руководителем и учётом рецензий подчёркивают прикладную направленность издания и его практическую значимость для формирования исследовательской культуры. Особо выделяются вопросы академической этики, где затрагиваются аспекты корректного заимствования, предупреждения плагиата и достоверного представления результатов.

Не менее значимым представляется и заключительный раздел книги, в котором раскрывается структура научного труда (см. тж. [Алефиренко, 2023, с. 320]). Здесь подробно описываются этапы построения введения, теоретической и практической частей, заключения. Рассматриваются также гибридные жанры научной коммуникации, такие как постеры, презентации и раздаточные материалы, используемые на конференциях. Ценность пособия возрастает за счёт анализа критериев оценки научных статей, а также причин, по которым возможен отказ в публикации. Такой подход позволяет начинающим исследователям лучше ориентироваться в академическом пространстве и подготовиться к профессиональной научной деятельности [Багана, 2024].

Практическая значимость книги подтверждается наличием заданий, направленных на отработку теоретических положений. Среди них можно выделить разработку стратегии исследования с применением цифровых ресурсов, анализ публикаций в научных журналах и создание алгоритмов поиска и обработки эмпирических данных. Эти упражнения не только закрепляют пройденный материал, но и формируют навыки самостоятельного исследовательского мышления, что особенно важно в условиях перехода к проектно-ориентированному обучению.

Основные достоинства рецензируемого издания заключаются в его логично выстроенной структуре, балансе между теорией и практикой, а также в универсальности, позволяющей использовать его на различных этапах профессионального становления филолога. Авторы демонстрируют высокий уровень методологической культуры и чуткость к потребностям целевой аудитории. Представляется уместным, тем не менее, рекомендовать расширение разделов, связанных с публикационной этикой и со стратегиями продвижения научных работ в отечественном и международном контексте. Это дополнение могло бы способствовать ещё более эффективной подготовке студентов и аспирантов к включению в академическое сообщество.

Исследователь, разрабатывающий тему художественно-выразительных средств в современной английской прозе, видит в данном пособии значительный теоретико-методологический потенциал выявления современных исследовательских трендов в области лингвистики и лингвосомиотики, определения ведущих методологических подходов и перспектив развития этих направлений исследований. [Тивьяева, 2024]. Особенно ценным представляется подход авторов к выстраиванию понятийного аппарата и выбору аналитических процедур в зависимости от задач исследования. Методологическая часть пособия позволяет переосмыслить структуру анализа художественного текста как многослойной системы, включающей когнитивные, прагматические и дискурсивные аспек-

ты. Это особенно важно при интерпретации художественного мира таких писателей, как Уильям Сомерсет Моэм, Агата Кристи, Рэй Брэдбери, насыщенного метафорикой, символикой и контекстуально обусловленными лексико-синтаксическими приёмами. Таким образом, книга О. А. Сулеймановой, М. А. Фоминой и И. В. Тивьяевой становится не просто вспомогательным инструментом, а органичной частью теоретической базы диссертационной работы молодого исследователя.

В заключение подчеркнём, что рецензируемое издание «Принципы и методы лингвистических исследований» представляет собой значительный вклад в развитие методики лингвистического анализа. Его концептуальная цельность, методологическая глубина и прикладная ориентация позволяют рассматривать его как надёжную опору в процессе профессиональной подготовки исследователя-гуманитария. Пособие отвечает современным требованиям академического стандарта и может быть рекомендовано к широкому использованию в образовательной и научной практике.

Оригинальность построения книги, актуальность, глубина трактовок понятий метаязыка лингвистики, новизна подходов к современному исследованию, опора на эвристические методы и приёмы, стимулирование деятельности обучающихся молодых специалистов, прогнозирование результатов исследования, универсальность способов применения предлагаемых рекомендаций – всё это характеристики незаменимой настольной книги лингвиста-исследователя.

Библиографический список

- Алефиренко, 2023 – Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М. : Наука, 2024. 416 с.
- Багана, 2024 – Языковые контакты в современной лингвистике: коллективная монография / под ред. Ж. Багана. М. : ФЛИНТА, 2024. 271 с.
- Гринев-Гриневиц, 2021 – Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г. Теория языка: антропологистика. М. : Издательский дом ВКН, 2021. 256 с.
- Комарова, 2018 – Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М. : ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.
- Тивьяева, 2024 – Тивьяева И. В. Современная лингвосомиотика: проблемы и тренды // Русский язык в школе. 2024. № 85 (3). С. 74–83. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-74-83>.
- Федуленкова, 2024 – Федуленкова Т. Н. Об актуальности лекции как жанра академического курса. Рецензия на монографию: И.П. Хурыз «Жанры дискурса академической среды. Традиционное и новое» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. № 10 (2). С. 209–214.
- Федуленкова, 2025 – Федуленкова Т. Н. Стилиевые доминанты интернет-коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. № 11 (1), С. 198–202.
- Хурыз, 2021 – Хурыз И. П. Жанры дискурса академической среды. Традиционное и новое. М. : Издательский Дом ВКН, 2021. 132 с.

References

- Alefirenko, N. F. (2023). *Sovremennye problemy nauki o yazyke [Modern problems of language studies]*. Moscow : FLINTA Press, Nauka Press. (In Russ.).
- Bagana, Zh. (Ed.). (2024). *Yazykovye kontakty v sovremennoy lingvistike [Language contacts in modern linguistics]*. Moscow : FLINTA Press. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., Vikulova, L. G. (2021). *Teoriya yazyka: antropolingvistika [Theory of language: Anthropo-linguistics]*. Moscow : VKN Press. (In Russ.).
- Komarova, Z. I. (2018). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Methodology, method and technology of scientific research in linguistics]*. Moscow : FLINTA Press, Nauka Press. (In Russ.).

- Tivyaeva, I. V. (2024). Sovremennaya lingvosemiotika: problemy i trendy [Current studies in linguistic semiotics: Issues and trends]. *Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 85 (3), 74–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-74-83>. (In Russ.).
- Fedulenkova, T. N. (2024). Ob aktual'nosti lektsii kak zhanra akademicheskogo diskursa [The importance of lecture as a genre of academic discourse. Review of the monograph by I. P. Khutyz "Genres of discourse of the academic environment. The traditional and the new"]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 209–214. (In Russ.).
- Fedulenkova, T. N. (2025). Stilevye dominanty internet-kommunikatsii [Stylistic dominants of Internet communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and applied linguistics]*, 11 (1), 198–202. (In Russ.).
- Hutyz, I. P. (2021). *Zhanry diskursa akademicheskoy sredy. Traditsionnoe i novoe [Genres of academic discourse. The traditional and the new]*. Moscow: Publishing House VKN. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 09.09.2025.

The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 09.09.2025.

Наши авторы

- Анисимов Владислав Евгеньевич*, канд. филол. наук, доцент кафедры французского языка Московского гос. ин-та международных отношений (ун-та) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, email: anisimov.vladislav.95@mail.ru
- Бойко Елена Сергеевна*, старший преподаватель кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: boikoes@susu.ru
- Габдушиева Алена Фанисовна*, студент факультета современных иностранных языков и литератур Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email:
- Дыбовский Александр Сергеевич*, канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения Восточного ин-та – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного фед. ун-та, г. Владивосток, Российская Федерация, email: dybovskii.as@dvfu.ru
- Жиркова Евгения Егоровна*, научный сотрудник Научно-исследовательского ин-та Олонхо Северо-Восточного фед. ун-та, г. Якутск, Российская Федерация, email: jenyasyr@mail.ru
- Зубарева Екатерина Олеговна*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: fialka21-85@mail.ru
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Ильина Екатерина Владимировна*, канд. филол. наук, доцент Уральского гос. ун-та путей сообщения филиала в г. Тюмени, доцент кафедры русского языка как иностранного ин-та фундаментальной медицины Тюменского гос. мед. ун-та, г. Тюмень, Российская Федерация, email: EIllyina@usurt.ru
- Караваева Вероника Георгиевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Ин-та иностранных языков Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: karavaeva.vg@yandex.ru
- Малахова Елизавета Вадимовна*, студент факультета современных иностранных языков и литератур Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: lisaveet@mail.ru
- Мусаева Елена Георгиевна*, старший преподаватель кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: blagmeg@yandex.ru
- Процукович Алексей Андреевич*, магистр лингвистики, независимый исследователь, г. Благовещенск, Российская Федерация
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Сигаев Артем Сергеевич*, <https://orcid.org/0009-0000-6445-5563>, аспирант кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Гуманитарного ин-та Владимирского гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, email: artemsigaev@itmo.ru
- Стреке Янина Викторовна*, старший преподаватель кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: y.streke@yandex.ru
- Стрельцов Алексей Александрович*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, канд. пед. наук, доцент, доцент Ин-та филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного фед. ун-та, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: al-astr@yandex.ru
- Сыпачёва Кира Николаевна*, аспирант кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: k.sypacheva@gmail.com
- Уртегешев Николай Сергеевич*, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: urtegeshev@mail.ru
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, д-р филол. наук, проф. кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского гос. ун-та, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, член-кор. Российской Академии Естествознания, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru
- Шамина Елена Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: e.shamina@spbu.ru
- Шеховская Юлия Андреевна*, <https://orcid.org/0000-0002-3139-2145>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Российская Федерация, email: shekhovskaya@gmail.com
- Шустова Светлана Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, д-р филол. наук, проф. кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru

Our authors

- Vladislav E. Anisimov*, PhD in Philology, Associate Professor, French Department, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, email: anisimov.vladislav.95@mail.ru
- Elena S. Boiko*, senior teacher, International Relations, Political and Religious Studies Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: boikoes@susu.ru
- Alyona F. Gabdusheva*, student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University, Perm, Russian Federation
- Alexander S. Dybovsky*, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Japanese Studies, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, email: dybovskii.as@dvfu.ru
- Eugenia E. Zhirkova*, researcher, Olonkho Research Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, email: jenyasyr@mail.ru
- Ekaterina O. Zubareva*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: fialka21-85@mail.ru
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Ekaterina V. Ilyina*, PhD in Philology, Associate Professor, Ural State University of Railway Transport, Branch in Tyumen; Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Fundamental Medicine, Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation, email: Eilyina@usurt.ru
- Veronika G. Karavaeva*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Language and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: karavaeva.vg@yandex.ru
- Elizaveta V. Malakhova*, student of the Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lisaveet@mail.ru
- Elena G. Musaeva*, senior teacher, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: blagmeg@yandex.ru
- Alexey A. Protsukovich*, Master in Linguistics, independent researcher, Blagoveshchensk, Russian Federation
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Artem S. Sigaev*, <https://orcid.org/0009-0000-6445-5563>, PhD student, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Institute for the Humanities, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation
- Yanina V. Streke*, senior teacher, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: y.streke@yandex.ru
- Aleksey A. Streltsov*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: al-astr@yandex.ru
- Kira N. Sypacheva*, PhD student, Department of Phonetics and Methods for Teaching Foreign Languages, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: k.sypacheva@gmail.com
- Nikolay S. Urtegeshev*, Doctor of Philology, leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: urtegeshev@mail.ru
- Tatiana N. Fedulenkova*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru
- Elena A. Shamina*, PhD in Linguistics, Associate Professor, Department of Phonetics and Methods for Teaching Foreign Languages, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: e.shamina@spbu.ru
- Julia A. Shekhovskaya*, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Tyumen Higher Military Engineer Command School named after marshal of engineering troops A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russian Federation, email: shekhovskaya@gmail.com
- Svetlana V. Shustova*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Анисимов В. Е.</i>	Иерархия взаимодействия единиц кинодискурса со зрителем (на материале французского кинодискурса)	5
<i>Бойко Е. С.</i>	Путеводитель: когнитивно-дискурсивные особенности жанра	21
<i>Дыбовский А. С.</i>	Универсальные и специфические черты фразеологии японского языка	31
<i>Жиркова Е. Е.</i>	Образная (ономатопоэтическая) лексика звуко-мимического происхождения: сравнительный анализ	51
<i>Зубарева Е. О., Габдушева А. Ф.</i>	Вторичная языковая личность мигранта в контексте деструктивной интерференции	62
<i>Ильина Е. В.</i>	Идиостиль заглавий как средство актуализации текстовых категорий в поэтической картине мира Л. Н. Андерсен	77
<i>Караваева В. Г.</i>	Корпусной подход к дискурсивному анализу явлений связной речи в разнотипных языках	87
<i>Мусаева Е. Г.</i>	Варьирование длительности британских смычно-взрывных согласных в речи политиков	104
<i>Процукович Е. А., Иванашко Ю. П., Процукович А. А.</i>	Особенности реализации консонантных сочетаний в русской речи носителя усть-ньюнжинского говора эвенкийского языка	116
<i>Стреке Я. В.</i>	Перцептивные характеристики слабых форм слов в общественно-политическом дискурсе	127
<i>Стрельцов А. А.</i>	Письмо с угрозой в новелле О.Генри «Вожь краснокотких»: сопоставительный анализ переводов с английского языка на русский	137
<i>Сыпачёва К. Н., Шамина Е. А.</i>	Перцептивный аспект в изучении интонации UpTalk в современном английском языке	150
<i>Уртегешев Н. С.</i>	Артикуляционно-акустические корреляты мягкости согласных типа «s» и «z»	167
<i>Шеховская Ю. А., Федуленкова Т. Н.</i>	Алломорфизм и изоморфизм в английской и русской соматической метафоре (на примере политического дискурса)	180
<i>Малахова Е. В., Шустова С. В.</i>	Актуализация концепта МИГРАНТ в сознании носителей русского языка	190
Рецензии		
<i>Сигаев А. С., Федуленкова Т. Н.</i>	От метаязыка до гибридных жанров академического дискурса. Рецензия на книгу: Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований: учеб. пособие. М.: Языки Народов Мира, 2020. 352 с.	201
Наши авторы		206

CONTENTS

Original Papers

<i>Anisimov V. E.</i>	Hierarchy of film discourse units with the viewer interaction (Based on French film discourse)	5
<i>Boiko E. S.</i>	Guidebook: Cognitive and discursive genre peculiarities	21
<i>Dybovsky A. S.</i>	Universal and specific features of Japanese phraseology	31
<i>Zhirkova E. E.</i>	Figurative (onomatopoeic) vocabulary of sound-mimic origin: Comparative analysis	51
<i>Zubareva E. O., Gabdusheva A. F.</i>	The secondary linguistic personality of a migrant in the context of destructive interference	62
<i>Ilyina E. V.</i>	Idiostyle of titles as a means of updating text categories in a poetic picture of L. N. Andersen's world	77
<i>Karavaeva V. G.</i>	Corpus-based discourse analysis of connected speech phenomena in typologically diverse languages	87
<i>Musaeva E. G.</i>	British plosives duration patterns in political speech	104
<i>Protsukovich E. A., Ivanashko Yu. P., Protsukovich A. A.</i>	Consonant clusters in Russian speech of an Ust-Nyukzha Evenki speaker	116
<i>Streke Ya. V.</i>	Perceptual features of weak forms of words in sociopolitical discourse	127
<i>Streltsov A. A.</i>	A threat letter in a story "The Ransom of the Red Chief" by O'Henry: A comparative analysis of translations from English into Russian	137
<i>Sypacheva K. N., Shamina E. A.</i>	The perception approach to the study of UpTalk in contemporary English	150
<i>Urtegeshev N. S.</i>	Articulatory and acoustic cues of softness in consonants of s- and z-type	167
<i>Shekhovskaya J. A., Fedulenkova T. N.</i>	Allomorphy and isomorphy in somatic metaphor of English and Russian (Based on political discourse)	180
<i>Malakhova E. V., Shustova S. V.</i>	Actualization of the MIGRANT concept in the minds of native Russian speakers	190

Reviews

<i>Sigaev A. S., Fedulenkova T. N.</i>	From metalanguage to hybrid genres of academic discourse. Review of the book by Suleymanova O. A., Fomina M. A., & Tivyaeva I. V. Principles and methods of language studies: A coursebook. Moscow: Yazyki narodov mira Press, 2020. 352 p.	201
Our authors		206

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 11, No 3, 2025.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 19.09.2025. Подписано к печати 18.09.2025. Дата выхода в свет 30.09.2025.

Редактор – С. В. Андросова.

Корректор – П. Е. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, Е. Е. Андросова.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 1000. Заказ 305. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.